КТО РАЗВЯЗАЛ ПЕРВУЮ МИРОВУЮ

Тайна сараевского убийства

ХХ военные тайны века

С. ФЕЙ

Annotation

28 июня 1914 года в центре боснийского города Сараево были убиты наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд и его жена. Покушение повлекло за собой цепь событий, которые через месяц ввергли все ведущие государства мира в затяжную войну, похоронившую старую патриархальную Европу. Несмотря на то что детали убийства Франца-Фердинанда досконально известны исследователям, с ним связано огромное количество «белых пятен». До сих пор непонятно, кто все-таки подталкивал «Черную руку», по какой причине в Сараеве не были предприняты минимальные меры безопасности и, наконец, кому было выгодно нарушить покой «старушки-Европы».

- Кто развязал Первую мировую. Тайна сараевского убийства
  -
  - Предисловие
  - Сидней Фей. Убийство в Сараеве 28 июня 1914 года
    - I. Эрцгерцог франц-фердинанд
      -
      - Франц-Фердинанд и армия
      - Франц-Фердинанд и флот
      - Политические взгляды Франца-Фердинанда
      - Брак Франца-Фердинанда
      - Свидание в Конопиште – легенда и факты
      - Поездка в Сараево
    - II. Заговор
      - Организаторы заговора
      - «Народна Одбрана»
      - «Черная рука»
      - Революционное движение в Боснии
      - Подготовка заговора в Белграде
      - Переезд убийц из Белграда в Сараево
      - Убийство 28 июня 1914 года
    - III. Ответственность за сараевское убийство
      -

        - Побуждения, которыми руководствовались убийцы
        - «Свора убийц» и австрийская «халатность»
        - Пашич, «Народна Одбрана» и «Черная рука»
        - Сербия допустила небрежность, не арестовав заговорщиков
        - Действительно ли Сербия «предостерегала» Австрию?
    - IV. Подготовка австрийского ультиматума
        -
        - Император Франц-Иосиф
        - Мирная программа Тиссы
        - Обращение Берхтольда к Германии за поддержкой
        - Выводы относительно позиции Германии 5 и 6 июля
        - Старания Берхтольда переубедить Тиссу
        - Доклад Визнера от 13 июля
        - Тисса меняет свое мнение
        - Старания Австрии обмануть Европу
    - V. Ультиматум
        - Составление окончательного текста ультиматума
        - Что знала Германия об ультиматуме
        - Содержание австрийского ультиматума
    - VI. Ответ Сербии
        - Первая реакция на убийство
        - Составление сербского ответа
        - Сущность сербского ответа
        - Разрыв дипломатических отношений между Австрией и Сербией
        - Мобилизация и война
- Граф Оттокар Чернин. Эрцгерцог Франц-Фердинанд[97]
- Максимилиан Ронге. Сараевское убийство и австрийская разведка[101]
- У. Готлиб. Австро-Венгрия, Сараево и война с Сербией[102]
    - Двуединая монархия и югославы
    - Сараево и война с Сербией
    - Габсбургский империализм на Балканах
- Владислав Гончаров. Падение Сербии, Салоникский процесс и судьба «Черной руки»

        -
        - Основная литература:
    - Вместо послесловия
        - Крушение Австро-Венгрии в 1918 году
            -
            - Основная литература:
    - Вкладка
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29

- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66

- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103

- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140

- 141
- 142

Кто развязал Первую мировую. Тайна сараевского убийства

Предисловие

Сараевское убийство 28 июня 1914 года стало одним из ключевых событий мировой истории XX века.

Можно долго спорить, действительно ли именно оно вызвало Великую войну или мировой кризис был неизбежен, а выстрелы Гаврилы Принципа лишь обрушили давно назревавшую лавину. Но убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда стало событием не столько истории, сколько культуры, оно приобрело символическое значение, сделавшись олицетворением этого кризиса и знаком крушения устоявшегося мирового порядка. Этими выстрелами кончился XIX век – век разума, просвещения и конституционных монархий. Начался XX век – век мировых войн, великих революций, массовых убийств, жестоких диктатур и терроризма, принявшего государственные масштабы.

За этими событиями как-то стерлись, отступили на второй план, были опошлены и даже обсмеяны личности главных героев сараевской трагедии. Что мы в первую очередь вспомним, когда речь заходит о них? Скорее всего, слова бравого солдата Швейка: «Стало быть, убили Фердинанда-то нашего?»

И наследник австрийского престола, и сербский студент стали едва ли не фольклорными персонажами, из трагических фигур превратившись в комические. Однако кем они были на самом деле? Что двигало людьми, готовившими бомбы и револьверы для покушения? Кто стоял за их спинами и направлял их руку? На ком лежит ответственность за покушение – и кто виновен в том, что этот террористический акт повлек за собой столь страшные последствия? Какова была истинная роль сараевского убийства в развязывании мировой войны, какие усилия предпринимались для предотвращения катастрофы и можно ли было ее избежать?

На все эти вопросы большинство исследователей Первой мировой войны не дают никаких ответов либо отделываются общими фразами о «противоречиях империализма», «германской агрессивности», «российском коварстве» и т. д. – в зависимости от того, к какой стране или какому политическому течению принадлежит тот или иной историк. Большинство из них гораздо более увлечены анализом

геополитических стратегий Германии, Франции или России, разбором «плана Шлиффена», сравнением численности пехотных дивизий или подсчетом дредноутов, заложенных на верфях Портсмута, Лориана, Киля или Николаева.

Безусловно, это темы нужные, важные, а главное – крайне интересные. Однако те дредноуты давно уже сданы на слом, «план Шлиффена» отправлен в архив, геополитические расклады успели перемениться несколько раз. А вот терроризм процветает до сих пор – в том числе и на Балканах, где почти век назад вспыхнул пожар первой из мировых войн.

Что же стало причиной этого пожара – бессмысленный фанатизм революционной молодежи, коварный заговор тайной организации под зловещим названием «Черная рука» или провокационная политика двуединой монархии? Какую роль в событиях сыграли террористы из «Молодой Боснии» и кто стоял за их спиной? По крайней, мере часть ответов на эти вопросы дает настоящий сборник.

Основой его стали избранные главы из фундаментальной работы американского историка-ревизиониста Сиднея Фея «Происхождение мировой войны». Этот двухтомный труд увидел свет в 1926 году и с небольшими дополнениями был переиздан в 1929 году. В 1934 году он был переведен на русский язык и вышел в «Соцэкгизе» под редакцией и с предисловием А. Ерусалимского, впоследствии ставшего видным советским историком и крупным специалистом по Германии конца XIX – начала XX века.

Сидней Фей симпатизировал Германии и в своем исследовании стремился доказать ее невиновность в развязывании мировой войны. Но он собрал богатый материал, посвященный тайной дипломатии сторон конфликта и обладающий самостоятельной ценностью, вне зависимости от сопровождающей его трактовки. Фей проанализировал массу мемуарных и документальных источников – в том числе и посвященных сараевскому убийству и вызванному им дипломатическому противостоянию Австрии и Сербии; он дает подробнейшую картину тех событий, что происходили в июне и июле 1914 года в Вене, Будапеште, Белграде, Сараеве, Берлине, Лондоне и Петербурге и завершились объявлением войны Сербии 28 июля 1914 года.

Американский историк детально разбирает вопрос об ответственности за убийство и за последующие события. Его выводы могут показаться странными чересчур и противоречивыми – по сути, главными виновниками войны у него оказываются сербское правительство, не предпринявшее должных мер для предотвращения убийства, и коварный австрийский министр иностранных дел, ухитрившийся обмануть сразу двух императоров.

Но при этом Фей в своей работе дает детальное описание хода событий. Фактически он проводит собственное расследование сараевского преступления, проверяя версию за версией, сопоставляя показания свидетелей, выявляя факты и подробности, на которые другие историки не обращали внимание или даже сознательно пытались скрыть. В этом расследовании Фей честно старается быть объективным, пусть это и не всегда у него получается. Но главное – он дает нам портреты основных действующих лиц трагедии; быть может, не совсем объективные или искаженные пристрастностью авторской позиции, они все же выглядят куда более живыми и полнокровными, чем безликие имена со страниц учебника истории.

Главы из воспоминаний Оттокара Чернина, члена верхней палаты австрийского парламента, а впоследствии – министра иностранных дел двуединой монархии, хорошо дополняют «личностную» составляющую книги Фея. Чернин рисует подробный портрет убитого эрцгерцога – быть может, также несколько пристрастный, но очень яркий. Фрагменты из мемуаров Максимилиана Ронге, руководителя контрразведки австрийского Генерального штаба, обращают внимание на другую сторону событий – разведывательно-диверсионную работу австрийских спецслужб на Балканах летом 1914 года. Они дают серьезное опровержение тезисов Фея, убежденного (и пытавшегося убедить читателей), что террористическая деятельность в этом регионе велась лишь революционными фанатиками и сторонниками «Великой Сербии».

В качестве антитезы построениям Фея сюда же помещены и главы из работы У. Готлиба «Тайная дипломатия во время Первой мировой войны», посвященные австро-сербским противоречиям. Готлиб, английский историк левого направления, явно сочувствует Сербии и дает нам картину ситуации на Балканах, какой она виделась с сербской

стороны. Кроме того, он демонстрирует объективные экономические и геополитические пружины балканского конфликта, которые Фей в своем расследовании упустил или не посчитал нужным проанализировать.

Впрочем, ни одна из работ сборника все-таки не дает ответа на главный вопрос. В чем причины балканского терроризма и терроризма вообще? Какие социальные и психологические механизмы порождают фанатиков, с легкостью находящих повод для ненависти и во имя этой ненависти готовых убивать так же легко, как и умирать?

Кем были Принцип, Габринович и их товарищи – кровожадными злодеями или несчастными жертвами? И что надо сделать, чтобы такие жертвы не появлялись впредь – ни поодиночке, ни в виде партий, организаций либо целых повстанческих армий?

Увы, ответы на все эти вопросы нам еще предстоит найти.

Владислав Гончаров

Сидней Фей. Убийство в Сараеве 28 июня 1914 года

I. Эрцгерцог франц-фердинанд

Эрцгерцог Франц-Фердинанд, после смерти своего отца Карла-Людвига в 1896 году ставший наследником австрийского престола, был при жизни и остался после смерти одной из самых загадочных политических фигур. Сами австрийцы высказывают самые противоречивые взгляды относительно предполагаемых намерений и влияния этого сфинкса. Многие считали его главою австрийских милитаристов, добивавшихся превентивной войны против Италии или Сербии; другие, наоборот, полагали, что его непосредственное влияние на австрийскую политику было невелико. Находились и такие, которые считали, что наследник престола был чуть ли не пацифистом.

Такое же расхождение наблюдалось и в отношении его взглядов на внутреннюю политику. Обыкновенно считали что он ненавидел мадьяр и склонен был покровительствовать сербам. Ему приписывали намерение возрождения монархии путем предоставления славянским национальностям таких же политических прав, какими немцы пользовались в Австрии и мадьяры в Венгрии. Другими словами, его считали сторонником федералистической организации монархии на началах так называемого триализма, вместо существовавшего дуализма.

Но фанатически настроенные сербы питали к нему слепую ненависть как к могущественному и решительному врагу и угнетателю и считали, что его следует убить во имя создания «Великой Сербии». И действительно, на процессе сараевских убийц в 1914 году Габринович, который бросил бомбу, откровенно заявил: «Наследник престола был человеком действия – я знал, что на Баальплаце существовала клика, именуемая военной партией, целью которой было завоевание Сербии. Во главе ее стоял наследник престола. Я полагал, что, избрав его объектом мести, я отомщу им всем»[1]. Принцип, произведший роковые выстрелы, вызывающе заявил на суде: «Я нисколько не жалею, ибо я устранил препятствие с нашего пути. Он был немцем и врагом южных славян».

Русские тоже считали его своим врагом и были рады, что царь избавился от него благодаря сараевскому убийству. «Не только в печати, но и в обществе приходится слышать почти одни враждебные отзывы

об убитом эрцгерцоге; указывают, что Россия потеряла в его лице ожесточенного врага», – доносил германский посол из Петербурга. Между тем германский император написал на полях этого доклада одну из тех пометок, в которых он свободно выражал свои сокровенные мысли и непосредственные впечатления: «Эрцгерцог был лучшим другом России, он желал возродить союз трех императоров».

Но ошибочные и противоречивые суждения об эрцгерцоге, распространенные при его жизни, ничто в сравнении с тем, что высказывали о нем после его смерти. Говорили, что он затевал заговор с целью свергнуть с престола своего дядю, что он в союзе с императором Вильгельмом хотел разрушить двуединую монархию, захватить Польшу и Венецию и создать два новых государства, которыми должны были править впоследствии его сыновья, зато немецкая Австрия должна была отойти Германской империи в награду за услуги, оказанные императором Вильгельмом. Делались темные намеки, что его трагическая смерть была вызвана попустительством со стороны австрийских властей, которые желали предотвратить осуществление этих пугавших их намерений или по крайней мере хотели скомпрометировать Сербию и, таким образом, получить предлог для уничтожения соседнего королевства. По другим слухам, его убийство было вызвано тем, что, будучи ревностным католиком, он собирался напасть на Италию и восстановить светскую власть Папы. Один весьма популярный германский автор посвятил полглавы своей книги доказательству того, что убийство эрцгерцога было решено масонами шотландской ложи, которая это свое постановление проводила в жизнь через масонскую ложу в Белграде.

Но где же среди этих противоречивых сплетен и слухов правда об этом таинственном человеке, смерть которого послужила искрой, зажегшей европейский пожар?

Франц-Фердинанд родился 18 декабря 1863 года и был старшим сыном Карла-Людвига, брата императора Франца-Иосифа. Его чахоточная мать, дочь Фердинанда II, последнего короля обеих Сицилии из династии Бурбонов, умерла, когда он был еще ребенком, но его с большой любовью воспитала его мачеха, португальская принцесса. Когда он был молодым, на него не смотрели, как на возможного наследника престола, пока трагическая смерть кронпринца

Рудольфа в Меерлинге в 1889 году не оставила Франца-Иосифа без прямого наследника по мужской линии.

Поэтому Франц-Фердинанд сначала не получил никакой подготовки в политических вопросах. Как большинство австрийских эрцгерцогов, он был определен в армию и предназначался для военной карьеры. Он никогда не отличался особенно крепким здоровьем, может быть, вследствие предрасположения к чахотке, унаследованного им от матери. Порою это предрасположение принимало угрожающий характер, и ему не раз приходилось проводить по несколько месяцев в Бриони или в Мирамаре, на теплых берегах Адриатики. Здесь он сильно заинтересовался проблемой создания австрийского флота. Для поправки здоровья он ездил также в Швейцарию, в Давос, а в 1892–1893 годах предпринял продолжавшееся 10 месяцев кругосветное путешествие. В роковую весну 1914 года некоторые предсказывали, что престарелый император, которому минуло 84 года, еще переживет своего племянника, только что перешагнувшего за 50 лет.

Больные легкие, по-видимому, повлияли до некоторой степени на образ жизни и характер Франца-Фердинанда. Болезненное состояние не действовало смягчающе на его нрав. Ему казалось, что судьба обошлась с ним несправедливо, и это развило в нем стремление избегать общество. Нескрываемая поспешность, с которой многие, особенно из придворного круга, покинули эрцгерцога, когда наследник серьезно заболел и казалось, что он уже не сумеет занять престол, ожесточила его, хотя и без того по природе он не был приветлив. У него еще более развились недоверие к окружающим и презрение к людям вообще.

Возможно также, что болезненное состояние еще укрепило его глубокую преданность католической церкви – особенно после того, как он женился на ревностной католичке. И это усилило в нем железную решимость преодолеть все препятствия и подготовиться к делу управления государством Габсбургов. Он изучил языки национальностей, которыми ему предстояло управлять. Он слушал также лекции ученых по разным областям знания, и с течением времени из его коллекций по естествознанию и искусству образовался довольно внушительный музей. Вопросами организации и усовершенствования армии, а впоследствии и создания флота он занимался с настойчивой энергией и проявлял недюжинные способности в этой области.

После того как эрцгерцог женился и должен был заботиться о семье, он значительную часть года проводил в Коношипте, где создал образцовое хозяйство, которое, подобно Валленштейну, вел с довольно большой для себя выгодой. Возможно, что эта твердая решимость жить способствовала тому, что за последние годы его здоровье несколько окрепло. Но ему никогда не удавалось освободиться от желания держаться подальше от общества и от широкой публики.

У него было очень мало близких друзей, он и не пытался приобретать их. В этом отношении весьма характерно замечание, высказанное им Конраду фон Хетцендорфу. Речь шла о том, как следует организовать производство офицеров в армии. Начальник Главного штаба сказал, что считает нужным держаться хорошего мнения о человеке, пока не узнает о нем что-нибудь порочащее его, и что поэтому иногда слишком опрометчиво давал повышения молодым офицерам. Эрцгерцог ответил на это: «Мы держимся разных взглядов. Вы начинаете с того, что считаете каждого человека ангелом, и потом вас ждет печальное разочарование. Я считаю всякого, кого вижу в первый раз, самым посредственным субъектом и жду, пока он сделает что-нибудь такое, чем мог бы заслужить у меня лучшее мнение».

При таком отношении к людям трудно было, конечно, приобрести хорошую репутацию, этим отчасти можно объяснить враждебные и злорадные сплетни, так широко циркулировавшие в Вене относительно эрцгерцога и его жены и повторявшиеся во многих донесениях представителей держав Согласия. Но те немногие друзья, с которыми он был близок, которые видели его сидящим на полу и играющим с детьми, как его секретари или император Вильгельм, были глубоко ему преданы.

Франц-Фердинанд и армия

Франц-Фердинанд сосредоточил все свои заботы на армии, флоте и семье; наряду с этим он увлекался охотой, коллекционерством и управлением своим имением.

С 1906 году, с тех пор как личным адъютантом эрцгерцога был назначен майор Брош, эрцгерцог стал непосредственно входить в дела армии. Брош был чрезвычайно умным и способным офицером; он стремился усилить свое собственное влияние, а также и влияние

эрцгерцога на военные дела. После долгого сопротивления ему удалось добиться устройства собственной военной канцелярии эрцгерцога, подобно той, какую имел император. С этого времени все важнейшие военные документы, а также донесения военных атташе представлялись в двух экземплярах, и Франц-Фердинанд получал свой экземпляр одновременно с императором; таким образом, племянник был так же осведомлен, как и дядя.

Вскоре он стал принимать более деятельное участие в военных реформах и в реорганизации армии, чем сам император. О его активности в этой области свидетельствует то, что штат его военной канцелярии очень скоро разросся, увеличившись с 2 до 14 человек, так что он был только на 2 человека меньше, чем канцелярия самого императора.

Франц-Фердинанд рассматривал австро-венгерскую армию как важное орудие политического объединения, способное противодействовать разлагающим элементам внутри двуединой монархии и защитить ее в случае войны с внешним врагом. Он настаивал, чтобы в армии был один общий язык командования – немецкий, по крайней мере для всех офицеров, с тем чтобы офицеры в полках других национальностей владели также тем языком, на котором говорили их солдаты.

Одной из главных его задач было усиление и увеличение армии. Этим объясняется ненависть, с которой он относился к мадьярским политикам, не желавшим вотировать испрашиваемые военные кредиты и требовавшим, чтобы в венгерской части армии командовали на мадьярском языке. Как остро ощущал Франц-Фердинанд необходимость увеличения армии, видно из характерного письма его Конраду фон Хетцендорфу, где он жалуется на отказ мадьяр вотировать новые налоги на увеличение числа венгерских рекрутов:

> *«Вы можете себе представить, дорогой Конрад, в какое состояние бешенства и отчаяния это меня привело, в особенности в связи с позицией, занятой военным министром [Шейнахом] и общими их [австрийским и венгерским] правительствами! С одной стороны, они возвещают всему миру, что у них есть излишек в 200 млн крон, ассигнуют 20 млн гражданским чиновникам и столько же железнодорожным служащим, но не могут дать каких-*

нибудь жалких 9 млн бедным армейским офицерам. И все это из-за нескольких изменнически настроенных венгерских политических болтунов. Ясно, что все это только предлог. Главная причина в том, что монархия – в руках евреев, масонов, социалистов и венгерцев, которые ею правят. Все эти элементы стараются возбудить в армии и среди офицеров недовольство, оскорбляют их для того, чтобы в тот момент, когда армия понадобится мне, я бы не мог на нее рассчитывать… Знаете, что я сделаю, когда стану императором? Я позову к себе Векерле, Века, Зикгарта и Шейнаха и скажу им: „Я вас всех к черту пошлю, если в течение недели не будут увеличены число рекрутов и жалованье офицерам моей армии!" И я ручаюсь, что я получу все это в 24 часа».

Наиболее важным шагом в энергичных усилиях Франца-Фердинанда, направленных на улучшение армии, было поставленное им в 1906 году требование о назначении нового начальника Генерального штаба. Бека, который в то время занимал это место, военные специалисты считали совершенно не пригодным для такой должности. Это был сморщенный старичок, принадлежавший к тому же поколению, что и престарелый император. Время, когда он мог быть полезен, давно уже миновало, но Франц-Иосиф по своему мягкосердечию ни за что не хотел его уволить. «Можно было видеть, как он прогуливается по улицам Вены. Он напоминал наружностью добродушную маленькую обезьянку и представлял собой воплощение полного военного бессилия», – пишет Каннер в «Катастрофе императорской политики».

Но Бек был честный, прямой офицер и чрезвычайно симпатичный человек; с ним легко было иметь дело, и он пользовался известной популярностью. Он и тщательно подобранный им офицерский корпус воплощали рыцарское достоинство и корпоративный дух лучшего старого венского общества. Франц-Иосиф считал их главной опорой своего трона, унаследованного от предков. Забота о постижении практических результатов не нарушала их спокойствия и рутины, их идеалом было постепенное развитие оборонительных сил Австрии в их естественной эволюции. Благодаря взаимному доверию и дружеским

отношениям с императором Бек смог удержаться во главе австрийского Генерального штаба в течение 24 лет.

Несмотря на преклонный возраст, можно сказать – даже дряхлость, Бек все еще оставался ревностным служакой. У себя на родине, в Бадене, он был воспитан в духе германской пунктуальности. Его осторожная консервативная политика бездействия в известной мере благоприятствовала делу европейского мира. Поэтому никто не решался настаивать на отставке старого начальника Генерального штаба, пока Франц-Фердинанд не потребовал, чтобы на его место назначили другого. Император в конце концов уступил, и в ноябре 1906 года в военном управлении в Вене появился новый начальник Генерального штаба – Конрад фон Хетцендорф.

Назначение Конрада на высший пост в австрийской армии совпало с переменами в Министерстве иностранных дел. Робкий поляк граф Голуховский был заменен честолюбивым аристократом, бароном Эренталем. Вскоре стало ясно, что в австрийской внешней политике началась новая эра – более агрессивных и смелых выступлений.

У власти стали люди, которые считали, что Австрия последовательно идет к распаду и что в наступивший грозный одиннадцатый час нужно приложить отчаянные усилия, чтобы влить новые силы и жизнь в ее политический организм и парализовать тенденции к распаду, порождаемые вожделениями национальностей, находившихся в подчиненном положении. Указывали, что Австрия находится в состоянии такого же упадка, как и Турция. Не правительство Оттоманской империи, а империя Габсбургов оказалась «больным человеком Европы»[2]. Конрад и Эренталь очутились в роди докторов, которым предстояло испробовать радикальные средства для того, чтобы спасти пациента от смерти. К несчастью больного, доктора коренным образом расходились в диагнозе и методах лечения, как это часто бывает с врачами, да и недолюбливали друг друга.

Назначение Конрада на должность начальника Генерального штаба, совершившееся по настоянию наследника и с согласия императора, в сущности, было не по душе Францу-Иосифу. Престарелый монарх чрезвычайно гордился старой армией, во главе которой сражался так много лет, и теперь он испытывал недовольство по поводу стремительных перемен и реформ, которые вводил Конрад. Последний с большой самоуверенностью настаивал на том, что

маневры должны по возможности приближаться к условиям настоящей войны, а также желал воспользоваться первой возможностью для превентивной войны с Италией и Сербией. На Рождество 1906 года, всего лишь через месяц после назначения Конрада, престарелый император с неудовольствием заметил: «Конрад – неугомонный организатор. У него нет достаточного опыта. Это видно по всему, что он делает, и, кроме того, мне кажется, что у него несчастливая рука».

С течением времени недоверие, которое испытывал император по отношению к новым порядкам, вызвало отчуждение между ним и армией, с которой он был связан всю свою жизнь. Это еще больше омрачило последние годы жизни этого самого одинокого и несчастного представителя династии Габсбургов. Тактика Конрада – проводить ежегодно большие «маневры, приближающиеся к условиям настоящей войны», без заранее тщательно подготовленных планов и с предоставлением офицерам возможности проявить инициативу и самодеятельность – часто приводила к самым печальным результатам. Главное значение придавалось быстрому наступлению, и солдат буквально доводили до изнеможения форсированными переходами.

Нередко они приходили к месту назначения совершенно вымотанными, в полном беспорядке, слишком утомленные и голодные, чтобы обращать внимание на что бы то ни было, даже на своего короля и императора. Проезжая по полю, Франц-Иосиф видел сотни солдат, лежавших смертельно уставшими в канавах вдоль дороги; кавалерия и пушки были разбросаны по полям, оттого что лошади легли от изнеможения. Весь этот режим, заведенный Конрадом, коренным образом отличался от декоративных и полных достоинства маневров старого Бека, у которого императора приветствовали тщательно выстроенные ряды солдат, почтительно салютовавшие ему, когда он объезжал фронт.

Престарелого императора чрезвычайно огорчало то, что он видел, и хотя он не склонен был находить ошибки и критиковать, тем не менее однажды при посещении им германского императора в 1909 году он дал волю своим чувствам. Передним как раз проходил германский полк в идеальном порядке, со строжайшим соблюдением дисциплины. Франц-Иосиф обернулся к одному из своих офицеров и резко сказал: «Почему это совершенно не возможно у нас?» Офицер пожал плечами, а император еще более огорченным тоном продолжал: «Ну конечно, из-за

нелепых приемов, которые теперь у нас завелись, я и мечтать не могу о таком параде».

Конрад действительно вызвал отчуждение между армией и императором. После 1909 года Франц-Иосиф утратил охоту бывать на маневрах, которые раньше доставляли ему всегда особенное удовольствие. Вместо себя он посылал своего племянника. В качестве такого представителя Франц-Фердинанд и отправился в 1914 году в Сараево, чтобы присутствовать на маневрах нескольких армейских корпусов.

То обстоятельство, что Конрада выбрал Франц-Фердинанд, который добился его назначения и поддерживал с ним интимные отношения, было одной из причин, почему между императором и наследником престола не могли установиться сердечные отношения. Это было также одной из причин, почему полагали – особенно враги Австрии, – что Франц-Фердинанд придерживался таких же милитаристских взглядов, как и Конрад, который во всеуслышание провозглашал их в своих докладных записках, в интервью и в разговорах в кафе.

Правда, наследник, если не считать случайных вспышек раздражения, всегда поддерживал Конрада, невзирая на критику и завистливую оппозицию, которую встречал новый начальник Генерального штаба. Когда в ноябре 1911 года Конрад оказался вынужденным подать в отставку вследствие столкновений с Эренталем и Шейнахом по вопросам внешней и военной политики, Франц-Фердинанд добился в следующем году его возвращения на этот пост.

Вследствие отсутствия достоверных сведений публика, естественно, склонна была отождествлять покровителя с его протеже. Но было бы неправильно причислять Франца-Фердинанда к австрийским милитаристам и полагать, что он разделял взгляды начальника Генерального штаба относительно маневров, превентивной войны и агрессивной внешней политики. Эрцгерцог, безусловно, не одобрял того напряженного темпа, в котором проходили маневры у Конрада. Он воспользовался своим влиянием для того, чтобы внести некоторую умеренность в это дело после печальных результатов маневров в Мезерице в 1910 году, когда он воскликнул: «Нет надобности учить солдат умирать, маневры меньше всего предназначены для этого!»

Когда аннексионный кризис достиг своего максимального напряжения и Австрия и Сербия готовились к войне, более осторожный наследник престола оказывал противодействие австрийским милитаристам, добивавшимся немедленной войны с Сербией, что могло повлечь за собой войну с Россией. Он стоял за мирную ликвидацию кризиса. Впоследствии, во время первой Балканской войны, когда панслависты и военная партия в России заняли весьма угрожающую позицию по отношению к Австрии, Конрад, как всегда, настаивал, на том, чтобы немедленно рассчитаться с Сербией, не останавливаясь даже перед риском войны с Россией. Но Франц-Фердинанд решительным образом воспротивился этому и настаивал, чтобы в интересах мира военные силы Австрии были сокращены. «Он ни в коем случае не желает войны с Россией и ни за что не согласится на нее; он не желает отнять у Сербии ни одного сливового дерева, ни одной овцы; он слышать об этом не хочет»[3]. Германскому военному атташе он сказал: война с Россией была бы полной нелепостью, потому что для нее нет никакого основания и она ничего не может дать. Он сказал также, что он против конфликта с Сербией и что, по его мнению, внутренние проблемы Австро-Венгрии более настоятельно требуют разрешения, чем внешние.

В беседе с Конрадом эрцгерцог подчеркнул, что руководящей идеей должно быть сотрудничество Германии, России и Австро-Венгрии, прежде всего в силу монархических интересов. И он добавил: «Возможно, что придется предпринять какие-нибудь шаги против Сербии, но только для того, чтобы ее наказать; ни в коем случае не следует аннексировать хотя бы один километр… Войны с Россией надо избегать, потому что Франция к ней подстрекает, особенно французские масоны и антимонархисты, которые стремятся вызвать революцию, чтобы свергнуть монархов с их тронов!» Он обратил внимание Конрада на письмо германского императора, который высказывал такое же мнение, поэтому он твердо решил – «никакой войны!»[4] Из этого видно, что эрцгерцог и германский император – оба были против войны с Россией и склонялись к старой политике лиги трех императоров для обороны против Франции и для защиты монархических интересов.

Месяц спустя Франц-Фердинанд послал к Конраду полковника Бардольфа – предупредить его, чтобы он перестал склонять Берхтольда

к войне. Ответ Конрада показывает, до какой степени неправильно общераспространенное представление, будто германский император всегда поддерживал австрийскую агрессивную политику на Балканах:

> *«Я хочу, чтобы эрцгерцог сам не так поддавался влиянию германского императора. Он удержал нас в 1909 году, а теперь он снова хватает нас за руку. Это результаты нашей совершенно безуспешной политики по отношению к Турции. Я убежден, что немцы равнодушны к нашим интересам, но нам нужно о них думать. Германия спокойно использует нас, потому что этим она лучше обеспечивает себя против Франции, которой она боится больше всего, но в случае надобности она готова пожертвовать нами».*

Поэтому Конрад подумывал даже о том, чтобы отказаться от поста начальника Генерального штаба, не желая нести ответственность за упущенную возможность покончить с Сербией.

Осенью 1913 года, когда Сербия бросила вызов державам, отказавшимся признать албанскую границу, установленную на Лондонской конференции, Конрад снова настаивал на военном выступлении Австрии в защиту Албании. Берхтольд медлил. Тогда Конрад переговорил с Форгачем; граф Форгач согласился с тем, что решительная интервенция была бы самым лучшим выходом из положения, но он уже не надеялся, что этого можно добиться. «Император и наследник престола – сказал он, – против этого, а Берхтольд не станет их принуждать». Несколько дней спустя Чернин тоже сказал Конраду: «У нас в Австрии мы должны считаться с императором и наследником престола, которые не склонны к войне, особенно наследник; он безрассудно цепляется за мир».

К Италии Франц-Фердинанд всегда питал сильную антипатию и глубокое недоверие: отчасти это вызывалось политической неприязнью к стране, которая захватила его фамильные земли в Модене и Эстэ, отчасти тут действовала ханжеская религиозная антипатия к государству, которое лишило Папу светской власти и которым, казалось, управляли масоны и антиклерикалы; отчасти действовало и то, что он – не без основания – подозревал итальянскую дипломатию в двуличии. Тем не менее он отказался поддержать Конрада в его неоднократных попытках затеять превентивную войну с Италией –

сначала в 1907-м, а потом в 1911 году, когда Италия начала войну с Турцией.

Совершенно неправильно изображать Франца-Фердинанда как неукротимого представителя крайнего австрийского милитаризма. Это легенда, возникшая уже после начала войны. Эрцгерцог принадлежал к числу тех, которые следовали правилу: si vis pacem, para bellum (если хочешь мира, готовь войну). Но в отличие от многих сторонников этого правила он не принадлежал к числу людей, которые могли поддаться желанию затеять войну и пустить в ход военную машину, созданную для сохранения мира. Барон Силаси, либеральный венгерский магнат, занявший в декабре 1913 года пост австрийского посла в Афинах, писал:

> *«За два дня до моего отъезда пригласил меня к себе и обсуждал со мной международное положение. Он, по-видимому, был настроен также миролюбиво, как и его дядя, император, и желал соглашения с Россией. Вполне возможно, что он желал в будущем осуществления югославянских стремлений в рамках монархии и сурово критиковал политику Тиссы, который делал невозможным улучшение отношений с Сербией и Румынией».*

Если бы в июле 1914 года Франц-Фердинанд был жив, он, весьма возможно, использовал бы свое влияние и свой авторитет для того, чтобы помешать Конраду и Берхтольду вести ту безумную политику, которая привела к мировой войне.

Франц-Фердинанд и флот

Был еще один вопрос, в котором Франц-Фердинанд и Конрад не сходились во взглядах, – это вопрос об австрийском флоте. К концу XIX столетия у Австрии почти не было флота. Франц-Фердинанд благодаря своей огромной энергии и проявленному им интересу создал совершенно новый флот: он надеялся, что австрийский флот будет служить противовесом итальянскому в Адриатическом и Средиземном морях. До него господствовало мнение, что интересы Австрии – чисто континентального характера и что всякое столкновение с иностранной державой будет в конечном счете, разрешено сухопутной армией.

Поэтому деньги надлежало тратить на армию, а не на флот, который рассматривался как роскошь. Считали, что монархия Габсбургов не располагает достаточными средствами, чтобы содержать надлежащую армию и одновременно создать флот, который был бы в состоянии померяться силами хотя бы с итальянским; не говоря уже о крупных морских силах, которые сосредоточили в Средиземном море Франция и Англия. Конрад придерживался старого образа мыслей. При той болезненной подозрительности, которую начальник Генерального штаба питал в отношении Италии, он, конечно же, приветствовал бы развитие австрийского флота, если бы только оно могло совершаться без всякого ущерба для интересов армии. Но когда парламент чинил затруднения при ассигновании средств и приходилось выбирать между абсолютно необходимыми, с его точки зрения, требованиями армии и вполне похвальным желанием создать флот, он обыкновенно использовал все свое влияние в пользу армии. Точно так же он ревниво сопротивлялся набору рекрутов для флота за счет армии.

Император Франц-Иосиф обнаруживал еще меньше интереса к вопросу о флоте. Правда, в последние годы своей жизни он посещал верфи, присутствовал на морских маневрах, но делал это формально, только потому, что это входило в его обязанности монарха. Он мог простаивать чуть ли не часами на капитанском мостике – и не поднести ни разу морского бинокля к глазам. Он делал вид, что с интересом следит за маневрами, но люди, близкие к нему, отмечали, что он ни разу не задал ни одного нужного вопроса, касающегося морского дела, никогда не проявлял никакого энтузиазма по отношению к флоту и никогда не носил морской формы; у него ее даже и не было, хотя он располагал обширным и весьма дорого обходившимся гардеробом, заполненным всевозможными военными мундирами.

Огромные военные суда XX столетия с их сложным соединением стали, пара и электричества были для него чужды и непонятны. Он и Бисмарк принадлежали к более старому поколению, которое чувствовало себя хорошо в генеральской форме и понимало, для чего нужна армия. А вот император Вильгельм и Франц-Фердинанд были людьми нового века, которые верили, что «будущее на воде». И действительно интерес к морскому делу был одним из тех моментов, которые сблизили германского императора с наследником австрийского престола. Несмотря на оппозицию, или по крайней мере отсутствие

всякого энтузиазма со стороны Конрада и императора, Францу-Фердинанду удалось к 1909 году довести австрийский флот до довольно внушительных размеров. Хотя по мощности он и был вдвое слабее итальянского, но хорошо держался во время войны и показал, что дух адмирала Тегетгофа еще не окончательно исчез.

Политические взгляды Франца-Фердинанда

В своих взглядах на внешнюю политику Франц-Фердинанд был солидарен с дядей и подобно ему считал двойственный союз с Германией краеугольным камнем австрийской политики. Это убеждение укреплялось у него еще больше личным уважением к Вильгельму II, который завоевал симпатию эрцгерцога большим тактом, проявленным по отношению к его жене. С Румынией Франц-Фердинанд старался укрепить лояльные союзные отношения. И он, и жена его были очарованы приемом, который оказали им король Кароль и королева Кармен-Сильва в июле 1909 года. Им чрезвычайно понравился простой образ жизни, который румынская королевская семья вела в своем летнем дворце в Синае, который так резко отличался от чопорного церемониала и душной придворной атмосферы венского двора. Эрцгерцог был тронут также тем искренним доброжелательством, с которым румынская королева старалась развлечь его графиню, приглашая ее на прогулки верхом и угощая чаем у себя на ферме. Он долго еще вспоминал об этом визите как об одном из самых счастливых моментов своей жизни.

Зато к Италии эрцгерцог относился с глубоким недоверием, хотя и считал неблагоразумным предпринимать превентивную войну для того, чтобы разоблачить сомнительную лояльность Италии по отношению к Тройственному союзу. Наоборот, он желал сохранить мир с Италией и по возможности поддержать с ней прочные отношения. Как к наследнику моденского герцога Франциска V к нему в 1875 году перешло состояние фамилии Эстэ, но он ничем не обнаруживал желания восстановить герцогскую власть, уничтоженную в 1859 году. Не желая задевать Савойскую династию, правившую в Италии, он никогда не носил ордена Черного Орла династии Эстэ, хотя к нему перешло по наследству от Франциска V звание гроссмейстера этого ордена.

С Россией Франц-Фердинанд желал поддерживать дружественные отношения. Будучи сам по натуре автократом, он восхищался самодержавным строем России в том виде, как он существовал до Русско-японской войны и Русской революции 1905 года, которые пошатнули царский трон. Зато впоследствии он разочаровался в прочности положения Николая II. Это, может быть, явилось одной из причин, почему он стремился установить более близкие личные отношения с императором Вильгельмом и румынским королем Каролем. По отношению к французам он не скрывал своей антипатии; он никогда не мог забыть унижения, причиненного Австрии Наполеоном I, и считал Наполеона III ответственным за унижение Австрии в XIX столетии. К Великобритании он, наоборот, относился с уважением, и одно время ходили даже слухи, что он не прочь был жениться на принцессе Марии. Таковы были взгляды на внешнюю политику, приписываемые Францу Фердинанду людьми, хорошо его знавшими. У нас нет основания сомневаться в правильности их сообщений.

Что касается взглядов Франца-Фердинанда на внутренние и национальные проблемы империи Габсбургов, то здесь трудно сказать что-нибудь определенное. Люди, близкие к нему, например майор Брош или его личный секретарь Никич-Баулес, были убеждены, что если эрцгерцог взойдет на трон, то он освободит угнетенные национальности и попытается организовать монархию на федеративных началах, заменив существующий «дуализм» системой «триализма». Такое же мнение высказывалось почти во всех некрологах, посвященных эрцгерцогу в австрийской и германской прессе. Кое-какие признаки говорили в пользу такого предположения: энергичный характер эрцгерцога и его склонность к реформам, его отношения с императором Францем-Иосифом, внимательное изучение им национального вопроса и некоторые его проекты, опубликованные впоследствии.

Конечно, Франц-Фердинанд во многих отношениях был консерватором, как этого и следовало ожидать от человека, выросшего в традициях католической церкви. Но тем не менее свойства его характера делали его человеком, безусловно, способным предпринять реорганизацию монархии. У него не было склонности сохранять учреждения только потому, что они давно существуют. Наоборот, он

больше смотрел в будущее, чем оглядывался на прошлое, и был более склонен проводить реформы, соответствующие требованиям времени, чем сохранять то, что имеет за собой почтенную давность. При своей неугомонной энергии и железной воле он не выносил традиционного церемониала венского двора и устарелых методов австрийского административного аппарата, которым управляли преимущественно старцы, принадлежавшие скорее к поколению Франца-Иосифа, чем к XX веку.

Для его реформаторских тенденций было показательно, что под его влиянием престарелый Бек был заменен на посту начальника Генерального штаба Конрадом; это же влияние сказалось в организации армии и флота. Всюду, где он имел власть, он обнаруживал свое умение модернизировать и улучшать ту организацию, которая существовала до него. Это особенно ярко проявилось в преобразовании, которое он произвел в своих владениях в Конопиште: он превратил их в цветущие имения, а его садоводство славилось своими розами по всей Европе. Он любил делать все быстро, широко пользовался телеграфом и телефоном и выражал недовольство своим секретарям, если какое-нибудь дело оставалось не законченным у него на столе дольше суток. Во всем этом он был полной противоположностью своему престарелому дяде.

Франц-Иосиф был монархом божьей милостью в полном смысле этого слова. Он все еще правил или хотел править в патриархальном духе. Одним из его величайших недостатков было то, что он сам занимался всякими мелочами. Голова у него была до такой степени забита ими, что он не охватывал широких интересов монархии. Как это естественно в его возрасте, он был склонен больше жить прошлым, чем заглядывать в будущее. Он не решался производить никаких перемен в рутине старого габсбургского правительственного аппарата, даже если ему разъясняли, какие выгоды можно получить при применении современных методов.

Контраст между дядей и племянником проявился в одном инциденте, который имел место в 1911 году и был связан с управлением некоторыми семейными имениями Габсбургов, унаследованными от императрицы Марии-Терезии. Имущества эти управлялись на основании регламента, составленного еще полтораста лет назад и уже совершенно не пригодного для современных условий. Эрцгерцог тщательно занялся этим вопросом и позволил себе вручить императору

пространную докладную записку, в которой указывал, как необходимо реорганизовать управление этим фамильным имуществом. Административный персонал был слишком многочислен и нередко состоял из лиц неспособных, а иногда и нечестных. Эрцегерцог обстоятельно доказал, что сахарный завод в Гединге ежегодно теряет 200 тысяч крон вследствие нелепого контракта. Другое имение сдавалось в аренду из расчета 47 крон за акр, тогда как легко можно было получить от 70 до 80 крон; это тоже давало убыток приблизительно в 100 тысяч крон в год.

«Значительная часть семейных доменов сдается в аренду на большие сроки и за арендную плату, которая могла бы быть приемлема 40–50 лет назад, но которая сейчас просто смешна», – писал эрцгерцог. Поэтому он просил монарха рассмотреть весь вопрос в целях проведения хозяйственных реформ, соответствующих требованиям XX века. Император в течение нескольких недель не отвечал на это письмо. После того как ему несколько раз напомнили о нем, он наконец дает следующий характерный ответ:

> *«Я тщательно рассмотрел этот вопрос со всех сторон и пришел к выводу, что, как ответственный хранитель этого семейного имущества, я не могу допустить, чтобы с ним производились эксперименты, способные разрушить давно испытанную административную систему, которая так много лет действовала на пользу нашего имущества, не вызывая никакой критики».*

Этот пример хорошо показывает, как император Франц-Иосиф противился всяким новшествам и как, с другой стороны, его племянник обнаруживал склонность к энергичному проведению административных и политических реформ.

Франц-Фердинанд был хорошо осведомлен – в гораздо большей степени, чем император, – о том, какое резкое недовольство существует среди угнетенных национальностей империи. У него была одна характерная черта, весьма ценная у правителя, – он был готов и даже желал знакомиться с фактами, как они есть, хотя бы они были и неприятны. Хотя он обладал весьма раздражительным характером, но был более склонен изливать свое раздражение на людей, которых

подозревал в попытке обмануть его, чем на тех, которые говорили ему приятные истины.

Он старательно читал оппозиционные газеты и был поэтому хорошо осведомлен о настроении общественных кругов чехо-словаков, трансильванцев, хорватов и сербов, входивших в монархию Габсбургов. Он понимал, какие опасности угрожают в будущем, если не будут приняты меры для удовлетворения требований этих национальностей. Было хорошо известно, что он решительным образом осуждал угнетательскую политику, которой держались мадьярские магнаты, правившие Венгрией. Но об этом еще будет сказано несколько дальше, когда мы будем говорить о свидании в Конопиште.

Господствующие мадьярские и немецкие клики порицали его за стремление оказать поддержку малым нациям. Этот упрек делает честь уму и чувству справедливости эрцгерцога. И в этом он опять-таки отличался от престарелого императора. Франц-Иосиф склонен был к полумерам и компромиссам. Он считал себя самого автором австро-венгерского компромисса 1867 года и не помышлял об изменении его. Наоборот, Франц-Фердинанд, по-видимому, считал дуалистическую организацию империи несчастной ошибкой, потому что она привела к сосредоточению огромной власти в руках венгерских магнатов. Поэтому он предполагал по восшествии на престол допустить замену дуализма 1867 года какой-нибудь разновидностью «триализма». Он старательно изучал вопрос возможной реорганизации государственного строя на федеративных началах, обдумывал предложения известных австрийских писателей, вроде Ламмаша, Тецнера и Штейнакера; он с большим интересом прослушал также изложение американской федеральной системы, сделанное профессором Колумбийского университета Берджесом. Берджесу предложили вновь посетить Вену, чтобы сообщить дополнительные сведения по этому вопросу, и он уже собирался отправиться в Европу, когда вдруг произошло убийство эрцгерцога.

Дальнейшим доказательством намерений Франца-Фердинанда провести реформу государственного строя в целях обуздания власти венгерских магнатов и расширения политических прав малых национальностей служат различные проекты, которые были опубликованы на основании оставшихся после него бумаг. Одним из наиболее поздних проектов является набросок манифеста, который он

собирался опубликовать в случае, если периодически повторявшееся бронхиальное недомогание старого императора внезапно вызовет его смерть и откроется путь для нового режима. Манифест, хотя и составленный в несколько неясных и слишком общих выражениях, показывает, что наследник престола был подлинным другом хорватов и боснийских сербов и что он собирался, прежде чем присягнуть венгерской конституции, провести важные конституционные реформы в интересах всех малых национальностей. Приводим выдержки из этого манифеста.

> *«Ввиду того что всемогущему Богу было угодно призвать к себе после долгого и чрезвычайно счастливого царствования моего высокочтимого дядю…*
>
> *Мы настоящим торжественно заявляем всем народам монархии о нашем восшествии на престол…*
>
> *Ко всем народам монархии, к людям всех рангов, ко всем, кто выполняет свой долг на службе государству, к какой бы расе и вероисповеданию они ни принадлежали, – мы питаем одинаковую любовь. Знатные и простые, бедные и богатые – все будут равны перед нашим троном…*
>
> *Мы намерены уважать и твердо охранять установленный государственный строй и судебную систему государства, при которой каждый гражданин имеет одинаковые права перед законом. Для благополучия и процветания всех народов во всех частях монархии мы считаем нашим первейшим долгом провести концентрацию в одно большое целое и создать гармоничную кооперацию, построенную на правильных принципах.*
>
> *В конституции империи должны быть устранены все противоречия между законами Австрии и законами Венгрии относительно общих интересов монархии, которые делают невозможным принесение предписываемой законом присяги конституции, так как законы эти не согласуются между собой. Поэтому в залог исполнения нами наших священнейших обязанностей правителя мы намерены подтвердить торжественной присягой при коронации все ясные по мысли постановления конституции, равно как и основные права и привилегии всего населения монархии. Наше*

правительство безотлагательно проведет мероприятия, необходимые, чтобы сделать это возможным…

Ввиду того что все народы, находящиеся под нашим скипетром, должны пользоваться одинаковыми правами в смысле участия в общих делах монархии, необходимо, чтобы каждой нации было гарантировано ее национальное развитие в рамках общих интересов монархии и чтобы людям всех рас, рангов и классов было доступно обеспечение их справедливых интересов посредством справедливых избирательных законов повсюду, где это еще не осуществлено».

Представляется, однако, сомнительным, действительно ли у Франца-Фердинанда было уже определенное решение относительно того, в какой форме надлежало провести реорганизацию. Граф Чернин, который был ближе многих знаком с идеями Франца-Фердинанда, говорит:

«Эрцгерцог был решительным сторонником программы Великой Австрии. Он имел намерение превратить монархию в довольно большое число независимых национальных государств с общей центральной организацией в Вене для всех важных и абсолютно необходимых дел. Другими словами, он хотел заменить дуализм федерализмом. Однако у него было много противников, которые решительно возражали против раздробления государства с целью поставить на его место что-то новое и, надо полагать, лучшее, а император Франц-Иосиф был слишком консервативен и слишком стар для того, чтобы согласиться на осуществление планов своего племянника. Этот прямой отказ осуществить план, который лелеял эрцгерцог, чрезвычайно обидел его, и он нередко горько жаловался, что император обращает на него так же мало внимания, как на последнего лакея в Шенбрунне. В Австро-Венгрии была сильно распространена совершенно ложная мысль, будто эрцгерцог выработал программу своей будущей деятельности. Этого не было. У него имелись весьма определенные и резкие идеи относительно реорганизации

монархии, но эти идеи никогда не претворялись в конкретный план. Это скорее были наброски программы, которая осталась неразработанной в деталях».

Много дебатов вызвали два проекта, тесно связанные с идеей создания федерации. Один из них был предложен эрцгерцогу Конрадом в письме от 14 декабря 1912 года:

«Объединение югославянского народа представляет собой одно из тех явлений, определяющих историю наций, которые нельзя игнорировать и нельзя предотвратить. Вопрос только сводится к тому, должно ли объединение совершиться под контролем двуединой монархии, то есть за счет независимости Сербии, или оно должно совершиться под покровительством Сербии за счет монархии. Последнее означало бы для нас потерю югославянских земель и тем самым почти всего побережья. Такая утрата положения и престижа низвела бы монархию до уровня мелкого государства».

Конрад неоднократно настаивал на мирном включении всех югославян в империю Габсбургов. В июне 1913 года, накануне второй Балканской войны, австрийский военный атташе в Белграде доносил, что там имеется партия, сочувствующая этому проекту. Сущность его заключалась в том, что Австро-Венгрия должна была уступить Сербии южных славян, а Румынии – родственное ей население в Трансильвании и затем сербское и румынское королевства, расширенные таким образом, должны были быть включены в федеральную империю Габсбургов и занять в ней приблизительно такое же положение, какое занимают королевства Баварское и Саксонское в Германской империи.

Но притом все признавали, что такое мирное включение Сербии и Румынии в австрийскую империю неосуществимо, потому что оба эти королевства никогда не согласятся пожертвовать своей полной независимостью. Аналогия с Саксонией и Баварией была не вполне уместна, потому что население этих государств принадлежит в своей главной массе к той же национальности, что и остальная часть Германской империи. Между тем Румыния и Сербия не только резко

отличаются по национальности от немцев в Австрии и мадьяр в Венгрии, но и привыкли относиться к ним с глубокой враждой. К этому присоединяется еще то, что Вена и Будапешт взирают на Белград и Бухарест с аристократическим презрением, сверху вниз, как на представителей иной низшей цивилизации. Также и Тройственное согласие решительным образом возражало бы против такого явного усиления Австрии, а тем самым и Германии.

Другой план, который считался многими практически более осуществимым, носил совершенно иной характер и находился в полном противоречии с мнением Конрада относительно неизбежности объединения южных славян. С этим планом в течение долгого времени носился граф Эренталь. Он сводился к тому, чтобы противопоставить хорватов сербам и, таким образом, расколоть южных славян, следуя старому правилу: «Разделяй и властвуй». По этому плану намечалось создание «Великой Хорватии» как третьей единицы наряду с Австрией и Венгрией в regium tripartitum (триедином государстве).

Франц-Фердинанд был весьма благосклонно настроен по отношению к хорватам: они были католиками и помогли Габсбургам сохранить их власть во время революции 1848 года[5]. «Великая Хорватия», состоящая из славянских элементов – Хорватии, Славонии, Далмации и Боснии и Герцеговины – и наделенная одинаковыми политическими правами с остальными частями федерации (Австрией и Венгрией), могла бы образовать надежный оплот против пропаганды «Великой Сербии».

План этот имел много ярых сторонников среди самих хорватов, и если принять во внимание те злосчастные конфликты, которые имели место между сербами и хорватами после войны, вряд ли можно назвать его совершенно утопичным. Необходимо было только осуществить его своевременно. Но как раз в годы, предшествовавшие войне, антагонизм между сербами и хорватами быстро испарялся вследствие притеснений со стороны германских и мадьярских властей, а также вследствие активной пропаганды, которую развивала южнославянская интеллигенция.

Барон Музулин, наблюдательный венский дипломат и секретарь Министерства иностранных дел, который сам был родом из Хорватии, посетил в 1913 года свою старую родину и с тревогой отметил перемену, которая совершалась там быстрым темпом: переход от

хорватской лояльности к югославянской агитации. Барон Музулин полагал, что хорватский крестьянин еще остался верен Габсбургам и что, усилив хорватские настроения, можно еще помешать югославянскому движению к объединению хорватов и сербов в «Великую Сербию».

Мнение барона Музулина, по-видимому, подтверждается одним инцидентом, который имел место на сараевском процессе и который показывает, что поверхностная югославянская агитация оказалась не в силах справиться со старой, вошедшей в плоть и кровь антипатией хорватов к сербам. На суде допрашивали некоего Садило.

Вопрос: Кто вы по вашим политическим убеждениям?

Садило: Я принадлежу к правой хорватской партии.

Вопрос: Любите ли вы сербов?

Садило: Да, когда, я их не вижу *(смех)*.

Это создание великой Хорватии (может быть, под историческим наименованием «Иллирии»), скорее всего, привело бы к мирному разрешению австро-сербского конфликта. Австро-Венгрия превратилась бы в таком случае в федерацию, состоящую по крайней мере из трех частей, и перестала бы представлять собой нечто вроде сиамских близнецов, из которых один упорно желал угнетать все немадьярские области. Но это означало полный переворот в конституции, и сразу же вызвало бы резкую оппозицию со стороны немцев и мадьяр.

К числу великих вопросов, на которые история не дала ответа, относится и вопрос: действительно ли Франц-Фердинанд сделал бы попытку заменить «дуализм» «триализмом», если бы он вступил на престол, и могла ли такая попытка увенчаться успехом?

Во всяком случае, не подлежит сомнению, что ему обычно приписывали весьма широкие планы по реорганизации и усилению двуединой монархии; об этом говорит граф Чернин, на это указывалось и в большинстве некрологов. Опасение, что он это сделает, было одним из факторов, побудивших фанатически настроенных сербов организовать заговор с целью его убийства. И бесспорно, по этой же причине многие венские и будапештские государственные деятели облегченно вздохнули, когда узнали о событии в Сараеве.

Брак Франца-Фердинанда

Одним из наиболее роковых обстоятельств в жизни эрцгерцога был его брак. В начале 90-х годов в Вене ходили слухи, что он ухаживает за эрцгерцогиней Марией-Христиной, старшей дочерью эрцгерцога Фридриха и эрцгерцогини Изабеллы. Он часто посещал их в Пресбурге, иногда по два раза в неделю, и родители стали льстить себя надеждой, что дочь их со временем будет императрицей. Но в действительности Франц-Фердинанд сильно влюбился в одну из фрейлин их двора, графиню Софию Хотек. Это была красивая, высокая, гордая женщина, со сверкающими глазами и стремительной походкой. Она происходила из старинного обедневшего чешского аристократического рода.

В течение года их любовь оставалась тайной и не возбуждала подозрений. Когда они временно расставались, то каждую неделю обменивались письмами при посредстве одного из офицеров, пользовавшегося доверием эрцгерцога. Но потом произошла катастрофа. Однажды, переодеваясь после игры в теннис в Пресбурге, Франц-Фердинанд забыл свои часы, и лакей принес их к эрцгерцогине Изабелле. Она открыла брелок, по всей вероятности, рассчитывая найти там фотографию своей дочери, но вместо нее там оказалась фрейлина. Можно себе представить чувство разочарования, охватившее мать. Графиня София была немедленно уволена со всеми знаками немилости и должна была в ту же ночь покинуть дом.

В австрийской столице стали усиленно распространяться сплетни. Но Франц-Фердинанд с решительностью и упорством, которые ему были свойственны, заявил, что он женится на графине Хотек. Вся его габсбургская родня протестовала на том основании, что она только графиня, а не принцесса, не принадлежит к правящему дому и поэтому не может вступить в равный (ebenburtig) брак с эрцгерцогом.

Для престарелого императора Франца-Иосифа весть о решении его племянника была страшным ударом. Он считал это позором, не заслуженным его семьей. Для него это было последней каплей, переполнившей чашу горечи и семейных неприятностей: его брат Максимилиан был расстрелян в Мексике[6], а жена брата от горя сошла с ума; его собственный единственный сын Рудольф умер насильственной смертью при весьма подозрительных обстоятельствах – вероятно, он покончил самоубийством, его жена, императрица Елизавета, была убита в 1898 года итальянским анархистом. Племянник его жены, душевнобольной Людвиг Баварский, утонул в

Штарнбергском озере, куда он бросился, увлекая за собой пытавшегося его спасти спутника.

Его младший племянник Отто, брат Франца-Фердинанда, вел распутный образ жизни, нажил себе этим болезнь и неоднократно причинял неприятности престарелому императору, оскорбляя в нем чувство достоинства и приличия. А теперь его прямой наследник желал пренебречь европейскими традициями и испанским этикетом его двора и жениться на какой-то обедневшей графине, у которой к тому же предполагалась неблагополучная психическая наследственность. И окружающие слышали, как император бормотал про себя: «Неужели и это не могло меня миновать?»

В течение месяца Франц-Иосиф решительным образом сопротивлялся браку, но когда он увидел, что это только усиливает упорство его племянника и что Франц-Фердинанд предпочтет отказаться от прав на престол, чем от руки любимой женщины, старый формалист пошел на компромисс. Брак мог состояться, но это должен был быть только морганатический брак. 28 июня 1890 года в малом зале совещаний в венском дворце в присутствии императора, эрцгерцогов и важнейших сановников было торжественно зарегистрировано оглашение брака. Одновременно с этим эрцгерцог огласил торжественный «акт об отречении», который был скреплен подписями и печатями в двух экземплярах, на немецком и мадьярском языках. Отречение это гласило:

> *«Наш брак с графиней Хотек является не равным, а морганатическим браком и должен считаться таковым отныне и навсегда. Поэтому ни супруга наша, ни дети, которыми, надеемся, благословит Господь наш брак, ни их потомки – не будут пользоваться правами, титулами, привилегиями и т. д., принадлежащими женам эрцгерцогов и их потомкам от равных браков. В частности, мы еще раз признаем и заявляем, что, поскольку дети от нашего вышеупомянутого брака и их потомки не будут членами высокого эрцгерцогского дома, они не пользуются правом престолонаследия».*

Акт об отречении должен был стать источником невероятных огорчений и неприятностей в будущем, потому что те, кто был для

эрцгерцога дороже всего, оказались лишенными прав и почестей, на которые они могли бы рассчитывать, если бы не существовали ограничительные правила феодального закона и испанского этикета. 28 июня стало роковым днем. Ровно через 14 лет, тоже 28 июня, револьвер убийцы, не признававший никакого различия по праву рождения, объединил в смерти обоих людей, жизнь которых в браке была омрачена морганатическими узами. А еще пять лет спустя, 28 июня, в девятнадцатую годовщину отречения эрцгерцога, был подписан Версальский договор, зафиксировавший трагический результат войны, непосредственным поводом к которой послужила смерть эрцгерцога.

После свадьбы графиня Хотек указом Франца-Иосифа была повышена в ранге и получила титул герцогини Гогенберг. Но, несмотря на это, она все же считалась по рангу ниже самой младшей из эрцгерцогинь. Судьба ее была далеко незавидна. «Величие куплено дорогой ценой», – говорят, призналась она как-то за год до смерти одному из своих близких друзей.

Члены императорской семьи часто подвергали ее жестокому унижению. Ходило много рассказов о чрезвычайно резких сценах, имевших место между Францем-Фердинандом и его родственниками из-за обид, причиненных его жене. В конце концов дошло до того, что наследник и герцогиня Гогенберг предпочитали совершенно уклоняться от всяких придворных церемоний[7].

Так как Франц-Фердинанд видел, что жену его оскорбляют и унижают в Вене, то он был особенно признателен императору Вильгельму, который держался по отношению к ней несравненно более благородно. Это отчасти объясняет тесное сближение, происшедшее за последние годы перед войной между германским императором и эрцгерцогом.

При своем первом посещении Берлина Франц-Фердинанд, как и многие друзья кайзера, был пленен живостью императора, его умственными интересами и желанием угодить ему. В ноябре 1908 года германский император провел два дня с Францем-Фердинандом на охоте в Экартзау, на Дунае. Здесь их отношения приняли более дружеский характер. В следующем году эрцгерцог получил приглашение приехать в Потсдам, причем это приглашение относилось также и к герцогине Гогенберг. Ее приняли со всеми почестями, полагающимися эрцгерцогиням.

Такт, проявленный кайзером, находился в резком противоречии с тягостным этикетом Вены. При австрийском дворе во время обедов герцогиня Гогенберг вынуждена была сидеть далеко от своего мужа, в конце стола, позади всех австрийских эрцгерцогинь. В Потсдаме остроумно избегли этого неприятного положения – вместо того чтобы сажать ее за длинным столом позади всех персон более высокого ранга, там расставили целый ряд маленьких столиков. Германский император с императрицей, эрцгерцог и его жена обедали за одним столом, а другие гости за другими маленькими столами. Таким образом, не создали никакого прецедента, и нельзя было сказать, что германский двор оказал герцогине предпочтение перед какой-либо из принцесс королевской крови.

Впоследствии при посещении Вены германский император неизменно делал визит лично герцогине Гогенберг и всячески выражал ей свое почтение. Эрцгерцог был тронут этим, и поведение кайзера явилось одной из причин к тому, что между ними установились более интимные отношения и они часто обменивались визитами. Когда кайзер отправлялся на остров Корфу, эрцгерцог всегда старался устроить так, чтобы встретиться с ним и чтобы австрийский флот его приветствовал, или он приглашал его к себе в Бриони или Мирамар. В порядке обмена визитами явилось и приглашение кайзера посетить Франца-Фердинанда 12 июня 1914 года на его великолепной вилле в Конопиште, в Богемии.

Свидание в Конопиште – легенда и факты

По официальным сообщениям австрийской печати, свидание в Конопиште носило совершенно частный характер: «Император желал посмотреть замечательные розы эрцгерцога, когда они находятся в полном цвету». Действительно, садоводство было одним из любимых занятий эрцгерцога, и он отдавался ему с большим увлечением. Он купил имение в Конопиште в 1886 году и потратил несколько лет труда и много денег для того, чтобы разбить там один из лучших парков в Европе. Для этого снесли сахарный и пивоваренный заводы и ряд крестьянских домов, вырыли искусственное озеро, посадили редкие и красивые растения, так что из каждого окна дворца открывался самый очаровательный вид. Франц-Фердинанд знал в Конопиште каждое

дерево и каждый кустик. Цветы сажались на грядках по его точным указаниям; особенно он любил розы. Но то обстоятельство, что Вильгельм явился в сопровождении адмирала фон Тирпица и что на другой день после отъезда императора в Конопишт прибыл австрийский министр иностранных дел Берхтольд, – вызывало в газетах того времени подозрение, что свидание преследовало более серьезные цели, чем только посмотреть розы.

Через несколько недель после убийства эрцгерцога и таинственных событий, связанных с его смертью и погребением, стали ходить самые дикие слухи о соглашении, которое было затеяно в Конопиште и которое вызвало мировую войну. Поэтому необходимо несколько подробнее остановиться на этом свидании и на порожденных им слухах.

По сообщению корреспондента лондонского «Таймс» Уикгема Стида, который основывался на сведениях, полученных от лица, «заслуживающего особого внимания ввиду занимаемого им положения», германский император нарочно старался приобрести симпатии Франца-Фердинанда и, оказывая внимание его жене, преследовал политические цели, которые и получили реализацию в «Конопиштском соглашении». Стид старался уверить нас, что «кайзер нарисовал эрцгерцогу Францу-Фердинанду великолепные перспективы и развил перед ним грандиозный план, который давал возможность немедленно поставить его сыновей Максимилиана и Эрнеста во главе двух больших государств Восточной и Центральной Европы». Предполагалось спровоцировать Россию на войну, к которой Германия и Австрия были готовы. Францию хотели несколькими сильными ударами привести в состояние полного бездействия. Невмешательство Англии считали обеспеченным.

В результате войны должно было получиться полное преобразование Европы. Предполагалось восстановить древнее королевство Польское с Литвой и Украиной и с границами от Балтийского моря до Черного. Оно должно было стать наследственным владением Франца-Фердинанда, а после его смерти перейти к старшему сыну. Для младшего сына создавалось под руководством отца новое государство, обнимающее Чехию, Венгрию и югославянские земли, включая сюда Сербию, Далмацию и Салоники.

Если верить этому рассказу, Францу-Фердинанду сулили троны для его сыновей, а София Хотек уже видела себя матерью королей. Император Вильгельм, со своей стороны, собирался отдать новому польскому государству часть Познани, а за это компенсировать себя включением в Германию нового государства, обнимающего немецкую Австрию и Триест. Им должен был управлять племянник Франца-Фердинанда, эрцгерцог Карл-Франц-Иосиф. Таким образом, Германия получила бы давно желанный выход к Адриатическому морю и расширила бы свою территорию присоединением нового государства, по значению не уступающего Баварии. Между расширенной Германской империей, восстановленным Королевством Польским и новым чешско-венгерско-югославским государством должен был быть заключен тесный и вечный экономический союз. Этот союз должен был стать вершителем судеб Европы: в его распоряжении находились бы Балканы и путь на Восток.

Таковы были условия соглашения, по сообщению Уикгема Стида. Он полагает, что эти сведения дошли до членов австрийской императорской семьи и что этим объясняется, почему Франца-Фердинанда и его жену после сараевского убийства хоронили без всяких церемоний. Стид делает туманные намеки, что австрийский двор сам является участником убийства. Затем он в стиле газетной сенсации всячески преувеличивает и раздувает ряд других обстоятельств – для того чтобы произвести на читателя впечатление, что убийство эрцгерцога произошло при соучастии австрийских властей и что Сербия в данном случае не несет никакой ответственности.

> *«Генерал Потиорек, сидевший в автомобиле эрцгерцога, остался цел. Ни он, равно как и никто другой из высших военных и гражданских чинов не понесли наказания за то, что не сумели оградить жизнь своих гостей. Генерал Потиорек оставался губернатором и командовал боснийской армией во время первого похода на Сербию. После поражения его войск он был лишен командования, объявлен сумасшедшим и помещен в сумасшедший дом… Когда император Франц-Иосиф посетил Сараево в июне 1910 года, там было больше тысячи полицейских, и по всей вероятности, еще вдвое больше тайных агентов. Между тем, когда в этот город*

прибыл наследник престола, полицию убрали. До сих пор не приведено никаких доказательств относительно участия сербского правительства в заговоре с целью убийства эрцгерцога… Несомненно, что агенты австро-венгерской тайной полиции вполне могли создать заговор в Белграде или Сараеве… для того чтобы „устранить" нежелательных лиц или создать предлог для войны».

Подробно описав, как неприлично были организованы похороны убитой супружеской четы, и указав, что «вряд ли менее удивительны сами обстоятельства убийства», Стид в качестве усугубляющего вину обстоятельства приводит еще факт первоначального сообщения, что германский император будет присутствовать на похоронах, но второго июня из Берлина сообщили, что вследствие легкого недомогания германский император отказался от поездки в Вену. Тем не менее в этот день у него были обычные аудиенции.

Стид дает понять, что германский император и другие государи получили указание из Вены не присутствовать на похоронах. По его мнению, это является лишним доказательством того, что убийство эрцгерцога совершилось при участии австрийских властей за то, что он задумал в Конопиште раздел австрийских земель с целью добыть короны своим сыновьям. Но в действительности отсутствие императора на похоронах было вызвано не указаниями, последовавшими из Вены и продиктованными желанием лишить эрцгерцога и его жену даже после их смерти подобающих им почестей: Вильгельм II отказался от намерения отправиться в Вену вследствие предостережения, полученного от германского консула в Сараеве, что сербы могут совершить покушение и на него. Его канцлер отказался взять на себя ответственность за разрешение императору рисковать своей жизнью. В телеграмме Бетмана-Гольвега германскому послу в Вене от 2 июля мы читаем:

«В результате предостережений, полученных из Сараева, из коих, правда, первое относится еще к апрелю этого года, я был вынужден просить его императорское величество отказаться от посещения Вены. В этом решении меня утвердило то обстоятельство, что поездка эта не являлась актом политической необходимости, а вызывалась

добровольным проявлением дружеских чувств, не требуемым этикетом. По-видимому в основе сараевского убийства лежит широко разветвленный заговор, и известно, что убийства оказывают заражающее влияние на уголовные элементы. В силу этих соображений я не могу взять на себя ответственность за опасность, которой его величество подверглось бы без всякой надобности в чужой стране.

Для широкой публики отказ от визита мотивируется физическим недомоганием его величества. Однако его величество желает, чтобы подлинная причина была сообщена лично его императорскому величеству Францу-Иосифу».

Точно так же и все прочие обстоятельства, на которых Стид и его последователи строят теорию соучастия Австрии, в действительности объясняются весьма простыми и естественными причинами совершенно иного порядка и, как мы сейчас увидим, не заключают в себе ничего сенсационного. Не имеется и тени доказательства, что эрцгерцог затевал какой-то заговор в Конопиште или что австрийские власти организовали его убийство.

Тем не менее изумительная теория Стида получила широкое распространение среди бывших противников Австрии. Сербы, разумеется, радостно ухватились за нее, потому что она снимала с их страны всякую ответственность за преступление. Эту теорию с некоторыми оговорками и дополнениями широко распространяли также многие не в меру подозрительно настроенные французские писатели: Раймон Рекули – известный газетный корреспондент и сотрудник ряда журналов; Альфред Дюмен, который был французским послом в Вене, но который, по-видимому, в то время ничего подобного не знал; Шопен в своей монографии о сараевском убийстве; и даже такой трезвый историк, как профессор Дебидур.

К счастью, недавно были опубликованы документы, которые вполне точно и достоверно показывают, что в действительности имело место в Конопиште, и это заставит всех, серьезно изучающих настоящий вопрос, отнести сенсационную теорию Стида к области пропагандистской военной мифологии[8]. Одним из таких документов является официальный отчет, отправленный германскому Министерству иностранных дел на другой день после свидания

бароном фон Трейтлером, состоявшим при Вилгельме II. В этом донесении хорошо изложено содержание разговоров, происходивших между Вильгельмом II и Францем-Фердинандом. Во-первых, они коснулись положения на Балканах ввиду тревожной телеграммы, полученной из Афин и сообщавшей, что греки мобилизовали свои морские резервы и, по слухам, собираются напасть на Турцию. Франц-Фердинанд и его гость решили прозондировать румынского короля Кароля для того, чтобы посмотреть, не согласится ли он использовать свое влияние в интересах мира и сохранения статус-кво, установленного Бухарестским договором. Оба они выразили свое недовольство Фердинандом Болгарским.

Франц-Фердинанд дал волю своим подозрениям относительно mala fides (недобросовестности) Италии в Албании и во всех других вопросах. Германский император пытался устранить его подозрения и выразил надежду, что если Франц-Иосиф встретится с итальянским королем на обычных германских осенних маневрах, то это даст возможность установить более сердечные личные отношения между Виктором-Эммануилом и наследником габсбургского престола.

Но главной темой разговоров в Конопиште, так же как и в беседе Вильгельма II с Францем-Иосифом в Вене тремя месяцами раньше, были вопросы внутренней австрийской политики, а именно: политика Тиссы по отношению к румынам в Трансильвании и ее опасные последствия в смысле влияния на общественное мнение Румынии. Франц-Фердинанд резко нападал на господствовавшую в Венгрии и пытавшуюся господствовать также и в Австрии совершенно анахроническую мадьярскую олигархию, возглавляемую Тиссой: в Вене, говорил он, начинают уже дрожать, когда Тисса еще только собирается туда. А когда Тисса выезжает в Вену, то все уже лежат ничком на брюхе.

Император Вильгельм возражал на это, что Тисса – человек настолько сильный и незаурядный, что его не следует просто выбрасывать за борт, а надо держать в крепких руках и использовать его ценные качества. Эрцгерцог жаловался, что именно на Тиссу падает вина за то, что интересы Тройственного союза недостаточно принимаются во внимание, потому что Тисса вопреки его обещаниям, данным в Шенбрунне, дурно обращается с румынами в Венгрии. В заключение эрцгерцог просил его величество, не согласится ли он дать

инструкцию Чиршки, германскому послу в Вене, чтобы тот при всяком удобном случае напоминал Тиссе, что не следует упускать из виду необходимость привлечь к себе румын умеренной политикой в отношении их братьев, живущих в Венгрии. Его величество обещал, что он велит Чиршки постоянно повторять Тиссе: «Помни о румынах». Эрцгерцог отнесся к этому чрезвычайно одобрительно.

Из разговоров с секретарем эрцгерцога Трейтлер вынес впечатление, что, по мнению Франца-Фердинанда, и кайзер, и берлинское Министерство иностранных дел слишком склонны смотреть на то, что совершается в Австро-Венгрии, через венгерские очки, вследствие того что в течение нескольких десятилетий двуединая монархия была представлена в Берлине венгерским послом. Действительно, Франц-Фердинанд конфиденциально сообщил Вильгельму II, что существует намерение заменить венгерца Сегени австрийцем, князем Гогенлоэ. В конце беседы Франц-Фердинанд выразил мнение, что опасаться России не приходится; ее внутренние затруднения слишком велики, чтобы позволить ей вести агрессивную внешнюю политику.

Донесение Трейтлера, свидетельствующее, что главной темой беседы в Конопиште была политика Тиссы по отношении к румынам, подтверждается еще и с австрийской стороны. На следующий день после отъезда германского императора из Конопишта туда был вызван Берхтольд, который по возвращении в Вену сообщил германскому послу резюме разговоров, которые он вел. Об этом Чиршки доносит следующее:

> *«После отъезда его величества императора пригласил в Конопишт графа Берхтольда. Сегодня министр сообщил мне, что эрцгерцог выразил ему свое чрезвычайное удовольствие по поводу визита императора. Он беседовал с императором подробно о всевозможных вопросах и мог убедиться, что взгляды их вполне совпадают.*
>
> *Эрцгерцог повторил также графу Берхтольду то, что он сказал императору о политике графа Тиссы, и в частности – о его политике по отношению к немадьярским национальностям. “Румынам, – заметил эрцгерцог, – граф Тисса говорит хорошие слова, но дела его не соответствуют этим словам”.*

Одной из главных ошибок венгерского премьера является то, что он не предоставил румынам в Трансильвании парламентских мандатов.

Граф Берхтольд сообщил мне, что он неоднократно и настойчиво пытался воздействовать на графа Тиссу с целью побудить его к более значительным уступкам румынам, но его усилия были тщетны. Граф Тисса утверждал, что он уже уступил румынам все, что возможно.

Я, со своей стороны, тоже – как я это делал и до сих пор в соответствии с директивами императора, – буду при каждом удобном случае указывать венгерскому премьеру на необходимость завоевать симпатии румын»[9].

В виду наличия этих совершенно бесспорных и относящихся к тому времени документов можно спокойно отнести в область легенды все фантастические рассказы Уикгема Стида и французских авторов о том, что Вильгельм II и Франц-Фердинанд собирались перекроить карту Европы или затевали европейскую войну, которая должна была быть спровоцирована маневрами эрцгерцога у сербской границы в Сараеве. Угнетение мадьярами трансильванских румын и вызываемое этим негодование среди подданных короля Карла, создававшее опасность, что Румыния перестанет лояльно соблюдать свой тайный договор с державами Тройственного союза, были достаточно серьезным основанием для того, чтобы, помимо роз и личной дружбы, явилась необходимость свидания в Конопиште. В связи с этим весьма показательно, что румынскому вопросу и его значению для германской и австрийской политики уделено много внимания в документах, опубликованных недавно Конрадом фон Гецендорфом и германским правительством.

Неуверенность в лояльном поведении Румынии и в связи с этим желательность решительного поворота в балканской политике Тройственного союза, как мы увидим дальше, составляли главную тему большого доклада по вопросу о сохранении мира на Балканах, составленного Тиссой весной 1914 года. Доклад этот как раз перерабатывался в австрийском Министерстве иностранных дел, когда последовало убийство Франца-Фердинанда.

То обстоятельство, что германский император прибыл в Конопишт в сопровождении адмирала фон Тирпица, обратило на себя внимание и

способствовало распространению легенды, будто в Конопиште затевались большие дела. Но присутствие Тирпица в Конопиште, по всей вероятности, в достаточной мере объясняется, как утверждал впоследствии Ягов[10], интересом, который проявлял эрцгерцог к созданию и реорганизации австрийского флота, составлявшего предмет его особых забот. Оно может объясняться также и тем, что император и германское Министерство иностранных дел были, несомненно, очень встревожены слухами о морском соглашении между Россией и Англией.

Последнее действительно обсуждалось в то время. Франция и Россия дополнили весной 1912 года военную конвенцию двойственного союза аналогичной морской конвенцией. В ноябре того же года Франция добилась от сэра Эдуарда Грэя, письменного обещания, что французские и британские морские и военные специалисты будут продолжать свои совещания, учитывая возможность войны. Британский и французский флот были реорганизованы таким образом, что французы увеличили свои силы в Средиземном море для защиты здесь как британских, так и французских интересов, а англичане, со своей стороны, сконцентрировали свой флот в Северном море для защиты северных берегов Франции от нападения Германии. Наконец, весной 1914 года Пуанкаре, Извольский и Сазонов всячески старались добиться морского соглашения между Англией и Россией, которое объединило бы морские силы Антанты против Германии. Разумеется, императору хотелось обсудить с Францем-Фердинандом и своим собственным главным адмиралом, какое значение имеют эти переговоры и чем можно предотвратить морское «окружение», которое как будто намечалось.

Но, пожалуй, самым главным результатом свидания в Конопиште было влияние, оказанное им на психологию императора. Убийство эрцгерцога сильно подействовало на его впечатлительную и склонную к неожиданным вспышкам натуру еще и потому, что здесь был убит друг, которого он посетил в его домашней интимной обстановке всего за несколько дней перед этим. Револьверные выстрелы в Сараеве прогремели, когда еще свежо было воспоминание о розах в Конопиште, и это особенно усилило тот ужас, с которым Вильгельм всегда относился к террористическим убийствам. Если до того он удерживал Австрию от резких выступлений против Сербии, то теперь Сербия

стала представляться ему каким-то гнездом убийц, и он неблагоразумно предоставил графу Берхтольду полную свободу действовать против нее так, как это сочтут уместным в Вене.

Поездка в Сараево

Роковая поездка эрцгерцога в Боснию, в Сараево в июне 1914 года была решена несколькими месяцами раньше. 16 сентября 1913 года эрцгерцог говорил об этом с Конрадом на маневрах австрийской армии в Богемии. 29 сентября фельдмаршал Конрад фон Хетцендорф говорил на эту тему в Вене с генералом Потиореком, губернатором Боснии. Последний сказал, что эрцгерцог намерен посетить Боснию в качестве престолонаследника, присутствовать на маневрах 15-го и 16-го армейских корпусов, причем он желает воспользоваться этим случаем, чтобы привезти с собой свою жену[11]. Эта беседа указывает на троякую цель поездки в Сараево и объясняет некоторые не совсем обычные детали, связанные с ней.

С политической точки зрения представлялось чрезвычайно желательным, что бы член императорской семьи побывал на только что аннексированных провинциях[12]. Впечатлительное простое крестьянское население Европы до войны относилось с глубочайшим почтением к королевской власти, и по традиции было преисполнено лояльности к личности правителя. Ничто не могло в большей степени способствовать усилению этих чувств, чем подобные официальные визиты принцев. Это льстило местному патриотизму.

Простые крестьяне любили пышное великолепие властителей, им приятно было видеть своих правителей и убеждаться, что это такие же человеческие существа, наделенные плотью и кровью, как и они, что это люди, которые ходят, ездят верхом и едят по три раза в день. Уже одно то, что правителей можно было видеть и слышать, как они говорят, способствовало восстановлению человеческих связей, общности языка и интересов. Это наблюдалось на протяжении всей истории – от Генриха IV и Фридриха Великого в прошлом до принца Уэльского в настоящем.

Все популярные принцы и правители обыкновенно совершали такие путешествия и этим укрепляли узы, связывающие правителей с управляемыми. В этих целях император Франц-Иосиф посетил Боснию

в 1910 году, и с этой же целью барон Музулин убеждал в 1913 году Франца-Фердинанда в необходимости стать более популярным в Хорватии. Он рекомендовал членам габсбургской семьи наезжать туда для более длительного пребывания, чтобы противодействовать тем самым пропаганде югославских агитаторов среди лояльного крестьянства.

Возможно, что эти советы оказали некоторое влияние на решение эрцгерцога посетить Боснию и Герцеговину. Такое посещение должно было укрепить положение католических и других лояльных элементов и создать противовес югославской революционной пропаганде и агитации сербов за создание «Великой Сербии». Такова была политическая сторона этой поездки – и этим отчасти объясняется, почему эрцгерцог не пожелал, чтобы его защищали полчища солдат и тайной полиции, а предпочел разъезжать в открытом автомобиле. В 1909 году, когда он проезжал по Венгрии для того чтобы посетить румынского короля Кароля, он был крайне возмущен тем, что гражданские власти оцепили железнодорожные станции полицейскими кордонами и не подпускали близко толпы крестьян, которые размахивали шапками и платками, приветствуя эрцгерцогскую чету.

Но главной целью поездки было желание эрцгерцога присутствовать на маневрах 15-го и 16-го армейских корпусов, которые постоянно стояли в Боснии. Как главный инспектор армии, он за последние годы обычно присутствовал на таких маневрах в качестве представителя императора. Враждебные Австрии авторы обыкновенно изображают боснийские маневры 1914 года как «своего рода репетицию военных действий против Сербии». Сербский посланник в Вене Иованович говорит:

> *«План заключался в том, чтобы устроить маневры в районе между Сараевом, Романиджей и Ганписесаком, на восток от Сараева, – как раз против сербской границы. При таких маневрах неприятелем являлась, конечно Сербия… Маневры должны были происходить в Боснии, у реки Дрины, как раз у самой границы Сербии».*

Все это совершенно неверно. Все мероприятия, имеющие отношение к военным действиям против Сербии, были задуманы совершенно иначе, они изложены бароном Конрадом в

мобилизационном плане «Б» (балканском). По этому плану предусматривались действия не только двух корпусов, расположенных в Боснии, но еще пяти корпусов, которые должны были быть стянуты из других мест Австро-Венгрии, так что вообще в военных действиях должна была участвовать почти половина всей армии.

Этот план действительно намечал непосредственное наступление в сторону реки Дрины, образующей границу между Боснией и Сербией. План этот был выработан во всех деталях Конрадом и его Генеральным штабом и, как мобилизационные планы всех государств, всегда находился наготове в Генеральном штабе. Но в маневрах, на которых должен был присутствовать эрцгерцог в Боснии, принимали участие только два армейских корпуса, и маневры эти представляли собой часть обычной муштры, которой регулярно подвергалась армия. Они не были связаны ни с какими военными приготовлениями, и главной их задачей было просто упражнение военных сил в продвижениях по сравнительно трудному и разнообразному плацдарму.

Кроме того, эти маневры происходили не в Романидже (на восток от Сараева, у реки Дрины, как раз против Сербии), как это утверждает Иованович, а приблизительно в 30 километрах на юго-запад от Сараева, в Тарчинском округе. Они ни в какой степени не представляли собой теоретического нападения на Сербию в восточном направлении, а намечались как раз в обратном направлении – как теоретическая защита Сараева против наступления с запада, со стороны Адриатики. «Голубая» защищающая армия удерживала позиции на юго-запад от Сараева: она должна была помешать наступлению «красных» со стороны Монастыря с Запада и не дать овладеть Ивановским ущельем, которое является ключом к дороге от Адриатики на Сараево.

Для того чтобы ознакомиться с этой частью Боснии, как раз наиболее отдаленной от Сербии, эрцгерцог и отправился в Сараево через Фиуме и Адриатическое море, а затем по железной дороге через Меркович и Монастырь. Супруга его отправилась одна по железной дороге из Вены на Будапешт и встретилась с Францем-Фердинандом только в Злидзе, около Сараева.

Поскольку вообще можно говорить о какой-нибудь непосредственной цели, которая преследовалась боснийскими маневрами, то цель эта заключалась в том, чтобы познакомить офицеров не с плацдармом, на котором будет происходить война с

Сербией, а с плацдармом для защиты Албании или Боснии против войск, которые произвели бы высадку на Адриатическом побережии[13].

Так как поездка эрцгерцога носила в первую очередь военно-инспекционный характер, то все относящиеся к ней детали были разработаны в его военной канцелярии при содействии барона Конрада и генерала Потиорека. Билинский, который в качестве австро-венгерского министра финансов ведал гражданской администрацией Боснии, не был привлечен к этому делу. После сараевского убийства Билинский и генерал Потиорек пререкались относительно ответственности за эту трагедию. Билинский в своих мемуарах настаивает, что он не несет никакой ответственности, поскольку его самого и его подчиненных систематически игнорировали во время подготовки к поездке эрцгерцога. Он даже утверждает, что он совсем не знал программы поездки эрцгерцога в Боснию, пока не прочел ее в «Neue Freie Presse» приблизительно часов в 11 утра в роковое воскресенье, когда он собирался сесть в автомобиль, чтобы отправиться в церковь. Он говорит, что он был тогда неприятно поражен, так как впервые узнал, что в программе эрцгерцогской поездки предусмотрен торжественный въезд в Сараево, тогда как император вначале дал свое согласие на поездку военно-инспекционного характера.

Утверждение Билинского, что он совершенно не знал о намерении эрцгерцога посетить Сараево, вряд ли соответствует действительности. Дело в том, что «Neue Freie Presse» от 28 июня совершенно не содержит никакой программы поездки эрцгерцога в Боснию, а только описывает происходившие там маневры. Больше того: тремя неделями раньше, 4 июня, эта газета уже напечатала общий план поездки эрцгерцога, включая сюда и предполагавшееся посещение Сараева. Билинский вряд ли мог не видеть этой статьи. Кроме того, 24 июня для осведомления должностных лиц была напечатана в частном порядке подробная программа поездки. Билинский допускает, что экземпляр этой программы был доставлен ему кем-нибудь из его подчиненных.

Непривлечение Билинского к выработке программы поездки было широко использовано авторами, которые старались возложить ответственность за убийство на «свору убийц», поджидавших эрцгерцога, на преступную небрежность австрийской полиции, на высокомерное поведение Потиорека и крайнее упорство Франца-Фердинанда, игнорировавшего австро-венгерского министра финансов.

Пытаясь, таким образом, переложить ответственность на австрийскую власть, эти авторы затушевывают действительный заговор, организованный в Белграде. В качестве одной из главных причин того, что приготовления к поездке были поручены Потиореку, а не Билинскому, они указывают желание эрцгерцога отстранить от этого дела придворных чинов, которые могли бы создать препятствия для поездки в Сараево жены эрцгерцога. Но если даже допустить это, то император, во всяком случае, не возражал против ее участия в поездке, когда эрцгерцог говорил с ним об этом 4 июня.

Вообще эрцгерцог, по-видимому, предпринял эту поездку, скорее повинуясь чувству долга, чем руководствуясь, как это обыкновенно утверждают, желанием предоставить своей жене возможность быть принятой с королевскими почестями, путешествуя вместе с ним. Как уже было указано, они отправились в Сараево по разным маршрутам. В последнюю неделю перед поездкой он вообще сомневался, стоит ли ему ехать ввиду состояния своего здоровья и жары. Он говорил об этом с императором, который ему сказал: «Делайте, как хотите». Его частный секретарь записал несколько заметок, свидетельствующих о том, что Франц-Фердинанд относился к этой поездке совсем без всякого восторга.

23 июня специальный вагон, в котором он обыкновенно ездил, испортился вследствие того, что у него перегорела букса, и эрцгерцогу вместе с женой пришлось ехать в обыкновенном отделении I класса, оставив своих трех детей в Хлумеце. По этому поводу Франц-Фердинанд саркастически заметил: «Многообещающее начало для путешествия!» Несколько позже, когда ему сообщили, что поезд, в котором он с женой собирался выехать из Сараева 29 июня, отойдет в 5 часов утра вместо 6 часов, как первоначально предполагалось, он воскликнул: «Скажите полковнику Бардольфу, что если он поведет дело так, чтобы с каждым днем поездка в Боснию становилась для меня все отвратительнее вследствие неожиданных затруднений и неприятностей, то он может устраивать маневры без меня! Я совсем туда не поеду!» Секретарь добавляет к этому, что утверждение, будто эрцгерцог желал предпринять поездку в Боснию с целью превратить ее в триумфальное путешествие, является чистейшей выдумкой.

Но, несмотря на все эти неприятности и то обстоятельство, что в поезде, с которым эрцгерцог ехал из Вены в Триест, погасло

электричество, во всех остальных отношениях путешествие его проходило великолепно и он был в превосходном настроении. Его с энтузиазмом приветствовали на железнодорожных станциях по пути от Адриатического моря к Сараеву, и 25 июня пополудни он встретился с женой в Элидзе, приятном маленьком местечке в 12 милях от Сараева, где они и жили все время. Маневры протекали весьма удовлетворительно, несмотря на сильные дожди, и эрцгерцог выражал свое удовольствие генералу Потиореку по поводу духа и выправки войск.

В пятницу 26 июня пополудни, возвращаясь с маневров, которые начались в этот день, Франц-Фердинанд с женой поехали на автомобиле в Сараево и делали разные покупки на базаре. Городской голова уже выпустил прокламацию, в которой выражал чувства лояльности населения к Францу-Иосифу и удовольствие по поводу того, что он прислал своего наследника посетить Боснию. Населению предлагалось украсить лавки и дома флагами и цветами, что и было сделано. Повсюду в окнах были выставлены портреты эрцгерцога.

В этот день Франц-Фердинанд был в форме, и его повсюду узнавали и приветствовали громкими криками: «Живио!» Толпа была так густа, что сопровождавшие его офицеры с трудом ее расталкивали, чтобы дать эрцгерцогу пройти из одной лавки в другую. Если бы действительно имелось сборище убийц, ждавших случая, чтобы покончить с ним, то здесь для этого представлялась полная возможность. Однако на этот раз посещение Сараева прошло без всяких инцидентов, и эрцгерцогская чета вернулась в Элидзе довольная городом и оказанным ей приемом.

В воскресенье утром эрцгерцог телеграфировал своим детям в Хлумец, что «папа и мама» чувствуют себя превосходно и что они надеются встретиться с ними во вторник. Это были последние написанные им слова.

II. Заговор

Организаторы заговора

Убийство австрийского эрцгерцога в Сараеве послужило непосредственным поводом к мировой войне. Без него летом 1914 года не было бы и австро-сербской и мировой войн.

Несмотря на то что отношения между Тройственным союзом и Тройственным согласием становились все более напряженными, европейская дипломатия, по всей вероятности, сумела бы предотвратить на месяцы, а может быть, и на годы конфликт, который всем государственным деятелям представлялся невыразимо ужасным и к которому Франция и Россия рассчитывали быть лучше подготовленными к 1917 году, чем в 1914 году. Убийство эрцгерцога явилось искрой, зажегшей горючий материал, который при других обстоятельствах не вспыхнул бы таким ярким пламенем, а может быть, и совсем бы не загорелся. Поэтому важно проследить происхождение заговора, жертвой которого пал эрцгерцог, и установить, на ком лежит ответственность за деяние, имевшее такие ужасные последствия для всего мира.

Как в действительности был организован сараевский заговор? Какими побуждениями руководствовались убийцы? Кто были их подстрекатели и сообщники? Все это вопросы темные и запутанные; они и по сию пору гораздо загадочнее, и на них труднее ответить, чем на большинство проблем, имеющих отношение к непосредственным причинам войны. Серьезные историки уделяли им сравнительно мало внимания. Фантастические слухи, настойчивые извращения фактов, порожденные ненавистью и военной пропагандой, поддерживались в этом вопросе больше, чем по всем другим вопросам, связанным с трагическими днями, когда загорелся европейский пожар.

Для этого имеется целый ряд причин. Историки занимались, главным образом, вопросом об относительной ответственности великих держав. Сведения, поступавшие из сербских источников, были не только скудны, но и противоречивы. Кроме того, это объясняется еще и тем обстоятельством, что официальная австрийская версия относительно заговора, возлагавшая ответственность, главным образом,

на великосербскую агитацию и на деятельность сербского патриотического общества, известного под названием «Народна Одбрана», была изложена в австрийском ультиматуме, предъявленном Сербии, и в «досье», представленном державам; последнее заключало в себе результаты расследования, произведенного Австрией по сараевскому делу, и должно было служить оправданием ультиматума.

Но эта австрийская версия, мягко выражаясь, никогда не внушала большого доверия странам Антанты и нейтральным государствам. Расследование в Сараеве по необходимости велось поспешно и было окружено полнейшей тайной. «Досье» производило впечатление работы, сделанной наспех и небрежно. К нему был приложен ряд добавлений, «поступивших после напечатания». «Досье» было вручено державам тогда, когда они уже стали серьезно подозревать Австрию в намерении во что бы то ни стало начать войну с Сербией.

Государственные деятели Европы были уже до такой степени поглощены опасением общеевропейской войны, что у них в эти жаркие и бессонные дни и ночи не было времени серьезно и внимательно заняться обвинениями, которые, как им казалось, были нарочно сфабрикованы. Все еще помнили позорный аграмский процесс и дело Фридъюнга, когда австрийские власти были изобличены в пользовании поддельными документами для того, чтобы обвинить лиц, сочувствовавших сербам. Разве не могло представляться вполне вероятным, что «досье» 1914 года тоже составлено недобросовестно? Поэтому к Центральным державам относились с предубеждением и «досье» Берхтольда склонны были предать забвению или недоверчиво высмеять, зато все верили сербскому правительству, когда оно категорически отрицало обвинения, предъявленные Австрией, и утверждало, что оно не имеет никакого отношения к сараевскому убийству.

Впоследствии, в ноябре 1914 года, убийцы и другие заподозренные лица предстали перед судом в Сараеве. Стенографический отчет по этому делу был в наиболее существенной его части переведен с хорватского оригинала на немецкий язык и издан в Берлине в 1918 году[14]. Это – захватывающий человеческий документ, полный пафоса и юмора; он создает впечатление, что судебное разбирательство было поставлено достаточно широко и беспристрастно.

В противоположность предварительному следствию, в июле месяце, слушание дела в суде не было окружено строгой тайной. Кроме 22 обвиняемых, больше 100 свидетелей, нескольких солдат и судейского персонала в переполненную маленькую душную залу суда была еще допущена кое-какая избранная «публика». Председателю несколько раз приходилось прерывать заседание на 5 минут для того, чтобы открыть окна и провентилировать помещение. Два раза ему пришлось обратиться к лицам, говорившим тихим голосом, со словами: «Говорите громче! Это публичное разбирательство, и все остальные так же, как и я, хотят слышать что вы говорите».

Отчет о процессе проливает значительный свет на темные махинации, которые имели место в Сербии и которые подготовили убийство. Но за пределами Германии, по-видимому, лишь немногие обратили сколько-нибудь серьезное внимание на этот отчет. Отчасти это объясняется тем, что к моменту его появления, в 1918 году, Германия была отрезана почти от всего мира. Отчасти же это произошло и вследствие того, что ненависть, вызванная войной, и моральная слепота наперед осудили отчет как германскую «фальсификацию» и как «продукт германской пропаганды». Даже такой выдающийся историк, как Чарльз Оман, полагал, что «все показания фальсифицированы… Судебный отчет подвергся такой обработке, что нельзя верить ни одному его слову». Но в действительности, как мы увидим дальше, обвинения, выдвинутые Австрией против Сербии в 1914 году и подтвержденные показаниями на суде, скорее преуменьшали, чем преувеличивали ответственность Сербии.

Таким образом, в течение почти 10 лет правда о сараевском заговоре была окутана тайной и оставалась неизвестной. Уликам, которые предъявляла Австрия, не верили, их дискредитировали или высмеивали; с другой стороны, сербские авторы старались не печатать того, что могло бы противоречить позиции оскорбленной невинности, которую заняло их правительство в 1914 году. Но за последние пять лет появилось много разоблачений из сербских источников, авторы которых, по-видимому, руководились разными мотивами: одни просто желали рассказать правду и способствовать торжеству справедливости, другие делали это по соображениям партийной политики, или, как это ни странно, потому что претендовали на сомнительную честь – быть в

числе тех, кто подготовлял убийство эрцгерцога, приведшее в конечном результате к созданию великого Югославского королевства.

Первое из этих разоблачений, на которое обратили внимание за пределами Сербии[15], принадлежало перу известного белградского историка, профессора Станое Станоевича. Он не указывает своих источников, но, судя по его предисловию, он собрал много сведений из первых рук у оставшихся в живых сербских заговорщиков, с которыми он был лично знаком. Стараясь по возможности умалить ответственность «Народной Одбраны» и таким образом дискредитировать австрийскую версию относительно заговора, он возводит всю вину на руководителей менее известного тайного сербского революционного общества – «Уедненъе или Смрт» («Объединение или смерть»), обычно носящего наименование «Черная рука». Эта организация состояла из могущественной клики офицеров армии, которая в 1903 году задумала и осуществила убийство короля Александра и королевы Драги и с тех пор играла мрачную роль во внутренней и внешней политике Сербии.

Организатором, вождем и главной движущей силой этого общества был в 1914 году не кто иной, как начальник контрразведки при сербском Генеральном штабе, полковник Драгутин Димитриевич.

Профессор Станоевич рисует следующий поучительный портрет этого замечательного заговорщика, которого партия Пашича в 1917 году распорядилась казнить, но который стал героем в глазах значительной части сербского народа.

> *«Одаренный, образованный, наделенный большой личной храбростью, честный, крайне честолюбивый, энергичный и трудолюбивый, убедительный собеседник, Драгутин Димитриевич оказывал чрезвычайное влияние на всех окружающих, особенно на своих товарищей и молодых офицеров, которые все уступали ему по духовным силам и твердости характера. Он обладал свойствами, которые очаровывают людей, его рассуждения всегда отличались решительностью и убедительностью, он умел самые дурные дела изображать как нечто достойное и самые опасные затеи – как совершенно невинные. В то же самое время он был во всех отношениях блестящим организатором, он всегда держал все в своих руках, и даже его наиболее близкие*

друзья знали только то, что уже делалось в настоящий момент.

Но Драгутин Димитриевич отличался также чрезвычайным самодовольством и склонностью к аффектации. Как человек весьма честолюбивый, он любил заниматься тайной деятельностью. Ему нравилось также, чтобы люди знали, что он занят тайными делами и что он держит все в своих руках. Сомнения относительно того, что можно делать и чего нельзя, равно как и мысль о том, какая ответственность связана с пользованием властью, – никогда не смущали его. У него не было ясного представления о пределах допустимого в политической деятельности. Он видел только цель, стоявшую непосредственно перед ним, и шел к ней напрямик, не считаясь с последствиями. Он любил опасность, приключения, тайные сборища и таинственные дела…

Неутомимый и склонный к авантюрам, он всегда затевал заговоры и убийства. В 1903 году он был одним из главных организаторов заговора, направленного против короля Александра. В 1911 году он послал кого-то убить австрийского императора или наследника престола; в феврале 1914 года он по соглашению с тайным болгарским революционным комитетом подготовлял убийство короля Фердинанда Болгарского; в 1914 году он организовал заговор против наследника австрийского престола, а в 1916 году он послал кого-то из своих людей из Корфу, чтобы убить греческого короля Константина. В том же году он, по-видимому, пытался вступить в сношения с неприятелем и организовал заговор против тогдашнего наследника сербского престола князя Александра. За это он был приговорен к смертной казни и расстрелян в Салониках в июне 1917 года»[16].

Далее Станоевич подробно описывает, как этот офицер сербского Генерального штаба помогал в Белграде организовать заговор и снабжал боснийскую молодежь бомбами и браунингами, которые действительно были использованы в Сараеве. Он объясняет преступление Димитриевича наивным мотивом: когда Димитриевич в

добавление ко всем прочим слухам узнал, что австрийский наследник прибыл на маневры в Боснию, «он был вполне убежден, что Австрия решила произвести нападение на Сербию», и «после долгого размышления пришел к выводу, что нападение на Сербию и война могут быть предупреждены только убийством Франца-Фердинанда».

Через несколько месяцев после признания Станоевича, которое далеко оставляет за собой обвинения, предъявленные Австрией в 1914 году, появилась интересная брошюра, принадлежавшая перу югославского журналиста Боривоя Евтича. Автор объясняет, как развивалось и росло среди боснийской молодежи в течение десяти лет, предшествовавших мировой войне, новое террористическое движение с его фанатическим «культом убийства». Он всячески умаляет влияние Сербии и останавливается главным образом на осуществлении заговора в Сараеве, а не на его подготовке в Белграде.

Евтич выступал в качестве свидетеля на процессе убийц в 1914 году. Тогда он откровенно признал, что сотрудничал в таких сараевских газетах, как «Сербская речь» и «Народ», а также был членом организации «Србска Омладина» («Сербская молодежь»), стремившейся способствовать распространению сербского национализма в Боснии. Он даже признал, что состоял в переписке с главнейшими убийцами, но упорно отрицал, что ему было что-нибудь известно о заговоре с целью убийства эрцгерцога. Ему удалось убедить суд в своей невинности.

Таковы были его показания в 1914 году. Но в 1924 году, когда жизни его уже не угрожала опасность со стороны австрийской полиции и когда его мечты об объединении Югославии осуществились в результате убийства и мировой войны, он заявил, что он был посвящен во все подробности заговора. Он даже ярко описывает, как он провел ночь с субботы на воскресенье, накануне убийства, вместе с Принципом, который на следующее утро произвел роковые выстрелы. Он утверждает, что эрцгерцога поджидали по крайней мере в десяти местах и что если бы Франц-Фердинанд уцелел после выстрелов Принципа, так же как он уцелел после бомбы Габриновича, то на его пути стояли так много людей, готовых убить его, что он вряд ли мог выбраться живым из Сараева.

Наиболее сенсационным разоблачением, представляющим важность потому, что оно принадлежит крупному сербскому

политическому деятелю, бывшему министру народного просвещения в кабинете Пашича в июле 1914 года, является разоблачение, сделанное Любой Иовановичем. По случаю десятилетия с начала мировой войны летом 1924 года под редакцией русского эмигранта вышел сборник небольших статей, написанных выдающимися сербскими авторами, под общим заголовком «Кровь славянства»[17]. Вступительная статья «После Виттова дня 1914 года» написана Иовановичем. Здесь мы находим совершенно неожиданное разоблачение. Как раз то, что Пашич и сербское правительство скрывали много лет, Иованович признает как нечто, не возбуждающее никаких сомнений.

> *«Когда вспыхнула мировая война, я был министром просвещения в кабинете Николы Пашича. Недавно я написал некоторые воспоминания и заметки о событиях того времени. Для настоящего случая я взял из них несколько выдержек, потому что еще не наступило то время, чтобы рассказать все.*
>
> *Не помню, было ли это в конце мая или начале июня, но однажды Папич сказал мне (по таким вопросам он совещался главным образом со Стояном Протичем, бывшим тогда министром внутренних дел, но это он рассказал и всем нам остальным), что некоторые лица намерены отправиться в Сараево убить Франца-Фердинанда, которому там готовится торжественная встреча в день святого Витта. Как мне было сообщено впоследствии, заговор этот был затеян тайной организацией, состоявшей из небольшого числа лиц, и патриотически настроенными студентами из Боснии и Герцеговины, находившимися в Белграде. Пашич и мы все сказали, причем Стоян согласился с нами, что надо отдать распоряжение пограничным властям на Дрине, чтобы они не позволили перебраться через реку молодым людям, отправившимся уже из Белграда с этой целью. Но пограничные власти сами принадлежали к организации и не обратили никакого внимания на распоряжения Стояна, а сообщили ему, как он нам потом рассказал, что распоряжение пришло слишком поздно и молодые люди уже успели переправиться* [18] *».*

Отсюда явствует, что члены сербского правительства знали о заговоре приблизительно за месяц до убийства, но не приняли никаких серьезных мер, чтобы предупредить его. Сербское правительство, таким образом, по меньшей мере проявило преступную небрежность. Если оно не могло уничтожить в самом зародыше заговор, который подготовлялся в его столице одним из офицеров его же Генерального штаба, если оно не могло предупредить переход молодых людей через границу (потому ли, что Протич своевременно не отдал распоряжения, или, что более вероятно, потому, что пограничные власти сами принадлежали к организации «Черная рука»), то сербское правительство должно было немедленно сообщить обо всем австрийским властям, указать им имена преступников, а также все прочие подробности, которые могли бы способствовать их аресту, прежде чем они осуществят свои намерения. Но Пашич и его министры ничего этого не сделали.

Далее, когда преступление уже совершилось, они должны были произвести тщательное расследование относительно причастных к этому делу тайных организаций в Сербии и арестовать всех сообщников, которые содействовали подготовке и осуществлению заговора. Вместо этого, как мы увидим, они старались замести все следы, утверждали, что им ничего не известно, надеясь, что Австрия не сумеет установить их причастность к этому делу. Неудивительно, если Иованович, у которого совесть была нечиста, «сильно перепугался», когда в воскресенье днем 28 июня ему сообщили на дачу роковую новость. Но если им овладели «ужасные мысли», то не потому, что он раскаивался в преступлении, а потому, что он боялся его последствий.

> *«Около 5 часов дня один из служащих Бюро печати позвонил ко мне по телефону и сообщил, что произошло этим утром в Сараеве. Хотя я знал, что там готовилось, но все-таки, когда я держал телефонную трубку, у меня было такое чувство, словно кто-то нанес мне неожиданно удар. Немного погодя это сообщение было подтверждено из других источников, и меня это стало очень пугать.*
>
> *Я ни минуты не сомневался, что Австро-Венгрия воспользуется этим случаем для того, чтобы начать войну с Сербией. Я понимал, что положение правительства и нашей страны по отношению к другим державам станет весьма*

трудным – и во всяком случае будет хуже, чем после 29 июня 1903 года (11 июля по новому стилю), когда был убит король Александр, или чем во время наших последних конфликтов с Веной и Будапештом. Я боялся, что все европейские дворы испугаются пуль Принципа и отвернутся от нас, и это будет встречено с одобрением монархическими и консервативными элементами в их странах. Но если даже дело и не дойдет до этого, то кто решится защищать нас? Я знал, что Франция, а тем более Россия не в состоянии померяться силами с Германией и ее союзником на Дунае, потому что их приготовления должны были закончиться только в 1917 году. Это особенно пугало меня.

Мною овладели самые ужасные мысли. Это началось с 5 часов в воскресенье, в день святого Витта, и продолжалось, не прекращаясь ни днем, ни ночью, если не считать нескольких минут тревожного сна, до вторника утром. Во вторник меня в министерстве навестил один молодой друг, майор Н. Ему тоже было не по себе, но он не был в таком отчаянии, как я. Я, не стесняясь, излил ему все мои опасения, но он тут же сказал мне своим обычным тоном, которого он держался в таких случаях, то есть шутливым и спокойным, однако с истинным воодушевлением: „Дорогой министр, я полагаю, что совершенно не нужно отчаиваться. Пусть Австро-Венгрия нападет на нас! Рано или поздно это должно случиться. Сейчас для нас момент очень неподходящий, чтобы сводить счеты, но не в нашей власти выбирать этот момент. Если Австрия воспользуется этим моментом – ну что же, пускай! Возможно, что это плохо окончится для нас. Но кто знает? Может выйти и иначе!”»

Эти слова майора Н. показывают, что в сербских военных кругах на дело смотрели не так мрачно, а были уверены, или, может быть, вскоре получили заверения, что Россия окажет защиту. Иованович говорит, что «эти слова почти ободрили меня», и продолжает:

«К счастью, уже получили первые благоприятные сообщения о том, как высказалась петербургская печать, а мы могли быть уверены, что она выражает мнение

правительства. Печать эта выступила на нашу защиту против обвинений со стороны Австро-Венгрии. Россия не собиралась отречься от нас и лишить нас своей помощи. За Россией должны были последовать ее друзья. Так и случилось».

Поэтому Иованович ухватился за мысль, что будет произведено нападение на Сербию, а затем последует европейская война. Он отметил у себя как благоприятные обстоятельства: антисербские «погромы» в Боснии и резкий тон австрийской печати, который должен был настроить европейское общественное мнение против Австрии. Но его коллеги считали, что войны можно избегнуть, ожидали, что Вена не сумеет установить никакой связи между официальными кругами Сербии и деянием, совершенным у реки Мильяки (речка, протекающая в Сараеве около того места, где был убит эрцгерцог).

Словом, было решено соблюдать тайну и изобразить полную невинность и непричастность к делу, продемонстрировать выражение скорби по поводу случившегося и постараться как можно дешевле отделаться в смысле удовлетворения страны, королевская чета которой была убита.

«Поэтому Пашич надеялся, что мы сумеем как-нибудь выпутаться из этого кризиса. Он старался – и все остальные в этом его поддерживали – по возможности сохранить существующие отношения, чтобы Сербия могла как можно дешевле отделаться, когда ей придется дать удовлетворение Австро-Венгрии. Он хотел, чтобы Сербия сумела поскорее оправиться от ударов, которые во всяком случае должны были обрушиться на нее в таком деле.

Как известно, правительство не преминуло сделать все, что было в его средствах, для того чтобы показать своим друзьям и всему остальному миру, насколько мы далеки от сараевских заговорщиков. С этой целью в тот же вечер, когда стало известно о том, что сделал Принцип, Стоян отдал распоряжение, чтобы белградская полиция запретила музыку, пение и всякие развлечения в публичных местах; все это было прекращено, и началось нечто вроде официального траура. Пашич выразил венскому правительству наше

сожаление по поводу утраты, постигшей великую соседнюю державу, и самым решительным образом осудил совершенное деяние. На панихиде в католической церкви при австро-венгерском посольстве, происходившей 20 июня [3 июля по новому стилю], в день, когда в Вене хоронили убитого наследника престола и его жену, правительство было представлено несколькими министрами. Я был в их числе. Я хотел показать, что даже и я, которого больше, чем кого-либо другого, можно было заподозрить в одобрений поступка Принципа [19] *, наоборот, совершенно солидарен с нашим кабинетом. Тем не менее это непродолжительное пребывание в церкви было мне неприятно. Я чувствовал себя среди врагов, не желающих жить с нами в мире».*

Какой любопытный документ для психологии преступника! Этот министр народного просвещения знал о заговоре за месяц раньше и ничего не сделал для того, чтобы по-настоящему предупредить его. Сначала было испугался, что Сербия окажется изолированной и подвергнется нападению, потом проникся надеждой, что правду удастся скрыть. И вот он отправился в церковь, якобы выражая соболезнование по поводу убийства, но сделал это только для того, чтобы произвести хорошее впечатление. Не удивительно, если ему было «не по себе».

Люба Иованович сообщает в своих разоблачениях целый ряд других интересных подробностей об этих трагических днях. Но они заняли бы здесь слишком много места. Насколько я могу судить о них, основываясь на данных из других источников, сообщение министра, в основном, соответствует действительности и заслуживает доверия – обстоятельство весьма замечательное, если сравнить его разоблачения с мемуарами других политических деятелей, написанными через десять лет после событий.

Все, кто не ослеплен предрассудками или пропагандой, не будут особенно удивлены, если теперь серьезный историк уже не в состоянии поддерживать теорию, что ответственность за войну лежит всецело на Австрии, а что Сербия была невинной жертвой. Но у многих сербов и сторонников сербов разоблачения вызвали смешанные чувства удивления и огорчения, негодования и недоверия. Г-н Мусэ, считающийся главным французским авторитетом по Сербии, писал еще в 1925 году: «Несомненно, некоторые дипломатические архивы (он их

не называет) стали доступны. Они позволили снять с сербского правительства обвинение в соучастии, выдвинутое Австрией, которая, впрочем, и сама ему не очень верила».

Более основательный английский ученый – Сетон-Уотсон, много писавший о Балканах и долгое время энергично выступавший в защиту южных славян, был весьма смущен разоблачениями Иовановича. Но он не в состоянии заставить себя поверить им. В 1925 году он заявил:

> *«Вся статья Иовановича написана в небрежной наивной манере воспоминаний, а автор ее, по-видимому, совершенно не отдает себе отчета, сколь убийственны его признания, если понимать их буквально… На обязанности Белграда лежит теперь доказать, что либо сведения, которыми он располагал, были совсем не так определенны, как утверждает Люба Иованович, или что он сделал надлежащее предупреждение об опасности, о чем нам до сих пор не известно. Так оставить это дело едва ли возможно. Общественное мнение в Европе и Америке теперь больше, чем когда-либо, интересуется проблемой ответственности за мировую войну, и оно в праве потребовать от Любы Иовановича и от его начальника Пашича исчерпывающих и подробных объяснений».*

Несколько позже Сетон-Уотсон лично отправился в Сербию, чтобы потребовать этих объяснений и заставить Иовановича или взять свои слова обратно или как-нибудь объяснить их. А если бы это не удалось, то он хотел заставить сербское правительство, чтобы оно восстановило свою репутацию и подробно сообщило все, что ему было известно о заговоре 1914 года. Но он, по-видимому, потерпел неудачу во всех направлениях. Об этом свидетельствует открытое письмо, напечатанное им в загребском «Обзоре» 13 мая 1925 года:

> *«Больше двух месяцев тому назад я обратился к белградскому правительству с просьбой дать объяснения по поводу сообщений, сделанных Любой Иовановичем в сборнике “Кровь славянства”, относительно сараевского убийства. Но до сих пор я не получил никакого ответа…*

Правда, несколько недель тому назад Люба Иованович напечатал несколько статей об ответственности за войну, но в них он обходит основной вопрос и обвиняет меня в неточном воспроизведении некоторых его предыдущих заявлений…

[Далее Сетон-Уотсон ставит два конкретных вопроса: „Остается ли Люба Иованович при своем утверждении, что в конце мая или начале июня… Пашич сказал… что некоторые лица собираются отправиться в Сараево, чтобы убить Франца-Фердинанда?" И второй вопрос: „Имел ли он именно это в виду, когда, рассказывая, как он получил по телефону сообщение об убийстве в Сараеве, он говорит: „Хотя я знал, что там готовилось".]

Я вполне понимаю, что Люба Иованович не решается сразу прямо ответить мне. Если он ответит отрицательно, то приходится удивляться, как мог ответственный государственный деятель писать в таком легкомысленном тоне. Если он признает это, то на его коллегу, тогдашнего министра-президента Пашича, падет неприятная обязанность выступить с ясным и откровенным сообщением и правильно осветить факты».

На это решительное и ясное письмо Сетон-Уотсона Пашич и сербское правительство не ответили. Но в белградской печати появилось сообщение, что югославское правительство решило опубликовать новую «Синюю книгу» о происхождении войны. Тогда Сетон-Уотсон написал второе письмо в лондонский «Таймс» и просил читателей воздержаться от окончательного суждения, пока не появятся эти документы. Но как он признается в своей последней книге:

«Прошло уже 8 месяцев, а о „Синей книге" ничего не слышно. По-видимому сообщение о ней было сделано только из тактических соображений и имело целью утихомирить критиков, пока не уляжется все возбуждение. К сожалению, югославское правительство, вместо того чтобы подробным изложением фактов доказать свою невинность, окружило себя тайной».

Разоблачение Любы Иовановича сначала не обратило на себя большого внимания в Сербии, где люди, хорошо осведомленные, по-видимому, не нашли в нем ничего нового. Ни Пашич, ни другие не считали нужным выразить Иовановичу порицание. Он был избран председателем сербской скупщины, председателем избирательной комиссии и председателем законодательной комиссии. Но потом, когда узнали, какое огромное внимание привлекли его разоблачения в Англии и Америке, где у публики раскрылись глаза на ответственность Сербии за войну, сербские газеты стали нападать на Иовановича, называя его лжецом и предателем.

В свою защиту он написал ряд больших статей, помещенных в журнале «Нови живот» («Новая жизнь»), где излагал и оправдывал свое участие в сербских событиях на протяжении 30 лет, с того времени, когда он впервые прибыл в Белград в 1881 году в качестве эмигранта из Герцеговины. Он писал: «Я не сделал никаких разоблачений в том смысле, как это стараются изобразить теперь. Я только написал то, что, по существу, все уже знали в 1914 году».

Это, может быть, и верно по отношению к Сербии, где хорошо знали, чем занимаются «Черная рука» и ее влиятельный руководитель Димитриевич, но это неверно по отношению к странам Согласия, которых убедили в невинности Сербии.

Но, несмотря на упорное молчание Пашича и правительства, несмотря на то что «Синяя книга» не выходила и несмотря на уклончивые статьи Иовановича, Сетон-Уотсон все еще не может заставить себя поверить в правильность разоблачений Иовановича, которые мы привели выше. Он посвящает им в своей книге приложение в несколько страниц, где приходит к тому выводу, что «г. Иованович по соображениям, известным только ему одному, неправильно истолковал действительные факты, а его бывшие коллеги по соображениям, лично им известным, не пожелали публично назвать его лжецом».

Аргументация Сетон-Уотсона сводится к тому, что Иованович «является одним из тех политиков, которые склонны преувеличивать свое значение»; что в борьбе за усиление своего политического влияния «он старается обеспечить себе поддержку боснийской молодежи указаниями на сочувствие белградского правительства революционному движению» и, «по всей вероятности, надеется усилить свою собственную позицию в радикальной партии против тех,

кто более тесно связан со старым сербским королевством». Он считает, что Иованович старается оправдать свою роль в салоникском процессе. Пашич же не выступил с публичным опровержением по той причине, что он всегда проявлял изумительное равнодушие к общественному мнению – и, в частности, к общественному мнению других стран.

Однако вопрос о правдивости Иовановича вызвал страстную полемику в сербской печати, причем здесь примешались вопросы партийной политики и партийного руководства. Некоторые сербские лидеры потребовали, чтобы Пашич высказался и опроверг разоблачения Иовановича. 26 февраля 1926 года на заседании бюджетной комиссии в скупщине представитель крестьянской партии и бывший сербский посланник в Вене Иован Иованович обратил внимание на ущерб, причиненный репутации Сербии в странах Антанты тем, что разоблачения Иовановича получили широкое распространение, не вызвав никакого возражения со стороны официальных кругов. Поэтому в интересах репутации Сербии он просил, чтобы Пашич высказался, так как иначе могут возникнуть неприятности для Сербии в отношении иностранных кредитов и репарационных платежей.

Другие, как профессор Еленич, бывший частный секретарь наследного принца Александра, резко выступил против Любы Иовановича, называя его предателем Сербии и утверждая, что его разоблачения – «ложь, самая подлинная левантийская ложь». Он фантастически развивал еще дальше легенду Уикгема Стида, что убийство является делом австро-венгерских властей. Еленич утверждал, что деяние это подготовлялось в Берлине, а потом в Конопиште и было осуществлено совместными действиями венской и будапештской камарильи и организации «Черная рука» в Белграде.

Это так наивно и нелепо, что вряд ли нуждается в комментариях. Говорить, что убийство подготовлялось в Конопиште, равносильно утверждению, что Франц-Фердинанд сам организовал свое убийство. Но Еленич убеждал Пашича и других оставшихся в живых членов его кабинета 1914 года выступить против Любы Иовановича.

Здесь интересно отметить, что профессор Еленич нисколько не сомневается, что «Черная рука» принимала деятельное участие в заговоре, он только отрицает, что Пашичу было известно об этом. Но его обвинения, будто «Черная рука» действовала в согласии с

ненавистными ей венскими властями, немедленно вызвало негодующее опровержение со стороны двух еще оставшихся в живых членов «Черной руки», Милана Милановича и К.А. Поповича. Они заявили, что хотели бы познакомиться с доказательствами, на которые ссылается Еленич.

> *«В таком случае, мы тоже сообщим все, что мы знаем, о сараевском убийстве на основании тех фактов, которые имеются в нашем распоряжении. Нападки на наших покойных товарищей, патриотизм которых до сих пор никогда не подвергался сомнению в кругу серьезных и беспристрастных людей, по нашему мнению, освобождают нас на будущее от всяких соображений, которыми мы до сих пор считали себя связанными».*

Кампания, поднятая в печати, дошла до таких пределов, что наконец Пашич выступил против Любы Иовановича на заседании Комитета радикального клуба, происходившем 25 апреля 1926 года, и попытался добиться удаления своего бывшего друга и коллеги из партии. По отчету об этом заседании, напечатанному в его партийной газете, дело обстояло следующим образом:

> *«Иностранные корреспонденты поставили ему [Пашичу] вопрос – знал ли он, что наследника австрийского престола собираются убить? Он решительно отверг такое предположение. Он просил г. Иовановича выступить с опровержением, ибо неверно, будто он [Пашич] сказал это на заседании кабинета…*
>
> *Пашич ждал опровержения Иовановича, но Иованович все его откладывал и так и не сделал. Тогда Пашич повторил свое утверждение, что он не говорил того, что ему приписывает Иованович. Он расспрашивал также и своих коллег по министерству: „Друзья, может быть, я забыл, что я так сказал?" Но все они подтвердили, что он так не говорил.*
>
> *„Это не вызывало никаких возражений, но теперь вопрос этот снова возник. Я должен, протестовать против этого. Почему Люба Иованович так сказал, я не знаю. Но он*

сказал неправду. Я сделал свои показания и могу их подтвердить. Но если Люба Иованович желает действовать независимо, пусть он отойдет от нас и действует независимо. Он допустил ошибку, которую нельзя простить"».

Отвечая на эти нападки, Люба Иованович заявил, что он никогда не говорил, будто Пашич что-нибудь сказал о приготовлениях к убийству на заседании кабинета. Это было сказано в частной беседе. Для того чтобы подтвердить правильность написанного им, Иованович предлагал представить документы и доказательства, но требовал, чтобы премьер-министр и министр иностранных дел взяли на себя за это ответственность. Но оба эти министра, Узунович и Нинчич, отвергли его предложение – очевидно, опасаясь, что он вскроет какие-нибудь не подлежащие оглашению тайны относительно действий сербского правительства в 1914 году и происхождения мировой войны.

Многие сербские газеты поспешили заявить, что Пашич наконец высказался и опроверг обвинения. Но если проанализировать его весьма осторожно формулированное заявление, то можно убедиться, что он опровергал обвинения, которые против него не выдвигались: он утверждал, что не делал никакого сообщения об убийцах на заседании кабинета. Этого Иованович и не говорил. Как будет показано ниже и как указал Иованович в одной из своих статей, напечатанной в 1925 году, правильность его утверждения, что Пашич знал о заговоре, явствует уже, помимо всего прочего, из того, что было отдано распоряжение воспрепятствовать переезду убийц из Белграда в Боснию. Но распоряжение это не было выполнено, потому что сербская пограничная стража входила в организацию «Черная рука» и не послушалась приказа правительства. Это подтверждается дневником и бумагами офицера пограничной стражи Тодоровича, захваченными австрийцами во время войны.

Отсюда можно заключить, что нет никаких оснований сомневаться в правильности разоблачений, сделанных Любой Иовановичем в 1924 году. Указание Сетон-Уотсона, что разоблачения его написаны в «небрежном, наивном стиле воспоминаний», в сущности, является доводом в их пользу. Иованович, очевидно, не старался тщательно отделывать их, как отделывают политический памфлет, предназначенный для того, чтобы привлечь сторонников или

подчеркнуть свое собственное значение. Как он объяснил в 1925 году, он весной 1924 года обещал русскому журналисту, эмигранту Ксюнину, написать статью для сборника, посвященного десятилетию возникновения мировой войны. Будучи занят другими делами, он не сразу написал эту статью. Когда к нему обратились несколько месяцев спустя, он, не желая разочаровывать Ксюнина, взял некоторые материалы из своих воспоминаний и заметок, которые были уже написаны раньше.

То обстоятельство, что Узунович и Нинчич не дали Иовановичу представить его доказательства и что оставшиеся в живых члены организации «Черная рука» тоже угрожали выступить со своими разоблачениями, по-видимому, подтверждает то, что сербское правительство предпочитает еще кое о чем умалчивать. До тех пор пока разоблачения Иовановича не будут окончательно опровергнуты беспристрастными историками, мы будем считать, что Пашич и члены сербского правительства знали о заговоре, но скрывали это, забывая, что «убийство всегда раскрывается».

Ряд других разоблачений, которые содержались, как уверяют, в двух тысячах документов, захваченных австрийцами в Белграде во время войны, относится к пропагандистско-революционной деятельности сербских организаций, известных под наименованием «Народной Одбраны» и «Черной руки». Многие из этих документов были найдены на дому у Пашича и Мило Павловича, одного из членов «Народной Одбраны», игравшего в ней руководящую роль. Среди найденных документов оказались списки «лиц, которыми можно воспользоваться». В этих списках были поименованы редакторы боснийских периодических изданий, студенты, шпионы; были также указаны денежные суммы, которыми они субсидировались из Белграда.

Много новых данных относительно организации «Черная рука» выплыло на свет недавно благодаря отчету об известном салоникском процессе 1917 года. Этот толстый том, вышедший в официальном издании в Салониках в 1918 году, был потом изъят из обращения и всюду, где было возможно, уничтожался, по-видимому, потому, что, в нем заключалось много материала, способного нанести ущерб репутации сербского правительства, стоявшего у власти в 1914 году. В настоящее время почти невозможно получить экземпляр этого отчета. Но специалисты, изучавшие сербский вопрос и причины мировой

войны, ознакомились с этим источником и нашли там много данных о деятельности «Черной руки» до 1914 года и о тех ее членах, которые принимали участие в заговоре на жизнь герцога Франца-Фердинанда[20].

На основании этих материалов мы попытаемся теперь вкратце проследить главнейшие нити заговора и охарактеризовать силы, оказавшие здесь наибольшее влияние: таковыми были организации «Народна Одбрана» и «Черная рука» и революционное движение в Боснии.

«Народна Одбрана»

В 60-х и 70-х годах XIX столетия многие сербские революционеры оказались в Швейцарии и там подпали под влияние русских революционеров – Бакунина, Кропоткина и Герцена. Они усвоили революционную программу, которую предполагалось осуществлять при помощи анархических актов насилия и террора. Эти революционеры организовали в 1883 году восстание в Заекаре против сербского короля Милана. С тех пор мысль о революции при помощи насилия и убийств не переставала оказывать влияние на некоторые группы сербов.

Но не все сербские студенты, обучавшиеся в Швейцарии, целиком усвоили эти воззрения. К последним принадлежал и Никола Пашич. Он верил в постепенный рост моральных и материальных сил Сербии, который должен был привести в конечном итоге к освобождению сербов и объединению всех их в одном мощном государстве – подобно тому как несколько раньше совершилось объединение Италии. Сербия должна была стать «балканским Пьемонтом». С этой целью Пашич основал в Сербии в 1881 году радикальную партию, которая под его достойным руководством сохраняла долгое время свое первоначальное наименование, хотя в настоящее время она по характеру своему представляет полную противоположность радикализму.

Программа радикальной партии, сформулированная в первом номере ее органа «Самоуправа» 8 января 1881 года, говорила о «благосостоянии и свободе народа внутри страны, независимости страны и объединении «с другими частями сербской нации за границей». Специальный отдел программы был посвящен необходимости организации и обучения сербской армии. В ожидании

того момента, когда армия должна будет приступить к действиям и выполнить поставленные ей задачи, программа в отделе «Иностранная политика» указывала, что «надлежит изыскать способы помочь путем интеллектуального развития разрозненным и неосвобожденным частям сербского народа и поддержать сознание единства нашей нации в сербских провинциях, которые, находясь вдали от нас, подвержены влиянию иностранных элементов». Другими словами, надлежало поддерживать недовольство в сербских областях, находившихся в пределах Турции и монархии Габсбургов, пока грядущая война за освобождение не присоединит их к Великой Сербии.

Эти две политические идеологии: с одной стороны – индивидуальные террористические акты, осуществляемые недоучившимися студентами и военной кликой, с другой стороны – национальное объединение при помощи хорошо подготовленного движения, которое должно было завершиться войной с Турцией и Австрией, как того требовала радикальная партия, – определяли сербскую политику до мировой войны, когда восторжествовала радикальная партия. Порою руководители обоих направлений действовали в согласии, как это было, например, во время дворцовых убийств 1903 года, но иногда они находились в резкой оппозиции друг к другу – например, весной 1914 года по так называемому вопросу о приоритете. Наличие этих двух программ дает нам ключ к запутанной и весьма спорной проблеме происхождения и взаимоотношений «Народной Одбраны» и «Черной руки», а также и к нашумевшему салоникскому делу 1917 года, которое так же разожгло политические страсти в Сербии, как дело Дрейфуса во Франции.

Пашич и радикалы быстро стали непримиримыми врагами короля Милана из-за его жестокой, кровавой расправы с бунтовщиками в Заекаре, из-за того, что он совершенно не считался с сербскими национальными интересами, и еще из-за скандального поведения короля в частной жизни: Милан подолгу жил в Вене, где проводил время в сомнительном обществе.

Впоследствии такая же враждебная позиция была усвоена по отношению к его преемнику, королю Александру, особенно когда тот женился на женщине сомнительного поведения, ставшей королевой Драгой. Королева Драга была бездетна, и многие подозревали ее в том, что она стремится сделать наследником престола одного из своих

братьев. Опасения и недовольство постепенно объединили многих радикалов и революционных офицеров армии в борьбе против существующего режима. Один сербский историк писал:

> *«То, что происходило при дворе и за его пределами, справедливо рассматривалось как позор для государства и нации. Беспрерывно раскрывались большие скандалы, которые создавали дурную репутацию Сербии и сербскому народу… Финансы были в плачевном состоянии, чиновники и офицеры месяцами не получали жалованья. После женитьбы короля все пошло еще хуже, чем раньше. Скандалы и всякие неожиданные перемены были обычным явлением. Мнимая беременность королевы, высокомерное и вызывающее поведение ее братьев еще более усиливали возбуждение, в особенности в кругах офицерства. Все это привело к тому, что около 80 офицеров и группа штатских образовали тайную организацию с целью убить короля, королеву и ее братьев. Большая часть заговорщиков состояла из молодых офицеров, проникнутых подлинным патриотизмом. Они видели, что страна приходит в упадок, что ее позорит своим управлением дурной и ничем не стесняющийся монарх. Они пришли к убеждению, что Сербия пренебрегает своими идеалами и задачами и даже вовсе забывает о них, потому что у нее плохое правительство. Глубокое убеждение, что на них лежит обязанность спасти государство и нацию, толкнуло этих людей на преступление, которое они оправдывали ссылкой на патриотический долг».*

В ночь на 11 июня 1903 года эти убийцы-патриоты внезапно ворвались во дворец, убили короля и королеву, пытавшихся спрятаться, хладнокровно пристрелили братьев королевы и убили нескольких министров. Одним из главных руководителей этой жестокой дворцовой революции был молодой армейский капитан Драгутин Димитриевич, который при этом был случайно ранен тремя пулями, так и не извлеченными у него до конца жизни. Другим руководителем был молодой лейтенант Танкосич, распорядившийся убить братьев королевы. Оба они впоследствии стали главарями «Черной руки» и

тоже в порядке «патриотического долга» участвовали в подготовке сараевского заговора против австрийского эрцгерцога.

После трагической ночи 1903 года, которая возвела Петра I Карагеоргиевича на залитый кровью трон Александра Обреновича, заговорщики, произведшие дворцовую революцию, продолжали поддерживать связь между собой, для того чтобы противодействовать возможной контрреволюции, а также ради личных интересов и политических выгод. Они часто собирались и вмешивались в политику партий, когда считали затронутыми свои интересы. Но когда в стране восстановилось равновесие и созданный ими новый режим уже казался достаточно прочным, их организация оказалась не нужной для ограждения безопасности государства и их вмешательство в политику вызывало недовольство у радикалов и у широкой публики. Поэтому военные заговорщики как организованная группа постепенно отходили на задний план, пока не возник новый кризис.

В 1908 году в день провозглашения Австрией аннексии Боснии и Герцеговины Милован Милованович, бывший тогда сербским министром иностранных дел, созвал у себя вечером нескольких министров и видных общественных деятелей. Среди приглашенных были Пашич, Люба Стоянович, профессор Люба Иованович, бургомистр города Белграда и другие. Все они собрались для того, чтобы обсудить, какие меры следует принять в ответ на австрийскую «провокацию». Было решено, что бургомистр пригласит на следующее утро в Городскую думу ряд видных сербских деятелей, в том числе историка Станоевича. На этом собрании была организована «Народна Одбрана». Это общество должно было обучать добровольцев и вообще всячески способствовать усилению Сербии на случай вооруженной борьбы с целью помешать Австрии осуществить ее аннексионистскую программу.

Всеобщее негодование, вызванное в Сербии тем, что Австрия нарушила условия Берлинского трактата и аннексировала сербские земли, о которых мечтала Сербия, снова привело к дружному сотрудничеству руководящих представителей обеих отмеченных выше тенденций. Таким образом, при основании «Народной Одбраны» в нее вошли политические лидеры радикальной партии и офицеры армии, вроде Димитриевича, Танкосича и генерала Бозо Янковича. В нее вошел также Живоин Дашич, директор правительственной типографии,

в которой работал Габринович перед тем, как отправился убивать Франца-Фердинанда. Членом этой организации был и Милан Прибышевич, брат которого Светозар являлся одним из наиболее ярых противников Австрии в хорватском сейме. Как передают, в день убийства эрцгерцога и его жены, он получил из Сараева телеграмму, в которой с явным намеком на совершенное преступление сообщалось: «С обеими лошадьми покончено»[21].

«Народна Одбрана» немедленно организовалась и приступила к работе. Центральный комитет, находившийся в Белграде, руководил работой окружных комитетов, которые были созданы в главнейших городах и включали особые секции для культурно-просветительной работы, физической подготовки, собирания денег, а в некоторых случаях и для сношения с соседними странами. Окружным комитетам были подчинены «уездные комитеты», «местные комитеты» и, наконец, «доверенные лица», находившиеся «в таких местах внутри страны, где в организации комитетов не представлялось надобности».

В Сербии эти комитеты и «доверенные лица» повсюду быстро сорганизовались. «Народна Одбрана» присоединила к себе и уже существующие патриотические общества вроде «Сокола», и стрелковые клубы, общества верховой езды, причем оказывала им финансовую помощь. Она начала вербовать комитаджей и обучать их метанию бомб, взрыванию железнодорожных путей, мостов и тому подобным приемам, которые предполагалось применить в партизанской войне с Австрией. Она собирала денежные средства, а своей активной пропагандой лихорадочного национализма возбуждала в населении ненависть к Австрии. Деятельность эта не ограничивалась одними только сербскими подданными: эмигранты, прибывавшие в Сербию из Боснии, тоже завербовывались, обучались предательской деятельности, а затем снабжались денежными средствами и возвращались в Боснию[22].

Гачинович, главный вождь террористического крыла революционного движения в Боснии, был первоначально тесно связан с «Народной Одбраной» в Белграде и работал для нее в Боснии; но впоследствии он присоединился к «Черной руке» и в соответствии с ее идеалами организовывал в Боснии террористические заговоры. Принцип, убийца эрцгерцога, по его собственному признанию на суде, был завербован в организацию «Народна Одбрана» в 1912 году,

получал от нее деньги и прошел курс обучения, полагающийся для комитаджей.

В самой Боснии подобные комитеты и «доверенные лица» подбирались для того, чтобы образовать шпионскую сеть и служить в качестве «туннеля» или «подземной железной дороги» для доставки пропагандистской литературы, оружия и для переправки заговорщиков через австро-сербскую границу в Боснию. Это видно из приведенного ниже донесения сербского офицера Косты Тодоровича, начальника пограничного поста на Дрине. Его донесение вместе с дневником и отчетностью были захвачены австрийцами в первые недели войны, и оно обстоятельно показывает, как действовал «туннель», который был первоначально организован «Народной Одбраной» в связи с аннексионным кризисом, а впоследствии поддерживался военными властями, участниками организации «Черная рука». Донесение Тодоровича, конечно, не было известно составителю австрийского досье, но оно было зачитано в заседании суда в октябре 1914 года, и достоверность его подтверждена Любой Иовановичем.[23] Ссылаясь на прилагаемое к отчету письмо доверенного лица в Боснии, Тодорович пишет следующее:

> *«План, к выполнению которого я приступил и к которому я отношусь с чрезвычайным вниманием, заключается в вербовке доверенных лиц [в Боснии]. Все они были членами организации во время аннексионного кризиса и потом отошли от нее, за исключением одного упомянутого [в письме] и еще двух-трех человек; некоторые же переехали в другие округа. «Народна Одбрана» в Шабаце тоже имеет несколько доверенных лиц, например, в Тузле и Соколаке. Связь до сих пор была слабая и недостаточная, потому что поддерживалась людьми, которые уделяли этому мало внимания. В соответствии с желанием военного министра я старался как можно лучше выполнять поставленные мне задачи и преподанные директивы, в особенности во всем, что касалось организационной работы здесь на месте… в районе Дрины связь восстановлена в достаточной степени; она идет через Зворник и Добовье. В других местах связь, существовавшая раньше, порвалась: в настоящее время она не нужна, так как гарнизоны из означенных пунктов уведены.*

Сообщение через Боснийские острова и Дральятша Врата удобно. Здесь имеются люди, очень пригодные для перевозки контрабанды. Туннели еще не все укомплектованы, но я надеюсь, что вскоре сумею прислать вам информацию и последние новости».

Далее отчет констатирует, что деятельность этих доверенных лиц внешне заключается в преподавании и в организации «побратимств» (братств по борьбе с алкоголизмом), потому что это превосходно маскирует их настоящее дело: шпионаж, контрабанду и заговоры.[24]

После того как в марте 1909 года аннексионный кризис был улажен, а Сербия, покинутая Россией, вынуждена была обещать прекратить революционную агитацию и в будущем поддерживать дружественные отношения с монархией Габсбургов, «Народна Одбрана» сделала вид, что превращается из агрессивной или революционной организации в общество, преследующее более похвальные «культурные» цели: народное просвещение, физическое воспитание и укрепление национальных идеалов. Хотя в своем официальном отчете организация еще провозглашала по-прежнему «Австрия – наш главный враг», однако там, где отчет подводил итоги, говорилось:

«Теперь "Народна Одбрана" в соответствии с условиями времени работает на новых началах, но все же сохраняет связи, создавшиеся в аннексионный период. Таким образом, она представляет сейчас то же, что и в аннексионный период… Тогда мы призывали к войне, теперь мы призываем к работе. Тогда нужны были собрания, демонстрации, добровольцы, оружие и бомбы, теперь нужна упорная, фанатическая, неутомимая работа и еще раз работа для того, чтобы выполнить задачи и обязанности, стоящие в центре внимания при подготовке к грядущей вооруженной борьбе».

Хотя несомненно, что характер деятельности «Народной Одбраны» после 1909 года несколько изменился в указанном здесь направлении, она никогда не была совершенно невинной «культурно-просветительной» организацией, как это часто утверждали. И точно так

же она никогда не прекращала своей пропагандистской деятельности на территории Габсбургов.

С другой стороны, верно и то, что непосредственная связь организации «Народна Одбрана» с сараевским убийством в австрийском ультиматуме и в досье была сильно преувеличена. Австрийцы сконцентрировали свое внимание на более раннем и агрессивном периоде ее деятельности, а не на последнем, когда преобладала культурно-просветительная работа. Это произошло главным образом потому, что они не знали о тайной деятельности сербских военных властей и не проводили достаточного различия между организациями «Народна Одбрана» и «Черная рука».

Тем не менее вполне очевидно, что «Народна Одбрана» втайне продолжала свою работу: держала «туннели», доставляла контрабандным путем революционную литературу из Белграда в Боснию. Она поддерживала контакт с «доверенными лицами», которые впоследствии были использованы «Черной рукой» и которые фактически оказали содействие убийцам эрцгерцога при переходе ими сербской границы. Она также инспирировала боснийских эмигрантов, попавших в Белград, и оказывала им помощь. Этим она способствовала росту революционного движения в Боснии и подготовке почвы для сараевского убийства. Первоначальный состав членов «Народной Одбраны» и меры, принятые радикальным правительством для того, чтобы придать ей внешний облик организации, преследующей культурно-просветительные цели, показывают, что Пашич и его коллеги прекрасно знали о ее деятельности в области пропаганды, шпионажа и вербовки доверенных лиц на австрийской территории. Даже и после 1909 года Пашич, очевидно, не считал это общество чисто культурно-просветительной организацией. Он сам говорит, что «по возвращении из Бухареста (в августе 1913 года) он посоветовал организации „Народна Одбрана” ничего не предпринимать против Австрии, потому что это может быть опасным».

«Черная рука»

Приблизительно с 1911 года снова стали проявляться разногласия между политическими лидерами радикалов и наиболее беспокойными и отчаянными офицерами армии. Радикалы полагали, что ввиду

позиции, занятой Россией, и дипломатического положения, создавшегося в Европе, сербам необходимо сохранять корректные и мирные отношения с Австро-Венгрией и в настоящее время ограничиваться накоплением сил для будущей борьбы, которая осуществит их конечную цель – создание Великой Сербии.

Как мы видели, это было теперь официальной политикой «Народной Одбраны». Но некоторые более пылкие и рьяные члены военной клики, произведшие дворцовую революцию 1903 года, были недовольны слишком умеренной политикой радикалов[25]. Они требовали «действий». Поэтому они возродили свою прежнюю организацию 1903 года в виде нового тайного общества, которое в уставе называется «Уедненье или Смрт» («Объединение или смерть»), а обыкновенно именуется «Черная рука».

Наиболее точные сведения о «Черной руке» содержатся в ее уставе и принятых ею постановлениях. Они были опубликованы в искаженном виде в книге «Tajna превратна организација», отчете о салоникском процессе, напечатанном в 1918 году, на который мы уже ссылались. В ту пору сербское правительство желало изобразить положение в таком виде, будто «Черная рука» является революционной организацией, действовавшей исключительно в пределах Сербии и стремившейся свергнуть стоявшую у власти радикальную партию и даже правящую династию, а потому некоторые параграфы устава и постановления, касавшиеся революционной и террористической деятельности общества за пределами Сербии, в этом издании были опущены. Но Богичевичу удалось на основании сведений, полученных от двух оставшихся в живых членов «Черной руки», восстановить полный текст устава и постановлений. Он сумел также установить имена значительной части членов общества и те секретные номера, под которыми они были известны. При этом оказалось, что в общество входило много сербских чиновников и военных. Мы будем здесь цитировать устав, ссылаясь на его текст.

Задачей «Черной руки» являлось: «Осуществление национального идеала – объединение всех сербов» (статья первая).

Статья 2-я гласила: «Организация отдает предпочтение террористическим действиям перед идейной пропагандой и поэтому должна быть совершенно тайной для тех, кто не является ее членами».

Для осуществления своих стремлений она старается приобрести влияние на правительственные круги и на разные классы Сербского королевства, которое рассматривается в качестве «Пьемонта».

Затем следуют параграфы, которые не вошли в издание 1918 года, но которые ясно свидетельствуют о террористической деятельности общества на территории монархии Габсбургов.

Статья 4-я (б): Общество организует революционную деятельность во всех областях, населенных сербами.

(в) За пределами Сербии оно борется всеми средствами с противниками этой идеи.

(г) Общество поддерживает дружественные отношения со всеми государствами, народами, организациями и частными лицами, которые дружественно относятся к Сербии и сербскому народу.

(д) Оно всячески поддерживает все народы и организации, борющиеся за национальное освобождение и объединение…

Статья 7-я: Центральный комитет в Белграде, кроме членов от королевства Сербского, включает по одному делегату от каждой из зарубежных сербских областей: 1) Боснии и Герцеговины, 2) Черногории, 3) Старой Сербии и Македонии, 4) Хорватии, Славонии и Сирмии, 5) Войводины, 6) Приморья (то есть Далмации).

Статья 18-я: Центральный комитет в Белграде поддерживает связь с комитетами, находящимися в зарубежных сербских областях, через уполномоченных, которые обычно являются членами Центрального комитета, в исключительном случае они делегируются специально.

Статья 19-я: Комитетам в зарубежных сербских областях предоставляется свобода действий, но выполнение более значительных по размерам революционных начинаний нуждается в предварительном одобрении Центрального комитета в Белграде.

Для того чтобы расширить состав общества и вместе с тем обеспечить полную тайну, повиновение и преданность обществу со стороны его членов, устав определял (статьи 23–33), что каждый новый член обязан привлекать со своей стороны новых членов, отвечая своей жизнью за лиц, введенных им в общество. Члены обыкновенно не знали друг друга по имени, а числились за определенным номером, который должен был сохраняться в тайне. Имена членов были известны только Центральному комитету в Белграде.

«Интересы организации надлежит ставить выше всего. Каждый из членов, вступающих в организацию, должен уяснить себе, что тем самым он всецело жертвует собой и не может рассчитывать ни на славу, ни на личные выгоды…

Если Центральный комитет в Белграде произнесет смертный приговор, то единственно важным является, чтобы приговор этот был осуществлен во что бы то ни стало. Способ осуществления безразличен».

Прием новых членов происходил в темном помещении, освещенном только восковой свечкой, перед маленьким столиком, покрытым черным сукном, на котором лежали крест, кинжал и револьвер. Кандидат клялся: «Солнцем, которое греет меня, землей, которая кормит меня, кровью моих предков, моей честью и жизнью моей перед Господом Богом клянусь, что с настоящего момента до смерти я буду неуклонно следовать правилам этой организации и всегда буду готов принести для нее любую жертву». На печати «Черной руки» были многозначительно изображены: флаг, череп, положенные крест-накрест кости, кинжал, бомба, пузырек с ядом и надпись: «Уедненье иди Смрт».

Вдохновителем и руководителем этого своеобразного общества, которое по духу своему скорее подходило к XVI, чем к XX веку, был полковник Драгутин Димитриевич, начальник отдела контрразведки при сербском Генеральном штабе, человек необузданный, благородный, окруженный поклонением и вместе с тем детски примитивный в стиле Ренессанса. Характеристику, данную ему Станоевичем, мы уже привели выше. Последняя страница устава помечена: «Белград, 9 мая 1911 г.». Имя Димитриевича фигурирует в списке членов за № 6.

Его главным помощником был майор Войно Танкосич; он тоже играл руководящую роль в убийстве короля в 1903 году. Впоследствии Танкосич организовал школу для комитаджей, где обучал боснийских эмигрантов, приезжавших в Белград. В 1908–1914 годах он пользовался среди них большим влиянием. Его характеризуют как человека спокойного, уравновешенного, обходительного в частной жизни и производящего впечатление сдержанного и даже робкого. Но он обладал суровым, необузданным, не поддающимся дисциплине нравом. Как вождь комитаджей в Македонии, он был известен невероятной суровостью в отношении к своим соратникам, а также личным

героизмом, храбростью и присутствием духа. Он, несомненно, был честным и стойким патриотом; убеждение, что он выполняет свой патриотический долг, оправдывало в его глазах многие из его ужасных деяний.

Другим членом «Черной руки» был Милан Циганович (№ 412), фигура более таинственная и загадочная. В свое время он эмигрировал из Боснии в Белград и во время Балканской войны с турками служил под начальством Танкосича в качестве комитаджа. В 1914 году он в виде синекуры занимал небольшую должность на сербских казенных железных дорогах. Многие считают, что он вступил в организацию «Черная рука» для того, чтобы информировать Пашича. Танкосич и Циганович принимали непосредственное участие в подготовке заговора в Белграде: они снабдили трех молодых людей, отправлявшихся убить Франца-Фердинанда, бомбами, браунингами и ядом, который надлежало принять немедленно по совершении покушения на эрцгерцога.

Другим из наиболее старых членов «Черной руки» был Владимир Гачинович, который в списке членов, опубликованном в издании «Tajna превратна организација», фигурирует за № 217. Как мы увидим ниже, этот человек развил деятельную террористическую пропаганду в Боснии своими литературными произведениями и организацией тайных террористических групп.

Из других членов «Черной руки» у Богичевича указаны следующие:

Душан Обткрич (№ 166), близкий друг Любы Иовановича, Михаил Живкович (№ 442), секретарь сербского кассационного суда, Дмитрий Новакович (№ 471), секретарь белградского университета, Милан Гаврилович (№ 406), секретарь Министерства иностранных дел, а впоследствии редактор газеты «Политика», М.А. Иованович (№ 401), секретарь железнодорожного управления, Боголюб Вутчевич (№ 407), полицейский комиссар, и Станое Симич (№ 467), чиновник Министерства иностранных дел.

Эти имена показывают, что «Черная рука» не была исключительно военной организацией, как это часто изображают. Вместе с тем из этого списка видно, что она не так уж разнилась от «Народной Одбраны» и не находилась по отношению к ней в такой оппозиции, как это тоже часто изображали. Хотя действительно, как это было указано выше,

«Народна Одбрана» утверждала, что она занималась культурной подготовкой Великой Сербии, а «Черная рука», проявлявшая большее нетерпение, предпочитала действовать путем террористических убийств, но у обоих обществ конечная цель была одна и та же, и даже многие из членов числились в обеих организациях. Милан Ваеич был одним из десяти членов Верховного центрального комитета «Черной руки» в Белграде, и в то же время убийцы эрцгерцога называли его секретарем «Народной Одбраны» и говорили, что он снабжал их деньгами и революционной литературой.

Обе организации пользовались в Боснии одними и теми же доверенными лицами и имели общий «туннель» для сношения с ними. Например, Радо Малобабич, австрийский серб, осужденный за государственную измену в Аграме и ставший доверенным лицом «Народной Одбраны» в 1911 году, был в 1913 году рекомендован полковнику Димитриевичу Тодоровичем, начальником пограничной стражи в Лознице, а затем стал одним из главных шпионов «Черной руки» и сербской контрразведки. Связь между обоими обществами была такой тесной, что члены комиссии Карнеги по изучению Балканских войн не могли уловить разницу между ними.

Три молодых человека, собиравшиеся убить эрцгерцога, старались создать на суде впечатление, что они в Белграде поддерживали связь скорее с «Народной Одбраной», чем с «Черной рукой». Они заявили, что знают о последней только по слухам и на основании газет, но вместе с тем они признали, что, по их наблюдениям, Танкосич и Циганович были в плохих отношениях с «Народной Одбраной» и, может быть, достали им бомбы и браунинги, «потому что являлись членами другого общества».

Революционное движение в Боснии

Приблизительно с середины прошлого столетия и до мировой войны антагонизм между австро-венгерскими властями и угнетенными нациями в двуединой монархии все более возрастал. Это объясняется отчасти развитием национального чувства, которое все более усиливалось в течение XIX столетия, а отчасти гнетом со стороны габсбургского правительства и его невниманием к стремлениям славянских и румынских подданных монархии.

Особенно резкие формы принял этот антагонизм в Боснии и Герцеговине после оккупации их Австрией в 1878 году и усилился после аннексии в 1908 году. Недовольство усиливалось вследствие закрытия боснийского сейма и исключительных законов, которые были введены в действие, когда победы Сербии и значительное расширение ее территории в 1912 году вызывали брожение в народе. Но в 1913–1914 годах, когда Боснией и Герцеговиной управлял граф Билинский, сейм был снова открыт, исключительные законы отменены, печати была предоставлена широкая свобода и прилагались большие усилия в целях улучшения политических и экономических условий в Боснии.

Билинский, сам славянин (галицийский поляк), более сочувственно относился к сербам, чем его немецкие и мадьярские коллеги. Он надеялся при помощи примирительной политики добиться от сербского населения приблизительно такой же лояльности в отношении Габсбургов, какой отличались хорватская и магометанская части населения этих недавно аннексированных провинций. По переписи 1910 года, население Боснии и Герцеговины делилось по вероисповеданию (которое в данном случае является наиболее существенным фактором) на православных, магометан и католиков; их соотношение приблизительно определялось следующей пропорцией: 4:3:2. По переписи, насчитывалось 825 тыс. православных (главным образом сербов), 612 тыс. магометан, главным образом сербов и турок, и 442 тыс. католиков, главным образом хорват.

Всего в Боснии и Герцеговине (включая евреев, небольшое число протестантов и цыган) было около 9 900 000 жителей. В общем, можно сказать, что православные тяготели к сербам в соседних королевствах. У католиков не было единства; с одной стороны, у них наблюдалась лояльность по отношению к Австрии и более высокая культура связывала их с Западом, а с другой стороны, националистические устремления влекли их к образованию сербскохорватского союза – или в качестве самоуправляющейся единицы в организованной на федеративных началах триалистической монархии Габсбургов, или в виде части Великой Сербии, или же в форме независимой Югославянской федерации. Магометане, в общем, были верны монархии Габсбургов.

Этим четырем политическим тенденциям соответствовали и четыре главные политические партии:

1. «Србска речь» (сербская: партия, возглавляемая Г. Евтановичем и Солой) и «Народна странка» (Националистическая партия); обе они вели резко оппозиционную политику по отношению к австрийским властям.

2. Лояльное сербское меньшинство под руководством Димовича и лояльные хорваты, прежде составлявшие часть партии Старчевича, но в 1914 году проявлявшие антисербскую тенденцию и известные под наименованием «Erankovacka Stranka» – по их вождю, венгерскому еврею Франку.

3. «Starcevickanjaka Stranka», основанная полвека тому назад хорватским патриотом Старчевичем[26].

4. Лояльная Магометанская партия.

Но примирительная политика Билинского не встретила почти никакого отклика, наоборот, она была истолкована как проявление слабости и упадка Австрии, дала повод к дальнейшим открытым нападкам со стороны печати и усилила подпольное революционное движение против австрийских властей.

Вышеупомянутые боснийские партии в 1914 году представляли собой то, что Евтич называет «старшим поколением». Эти партии выражали мнение политических дельцов и буржуазии, получившей образование в университетах. Хотя в боснийском сейме они представляли оппозицию, но большею частью они довольствовались легальными средствами и рассчитывали на большие политические уступки со стороны австрийских властей. Это были элементы, которые Австрия надеялась расколоть и направить друг против друга, так как власть Габсбургов предполагалось поддерживать при помощи политики «разделяй и властвуй».

В противоположность этому старому поколению новое поколение носило совершенно другой характер. Оно появилось в Боснии в первые годы XX столетия и было известно под названием «Молодая Босния» («Млада Босна»). Оно было недовольно политическими дельцами, буржуазией и всеми легальными формами оппозиции. Триализм как решение сербско-хорватского национального вопроса отвергался ими во всех его видах. Ряды «Молодой Боснии» пополнялись «выходцами из низших классов» – крестьянами, поденщиками, школьными учителями, детьми священников и молодыми студентами[27].

Это была молодежь нетерпеливая и отчаянная, она питалась русской революционной и анархической литературой, в особенности произведениями Герцена и Кропоткина, и ее распаляли успехи насильственных методов, применявшихся в русской революции 1905 года. Среди нее процветал культ индивидуального действия – вера в то, что террористические убийства являются лучшим средством для того, чтобы быстрее покончить с умеренной тактикой боснийских политиков, уничтожить австрийскую власть и подготовить путь для нового югославянского национализма. Революционный террор должен был служить двум целям: вызвать панику в правительственных кругах и подъем национального чувства в массах.

Первым получившим широкую известность проявлением этого нового культа был подвиг Богдана Жераича, серба из Герцеговины. Сербский офицер Воин Симич, вскоре ставший членом «Черной руки» за № 111, научил его во Вранье стрелять из револьвера. После этого Жераич в 1910 году вернулся в Боснию, произвел в Сараеве пять выстрелов в губернатора генерала Варешанина и тут же покончил с собой. Рассказы о том, как генерал пренебрежительно отшвырнул ногой на сараевском мосту труп Жераича, покрытый грязью и кровью, а также о том, как Жераича похоронили на той части кладбища, где хоронили только самоубийц и преступников, распространились по всей стране и сильно способствовали тому, что боснийская молодежь загорелась желанием подражать его примеру и отомстить за него. Сербы в Боснии и Сербии немедленно провозгласили его героем и первым мучеником.

Два месяца спустя, в день рождения императора Франца-Иосифа 8 августа 1910 года «Белградский политик» напечатал у себя большой портрет Жераича вместе с зажигательным стихотворением и панегириком, в котором говорилось: «Сегодня мы тоже зажжем свечу на его могиле и крикнем: “Слава Жераичу!”». Могила его украшалась свежими цветами и стала местом паломничества для боснийской молодежи, проникнутой националистическим фанатизмом и желанием последовать его примеру, чтобы приобрести такую же славу, как он. Рассказывают, что Принцип вечером накануне того дня, когда он стрелял в эрцгерцога, возложил цветы на могилу Жераича и поклялся, что его рука завтра не дрогнет. Нет ничего удивительного, что на неуравновешенную боснийскую молодежь, в головах которой смешались анархизм, социализм и национализм, акты политических

убийств, вроде произведенного Жераичем, оказывали сильное психологическое действие.

Наиболее влиятельным деятелем революционного движения в Боснии и вдохновителем боснийских студентов, участников заговора против эрцгерцога, был Владимир Гачинович. Он был сыном православного священника в Герцеговине; отец желал, чтобы он тоже стал священником, и отправил его в семинарию, но Гачинович забросил богословские науки и стал читать русскую революционную литературу. Весной 1909 года во время аннексионного кризиса он приехал в Белград, где установил связи с руководителями только что организованной «Народной Одбраны», а также с наиболее крайними элементами, которые склонялись к «прямым действиям» и впоследствии организовали «Черную руку».

Гачинович оставался в Сербии несколько лет и находился под влиянием Скердича, деятельно пропагандировавшего антиавстрийские революционные идеи. Затем по поручению «Народной Одбраны» он вернулся в Боснию и, по словам одного из своих сторонников, «говорил, будил народ и снова исчезал, как тень, словно проваливался сквозь землю, чувствуя, что за ним по пятам следуют австрийские агенты, среди которых встречались и сербы».

Гачинович поступил в Венский университет, но больше занимался организацией революционного движения среди студентов-славян, чем науками. В Вене он написал также свой известный панегирик «Убийце Жераичу», который, как удачно сказал Сетон-Уотсон, «странным, извращенным идеализмом и высокопарным стилем характерен для начинавшегося революционного движения». Гачинович жаловался, что сербское общественное мнение не обращает достаточного внимания на «тех, кто приходит теперь», кто ставит себе целью «зажечь революцию в умах молодых сербов, для того чтобы спасти их от губительного действия антинациональных идей и подготовить к тому, чтобы разорвать свои цепи и заложить здоровый фундамент для светлой национальной жизни в будущем».

Сославшись на пример Орсини, который покушался на убийство Наполеона III, и выразив одобрение русским террористам, Гачинович превозносит Жераича «как человека действия, человека сильного и доблестного, как одного из тех, которые начинают собой новую эпоху, провозглашают идеи и оживляют страждущие сердца». Он призывал

молодых сербов отомстить за мученичество Жераича, подражая его примеру. Эта брошюра была издана анонимно в Белграде и напечатана в типографии «Пьемонта» – органа великосербского движения и группы «Черная рука». Из Белграда она была доставлена контрабандным путем в Бдению и там широко распространена среди молодых студентов, на которых оказала большое и решающее влияние.

В 1912 года Гачинович снова оказался в Белграде – по всей вероятности, в связи с печатанием своей брошюры. «Народна Одбрана» показалась ему слишком умеренной, и он примкнул к «Черной руке», которая тогда только что организовалась. Имя его фигурирует за № 217 в списке членов, опубликованном сербским правительством в связи с салоникским процессом. Утверждают, что он получал деньги от обоих обществ, а также имел стипендию от отдела пропаганды при сербском Министерстве иностранных дел. Это позволило ему отправиться в Лозанну для продолжения университетских занятий[28]. Здесь он завязал непосредственные отношения с разными русскими революционерами, в том числе с Троцким, который за подписью Л.Т. написал введение к сборнику статей Гачиновича на французском языке.

Тем временем Гачинович успел еще съездить в Боснию и организовать среди радикальной молодежи «Молодой Боснии» тайные революционные кружки, известные под наименованием «кружочи». То были «небольшие группы надежных лиц, которые не знакомы друг с другом, но поддерживают между собою связь через посредников». Такой способ организации характерен также и для «Черной руки», у которой Гачинович и заимствовал эту идею. Таким образом, «Черная рука» получила целую сеть связанных с ней групп, разбросанных по всей Боснии и другим сербским областям Австро-Венгрии.

Студенты, крестьяне, рабочие, составлявшие главную массу членов этих кружков за пределами Сербии, по всей вероятности, не являлись в полной мере членами «Черной руки», но она могла использовать их для революционной агитации и террористической деятельности в Боснии[29]. Нет возможности определить число этих кружков, но несомненно, что они существовали во всех городах, где имелись средние учебные заведения: в Баня-Луке, в Тузле, в Монастыре, в Требинье и в особенности в Сараеве. Одной из наиболее деятельных и живых групп, служившей примером другим, была группа, организованная Гачиновичем в доме Данилы Илича в Сараеве. Через

нее проходили все наиболее активные революционеры. Это был руководящий орган всех националистических течений в стране. Он поддерживал, прямо и косвенно, весьма тесные сношения с эмигрантами в Белграде.

Революционное брожение, охватившее боснийскую молодежь, находило себе выражение в частых поездках боснийской молодежи в Сербию и обратно. Эти «эмигранты» стремились вырваться из затхлой атмосферы монархии Габсбургов и подышать более родным для них воздухом Белграда. Здесь их хорошо принимали, и им легко было получить свидетельство об окончании образования. Например, Принцип с личного разрешения Любы Иовановича, сербского министра народного просвещения, меньше чем в два года прошел три класса – несмотря на то что тратил много времени на политические дискуссии и на разъезды взад, и вперед.

Деятельность эмиграции можно хорошо проследить на примере трех молодых людей, которые участвовали в убийстве Франца-Фердинанда.

Гаврила Принцип родился в Грохове, в Западной Боснии, в глухой гористой местности у берегов Далмации. Сначала он прилежно учился в школе, но так как его занятия часто прерывались политической пропагандой, то его несколько раз исключали. В конце концов он приехал в Сараево, где оставался в течение месяца. В мае 1912 года он прибыл в Белград, якобы для того, чтобы продолжать свое образование, но когда его на суде спросили, для чего он приехал туда, он ответил: «Это мое дело».

Как раз в это время Гачинович организовывал кружок в Сараеве и внушал тамошней молодежи, что необходимо участвовать в революционной агитации. Весьма вероятно, что поездка Принципа в Белград была внушена именно им. Во всяком случае, в кофейнях Белграда Принцип быстро завел знакомство с комитаджами из «Черной руки» и, по собственному его заявлению, был принят в число членов «Народной Одбраны» ее секретарем майором Васичем, который был в то же время одним из видных членов «Черной руки».

Когда вспыхнула Балканская война, Принцип отправился на турецкую границу, для того чтобы пройти курс военного обучения в качестве комитаджа под руководством майора Фанвосича, другого видного террориста и агитатора из организации «Черная рука». Но так

как Принципу было только шестнадцать лет и он был физически слаб, то Танкосич его не принял. Зато он усвоил террористические идеи «Черной руки» и в течение следующих пятнадцати месяцев занимался организацией заговора вместе с Гачиновичем и Иличем, разъезжая между Белградом и Гаджичей, деревней, находящейся на расстоянии приблизительно 6 миль на запад от Сараева. Здесь он провел зиму 1913–1914 годов и в феврале 1914 года вернулся в Белград.

Неделько Габринович, который бросил бомбу в австрийского эрцгерцога, плохо учился в школе и из-за этого, а также вследствие ссоры с отцом из школы ушел[30]. Он перепробовал разные профессии и в конце концов стал наборщиком. Не поладив с несколькими предпринимателями, он отправился в Белград, где нашел работу в типографии, печатавшей анархистскую литературу, – здесь он проникся анархическими воззрениями. Но потом он заболел и вернулся в Сараево, причем привез туда анархистские книги, часть которых мать его впоследствии сожгла.

В Сараеве он проработал в 1912 году несколько месяцев, пока вследствие участия в забастовке наборщиков и вследствие других поступивших на него жалоб сараевские власти не выслали его из города. Тогда он снова отправился в Белград, где сошелся с Принципом, хотя в то время они еще держались разных политических взглядов. Тогда же он вступил в сношения с «Народной Одбраной»: ему нужны были деньги, чтобы вернуться в Сараево, и один из приятелей посоветовал ему обратиться в это сербское общество, сказав, что оно часто тайным образом помогает боснийским эмигрантам. Габринович так и сделал, и тот же майор Васич, который одновременно был деятельным членом «Черной руки» и покровительствовал Принципу, дал ему 15 динаров и некоторое количество литературы «Народной Одбраны» и напутствовал его советом: «Будь всегда хорошим сербом».

В декабре 1912 года Габринович вернулся в Сараево, но, не поладив здесь со своими приятелями, переехал в Триест, где некоторое время работал в газете. Оттуда в октябре 1913 года он отправился в Аббацию, где, по последним опубликованным сведениям, рассказал одному из своих приятелей о своем намерении убить эрцгерцога Франца-Фердинанда. Приятель помог ему снова съездить в Белград, где он через Живоина Дачича, одного из основателей «Народной Одбраны» и вместе с тем директора сербской правительственной типографии,

получил место в этой типографии. Здесь он на Пасху 1914 года получил от одного из членов сараевского «кружка» газетную вырезку, сообщавшую о предстоящем посещении эрцгерцогом Боснии. Он тотчас же решил воспользоваться этим удобным случаем для того, чтобы осуществить свое намерение убить Франца-Фердинанда, и тогда же выяснилось, что деятели «Черной руки» готовы снабдить его и двух его товарищей эмигрантов требующимися для этого дела бомбами и револьверами.

Третьим членом студенческого трио, организовавшего в Белграде заговор с целью убить в Сараеве Франца-Фердинанда, был Трифко Грабец. Он был исключен из средней школы в Тузле за то, что осенью 1912 года дал пощечину учителю. После этого он на шесть месяцев уехал к отцу в Пале, находящееся приблизительно в 12 милях на восток от Сараева. Затем он отправился в Белград для завершения образования, и к Пасхе 1914 года успел пройти пятый, шестой и седьмой классы. В Белграде он встретился с Принципом и другими эмигрантами, стал пылким сербским националистом и пожелал принять участие в политическом убийстве.

Тем временем Гачинович в Лозанне задумывал убийство видных австрийских чиновников. Впрочем, на этот счет показания его товарищей по конспирации в отдельных подробностях расходятся. По версии, сообщаемой Сетон-Уотсоном, на основании сведений, полученных им от лиц, проживающих в настоящее время в Сараеве, дело происходило следующим образом: в январе 1913 года Гачинович предложил нескольким молодым боснийцам, в том числе двум мусульманам, Мехметбашичу и Мустафе Голубичу, встретиться с ним в Тулузе[31]. Здесь он снабдил их оружием для покушения на жизнь боснийского губернатора, генерала Потиорека, и ядом, для того чтобы покончить с собой после покушения. Но у молодых конспираторов не хватило выдержки. Испугавшись таможенного осмотра на австрийской границе, они, подъезжая к ней, выбросили оружие из окна вагона, так что из всего плана ничего не вышло.

Через год, весной 1914 года Данило Илич сам стал подбирать молодежь, готовую пойти на какое-нибудь отчаянное дело. Но они не имели определенного ясного представления, кого избрать своей жертвой, пока не появилось сообщение о намерении эрцгерцога посетить Боснию. Сообщение это было вырезано из газеты приятелем

Илича Пушарой, проживавшим в Сараеве; он наклеил его на листок бумаги и без всяких комментариев отправил Габриновичу в Белград. Габриновичу и Принципу, у которых головы уже были заполнены террористическими идеями, это сообщение внушило мысль убить Франца-Фердинанда. В то время как они успели привлечь на свою сторону еще третьего молодого человека, Грабеца, и получить оружие от Танкосича и Цигановича, Илич совершенно независимо от них продолжал свои приготовления в Сараеве, снабдил оружием трех других молодых людей – Цветко Поповича, Вазо Чубриновича и Мухамеда Мехметбашича, которые все не имели никакой связи с Белградом.

Таким образом, инициатива принадлежала не тем, кто так неосторожно снабдил оружием трех молодых людей в Белграде. Она принадлежала Иличу и Пушаре в Сараеве, а в первую очередь – Гачиновичу в Лозанне. То есть, по версии Сетон-Уотсона, выходит, что заговор исходил из Боснии, а не из Сербии[32] и что Данило Илич принимал в этом деле весьма значительное участие.

По другой версии, сообщенной Богичевичу двумя сербами, Павлом Бастаичем и Мустафой Голубичем, из которых последний сам присутствовал на тулузском свидании в январе 1914 года (а не в январе 1913 года) на улице Сен-Жером в ресторане того же названия, на этом свидании присутствовали только Голубич, Мехметбашич и Гачинович. Мысль об этом свидании подал Войя Танкосич в Белграде. Целью свидания была подготовка убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда и других видных австрийских правительственных деятелей, чтобы вызвать этим движение среди славян монархии Габсбургов.

После свидания в Тулузе Гачинович написал Принципу и просил его приехать вместе с Данилой Иличем в Лозанну – для того чтобы детально договориться о совершении этих убийств. В конце января 1914 года Мехметбашич вернулся из Тулузы в Герцеговину и вскоре после этого отправился к Иличу в Сараево, чтобы предоставить себя в его распоряжение для убийства генерала Потиорека. Но Илич сказал ему, что нет надобности убивать Потиорека, потому что решено убить эрцгерцога и последнее гораздо важнее. Действительно, как только Илич и Принцип получили письмо Гачиновича, приглашавшее их в Лозанну, Принцип отправился в Белград, чтобы получить разрешение на эту поездку. Но Танкосич, выполнявший распоряжения

Димитриевича, сказал, что ехать незачем, так как в Белграде тоже решено, что следует убить эрцгерцога. Поэтому Принципа задержали в Белграде до конца мая, и Циганович обучал его стрельбе из револьвера.

Целый ряд фактов подтверждает, видимо, вторую версию, по которой, намерение убить эрцгерцога существовало раньше, чем появилось сообщение о предстоящей поездке его в Боснию, причем инициатива исходила не из Боснии, а из Белграда, от майора Танкосича, сербского офицера и одного из наиболее деятельных руководителей «Черной руки».

Во-первых, все данные говорят за то, что свидание в Тулузе происходило в январе 1914 года, а не в январе 1913 года. Зимой 1912–1913 годов, во время первой Балканской войны, Гачинович участвовал в военных действиях под Скутари и посылал интересные корреспонденции с фронта в националистическую сербскую газету «Народ», поэтому вряд ли он мог быть в Тулузе в январе 1913 года[33]. Но год спустя, когда сербский национализм и сербские притязания колоссально возросли в результате побед, одержанных над Турцией и Болгарией, для Гачиновича настал вполне подходящий момент организовать убийство австрийских государственных деятелей с целью еще более ускорить осуществление сербских или югославянских националистических вожделений. Далее верно, что Принцип прибыл из Сараева в Белград в феврале 1914 года… Это совпадает с показаниями обоих лиц, у которых почерпнул свои сведения Богичевич: они сообщили ему, что Принцип отправился из Сараева в Белград по получении письма от Гачиновича, вскоре после того, как состоялось свидание в Тулузе в январе 1914 года.

Во-вторых, показания на процессе убийцы, касающиеся Данилы Илича, во многом подтверждают версию Богичевича и противоречат версии Сетон-Уотсона; Илич был одним из более активных членов сараевского «кружка», он был приблизительно лет на пять старше остальных заговорщиков, большинству которых было меньше 20 лет. Сначала он был учителем, потом служил в банке, а в июне 1913 года уехал в Белград.

В Белграде Илич прожил два месяца, посещал кофейни, в которых обыкновенно бывали боснийские эмигранты и члены «Черной руки» вроде Цигановича и Танкосича. «Там он видел, как каждый комитадж умеет раздобыть себе бомбы». Подобно другим боснийцам,

попадавшим в сербскую столицу, он набирался здесь идей о борьбе и агитации посредством террористических актов, убийств высших должностных лиц, которые были широко распространены среди комитаджей.

По возвращении в Сараево он занялся писанием статей для националистических сербских газет и революционной пропагандой среди боснийской молодежи, а кроме того, подготовкой заговора вместе с Гачиновичем в Лозанне и в Тулузе. Не имея постоянного заработка, он поселился у матери, которая имела собственный дом и жила на средства, получаемые ею от сдачи квартир. Хотя показания Илича после ареста и на суде в 1914 году часто были запутаны и противоречивы – очевидно, потому, что он старался избежать обвинительного приговора, – но все же он признал, что в начале 1914 года имел разговор с Мехметбашичем о том, что политические убийства нужны как лучшее средство для осуществления югославянских идеалов. По-видимому, это было как раз после возвращения Мехметбашича из Тулузы и прежде, чем появилось сообщение о предстоящей поездке эрцгерцога в Боснию. Илич показал, что в результате разговора с Мехметбашичем

> *«они пришли к полному согласию относительно необходимости совершения крупного террористического акта. Это было еще раньше, чем явилась мысль произвести покушение на наследника престола… Так как у нас не было оружия, то мы решили отправиться за ним в Сербию, потому что здесь, в Боснии, получить его нельзя, а кроме того, в Сербии оно дешевле. Мы не знали, кто из нас отправится в Сербию, все же тот, кто первый собрался бы поехать туда, должен был сообщить другому, что он едет за оружием».*

Но некоторое время спустя Илич получил письмо от Принципа, после которого ни ему, ни Мехметбашичу не было надобности самим ехать в Сербию за оружием:

> *«Однажды под Пасху, – я уже не помню точно дня – я получил письмо от Принципа из Белграда, в котором тот сообщал, что он намерен совершить убийство и достанет*

оружие, и чтобы я подобрал нескольких товарищей. Впоследствии я подобрал несколько человек… Когда я получил письмо от Принципа, я написал Мехметбашичу (в Монастырь) и сообщил ему, что оружие будет».

Принцип тоже показал на суде:

«Я написал ему [Иличу] из Белграда в весьма неопределенных выражениях, что я совершу убийство… [по прибытии в Сараево, приблизительно за три недели до совершения преступления] я сказал ему [Иличу], что он должен подобрать нескольких годных для этого дела людей, – таких, на которых можно было бы положиться»[34].

Эти показания двух конспираторов, сделанные ими независимо друг от друга, показывают, что Илич не располагал никаким оружием, за исключением того, которое Принцип и оба его товарища собирались доставить из Сербии, и далее – что мысль о приискании еще нескольких участников исходила от Принципа, а не от Илича. Неясно только, содержалось ли это предложение уже в письме Принципа или оно было сделано им лично по прибытии в Сараево.

Главным руководителем был не Илич, а Принцип, и инициатива исходила из Сербии, а не из Боснии. Показания этих обоих людей явно противоречат версии Сетон-Уотсона, что «в начале 1914 года Илич сам стал подбирать молодежь» и что в то время, как Принцип, Габринович и Грабец достали оружие в Белграде, «Илич совершенно независимо от них продолжал свои приготовления в Сараеве и снабдил оружием трех других молодых людей – Цветко Поповича, Вазо Чубриновича и Мехметбашича, – из коих никто не имел никакой связи с Сербией».

В действительности Илич стал подбирать молодежь только после того, как получил письмо от Принципа, и весьма вероятно – лишь тогда, когда Принцип уже прибыл в Сараево, за три недели до совершения преступления[35]. Также не соответствует действительности, что, в то время как Принцип и оба его товарища еще находились в Белграде, Илич продолжал свои приготовления в Сараеве совершенно независимо от них и вооружил трех остальных юношей. У Илича не было оружия, пока его не достал Принцип.

Здесь же следует отметить, что ни у Илича, ни у его сараевских юнцов не оказалось достаточно выдержки и решимости для того, чтобы совершить это дело. В роковой день никто из них не шевельнул даже пальцем. Если бы Принцип и Габринович не явились из Белграда со вполне определенным намерением, то эрцгерцог, вероятно, уехал бы из Сараева цел и невредим. Об этом мы еще скажем подробнее ниже, при обсуждении вопроса об ответственности за преступление.

Далее, нет никакого сомнения в том, что версия Сетон-Уотсона правильна постольку, поскольку она касается газетной вырезки, отправленной на Пасху Габриновичу из Сараева в Белград. Но следует отметить, что Принцип самым энергичным образом заявил, что еще до получения этой вырезки у них уже имелось намерение совершить это деяние. «Я знаю определенно, что, еще прежде чем Габринович получил вырезку, я сказал ему, что я совершу это убийство».

Из двух версий – Сетон-Уотсона и Богичевича – последняя во многих отношениях ближе к истине. Обе они содержат утверждения, которые трудно принять, но не подлежит сомнению, что действительная инициатива заговора исходила от Принципа в Белграде, а не от Илича в Сараеве. Очевидно, совершение политического убийства было задумано зимой 1913–1914 годов Принципом, Гачиновичем и Иличем, и для этого состоялось свидание в Тулузе. Но, по всей вероятности, заговорщики еще не окончательно решили, кто должен быть жертвой – австрийский эрцгерцог или генерал Потиорек, которого ненавидели как человека, непосредственным образом ответственного за суровый австрийский режим в Боснии. Видимо, первоначально предпочли избрать объектом мести губернатора Боснии, а не наследника престола.

Однако вполне возможно, что Принцип, как он говорит, имел уже намерение убить эрцгерцога. Представляется также вполне вероятным, что в этом решении его укрепил – если только он не внушил его – Циганович в Белграде, который был близким человеком к майору Танкосичу, и он же потом получил от Танкосича браунинги для убийства эрцгерцога. И Принцип и Габринович заявили на суде, что Циганович сказал им, что масоны уже в 1913 году постановили убить эрцгерцога, но что постановление это не было выполнено, потому что не нашлось человека, который бы совершил это дело. Все трое молодых людей утверждали, что Циганович и Танкосич являются членами

масонской ложи в Белграде, а Габринович упоминал и об их переговорах с каким-то таинственным человеком, который то появлялся, то исчезал и наконец сказал, что пора переправиться через границу в Боснию и совершить убийство Франца-Фердинанда.

Трудно сказать, действительно ли масоны вынесли такое постановление или такая мысль явилась потому, что Франц-Фердинанд был известен как ревностный католик, то есть был ненавистен франкмасонам. Возможно также, что Циганович и друзья его пользовались масонами как удобной ширмой, для того чтобы скрыть деятельность «Черной руки»[36]. Но, во всяком случае, из этих показаний явствует, что молодые люди в Белграде обсуждали вопрос об убийстве эрцгерцога.

В общем, из всего этого можно сделать вывод, что на совещании в Тулузе в январе 1914 года Гачинович вместе с Принцином и Иличем задумали терроризовать австрийские власти посредством убийства эрцгерцога или генерала Потиорека, скорее всего, последнего. Но из этого заговора ничего не вышло – или потому, что у убийц не хватило выдержки, или потому, что в Белграде тем временем наметили в качестве жертвы эрцгерцога. После этого в феврале 1914 года Принцип прибыл в Белград с решением убить эрцгерцога; там он вошел в сношения с Цигановичем, а через него с майором Танкосичем. Когда была получена газетная вырезка с сообщением о предстоящей поездке эрцгерцога в Боснию, все трое ухватились за эту поездку как великолепный случай для совершения убийства, которое они уже обсуждали между собой. Принцип написал Иличу в Сараево, что он решил совершить этот акт и что он привезет оружие.

Во всяком случае, инициатива заговора исходила от группы боснийских революционеров – Гачиновича, Принципа, Илича и других, которые все бывали в Белграде и находились в тесной связи с членами «Черной руки». План убийства эрцгерцога, безусловно, обсуждался еще до того, как появилось сообщение о его поездке в Боснию. Характер майора Танкосича, то обстоятельство, что он впоследствии достал револьверы, а также все, что мы знаем о задачах и методах «Черной руки», служат достаточным основанием для предположения, что мысль об этом убийстве первоначально принадлежала Танкосичу или его соратнику Цигановичу. Однако действительно ли инициатива принадлежала Танкосичу, как это утверждают оба лица, у которых

Богичевич почерпнул свои сведения, останется не выясненным до тех пор, пока в нашем распоряжении не будет дальнейших, подтверждающих это доказательств.

Подготовка заговора в Белграде

В марте 1914 года газета «Сробран», издававшаяся в Загребе, напечатала сообщение, что летом в Боснии будут происходить маневры и что командовать ими будет эрцгерцог Франц-Фердинанд. Эта новость чрезвычайно взбудоражила маленькую революционную группу сараевского «кружка», потому что всем было известно, что эрцгерцог благоволит к католикам-хорватам; его считали сторонником триализма и опасались, что это посещение усилит позицию хорватской буржуазии и тех политических лидеров, которые были готовы принять политические уступки из рук Габсбургов. Этим мог быть нанесен удар стремлению югославян к национальному объединению и независимости. Присутствие эрцгерцога и маневры армии могли быть восприняты как демонстрация мощи Габсбургов, и это ослабило бы влияние православных сербов и того ирредентистского движения, которое было направлено на создание Великой Сербии.

Но тревога членов «кружка» продолжалась недолго. Они быстро поняли, что тем самым представляется наиболее удобный случай для политического убийства, вроде того, какое недавно проповедовал Гачинович. Однако ввиду временного отсутствия Илича они не решились организовать убийство самостоятельно. Вместо этого они вспомнили о более решительных и фанатических боснийских эмигрантах, находившихся в Белграде, и об их друзьях, сербских комитаджах, и решили сообщить им о предстоящем прибытии эрцгерцога. Один из членов кружка, Пушара, вырезал сообщение из газеты, наклеил его на бумагу и, ничего не приписав, кроме слова «привет», отправил Габриновичу в адрес кафе, которое он посещал в Белграде, причем адрес был написан на пишущей машинке. Для того чтобы отвести от себя всякое подозрение в случае, если бы письмо было вскрыто, Пушара отвез письмо в Зенику и отправил его оттуда.

Когда Габринович получил эту газетную вырезку, он показал ее Принципу в кафе, где они обыкновенно встречались. Вечером они отправились на прогулку в парк, чтобы обсудить это дело, и Принцип

предложил Габриновичу помочь ему убить эрцгерцога. Габринович показывал потом на суде, что до этого времени он не думал о покушении на Франца-Фердинанда: он предпочел бы убить генерала Потиорека как человека, воплощавшего собою систему австрийского гнета. Но теперь он согласился на предложение Принципа.

Однако Принцип утверждал, что мысль об убийстве Франца-Фердинанда была у него еще до того, как Габринович получил газетную вырезку. «Я уже решил это, когда в последний раз был в Сараеве». На очной ставке на суде оба претендовали на приоритет и между ними завязалась курьезная борьба. Грабец тоже утверждал, что он уже пришел к этой мысли независимо от других во время непродолжительного пребывания у себя дома в Пале, в пасхальные дни 1914 года, когда он прочитал в «Истине», что Франц-Фердинанд собирается прибыть в Боснию. Вернувшись в Белград, он показал газетную вырезку Принципу, и последний сообщил ему, что и он, и Габринович уже приготовились к совершению этого дела. «И я тоже», – ответил Грабец. С этого времени трое молодых людей стали обсуждать пути и средства к осуществлению их проекта.

Среди сербских комитаджей, посещавших кофейни, где бывали боснийские эмигранты, обращал на себя внимание Милан Циганович – босниец, прибывший в Белград на несколько лет раньше. Он прошел военную выучку у майора Танкосича в качестве комитаджа и сражался под его начальством во время Балканской войны; потом он примкнул к организации «Черная рука», числясь за номером 412. В 1914 году он занимал скромную должность железнодорожного служащего на казенных железных дорогах. Он часто беседовал с Принципом об угнетении Боснии, вполне одобрял идею убить Франца-Фердинанда и предлагал добыть для этого оружие и все необходимое. Несколько позже он пригласил Грабеца к себе в комнату и показал ему ящик, наполненный бомбами – или взятыми из сербского арсенала, или сохраненными еще от Балканской войны. Но так как бомбы были не совсем надежны и взрывались только по истечении нескольких секунд, то было решено снабдить убийц также и револьверами. Поэтому Циганович обратился к своему другу из организации «Черная рука» майору Танкосичу, и тот получил от Дмитриевича деньги на покупку оружия[37].

Циганович рассказал также молодым людям о «туннеле», посредством которого сербские власти помогут им перебраться через границу и сведут их с доверенными лицами на боснийской стороне. По предложению Танкосича, который хотел быть уверенным, что не будет никакой осечки, Циганович обучал студентов также стрельбе из револьвера на стрельбище недалеко от Белграда.

Во время этих приготовлений студенты поддерживали связь главным образом с Цигановичем, но последний, очевидно, действовал по инструкциям майора Танкосича и полковника Димитриевича, которые являлись руководителями Верховного центрального комитета «Черной руки». В беседе со студентами Циганович несколько раз упоминал о Танкосиче. Незадолго до того, как студенты покинули Белград, Циганович пригласил одного из них, Грабеца, на квартиру к Танкосичу, который сам хотел убедиться, что молодые люди исполнены решимости и умеют пользоваться оружием. Но сам Танкосич – насколько это можно судить по показаниям, сделанным на суде, – старался держаться в тени. Грабец заявил: «Циганович действовал по соглашению с майором Танкосичем, но тот оставался в стороне». Главным виновником, если вообще можно говорить о виновности, является Циганович. Студенты утверждали, что они не знают, был ли Танкосич членом организации «Черная рука», но вместе с тем показывали, что он находился в конфликте с «Народной Одбраной» и был в плохих отношениях с сербскими гражданскими властями[38].

Димитриевич еще в большей степени старался держаться в стороне. Студенты показали, что Циганович таинственно говорил о каком-то человеке, с которым ему нужно посоветоваться относительно получения оружия, и, очевидно, он получал свои инструкции – как относительно времени их отъезда, так и по другим вопросам, – только переговорив с каким-то важным лицом. Мы не можем сказать, действительно ли студенты, сидевшие на скамье подсудимых, не знали ничего о Танкосиче, Димитриевиче и «Черной руке» или же они только притворялись и тщательно скрывали от австрийских властей действительное участие в заговоре этих сербских офицеров, занимавших высокие посты. В первом случае надо изумляться той конспиративности, с которой действовали руководители «Черной руки», во втором случае – той ловкости, с которой студенты сумели сбить с правильного следа австрийские власти.

Чтобы устранить подозрение и избежать ареста, убийцы отправились из Белграда в Сараево еще за три недели до прибытия эрцгерцога в Боснию. Перед их отъездом Циганович снабдил их шестью бомбами, лежавшими у него в комнате, четырьмя браунингами с патронами и дал им 150 динаров наличными и некоторое количество цианистого калия для того, чтобы они покончили с собой немедленно после того, как будет убит эрцгерцог. Это предполагалось сделать во избежание каких-либо признаний или показаний, могущих бросить тень на сербских офицеров, находившихся в Белграде и помогавших организации заговора[39]. Молодых людей снабдили также картой Боснии; на ней были показаны дороги, по которым им следовало идти, и австрийские жандармские посты, которые они должны были тщательно обходить.

Тем временем в Сараеве Данило Илич, находившийся в переписке с Принципом, быстро подобрал несколько человек из местных жителей, предполагая снабдить их оружием, которое должны были доставить трое убийц из Белграда.

Переезд убийц из Белграда в Сараево

От Белграда до Шабаца убийцы проехали на лодке по реке Саве. Они имели при себе записку от Цигановича к командиру пограничной стражи в Шабаце, майору Поповичу, и должны были сказать ему, что их отправил майор Танкосич. Но им было строго запрещено попадаться на глаза гражданским властям, так как те могли бы арестовать их и отослать обратно[40]. По прибытии в Шабац они без труда разыскали майора Поповича в кофейне и сказали ему, что намерены тайным образом перебраться в Боснию.

По-видимому, тот уже был посвящен в их миссию; по всей вероятности, он был осведомлен Танкосичем при посещении Белграда за несколько дней до этого. Попович отвел студентов в караульное помещение и там получил для них ордер на покупку железнодорожных билетов со скидкой в 50 % до следующей за Шабацем станции Лозницы, где они должны были перейти границу. Он снабдил их также запиской, гласившей, что пограничным властям «предлагается оказывать содействие предъявителям сего». Потом он выдал им

фальшивые паспорта, по которым они оказались сербскими таможенными чиновниками.

С билетами, полученными по льготной цене, они доехали на поезде до Лозницы и там предъявили капитану пограничной стражи записку майора Поповича. Тот немедленно позвонил на пограничный пост, но не мог получить соединение. Поэтому он предложил молодым людям прийти к нему утром. На следующий день было решено, что Габринович возьмет фальшивый паспорт и отправится в Зворник, где ему сербский таможенный стражник поможет перейти через границу, и тогда он двинется по Боснии по направлению к Тузле. Тем временем Принцип и Грабец с бомбами и револьверами должны были отойти на несколько миль назад, к пограничному посту у Лешника.

Уже заранее было условлено, что их встретит там другой сербский таможенный чиновник. Последний и переправил их по Боснийским островам через Дрину. Здесь он их передал крестьянину, в хижине которого они заночевали. На следующий день их проводили к другому крестьянину, и тот по тропинкам Боснии благополучно доставил их в Прибой, где их встретил Велико Кубрилович.

Велико Кубрилович, православный серб, был учителем в Прибое и доверенным лицом «Народной Одбраны» для этого района. Он наезжал в Сербию, стал там членом «Народной Одбраны», а потом председателем общества «Сокол» в Прибое. Внешне это была одна из тех безобидных культурно-просветительных организаций, которые служили здесь проводниками активной сербской пропаганды. Кубринович поддерживал связь с руководителями «Народной Одбраны» в Сербии и другими доверенными лицами в Боснии, а также с местными крестьянами, которые, видимо, привыкли контрабандным путем перевозить письма и разные сведения через границу.

Кубрилович привел Принципа и Грабеца в дом другого крестьянина, Якова Керовича, и условился, что его сын доставит обоих заговорщиков и их оружие в Тузлу, где их должен был встретить другой «доверенный» – директор кинематографа Мишко Иованович. В ту же ночь Принцип и Грабец двинулись в путь на крестьянской телеге. Подъехав к Лопаре, где был австрийский жандармский пост, они отправили крестьянина вместе с хорошо припрятанным оружием вперед, а сами пешком пошли в обход и снова сели в телегу уже по ту

сторону деревни. Рано утром они прибыли в Тузлу и направились к директору кинематографа Мишко Иовановичу, где их уже ожидали[41].

Ввиду того, что Принцип и Грабец только что прибыли из Сербии и не имели паспортов для путешествия по Боснии, они опасались, что их могут задержать и обыскать, если они приедут в Сараево в такое время, когда полиция, по всей вероятности, будет особенно следить за подозрительными лицами ввиду ожидаемого прибытия эрцгерцога. Они считали поэтому, что им не следует иметь при себе бомбы и револьверы, и попросили Иовановича спрятать оружие у себя дома, пока кто-нибудь из более благонадежных лиц не явится за ним из Сараева. Иованович согласился и спрятал все у себя на чердаке. Было условлено, что лицо, которое явится за оружием, должно в качестве удостоверения предъявить полуоткрытую пачку папирос «Стефания».

После этого трое молодых людей благополучно проехали на поезде из Тузлы в Сараево. Принцип немедленно разыскал Илича, поселился у него и рассказал ему, что оружие находится в Тузле. Грабец отправился к себе на родину, в Пале. Все трое вели спокойный образ жизни и старались по возможности не обращать на себя внимания, пока не наступит нужный момент. Таким образом, «туннель», о котором неоднократно говорил Циганович и который был давно уже подготовлен сербскими властями, действовал безукоризненно.

Несколько дней спустя Илич отправился в Тузлу и предъявил Иовановичу в качестве условного знака пачку папирос. Но, опасаясь, что его могут арестовать, когда он появится с большим багажом в Тузле, где его не знали, он попросил Иовановича доставить оружие в Добой, находящийся по дороге в Сараево, и там уже передать ему. В конце концов так и договорились. Иованович спрятал бомбы и револьверы в ящик из-под сахара и в таком виде свез их в Добой.

Так как он не сразу нашел Илича, то оставил взрывчатые материалы под своим дождевым пальто в комнате для пассажиров на вокзале, а потом снес их в лавку одного приятеля и оставил их на попечение маленького мальчика. И тут и там бомбы легко могли открыть. В конце концов Илич появился, забрал свой ценный багаж и благополучно доставил его поездом в Сараево, где положил под кушетку у себя в комнате. За несколько дней до совершения убийства он передал часть оружия двум участникам, завербованным им самим в

Сараеве, и отправился с ними за город, чтобы показать, как следует стрелять.

Рано утром в день, на который было назначено официальное посещение Сараева Францем-Фердинандом и его женой, Принцип и Габринович встретились с Иличем у заднего входа лавки в Логиниче и получили от него часть оружия, которое они доставили из Белграда. Принцип взял браунинг, а Габринович бомбу. Грабец же револьвер и бомбу. После этого они разошлись и заняли намеченные заранее позиции в разных местах на пути, по которому должен был проехать эрцгерцог.

Убийство 28 июня 1914 года

Около 500 лет Сараево было столицей Боснии и еще до сих пор остается ее главным городом. Оно втиснуто в узкую долину у подножия высоких холмов. В центре города протекает маленькая речка Мильяка, которая летом наполовину высыхает. В старой части города, около собора, улицы кривые и узкие. Но набережная Аппеля, теперь именуемая набережной Степановича, – широкая улица с домами с одной стороны и с низким барьером со стороны набережной реки Мильяки. Набережная ведет к ратуше и несколькими мостами связана с другой стороной города, где находятся главные мечети и резиденция губернатора или Конак. На набережной Аппеля, где должен был проезжать эрцгерцог с женой, Илич разместил убийц, которым он за несколько часов до этого роздал бомбы и револьверы.

Мехметбашич, Вазо Чубринович и Габринович стояли у реки, около моста Кумурья. Илич и Попович находились на противоположной стороне улицы, около австро-венгерского банка. Дальше по набережной стоял и Принцип, занявший сначала место у Латинского моста. После покушения Габриновича, когда эрцгерцог находился в ратуше, он перешел через набережную и стал на углу узкой, извилистой улицы Франца-Иосифа, называющейся теперь улицей Короля Петра, где и произошло убийство. Дальше в направлении ратуши прогуливался Грабец, высматривая удобное место, где бы ему не помешала полиция.

В воскресенье 28 июня 1914 года, в день святого Витта, погода с утра стояла великолепная. Улицы по требованию городского головы

были украшены флагами в честь эрцгерцога, во многих окнах были выставлены его портреты. Большие толпы народа стояли на улицах, чтобы посмотреть на его проезд. Публику не оттесняли, и улицы не были оцеплены солдатами, как это сделали в 1910 году, когда город посетил Франц-Иосиф. Некоторые лояльные газеты приветствовали приезд эрцгерцога, но главная сербская газета «Народ» удовольствовалась простым сообщением о его приезде, а остальную часть номера посвятила патриотическим статьям, рассказывавшим о значении дня святого Витта и Косовской битве. Кроме того, в газете был помещен портрет сербского короля Петра, исполненный в национальных сербских цветах.

Франц-Фердинанд и его свита прибыли в Сараево из Элидзе приблизительно в 10 часов утра. После смотра местных войск они отправились на автомобиле в ратушу, где по программе должен был состояться торжественный прием. Наследник престола был в парадной форме, при всех орденах, жена его была в белом платье и широкополой шляпе и сидела рядом с ним. На скамейке против них сидел военный губернатор Боснии генерал Потиорек и указывал достопримечательности, мимо которых они проезжали. Впереди в другом автомобиле ехали городской голова и начальник полиции. Сзади следовало еще два автомобиля, в котором сидели разные лица, принадлежащие к свите эрцгерцога и к штабу генерала Потиорека.

Как раз когда они подъезжали к мосту Кумурья и Потиорек обратил внимание эрцгерцога на какие-то новые, недавно воздвигнутые бараки, Габринович ударом о столб отбил головку бомбы, сделал шаг вперед и швырнул бомбу в автомобиль эрцгерцога. Шофер, заметивший его, поехал скорее, бомба упала на откинутый верх автомобиля и соскользнула на мостовую. По другой версии, Франц-Фердинанд с чрезвычайным хладнокровием схватил бомбу и бросил на улицу. Она взорвалась со страшным грохотом, повредила следовавший за эрцгерцогом автомобиль, серьезно ранив подполковника Морица и нескольких посторонних лиц.

Габринович перепрыгнул через парапет набережной в реку, которая в это время года почти высыхает. Он пытался скрыться, но полицейские агенты быстро схватили его и повели на допрос. Тем временем четвертый автомобиль, у которого только разбилось переднее стекло, обогнул поврежденный автомобиль и быстро подъехал к

автомобилю эрцгерцога. Там никто не пострадал, и только у эрцгерцога на лице была царапина, очевидно, от оторвавшейся крышки бомбы. Эрцгерцог велел всем автомобилям остановиться для того, чтобы выяснить размеры причиненного вреда. Узнав, что раненого уже отправили в госпиталь, он с обыкновенным для него хладнокровием и мужеством сказал: «Поедемте, это был сумасшедший. Господа, будем выполнять нашу программу».

Автомобили поехали к ратуше, сначала быстро, а потом по распоряжению эрцгерцога медленнее для того, чтобы эрцгерцога можно было лучше видеть. В ратуше жену эрцгерцога встретила депутация магометанских женщин, в то время как эрцгерцог должен был принимать гражданских чиновников. Городской голова, написавший свое приветствие, стал читать его, словно ничего не случилось. Но составленная им речь не очень подходила к моменту. В ней говорилось о лояльности боснийского населения и об исключительной радости, с которой оно приветствует наследника престола. Франц-Фердинанд, по натуре своей легко возбудимый и несдержанный, резко оборвал городского голову: «Довольно! Что же это такое? Я приезжаю к вам, а вы встречаете меня бомбами». Но, несмотря на это, он все-таки позволил городскому голове дочитать свою приветственную речь до конца, и этим формальный прием в ратуше закончился.

Возник вопрос, следует ли выполнять установленную раньше программу, по которой предполагалось проехать по узкой улице Франца-Иосифа в густо населенную часть города и посетить музей, или во избежание нового возможного покушения направиться прямо во дворец губернатора на другой берег реки, где гостей ожидал завтрак. Эрцгерцог выразил настойчивое желание посетить больницу, чтобы справиться о состоянии здоровья офицера, который был ранен бомбой Габриновича. Генерал Потиорек и начальник полиции считали очень мало вероятным, чтобы в тот же день последовало еще второе покушение. Но в виде наказания за первое покушение и из осторожности было решено, что автомобили не должны следовать по первоначальному маршруту, по узкой улице Франца-Иосифа, а должны быстро проехать в больницу и музей по набережной Аппеля. После этого эрцгерцог, его жена и остальные сели в автомобиль в том же порядке, как и раньше, и только граф Гаррах стал на левую подножку

автомобиля эрцгерцога, чтобы защитить его в случае нападения на набережной со стороны Мильяки. Когда подъехали к улице Франца-Иосифа, автомобиль городского головы, ехавший впереди, свернул на эту улицу, следуя первоначальному маршруту. Шофер эрцгерцога поехал за ним, но тут Потиорек крикнул: «Не туда поехали, поезжайте прямо по набережной Аппеля!» Шофер затормозил автомобиль, для того чтобы повернуть обратно. Как раз на том самом углу, где автомобиль остановился на один роковой момент, стоял Принцип, перешедший туда с набережной, где он стоял раньше. Это случайное стечение обстоятельств создало для него исключительно благоприятные условия. Он сделал шаг вперед и выстрелил два раза. Одна пуля попала в шею эрцгерцогу, так что кровь фонтаном полилась у него изо рта; другая (вероятно, предназначенная для Потиорека[42]) ранила Софию Хотек в брюшную полость.

Автомобили повернули и быстро поехали через Латинский мост к Конаку. Последние слова эрцгерцога, сказанные им жене, были: «София, София, не умирай, останься жить для наших детей». Но через несколько минут они оба были мертвы. Это произошло приблизительно в 11 часов 30 минут утра в день святого Витта, в воскресенье 28 июня 1914 года.

III. Ответственность за сараевское убийство

Ранее нами был изложен ход событий и охарактеризованы условия, которые привели к сараевской трагедии. Там же до известной степени намечен уже ответ на вопрос об ответственности. Но целый ряд весьма спорных вопросов был там оставлен неразрешенным, и лучше всего рассмотреть их теперь отдельно – прежде чем делать окончательные выводы относительно того, как распределяется ответственность за убийство, послужившее непосредственным поводом к мировой войне.

Среди этих спорных пунктов главными являются следующие: побуждения, которыми руководствовались убийцы, недостаточность мер, принятых австро-венгерской полицией, роль Димитриевича и «Черной руки», осведомленность Пашича о заговоре и непринятие им мер к предупреждению убийства, а также предостережение, якобы сделанное Сербией Австрии.

Побуждения, которыми руководствовались убийцы

Мотивы, которыми руководствуются люди, обычно запутаны и часто не вполне ясны для них самих. Это особенно верно в отношении политического убийцы, у которого есть все основания ожидать, что одним из последствий совершаемого им акта будет его собственная смерть. Естественно, конечно, что каждый убийца указывает несколько мотивов, толкнувших его на это дело, причем отдельные заговорщики придают разное значение одним и тем же мотивам.

Так было и с теми шестью молодыми людьми, которые участвовали в заговоре против Франца-Фердинанда. Но Принципа и Габриновича можно рассматривать вместе не только потому, что они являлись руководителями этого дела и действительно осмелились произвести покушение на эрцгерцога, но также и потому, что они в значительной мере руководствовались одинаковыми побуждениями. Судить об их побуждениях можно всего лучше по тем показаниям, которые они дали после ареста и на суде, конечно, учитывая то обстоятельство, что они говорили, находясь под стражей, как обвиняемые в убийстве и государственной измене, и пытались выгородить друг друга и своих соучастников в Сербии.

На последнее указывает целый ряд моментов. Принцип, когда его только что арестовали, заявил, что виновен он один, что он действовал как анархист, «убежденный, что нет ничего лучше, как совершить политическое убийство», и что его покушение не находится ни в какой связи с покушением Габриновича. «Повторяю, у меня нет ничего общего с лицом, произведшим первое покушение. Когда взорвалась бомба, я сказал себе: значит, и другие думают так же, как и я».

Это было, конечно, совершенно неверно, что и выяснилось после ареста Габриновича и Грабеца. Из их показаний обнаружилось, что они втроем организовали заговор в Белграде и прибыли в Сараево с одной общей целью – убить Франца-Фердинанда. Но и на суде в октябре 1914 года, когда уже имелось много данных об их деятельности и деятельности «Народной Одбраны», все три студента старались выгородить белградские власти. Они утверждали, что «Народна Одбрана» преследовала исключительно культурно-просветительные цели, что она не распространяла своей деятельности на Боснию и что она не имеет никакого отношения к их покушению.

Ложность этих утверждений явствовала уже из их собственных признаний, а также из показаний доверенных лиц «Народной Одбраны» в Боснии, рассказавших, каким образом трое заговорщиков были доставлены через «туннель» из Белграда в Сараево. Точно так же Принцип и Габринович утверждали, что они ничего не знают о «Черной руке», за исключением того, что читали в газетах; они говорили, что никогда не видали майора Танкосича. Однако они признали в своих показаниях, что он достал им оружие и деньги, что он просил Грабеца прийти к нему для того, чтобы лично убедиться в их надежности.

В настоящее время нельзя сказать с уверенностью, в какой степени это отрицание знакомства с «Черной рукой» и ее лидерами соответствовало действительности, а в какой мере оно было специально придумано для того, чтобы выгородить «Черную руку» и обмануть австрийцев. В первом случае пришлось бы признать, что молодые люди действовали в большей или меньшей степени как слепое орудие этой конспиративной сербской террористической организации, но, по всей вероятности, последнее предположение ближе к истине, чем первое.

Со всеми этими оговорками относительно тенденциозной окраски показаний можно сказать, что побуждения, руководившие Принципом и Габриновичем, по существу, были троякого рода.

Во-первых, ими руководили мотивы личного характера: недовольство своей жизнью, желание стать мучениками и героями вроде Богдана Жераича, стрелявшего в боснийского губернатора и затем покончившего с собой. И Принцип, и Габринович были недовольны своей домашней обстановкой: они получали лишь незначительную денежную помощь от родителей или совсем не получали ее. Габринович часто ссорился с отцом и своими товарищами – социалистами в Сараеве. Оба молодых человека рано покинули школу и не имели никакой определенной профессии. Их занесло в Белград, где они подпали под влияние анархистской и террористической пропаганды и слушали в кофейнях разговоры об австрийском гнете, о будущей роли Сербии, как «Пьемонта», который должен будет освободить боснийских сербов. Оба они, в особенности Габринович, отличались слабым здоровьем, плохо питались и, по всей вероятности, уже страдали туберкулезом. Оба вскоре умерли в тюрьме: Габринович – в январе 1916 года, Принцип – весной 1918 года. Жизнь, по-видимому, сулила им мало хорошего, но, подражая примеру Жераича, они могли обеспечить себе славу и мученический венец.

Принцип заявил, что после посещения Белграда, но еще до того, как он узнал о предстоящей поездке эрцгерцога в Боснию, он часто ходил на могилу Жераича. «Я часто проводил там целые ночи в думах об условиях, в которых мы живем, о нашем жалком положении и о нем [Жераиче]. Затем я принял решение совершить убийство. На его могиле я поклялся рано или поздно совершить убийство[43]. Впоследствии, уже в тюрьме, он рассказывал доктору Папенгейму, что в Сараеве ему каждую ночь снилось, что он, политический убийца, борется с жандармами и полицией. Он много читал о русских революционерах, о борьбе, и эта идея овладела им.

Габринович тоже говорит в своих показаниях: «Я часто ходил на могилу покойного Жераича, когда бывал в Сараеве. Здесь я укрепился в решении умереть так, как умер он. К тому же я знал, что я долго не проживу. Меня все время занимала мысль о самоубийстве, потому что я был равнодушен ко всему»[44]. Для его психопатической жажды славы характерно, что он снялся у фотографа приблизительно за час до того,

как бросил бомбу и пытался покончить с собой. Об этом свидетельствуют также его хвастливые слова после покушения на эрцгерцога: «Да, я серб, я герой».

Оба эти молодых человека были явно психопатами, они были плохо приспособлены к жизни вследствие личных страданий, недовольства и неудач. Им легко было внушить стать убийцами по примеру других «героев», и разговоры белградских комитаджей сильно действовали на них.

Другим мотивом было желание отомстить Австрии за угнетение Боснии, создать оппозицию против этого режима и подготовить путь для революции, которая должна была положить ему конец. Габринович признавался по этому поводу:

> *«Главным образом мною руководило желание отомстить за гнет, который приходилось терпеть сербам в Боснии и Герцеговине, и особенно за "исключительные законы", которые в течение последнего года действовали целых два месяца… Я считал такую месть священным долгом нравственного цивилизованного человека и поэтому решил отомстить… Я знал, что на Баальплаце [в австро-венгерском Министерстве иностранных дел] существовала клика, именуемая "военной партией", целью которой было завоевание Сербии. Во главе ее стоял наследник престола. Я полагал, что, избрав его объектом мести, я отомщу им всем… Я ненавидел его, потому что он был врагом Сербии… Все несправедливости, о которых я читал в газетах, все это накапливалось во мне, пока не прорвалось в день святого Витта»*[45].

Принцип тоже, когда его спросили, жалеет ли он о том, что он убил эрцгерцога, ответил:

> *«Я нисколько не жалею, ибо я устранил препятствие с нашего пути. Он [Франц-Фердинанд] был немец и враг южных славян. Он плохо обращался с ними… каждый день возникали новые дела по обвинению в государственной измене. С каждым днем нашему народу жилось все хуже. Он впадал в нищету. Я видел, как наш народ все больше и больше*

приходил в упадок. Я сын крестьянина, и поэтому я имел возможность сам убедиться в бедствии нашего народа. Я убил эрцгерцога и не жалею об этом. Я знал, что он был врагом славян…

Я считал его энергичным человеком, который, будучи правителем, проводил бы определенные идеи и реформы, которые могли помешать нам… Ради объединения южных славян приходится жертвовать жизнью многих. Поэтому и был убит Франц-Фердинанд. Но все же главным мотивом, который руководил мною, было желание отомстить за сербский народ».

Третьим мотивом было стремление разжечь оппозицию и ненависть к владычеству Габсбургов, вызвать революцию среди сербов в Боснии и Герцоговине и, таким образом, подготовить отторжение этих провинций от двуединой монархии и объединение их с Сербией в национальном югославянском государстве. Принцип намекнул на это в словах, которые мы уже цитировали, когда он выразил опасение, что Франц-Фердинанд, взойдя на престол, мог бы провести какие-нибудь решительные реформы, например, осуществить свой триалистический план объединения южных славян не путем соединения их с Сербией, а посредством предоставления им такого же положения в монархии Габсбургов, какое немцы занимали в Австрии и мадьяры в Венгрии.

Когда Принципа спросили, отвечало ли такое объединение его желаниям, он воскликнул: «Боже избави!» – вызвав этим смех в зале суда. Наоборот, он полагал, что объединение будет осуществлено Сербией.

«Я националист, я стремился освободить южных славян, ибо я южный славянин. Объединение должно совершиться под давлением террора… Что касается Сербии, то она обязана освободить нас, как Италия освободила итальянцев»[46].

Это совпадает с его дальнейшими «признаниями» в тюрьме:

«Идеалом молодежи было объединение югославянских народов – сербов, хорватов и словенцев, но не под властью

Австрии, а в виде какого-нибудь государства, республики или чего-нибудь в этом роде. Я считал, что если Австрия окажется в затруднительном положении, то произойдет революция. Но для такой революции нужно сначала подготовить почву, создать настроение. Ничего не делалось. Убийство могло создать такое настроение».

Он считал, что если он создаст надлежащую атмосферу, то идея революции и освобождения получит распространение сначала в среде интеллигенции, а потом и в массах. Он полагал, что таким образом удастся привлечь внимание интеллигенции к этому делу, как это было с Мадзини в Италии, во время итальянского Освобождения. Принцип не думал, что в результате подобного деяния возникнет мировая война. Он, правда, предполагал, что мировая война вспыхнет – но не сейчас. Словом, это были как раз те мысли, которые распространялись в Белграде в значительной части пропагандистской литературы «Народной Одбраны», а также в газете «Черной руки» – «Пьемонт», откуда черпали свое вдохновение Принцип и его товарищи.

Габринович был согласен с Принципом, что надо действовать подобно Мадзини и подготовлять в Боснии революцию, которая откроет путь для объединения всех сербских областей, некогда входивших в империю Стефана Душана. Но политические взгляды Габриновича сложились несколько иначе: первоначально он держался анархистских и социал-революционных воззрений, но, прожив некоторое время в Белграде и общаясь с «комитаджами», усвоил более националистическую точку зрения. В 1914 году он определял свою позицию как «анархистскую с примесью национализма».

Идеалом его была югославянская республика, а не монархия с сербской династией. Объединение сербов должно было совершиться «по методу Мадзини».

«Идеалом было отторжение Боснии от двуединой монархии. На этом мы все сходились. Некоторые из нас высказывались в пользу династии Карагеоргиевичей; я был республиканцем. Мы могли бы прийти к компромиссу, чтобы король Петр оставался королем до своей смерти, но чтобы потом была провозглашена республика».

Таковы были три основных мотива, руководившие двумя главными заговорщиками. Но трудно сказать, какой мотив имел наибольшее значение – личное психопатическое состояние заговорщиков, их желание отомстить Австрии или их сербский национализм.

В настоящее время югославянские писатели и те историки, кто им сочувствует – например, Евтич и Сетон-Уотсон, – придают главное значение югославянскому национализму. Но в 1914 году сами обвиняемые не утверждали этого. Принцип, когда его спросили, действовал ли он главным образом из чувства мести либо во имя национального объединения, то есть преобладал ли у него личный или политический мотив, ответил: «Личный, но другой тоже был силен. Они почти уравновешивались».

Желая смягчить преступление или объяснить его причины, часто утверждали, что со стороны эрцгерцога было бессознательной провокацией устраивать маневры в Боснии, так как сербы опасались, что он собирается напасть на Сербию. Указывали также, что сербы были раздражены тем, что он прибыл в Сараево как раз в день сербского национального праздника, в день святого Витта. Это особенно подчеркивалось писателями, враждебно относящимися к Австрии и сочувствующими Сербии[47].

Но из собственных показаний Принципа и Габриновича не видно, чтобы эти соображения оказали на них какое-нибудь влияние. Они начали организацию своего заговора, когда узнали, что эрцгерцог собирается прибыть в Боснию, но еще до того, как им стало известно, что он будет в Сараеве в день святого Витта. Они решили убить его в Боснии не потому, что были возмущены его приездом или опасались нападения на Сербию, а потому, что его пребывание в Боснии создавало чрезвычайно удобную обстановку, чтобы претворить в действие те три побуждения, которые были указаны выше.

«Свора убийц» и австрийская «халатность»

Большинство писателей, сочувствующих южным славянам и критически относящихся к Австрии, восприняли фантастические обвинения Уикгема Стида и склонны изображать убийство эрцгерцога как нечто неизбежное. Причины тому они усматривают: в австрийском гнете, в сильном распространении национального движения в Боснии и

в том, что эрцгерцога поджидала целая «свора» убийц – с одной стороны; в том, что австрийские власти по преступной халатности не приняли соответствующих мер предосторожности для охраны эрцгерцога, – с другой[48].

Нетрудно подобрать целый ряд доказательств, которые как будто подтверждают такое мнение, их можно почерпнуть во взаимных перекорах австрийских должностных лиц после убийства, когда стал вопрос об ответственности за то, что не были приняты меры к его предупреждению. Другим источником являются хвастливые заявления тех югославян, которые уцелели после убийства и утверждали, что они участвовали (или собирались участвовать) в славном деянии, приведшем в конечном результате к созданию югославянского государства.

Уикгем Стид цитирует слова сараевского архиепископа: «Эрцгерцог все равно не остался бы в живых, потому что ему пришлось бы проехать через настоящую аллею бомбометателей». Сетон-Уотсон тоже цитирует эти слова и, не задумываясь, принимает на веру все россказни о героях, собиравшихся убить эрцгерцога, если бы этого не сделал Принцип. Он даже говорит о «настоящей своре убийц на улицах столицы».

Вместе с тем оба этих писателя порицают австрийские власти за недостаточную полицейскую охрану. Стид говорит, что при посещении Сараева в 1910 году императором Францем-Иосифом для его охраны были мобилизованы более тысячи полицейских в форме – и, по всей вероятности, тысячи две «штатских». В июне 1914 года, когда прибыл наследник, полицию убрали. То же самое говорит и Сетон-Уотсон:

> *«На улицах, по которым он [император] проезжал, были выстроены двойной цепью войска, и в городе кишмя кишели прибывшие из Вены и Будапешта агенты политической полиции и сыщики. А в 1914 году полиция проявила какую-то странную вялость и бездеятельность. Контраст между 1910 и 1914 годами вполне дает нам основание говорить о преступной небрежности, допущенной австро-венгерскими властями, на обязанности которых лежала забота о безопасности эрцгерцога».*

Но нелогично утверждать, что убийц было так много, что эрцгерцог не мог бы миновать их рук, и в то же время порицать полицию за небрежное отношение и недостаточную охрану. В действительности опасность его пребывания в Боснии была не так велика, а поведение австрийских властей было не столь странным и небрежным, как нас хотят уверить эти авторы.

Во время путешествия эрцгерцога по Боснии от Адриатического моря до Элидзе, а также во время пребывания на маневрах его всюду принимали с выражениями верноподданнических чувств, и никаких признаков опасности не было замечено. Вскоре по прибытии в Элидзе он вместе с женой отправился в Сараево, посетил несколько лавок, причем их всюду узнавали и приветствовали. Вокруг них собиралась такая густая толпа, что приходилось оттеснять ее, чтобы дать им дорогу. Здесь для убийц представлялась великолепная возможность[49].

Следует также отметить, что в роковое воскресенье утром только у заговорщиков, непосредственно прибывших из Белграда, хватило смелости сделать то, что диктовали им их убеждения. Габринович и Принцип это сделали; может быть, точно так же поступил бы и Грабец, если бы только у него не было неприятного ощущения, что за ним, как тень, следуют полицейские. Очевидно, было что-то такое в атмосфере Белграда и в разговорах комитаджей, что порождало твердую решимость к убийству представителей австрийского правительства.

Характерно, что Богдан Жераич прибыл в Сараево в 1910 году с целью убить боснийского губернатора – непосредственно после того, как его подготовил к тому в Сербии один из будущих деятелей «Черной руки». Точно так же Лука Ювич, стрелявший в хорватского комиссара в 1912 году, прибыл непосредственно из Белграда, где он получил бомбы от сербского майора и браунинг от товарища. Из этого браунинга он и стрелял. Принцип, Габринович и Брабец опять-таки прибыли непосредственно из Белграда с твердой решимостью осуществить подготовленный там заговор.

Наоборот, местная молодежь, которую подобрал в Сараеве Илич и которая не побывала в Белграде, состояла из заговорщиков более робкого десятка. Сетон-Уотсон придает большое значение этой сараевской группе, стараясь всячески подчеркнуть боснийский характер заговора и свести к минимуму влияние сербов. Но, как уже было указано, он ошибается, утверждая, что заговорщики,

завербованные в Сараеве, были вооружены Иличем еще тогда, когда Принцип со своими товарищами находился в Белграде: у них не было оружия, пока его не доставили белградские заговорщики[50].

У самого Илича, по-видимому, тоже не хватило должной решимости, и он посоветовал отказаться от покушения. На суде он утверждал, что пытался отговорить белградских заговорщиков от выполнения ими их замысла. Если бы это заявление не подтверждалось другими доказательствами, то можно было бы предположить, что он это придумал в цепях оправдания. Но то же самое, совершенно независимо друг от друга, показали Принцип, Габринович и Грабец. На вопрос, почему он не уничтожил оружия, если действительно был против убийства, Илич отвечал: «Я не посмел. Принцип сказал мне, что он получил бомбы от комитаджей, поэтому я не решился выбросить их, так как я собирался отправиться в Сербию»[51].

Незадолго до убийства Принцип сказал Габриновичу, что он не считает Илича «надежным»[52]. Во всяком случае, остается фактом, что сам Илич не только не поднял руки на эрцгерцога в день святого Витта, но даже не шевельнул пальцем; и точно так же поступили те трое, которых он привлек к заговору. Мехметбашич пропустил мимо себя автомобили, ничего не сделав. Когда он услышал, как взорвалась бомба Габриновича, он стремительно бежал в Черногорию и оказался единственным из семи вооруженных заговорщиков, который не был тотчас же схвачен полицией. Точно так же Попович и Вазо Чубринович пропустили эрцгерцога с его свитой и ничего не сделали. После убийства Чубринович, «совершенно бледный и дрожа всем телом», явился к одному из приятелей и передал ему на хранение свое оружие.

Такова была эта «свора убийц». Она состояла из трех исполненных решимости заговорщиков, которые прибыли из Белграда; кроме них, были еще нерешительный и «ненадежный» бывший сараевский учитель и три слабовольных молодых человека из местных жителей. Если бы не первые три заговорщика и не исключительные условия, создавшиеся благодаря тому, что шофер эрцгерцога по ошибке свернул на улицу Франца-Иосифа и остановился как раз у того места, где случайно стоял Принцип, вполне вероятно, что убийства вообще бы не было.

Пашич, «Народна Одбрана» и «Черная рука»

В предыдущих главах мы уже говорили о деятельности «Народной Одбраны» и «Черной руки» и о том, что Пашич и некоторые из членов его кабинета, по всей вероятности, знали о заговоре. Но для того, чтобы лучше выяснить ответственность Сербии, надо несколько подробнее остановиться на отношениях этих обеих сербских организаций друг к другу и к сербскому правительству.

Сербское правительство вполне можно считать ответственным за деятельность «Народной Одбраны». Это общество было совершенно открыто организовано в 1908 году видными сербскими деятелями, в том числе некоторыми членами сербского Кабинета министров. Центральный комитет общества находился в сербской столице, и председателем его был генерал Янкович. Устав общества был опубликован, и деятельность его, которая официально носила культурно-просветительный характер, публично одобрялась членами сербского правительства, с которым общество все время поддерживало близкие, дружественные отношения.

Первоначально «Народная Одбрана» была организована для того, чтобы насильственными мерами помешать Австрии осуществить аннексию Боснии и Герцеговины. Но после кризиса в марте 1909 года, когда Россия отказалась поддержать требования сербов и Сербия вынуждена была обещать Австрии жить с ней в добрососедских отношениях, «Народная Одбрана» официально отказалась от насильственных действий против Австрии и занялась культурной работой – национальной пропагандой в пределах Сербского королевства.

В действительности она продолжала тайную революционную пропаганду в Боснии: доставляла туда контрабандным путем националистическую сербскую литературу, подбирала доверенных лиц, которые должны были организовывать по внешности безобидные просветительные и спортивные общества, а также общества для борьбы с алкоголизмом. Но в действительности «Народна Одбрана» имела задачей насаждать сербский национализм и подготовлять почву для будущего объединения сербского населения монархии Габсбургов с Сербией. Общество помогало также молодым боснийцам, прибывавшим в Белград для продолжения образования или для организации заговоров и революции против австрийских властей.

Хотя «Народна Одбрана», по всей вероятности, и не была официально осведомлена о намечавшемся убийстве Франца-Фердинанда, но сеть ее доверенных лиц и ее «туннель» для тайного сообщения между Сербией и Боснией были использованы деятелями «Черной руки» и тремя молодыми людьми, которые отправились из Белграда в Сараево для совершения убийства. Это переплетение деятельности обоих сербских обществ, у которых официальные задачи несколько расходились и которые не вполне дружелюбно относились друг к другу, облегчалось тем, что секретарь «Народной Одбраны» Милан Васич, равно как и другие члены, состояли в то же время в организации «Черная рука». То есть сербское правительство можно считать ответственным за создание организации тайных агентов, подготовлявших в Боснии отторжение этой провинции от Австро-Венгрии и фактически оказавших содействие убийцам эрцгерцога при их переезде в Сараево. Таким образом, Австрия была права, когда в своем ультиматуме, предъявленном Сербии, потребовала роспуска «Народной Одбраны».

Отношение правительства к «Черной руке» было совершенно иное. Это тайное общество выделилось из «Народной Одбраны», как показал один из свидетелей на сараевском процессе. Оно было организовано в 1911 году кликой, состоявшей из офицеров, участвовавших в 1903 году в убийстве короля Александра и королевы Драги и недовольных «культурно-просветительной» деятельностью «Народной Одбраны», а также политикой радикальной партии Пашича, рекомендовавшей отложить сведение окончательных счетов с Австрией до тех пор, пока Сербия не освободит сербов, находившихся под властью Турции, не соберется надлежащим образом с силами и не обеспечит себе более надежной поддержки со стороны России и Франции.

«Черная рука» была чрезвычайно конспиративной террористической организацией. Члены ее не назывались по именам, а обозначались цифрами, и ее устав, носивший курьезный средневековый характер, оставался не опубликованным до нашумевшего Салоникского процесса 1917 года. Сербское правительство прекрасно знало о существовании этой организации; об этом знали вообще в Белграде и даже писали в газетах, но, по всей вероятности, сербское правительство

первоначально не было осведомлено о составе членов и о подлинной деятельности «Черной руки».

Первоначально отношения между сербским правительством и руководителем «Черной руки» были сравнительно мирные. В это общество вошел Димитриевич, который в июне 1913 года занял пост начальника контрразведки при сербском Генеральном штабе, а также майор Танкосич, один из наиболее видных представителей комитаджей, и, кроме них, еще целый ряд других офицеров.

Считалось, что «Черная рука» является в первую очередь военной организацией, но в нее вошло довольно много гражданских чиновников, в том числе три чиновника Министерства иностранных дел[53]. Князь Александр первоначально покровительствовал этой организации. Говорят, что он дал 26 тысяч динаров в виде субсидии ее газете «Пьемонт», а также делал разные подарки офицерам и оплатил Димитриевичу расходы по лечению осенью 1912 года. Но когда он дал понять, что хотел бы стать во главе этого общества, а офицеры по разным соображением не пожелали понять этот намек, то князь Александр почувствовал себя обиженным. С этого времени между ним и организацией «Черная рука» началось отчуждение, которое усилилось еще больше, когда он принял сторону Пашича и радикалов в так называемом вопросе о приоритете[54].

Этот вопрос возник после Балканских войн на почве спора между военными и гражданскими властями относительно управления территориями, отвоеванными у Турции. Радикальная партия, возглавляемая Пашичем, не желала распространить на новые завоеванные области действие сербской конституции, как того требовали офицеры, и ввела там драконовский режим, который раздражал население, а в смысле насилия и гнета оставлял за собой все, что имело место в Боснии под владычеством Габсбургов. По уверению военных властей (и судя по статьям, печатавшимся в «Пьемонте»), ответственность за это падала на своекорыстных, плохо подготовленных гражданских чиновников, которых радикалы назначили в новые завоеванные области. Радикалы утверждали, что офицеры просто не желают признать приоритет власти, созданной штатскими.

В этом конфликте офицеров поддерживали оппозиционные политические группы, которые требовали отставки кабинета Пашича.

Министерство внутренних дел попыталось нанести удар «Черной руке», захватив ее клубное помещение. В начале июня 1914 года конфликт обострился до такой степени, что Пашич потребовал у короля Петра роспуска скупщины – для того чтобы народ мог непосредственно на всеобщих выборах выразить свою волю по этому вопросу. Король первоначально отказывался. Тогда Пашич сам подал в отставку. Несомненно, он рассчитывал этим усилить свое положение, так как считал, что никто, кроме него, не будет в состоянии образовать кабинет.

В этот момент, как уверяют, в министерский кризис вмешался русский посланник в Белграде Гартвиг, который постарался облегчить возвращение к власти кабинета Пашича, считая его необходимым для продолжения политики сотрудничества с Россией и Францией. 11 июня королю Петру пришлось вернуть Пашича к власти, а через несколько дней после этого он под предлогом болезни покинул Белград, оставив принцем-регентом своего сына Александра.

Этот внутренний партийный конфликт между радикалами, поддерживавшими Пашича, и офицерами, группировавшимися в организации «Черная рука», часто приводили в доказательство того, что Димитриевич и сараевские убийцы ни в какой мере не были связаны с сербским правительством и всячески старались скрыть от него существование заговора. По всей вероятности, это верно. Из показаний, данных на сараевском процессе, можно заключить, что сербские офицеры, дружественно относившиеся к убийцам, предостерегали их, советуя держаться осторожно, чтобы сербские гражданские власти ничего не заметили.

Таким образом, можно считать вполне достоверным, что Пашич и его кабинет не имели никакого отношения к возникновению плана убийства. Последнее было задумано за их спиной. По всей вероятности, они узнали о нем только тогда, когда приготовления были уже завершены и молодые люди собирались переправиться из Белграда в Сараево.

Но, с другой стороны, то обстоятельство, что правительство находилось в политическом конфликте с группой «Черной руки» из-за «вопроса о приоритете», еще не доказывает, что правительство совершенно ничего не знало о заговоре. Наоборот, мы имеем совершенно ясное и отчетливое заявление министра народного просвещения Любы Иовановича, что в конце мая или начале июня

Пашич знал о том, что какие-то молодые люди собираются отправиться в Сараево с целью убить эрцгерцога.

Пашич сказал об этом лишь некоторым членам своего кабинета, а пограничным властям было отдано распоряжение задержать убийц, но распоряжение это не было выполнено, потому что пограничные власти сами состояли членами «Черной руки» и впоследствии донесли, что распоряжение пришло слишком поздно и молодые люди уже перешли границу. Мы уже изложили те соображения, по которым мы считаем это сообщение министра народного просвещения соответствующим действительности.

Сербия допустила небрежность, не арестовав заговорщиков

«Вопрос о приоритете» имеет для нас значение не только потому, что он дает основание предполагать, что сербское правительство первоначально не знало о заговоре. Гораздо важнее то, что этим объясняются два обстоятельства, послужившие основанием для чрезвычайно серьезных обвинений, выдвинутых против Пашича: первое – что он не предостерег определенным образом австрийские власти, после того как узнал, что убийцы отправились в Сараево; второе – что он после убийства не принял мер для розыска и ареста сообщников убийц в Белграде.

Действительно, сербская полиция, по-видимому, даже помогла скрыться одному их них – Цигановичу. Арест Цигановича, который являлся членом организации «Черная рука», а также выяснение роли, которую играли такие выдающиеся члены организации, как Димитриевич и Танкосич, еще более обострили бы политический конфликт и усилили бы антагонизм, который уже перед этим вызвал временное падение кабинета. Очевидно, Пашич не решился действовать против лидеров столь мощной организации и поэтому занял чисто пассивную позицию, надеясь, что Австрия и Европа не узнают правды.

Сербские источники не вскрывают нам, когда именно и каким путем Пашич узнал о заговоре. Предполагают, что его тайным образом осведомил об этом Милан Циганович, которому приписывают двойственную роль агента-провокатора, участвовавшего в заговорах вместе с лидерами «Черной руки» и в то же время шпионившего за

ними по поручению Пашича и осведомлявшего обо всем сербское правительство и радикальную партию. Все три сараевских заговорщика открыто заявляли сейчас же после ареста и на суде, что Циганович принимал самое деятельное участие в их приготовлениях в Белграде.

Он – боснийский серб и эмигрировал в 1908 году в Белград. Здесь он прошел курс обучения в качестве комитаджа у Танкосича, а затем получил скромную должность на сербской казенной железной дороге. В 1911 году он вступил в организацию «Черная рука» за № 412 и сражался в отряде комитаджей под командой Танкосича во время Балканских войн. При подготовке заговора он являлся агентом Танкосича. Он доставал Принципу и его товарищам бомбы и револьверы для убийства эрцгерцога, он снабдил их цианистым калием, чтобы они могли покончить с собой после совершения убийства и таким образом устранить возможность разоблачения деяний самого Цигановича и его соучастников – сербов. По распоряжению Танкосича Циганович водил молодых людей на стрельбище около Белграда и там обучал их стрельбе из револьвера. В конце мая, когда они уже были готовы к отъезду, он снабдил их рекомендательными письмами к агентам «Черной руки» и доверенным лицам, которые должны были помочь им добраться до Сараева.

Доводы, говорящие в пользу того, что Циганович информировал Пашича, основаны не на каких-либо доказательствах, предшествовавших убийству, но на тех фактах, которые имели место после него: сербские власти постарались помочь Цигановичу скрыться, а в 1917 году он своими показаниями помог радикальной партии изобличить Димитриевича и разгромить организацию «Черной руки».

Через несколько дней после убийства, когда до Белграда дошли слухи о признаниях, сделанных Габриновичем и Принципом, Танкосич и Пашич, видимо, пытались воспрепятствовать опубликованию всяких сведений относительно белградских соучастников. Вечером 29 июня к владельцу газеты «Балкан» Светодику Савичу пришли три комитаджа и сказали ему от имени майора Танкосича, чтобы он ни под каким видом не печатал у себя в газете ничего о связях убийцы Габриновича с его знакомыми здесь (в Белграде), и главное – чтобы он не писал ничего такого, что могло бы скомпрометировать сербов, в противном случае ему будет плохо[55].

На такой способ застращивания угрозой насилия и мести со стороны комитаджей, вроде Танкосича, часто указывали «доверенные лица» в Боснии как на один из мотивов, побуждавших их помогать убийцам. Это является лишним основанием, почему Пашич не захотел или не посмел предпринять что-нибудь для ареста популярного и влиятельного лидера «Черной руки», пока наконец австрийский ультиматум не заставил его арестовать Танкосича на несколько дней.

30 июня австрийский уполномоченный в делах запросил сербское правительство, какие полицейские меры оно приняло или предполагает принять для того, чтобы «найти нити, ведущие к раскрытию убийства, каковые, несомненно, приходится частично искать в Сербии». Но он получил ответ, что «сербская полиция еще не занималась этим вопросом» и что «до сих пор еще ничего не сделано и что это вообще не касается сербского правительства». После этого последовал обмен резкостями, и австрийский дипломат выразил «свое крайнее удивление по поводу того, что правительство, которое все время заверяет о своем желании поддерживать добрые отношения со своим соседом, позволяет себе проявлять такое равнодушие».

30 июня германский помощник статс-секретаря (товарищ министра) по иностранным делам Циммерман, желая предупредить серьезные осложнения, дал несколько уместных советов сербскому уполномоченному в делах в Берлине. Об этом баварский посланник в Берлине сообщал:

> *«В Министерстве иностранных дел надеются, что Сербия примет теперь все меры к тому, чтобы привлечь к ответственности лиц, виновных в этом заговоре. Г-н Циммерман с самого начала обратил серьезное внимание здешнего сербского уполномоченного в делах на те последствия, которые повлечет за собой отказ Сербии в этом вопросе. Кроме того, он внушил русскому послу, чтобы тот побудил свое правительство дать такой же совет в Белграде. Г-н Циммерман дал этот совет потому, что никто не может сказать, что будет, если сербское правительство не выполнит своих обязательств, ибо надо учитывать возбуждение, вызванное в Австро-Венгрии деянием, совершенным в Сараево».*

В том же смысле Циммерман имел беседу с дипломатическими представителями Англии и России в Берлине, очевидно, надеясь, что они дадут Сербии такой же добрый совет. Но, по-видимому, они этого не сделали. Если бы сербское правительство сразу предприняло энергичные шаги для ареста белградских сообщников и на деле доказало бы свое неоднократно высказанное желание поддерживать добрососедские отношения с Австрией, то этим оно умерило бы негодование Германии по поводу убийства и сделало бы ее менее склонной следовать за Австрией на ее роковом пути, тем самым возросли бы шансы для дружественного посредничества. Но Пашич и его министры этого не сделали и усвоили пассивную и отрицательную тактику выжидания, желая узнать, какие определенные обвинения и доказательства в состоянии представить Австрия. Тем самым Пашич взял на себя серьезную ответственность за то, что случилось[56].

6 июля сербское правительство получило от своего посланника в Вене извещение, что австрийские сведения из Сараева указывают на Белград как на место организации заговора и изобличают причастность к нему Цигановича. Несмотря на это, а также на предостережение Циммермана, сербское правительство не только не предприняло никаких шагов для того, чтобы арестовать сообщников в Белграде, но и, по-видимому, даже содействовало исчезновению Цигановича, главного соучастника в этом деле, не желая выдать его австрийским властям.

Циганович был боснийцем, Австрия могла требовать его выдачи для суда, и тогда она, пожалуй, узнала бы всю правду. Поэтому было лучше, чтобы он исчез. 8 июля австрийское правительство узнало из шифрованной депеши своего белградского посольства, что Циганович в день убийства находился в Белграде, но через три дня после этого покинул город, причем, по-видимому, получил месячный отпуск от железнодорожного управления, где он служил. Начальник белградской полиции заявил, что он не знает человека, носящего имя Милана Цигановича, но вскоре выяснилось, что сам начальник полиции и способствовал исчезновению Цигановича из Белграда.

Далее выяснилось, что в книгах железнодорожного управления его имя было стерто и вписано имя Милана Данилова, в качестве какового Циганович продолжал получать свое жалованье. Когда в Сербии была произведена мобилизация, Циганович немедленно присоединился к отряду Танкосича. Доктор Богичевич говорит, что 3 или 4 августа 1914

года комендант Срб, начальник одной из важных сербских железнодоржных станций, сказал ему, что он только что помог Цигановичу уехать на юг.

Из показаний убийц австрийским властям стали известны некоторые факты относительно белградских соучастников. Поэтому в ультиматуме от 23 июля, в пункте 7, Австрия потребовала, чтобы Сербия немедленно арестовала Войю Танкосича и лицо, именуемое Миланом Цигановичем, служащего на сербской государственной железной дороге. Сербское правительство через несколько дней ответило, что в соответствии с предъявленным требованием оно арестовало Танкосича, но что касается Милана Цигановича, который является австро-венгерским подданным и который до 15 июня (28 июня по новому стилю, то есть в день убийства) состоял на службе (на испытании) в железнодорожном управлении, то таковой не мог быть пока разыскан (поэтому отдан приказ о его аресте)[57]. Здесь действительно курьезно, что сербское правительство утверждало, что оно перестало иметь какие-либо сведения о Цигановиче как раз с момента убийства.

Принимая во внимание другие факты, приведенные выше, можно усомниться в искренности его неведения относительно того, где находился Циганович, равно как и в невозможности разыскать его. Сомнение это еще усиливается в виду того, что министр народного просвещения, рассказывая о периоде непосредственно после убийства, но до предъявления австрийского ультиматума – то есть когда сербские власти должны были арестовать Цигановича, но этого не сделали, – определенно указывает, что он и его коллеги были осведомлены о соучастии Цигановича.

> *«Когда из Вены получились австрийские сообщения о том, что убийцы были отправлены в Сараево одним из служащих сербского Министерства общественных работ, неким Миланом Цигановичем, то Пашич спросил Иотсу Иовановича, в то время ведавшего этим министерством, кто такой этот чиновник, но Иотса не мог ничего сказать о нем, равно как и все другие в его министерстве. По настоянию Пашича они наконец откопали Цигановича на какой-то мелкой канцелярской должности в железнодорожном управлении. Я помню, что когда Иотса*

сказал нам об этом, то кто-то (Стоян или Пашич) заметил: „Вот видите! Правильно говорят: если мать потеряет сына, то пускай ищет его на железной дороге". После этого Иотса говорил нам, что Циганович выехал куда-то из Белграда».

Действительно ли Сербия «предостерегала» Австрию?

Вопрос этот имеет чрезвычайно большое значение, потому что в зависимости от утвердительного или отрицательного ответа делались разнообразные выводы.

С одной стороны, если сербское правительство предостерегало Вену, то это могло быть истолковано в двояком смысле: 1) в пользу Сербии, как доказательство того, что кабинет Пашича, узнав о заговоре, сделал все возможное для предупреждения преступления, и, таким образом, с него снималось всякое обвинение в этом деле, или 2) в пользу Австрии, в том смысле, что сербское правительство знало о заговоре и что австрийское требование допустить австрийских чиновников участвовать вместе с сербскими в розыске белградских сообщников было вполне обосновано, так как сами сербские власти никаких шагов в этом направлении не предприняли.

С другой стороны, если никакого предостережения сделано не было, то и в этом случае: или 1) сербское правительство могло утверждать, как оно это и делало, что оно раньше ничего не знало о заговоре и поэтому его ни в чем обвинять нельзя, или 2) Сербия была виновна в сокрытии заговора и, таким образом, являлась соучастницей преступления.

При возможности такого различного истолкования как отрицательного, так и положительного ответа на поставленный выше вопрос не приходится удивляться, что как сторонники Сербии, так и сторонники Австрии резко полемизируют между собой. Не приходится также удивляться и тому, что обе стороны представили множество противоречащих друг доказательств. При анализе их следует обратить внимание главным образом на три пункта:

1. Если предостережение было сделано, то кому именно?

2. Было ли оно сделано сербским посланником в Вене Иовановичем по собственной инициативе и неофициально или же

официально, по поручению из Белграда?

3. Имелось ли в этом предостережении какое-нибудь указание на определенный заговор или оно представляет собой заявление, сделанное в самой общей форме относительно нежелательности поездки эрцгерцога в неспокойную провинцию?

Первое серьезное утверждение, что Сербия предостерегала Австрию, исходило от сербского посланника в России Спалайковича. В интервью, помещенном в петербургской газете «Вечернее время» через несколько дней после убийства, Спалайкович заявил, что сербское правительство предостерегало Вену относительно поездки эрцгерцога в Боснию. Оно узнало, что боснийцы, озлобленные австрийским гнетом, организовали заговор, так как считают, что ответственным за этот гнет является эрцгерцог. Но в Вене не обратили внимания на это предостережение. Однако это заявление Спалайковича, равно как и другие аналогичные заявления, было 3 июля официально опровергнуто венским Министерством иностранных дел[58].

В таком положении вопрос оставался в течение нескольких месяцев; он был заслонен австрийским ультиматумом и возбуждением, вызванным войной. Затем он был снова выдвинут известным французским профессором славянской истории, Дени, который писал:

> *«Г-н Пашич пытался осторожно указать Баальплацу [австрийское Министерство внутренних и иностранных дел] на опасности, которые могут угрожать эрцгерцогу; 21 июня сербский посланник [Иован Иованович] сообщил министру иностранных дел, что его правительство имеет основание предполагать, что в Боснии готовится заговор. Канцлер [Берхтольд] не обратил внимания на это сообщение»*[59].

Это заявление профессора Дени пользовалось во время войны общим признанием за пределами Германии и Австрии, несмотря на то что Берхтольд решительным образом возражал, когда узнал о нем. Потом это заявление повторялось другими, например, Станоевичем, утверждавшим даже, что оно может быть подтверждено какой-то пачкой документов, находящихся в австрийском Министерстве иностранных дел под шифром «Beg. B. 28 VI 1914». Архивные работники нынешней Австрийской республики искали эти документы и утверждают, что бумаг с таким шифром не оказалось. Профессор же

Станоевич не мог или не хотел сообщить, из каких источников он получил сведения о существовании этих документов.

Когда австрийцы отрицают, что Иованович делал какое-либо предостережение Берхтольду или Министерству иностранных дел, то это, безусловно, соответствует действительности. Если Иованович и сделал предостережение, то все данные говорили за то, что он выразил свои опасения не Берхтольду и Министерству иностранных дел, как это полагалось в обычном порядке, а Билинскому – австро-венгерскому министру финансов. Для того чтобы объяснить это курьезное обстоятельство, вызвавшее такое нарушение нормального порядка, мы должны на минутку отклониться в сторону.

Иован Иованович прибыл в Вену в качестве сербского посланника в конце декабря 1912 года на смену Симичу. Последний был старым, опытным дипломатом, исполненным такта и достоинства, он достаточно успешно справлялся со своими по меньшей мере весьма трудными обязанностями. Даже в нормальное время положение сербских представителей в Вене после 1903 года было не из легких, если принять во внимание национальный антагонизм между населением обеих стран и постоянное раздражение, вызывавшееся взаимными обвинениями в шпионаже, пропаганде, притеснениях и подстрекательстве к государственной измене.

Когда Иованович прибыл в 1912 году в Вену, положение было особенно щекотливым ввиду тревожных последствий первой Балканской войны и стараний, которые Австрия прилагала на Лондонской конференции к тому, чтобы лишить сербов плодов их побед. В отличие от своего предшественника Иован Иованович был молодым человеком, лет сорока, не больше. Даже по описанию одного из своих лучших друзей и коллег, новый посол с непокорными густыми волосами, темными глазами и огромными черными усами внушал гораздо меньше доверия, чем его респектабельный предшественник. В Вене, не стесняясь, утверждали, что Иованович в 1908 году вел агитацию против аннексии Боснии и Герцеговины и даже командовал отрядом комитаджей.

Поэтому, когда Иованович прибыл в Вену, его отнюдь не считали там persona grata. Говорят, что Австрия сначала не желала дать свое согласие на его назначение, а потом неоднократно давала понять, что она была бы довольна, если бы его отозвали. Но Белград не обращал

внимания на эти намеки. Прием, оказанный ему, далеко не отличался сердечностью. Когда его представляли Францу-Иосифу, император, говорят, только кивнул головой, вместо того чтобы подать ему руку, как это обычно принято в таком случае. Эрцгерцог вообще не пожелал его видеть. Берхтольд был холоден и ограничил свои отношения официальными делами.

При таких неприятных обстоятельствах Иованович особенно ценил свои сердечные отношения с Билинским. Билинский незадолго до того был назначен союзным министром финансов Австро-Венгрии, и ему было подчинено гражданское управление Боснией и Герцеговиной. В связи с этим ему приходилось обсуждать много вопросов с сербским посланником. Так как он сам был славянином (галицийским поляком), то ему было легче, чем австрийскому немцу или мадьяру, установить дружеские отношения с сербом Иовановичем.

Действительно, для того чтобы улучшить отношения между обеими странами, в скором времени в Вене решили – и это было одобрено Францем-Иосифом и Берхтольдом, – что Билинский должен вести дипломатические переговоры с сербским посланником и затем докладывать о них Берхтольду. Это, конечно же, было совершенно ненормально и не соответствовало обычному порядку. Но, кроме приведенных уже оснований, это объяснялось еще и свойственным Берхтольду безразличием, а также честолюбивым стремлением Билинского сосредоточить в своих руках как можно больше власти и усилить свое значение. Этим и объясняется, почему весной 1914 года Иованович мог отдать предпочтение Билинскому и сделать именно ему, а не Берхтольду или кому-либо в Министерстве иностранных дел осторожный намек на опасность для эрцгерцога Франца-Фердинанда его поездки в Боснию.

В 1924 году по случаю десятилетия убийства эрцгерцога снова ожил спор относительно якобы сделанного Сербией предостережения Австрии. В письме, напечатанном в одной венской газете за подписью «X.V.», которое приписывалось Иосифовичу, секретарю сербского посольства в Вене в 1914 году, сообщалось следующее:

> *«18 июня 1914 года Иованович получил от Пашича шифрованную телеграмму с указанием отговорить эрцгерцога от поездки в Сараево или по крайней мере предостеречь его относительно угрожающих ему*

опасностей. Тогда Иованович сообщил об этом Билинскому 21 июня в 12 часов дня».

На первый взгляд это как будто подтверждало заявление Дени и Станоевича относительно официального предостережения, исходившего от белградского правительства. Но письмо это столь сомнительно в смысле своей достоверности, что на него совершенно нельзя полагаться[60]. Ему противоречат также некоторые заявления самого Иовановича, сделавшего неделю спустя следующее интересное сообщение в другой венской газете, которое мы здесь передаем в слегка сокращенном виде:

«Я рад дать вам аутентичное разъяснение относительно предостережения эрцгерцогу, которое исходило от меня и было сделано по моей личной инициативе. Я был посланником в Вене, когда узнал, что наследник престола собирается присутствовать на маневрах в Боснии.

[После этого приводятся не совсем точно некоторые подробности, касающиеся предполагавшейся поездки Франца-Фердинанда в Боснию, затем следует утверждение, что такая поездка рассматривалась бы сербами как провокация. Затем Иованович продолжает.]

После того как я надлежащим образом взвесил все эти слова, я решил посетить фон Билинского, который был тогда министром финансов и министром по делам Боснии. Насколько я помню, мой визит имел место 5 июня, то есть за 23 дня до убийства. Я вполне откровенно рассказал министру то, что мне было известно, а именно – что маневры собираются устроить в Боснии, на берегу Дрины, как раз на границе Сербии, и что сам эрцгерцог будет ими командовать[61]*. Я сказал министру фон Билинскому: если это правда, то я могу заверить ваше превосходительство, что это вызовет огромное недовольство среди сербов, которые должны рассматривать это как провокацию. При таком условии маневры опасны. Среди сербской молодежи могут найтись люди, которые зарядят ружье или револьвер боевым патроном вместо холостого, и тогда пуля может*

задеть того, кто является виновником провокации. Поэтому благоразумие требует, чтобы эрцгерцог не ездил в Сараево, чтобы маневры не устраивались в день св. Витта и чтобы они вообще не происходили в Боснии.

На это ясное заявление Билинский ответил, что он принимает его к сведению и сообщит мне, как на это будет реагировать эрцгерцог, хотя сам он не верит в то, что маневры будут иметь такие последствия, какие я предсказываю. Наоборот, по его сведениям, Босния совершенно спокойна.

Через несколько дней я снова обратился к министру фон Билинскому по этому вопросу. Несмотря на все это, мне сообщили, что первоначальная программа остается в силе и что, невзирая на мои предостережения, все осталось без изменения. Эрцгерцог, несомненно, был поставлен в известность, но он не обратил на это внимания»[62].

Это сообщение Иована Иовановича, по-видимому, ближе к истине, чем то, что до сих пор исходило из сербских источников. В некоторых пунктах оно подтверждается (хотя в некоторых и опровергается) ценным сообщением Пауля Фландрака, который был в 1914 году начальником отдела печати в Министерстве финансов при Билинском, а после войны стал директором венского Депозитного банка. Этот, очевидно, сознающий свою ответственность и заслуживающий доверия человек недавно писал:

«В мае 1914 года, когда в публике стали распространяться первые слухи о поездке эрцгерцога в Далмацию и Боснию, Иованович явился в австро-венгерское Министерство финансов. Это был его последний визит. Придя, он сразу заговорил о предполагаемых маневрах и выразил опасение, что сербское правительство может счесть их за провокацию. Кроме того, он хотел обратить серьезное внимание министра финансов на то, что появление будущего правителя монархии неизбежно вызовет патриотические демонстрации и они могут породить недовольство по обе стороны границы. Он просил Билинского не рассматривать его заявление как официальное сообщение,

и сказал, что им руководит исключительно желание предупредить все, что может, хотя бы временно, помешать переговорам, которые начались с целью улучшения взаимных отношений Австрии и Сербии.

Билинский не обратил особого внимания на это заявление и, как я полагаю, совершенно не поставил о нем в известность графа Берхтольда, хотя обыкновенно он имел привычку докладывать ему обо всех своих разговорах с сербским посланником… Хотя во время этой беседы Билинский еще не знал, что военно-инспекторская поездка эрцгерцога примет политический характер, но он был убежден, что момент для поездки Франца-Фердинанда в южную провинцию выбран по меньшей мере преждевременно, и откровенно высказал императору свои опасения.

Эта беседа сербского посланника Иовановича, о которой Билинский рассказал мне сейчас же после того, как она имела место, и которая до известной степени подтвердила его точку зрения относительно несвоевременности поездки эрцгерцога, породила за последние годы много легенд. Некоторые пошли так далеко, что из замечания Иовановича сконструировали предостережение относительно убийства и намеки на возможность его. Но сам Билинский, который, будучи министром финансов, не вел никаких записей, совсем не упоминает об этой беседе с сербским посланником в своих мемуарах, написанных до памяти, и это доказывает, что он не усмотрел в них ни явного, ни скрытого предостережения».

Было бы интересно услышать, что может сказать человек, получивший «предостережение». Но, как это ни странно, покойный Билинский в двух томах своих воспоминаний, в которых уделено очень много места его политической деятельности, ничего не говорит об этом предостережении. Отсюда некоторые авторы сделали вывод, что он никакого предостережения не получал, так как иначе он упомянул бы о нем ввиду его исключительной важности. Но более вероятно другое: ему не хотелось вспоминать это неприятное обстоятельство – то, что он не отговорил эрцгерцога от его роковой поездки или хотя бы в качестве министра, на котором официально лежала ответственность за

управление Боснией, не позаботился о том, чтобы были приняты надлежащие меры для охраны эрцгерцога и произведены тщательные розыски в Сараеве для предупреждения покушения.

Ввиду ужасных последствий, которые имело это убийство для Австрии и всего мира, такое упущение должно было терзать его, как самый ужасный кошмар[63]. Когда война еще продолжала бушевать, один австрийский историк обратился к нему с просьбой, не может ли он пролить свет на так называемое сербское предостережение относительно сараевского заговора. Билинский ответил на это кратким письмом, содержание которого очень характерно. Он писал, что охотно готов беседовать о каких угодно моментах этого неприятного дела, но только не об этом вопросе, который он хотел бы предать забвению.

В своих мемуарах он только выражает сожаление, что с ним не посоветовались относительно организации поездки, так как эрцгерцог выразил желание, чтобы все это дело было передано исключительно начальнику области генералу Потиореку, губернатору Боснии и Герцеговины, как командующему войсками, и чтобы министра финансов не привлекали к этому деду.

> *«Против этого я не мог возражать, потому что я не вмешивался в организацию провинций, поскольку это касалось военного управления. В мое ведение входили только набор рекрутов и оплата связанных с этим расходов…*
>
> *Слухи, что я предостерегал императора перед поездкой эрцгерцога, неверны, потому что я не имел права вмешиваться в поездку чисто военного характера, а на превращение ее в путешествие политического значения разрешение дано было помимо меня, и я о нем даже не знал».*

Билинский говорит, что он изложил эти обстоятельства на аудиенции, которую имел у императора через два дня после убийства, и что император снял с него всякую ответственность. За исключением этой аудиенции, он никогда не говорил о поездке эрцгерцога, ни до того, как она была предпринята, ни после.

Из всех этих фактов можно сделать следующие выводы:

1. Приблизительно 5 июня сербский посланник в Вене Иован Иованович сделал предупреждение Билинскому, австро-венгерскому министру финансов, но не Берхтольду и не австрийскому Министерству

иностранных дел, как должен был бы сделать, следуя нормальной дипломатической процедуре. Такое отклонение от обычной дипломатической процедуры было при данных обстоятельствах, пожалуй, неблагоразумно, как это и показали дальнейшие события. Но назвать это неестественным нельзя, ибо такова была практика в течение многих предыдущих месяцев.

Иованович также, несомненно, отдавал себе отчет в том, что ему предстояло сделать сообщение весьма щекотливого характера и что ему гораздо легче беседовать на эту тему с сердечно относившимся к нему Билинским, чем с холодным и подозрительно настроенным Берхтольдом. Он не хотел также придавать своему сообщению формальный или официальный характер, и сообщение, сделанное им своему приятелю Билинскому, носило менее официальный характер, чем беседа с министром иностранных дел. Но Билинский не был особенно встревожен положением в Боснии и сам собирался вскоре съездить туда с женой. Он не придал особого значения словам Иовановича и, по всей вероятности, не сказал о них ни императору, ни Францу-Фердинанду или Берхтольду. Неоднократные опровержения австрийского Министерства иностранных дел, утверждавшего, что оно никакого официального предостережения от Сербии не получало, являются поэтому вполне правильными.

2. Возможно, что Иованович, как он сам говорил, сделал свое сообщение по собственной инициативе, но надо заметить, что в более раннем своем письме к Богичевичу он об этом не упоминает. Более того, представляется странным, чтобы он предпринял столь важный шаг без разрешения или инструкции со стороны сербского министра иностранных дел.

Если же он действительно действовал по собственной инициативе, считая, что эрцгерцогу угрожает опасность быть убитым на маневрах вследствие нелояльности его собственных войск и возможной замены холостого патрона боевым, то почему он ждал до начала июня? О поездке было сообщено в газетах еще в марте; Иованович сам говорит, что это было решено уже в марте, и, таким образом, он знал о поездке еще на два месяца раньше. Относительно общего настроения боснийских войск, их лояльности или нелояльности он знал тогда столько же, сколько и после. Поэтому можно было бы ожидать, что

если бы он действовал исключительно по собственной инициативе, то указал бы на эту опасность значительно раньше.

Является ли только случайным совпадением, что предостережение это последовало немедленно после того, как Пашич в «конце мая или начале июня» сказал Любе Иовановичу и другим членам кабинета, что какие-то люди собираются отправиться в Сараево и убить Франца-Фердинанда? Нет ли после всего этого некоторой доли истины в утверждении профессора Дени, что Пашич пытался осторожно указать на опасность, которой подвергался эрцгерцог, и поэтому поручил своему посланнику в Вене предпринять шаги для того, чтобы по возможности предотвратить трагедию?

Маститый сербский премьер был человеком достаточно хитрым и прекрасно понимал, до какой степени будет скомпрометирована Сербия, если обнаружится участие в заговоре Димитриевича и «Черной руки». Разоблачения Любы Иовановича достаточно красноречиво говорят об этой ужасной возможности. Сербия и так уже была слишком забрызгана кровью, чтобы выдержать обвинение в новом политическом убийстве, и притом особы столь высокого ранга. Сербия могла подвергнуться остракизму в Европе. Больше того, Пашич, которому хорошо были известны австро-сербские трения, существовавшие за последнее время, прекрасно понимал, что если заговор увенчается успехом, то Австрия предъявит Сербии очень резкие требования и, пожалуй, даже воспользуется преступлением для того, чтобы начать войну с беспокойным соседом.

Между тем Пашич в то время не хотел войны – или по крайней мере войны, вызванной такими обстоятельствами. Он знал, что Сербии нужно как минимум еще несколько месяцев мира, прежде чем она сумеет начать борьбу не на жизнь, а на смерть с Австрией. Ей нужно было предварительно оправиться от Балканских войн, навести порядок в своих новых территориях, которые она только что приобрела. Кроме того, он сомневался, согласятся ли Россия и Франция поддержать его в конфликте с Австрией, если вскроется истина, что убийство было организовано в столице Сербии при содействии офицера, занимающего высокий пост в сербском Генеральном штабе, а также при содействии других членов тайного сербского общества, известных политическими убийствами, совершенными ими в прошлом.

Пашич, несомненно, оказался в очень затруднительном и щекотливом положении. Он хотел предупредить убийство, опасаясь его возможных ужасных последствий. Но предостеречь Австрию таким путем, который один мог привести к цели, означало для него признаться, что он посвящен в заговор; этим признанием он еще пополнил бы длинный список убийств, которые замышлялись в Сербии против двуединой монархии. При таких обстоятельствах разве не исключена возможность, что он сделал некоторый намек сербскому посланнику, который заставил последнего выразить Билинскому свое сомнение относительно лояльности боснийских войск и вообще желательности предполагавшейся поездки эрцгерцога?

В таком случае, конечно, Иованович должен был стараться сделать вид, что он говорит неофициально и исключительно по собственной инициативе. Это весьма обычный дипломатический прием. Документы, опубликованные за последнее время из германских, русских и английских архивов, содержат бесчисленное множество примеров такого рода. Когда одно правительство желает позондировать почву у другого или сделать какой-нибудь намек по особо щекотливому вопросу, то общепризнанная тактика рекомендует дать послу поручение начать разговор об этом вопросе, предварительно заверив, что в данном случае посол выражает только свое личное мнение и действует исключительно по собственной инициативе.

То обстоятельство, что Сполайкович вскоре после убийства мог заявить в Петербурге, что Белград предостерегал Вену, дает основание думать, что Пашич сделал ему такое же указание, как и Иовановичу, относительно угрожающей опасности и косвенных шагов, которые надлежит предпринять для предупреждения ее. Далее, дипломатический этикет вряд ли допускает, чтобы сербский посланник в Вене позволил себе вмешиваться в такое чисто внутреннее дело другой страны, как маневры или поездка члена правящего дома. Поэтому трудно предположить, чтобы Иованович предпринял столь важный шаг и нарушил дипломатический этикет без специальных инструкций из Белграда. Пока сербские власти не найдут возможным полностью опубликовать переписку между Пашичем и Иовановичем за те несколько недель, которые предшествовали убийству, или по крайней мере опубликовать тот документ, в котором Иованович должен был сообщить Пашичу о своей беседе с Билинским, до тех пор можно

сомневаться, действительно ли он действовал по собственной инициативе.

3. «Предостережение» было сделано в самых общих выражениях. Оно не содержало никакого намека на возможность убийства штатскими заговорщиками или на наличие какого бы то ни было заговора. В этом сходятся все сообщения, которые в остальных вопросах полны разногласий. Иованович говорил только о возможной опасности вследствие нелояльности войск. Поэтому не приходится удивляться, что Билинский не обратил особого внимания на такое заявление. Во всяком случае, это не снимает с сербского правительства вины за сокрытие сведений, касавшихся заговора на убийство, – заговора, в котором участвовали его собственные офицеры. В частной жизни такое преступление называется укрывательством.

IV. Подготовка австрийского ультиматума

Убийство Франца-Фердинанда и его жены сразу вывело Берхтольда из состояния нерешительности, в котором он пребывал. Он пожелал воспользоваться этим преступлением как хорошим предлогом, для того чтобы внести ясность в неудовлетворительные отношения с Сербией, а также раз и навсегда положить конец той опасности, которая угрожала двуединой монархии вследствие великосербской пропаганды и русских интриг против австрийского влияния на Балканах.

Уже давно в некоторых кругах в Вене все более крепло убеждение, что политическое положение на Балканах становится для Австрии опасным и нетерпимым. Благодаря Балканским войнам Сербия сильно расширила свою территорию и увеличила свое население; вместе с тем выросли и ее притязания. Великосербское движение при поддержке растущего национального движения южных славян монархии Габсбургов становилось все более мощным. Весной 1914 года ходили слухи о предстоящем слиянии Сербии и Черногории. Это дало бы Сербии выход к Адриатическому морю и угрожало бы существованию еще непрочного, находившегося в младенческом состоянии албанского государства; тем самым ставились под угрозу мероприятия, при помощи которых Австрия пыталась защитить себя от славянской опасности на южной границе.

На Румынию уже нельзя было полагаться как на надежного союзника; ирредентистская румынская агитация в Венгрии нисколько не ослабевала. Существовало подозрение, что Балканская лига в составе Сербии, Румынии и Греции пользуется тайной поддержкой России и только выжидает удобного момента – смерти престарелого Франца-Иосифа или европейской войны, чтобы расчленить Австрию, освободив ее угнетенные национальности. Сама же Россия овладела бы тогда проливами и получила бы свободный выход в Средиземное море.

Россия быстро вооружалась, строила стратегические железные дороги и производила пробные мобилизации. Франция предоставляла России на это дело многомиллионные займы и одновременно усиливала свои собственные вооружения. Албания, созданная Австрией специально в противовес Сербии, пребывала в состоянии хаоса и бунта, поднятого против слабого правителя, которого посадили на ее престол

после долгих поисков. Бегство принца Вильгельма Вида породило насмешливый каламбур: «Les caisses sont vides, le throne est vide, tout est vide»[64].

Постоянное скрытое раздражение, существовавшее между Италией и Австрией и вызывавшееся претензиями итальянских ирредентистов на Триест и Триеит, а также соперничество между Австрией и Италией на Балканах снова обострились вследствие издания Австрией закона, по которому лицам, родившимся в Италии, запрещалось занимать муниципальные должности в Триесте. Даже Германия, по мнению австрийцев, проявляла раздражающее невнимание к интересам своего союзника на Балканах и к тем опасностям, с которыми там сталкивалась Австрия. Для того чтобы заставить Германию уважать Австрию как ценного союзника, рекомендовалось усвоить более энергичную политику и показать, что Австрия способна действовать решительно и что она действительно является положительной, а не отрицательной величиной в Тройственном союзе.

Таким образом, еще до Сараева многие государственные деятели в Вене считали, что надо что-то предпринять для того, чтобы монархия Габсбургов не разлетелась вдребезги от внутренней слабости и нерешительности или от жестоких ударов, которые ей могли нанести в недалеком будущем ее враги. Известие об убийстве эрцгерцога чрезвычайно усилило это настроение. Считали, что если Австрия не будет активно реагировать на удар, нанесенный ее династии, и не примет решительных мер для того, чтобы положить конец великосербской опасности, ее престиж на Балканах и в Европе будет утрачен навсегда, ибо тогда может укрепиться мнение, усиленно распространяемое сербами, что Австрия подтачивается изнутри и что она скоро подвергнется разделу подобно Турции и для нее окажется место только в «историческом музее».

В Вене считали, что ее противники будут теперь еще более склонны игнорировать ее интересы и даже напасть на нее и что поэтому нужно показать, что у нее достаточно жизненных сил для восстановления своего престижа и для того, чтобы укрепить свои позиции. Лучше всего рекомендовалось сделать это немедленно: в дальнейшем положение может только ухудшиться, так как Россия закончит свои вооружения, а националистические вожделения еще

больше усилятся. Указывали, что существование Австрии как великой державы поставлено на карту.

Начальник австрийского Генерального штаба и глава военной партии в Вене Конрад фон Хетцендорф впоследствии писал:

> *«Две возможности резко противостояли друг другу: либо сохранение Австро-Венгрии в виде конгломерата различных национальностей, которые сплотятся в одно целое по отношению к внешнему миру и будут сообща строить свое благополучие под управлением общего монарха, либо образование отдельных и независимых государств, которые захватят австро-венгерские территории, заселенные представителями их наций, и таким образом разрушат монархию.*
>
> *Конфликт этих двух взаимно исключающих возможностей давно уже предвиделся раньше и теперь благодаря действиям Сербия обострился. Нельзя было дальше откладывать решение.*
>
> *Вследствие этого, а не из мести за убийство Австро-Венгрия должна была обнажить меч против Сербии…*
>
> *Австро-Венгрия не могла больше сохранять холодное безразличие, спокойно выносить эти провокации и проявлять христианское смирение, которое велит, если вас ударили по одной щеке, подставить другую. Дело не в рыцарской дуэли с «бедной маленькой» Сербией, как она любила себя называть, и не в наказании за убийство. Здесь прежде всего стоял практически чрезвычайно важный вопрос о престиже великой державы, и притом великой державы, которая своим постоянным терпением и уступчивостью (в этом была ее ошибка) создавала впечатление бессилия и делала своих внутренних и внешних врагов все более агрессивными, вследствие чего они все стали настойчивее добиваться разрушения старой империи.*
>
> *Новая уступка, особенно теперь, после насильственного акта, совершенного Сербией, дала бы волю всем стремлениям, которые уже подтачивали здание империи, – южнославянской, чешской, русофильской и румынской пропаганде и итальянскому ирредентизму…*

Сараевское убийство разрушило карточный домик, сооруженный дипломатией, в котором Австро-Венгрия считала себя в безопасности. Монархию схватили за горло, и ей приходилось выбирать между возможностью быть задушенной или попыткой сделать последние усилия, для того чтобы предотвратить свою гибель».

Поэтому Конрад, убежденный, что Австрия в интересах самосохранения должна воевать с Сербией, добивался у Берхтольда согласия на немедленную мобилизацию против Сербии. Но Берхтольд сказал, что это встречает затруднения: нужно подготовить общественное мнение, необходимо сначала найти основания для войны, почерпнув их из следствия, производимого в Сараеве; Франц-Иосиф не соглашается на немедленное выступление, а венгерский министр-президент граф Стефан Тисса вообще против всякой войны с Сербией, так как опасается, что Россия нападет на Австрию и что Германия и Румыния не окажут ей помощи. Конрад был вынужден признать, что действительно рискованно начинать войну с Сербией, пока нет уверенности, что Германия будет защищать австрийский тыл от нападения со стороны России.

Однако Берхтольд подобно Конраду пришел к убеждению в необходимости локализованной воины с Сербией. В течение следующих дней он старался набросать план помощи, которую должна была оказать Германия, сконструировать обвинение против Сербии и преодолеть два основных внутренних препятствия, мешавших немедленной локализованной войне с Сербией, – нерешительность Франца-Иосифа и оппозицию со стороны графа Тиссы.

Император Франц-Иосиф

Когда произошло сараевское убийство, император Франц-Иосиф еще не вполне оправился от болезни, которой страдал всю зиму и которая, как многие предполагали, могла иметь роковые последствия для престарелого монарха. Все войны, которые он вел в прошлом, кончались поражением, а иногда утратой части территории или же тем и другим. Он не был в большом восторге от Конрада как начальника Генерального штаба и далеко не оптимистически расценивал те

реформы, которые тот произвел в австрийской армии. Не подлежит сомнению, что он хотел мирно закончить свою жизнь. Но теперь, под влиянием сообщений о панславянских интригах Гартвига в Белграде и о великосербской пропаганде, а также под воздействием последней трагедии, постигшей его семью, он стал опасаться, что отношения с Сербией сделаются в конце концов нетерпимыми.

«Я очень мрачно смотрю на будущее, – сказал он германскому послу 26 июля, – особенно меня беспокоит пробная мобилизация в России, намеченная на осень, как раз в то время, когда мы сменяем у себя контингенты новобранцев. Гартвиг – полный хозяин в Белграде, и Пашич ничего не делает, не посоветовавшись с ним».

«Все, с кем я связан, умирают», – с грустью сказал он по поводу внезапной смерти начальника итальянского Генерального штаба генерала Поллио, который был одним из немногих верных сторонников Тройственного союза в Италии.

Однако при всем своем унынии и пессимизме Франц-Иосиф, очевидно, не ожидал в ближайшем будущем даже локализованной войны с Сербией, ибо он говорил о своих планах на лето и о предстоящей охоте на оленей.

Три дня спустя, 5 июля, когда Конрад настаивал на мобилизации, Франц-Иосиф отказался дать на нее разрешение. «Нет, это невозможно», – сказал он и указал на опасность нападения со стороны России и на неуверенность в помощи Германии. Перед свиданием в Конопиште он просил Франца-Фердинанда добиться от императора Вильгельма безоговорочного заявления, что Австрия может рассчитывать на Германию. Но Вильгельм II не пожелал связать себя таким обещанием. 7 июля Франц-Иосиф отправился на летний отдых в Ишль, не пожелав принять никакого решения, которое могло бы повлечь за собой войну. Некоторые чрезвычайно важные документы, которые Берхтольд представил ему в течение следующих дней, подписаны дрожащей его рукой. Подпись, сделанная карандашом, означает, что он читал эти бумаги; но на них нет уже тех проницательных пометок, какие он делал на докладах в прежние годы, когда был еще полон сил. Вполне возможно, что престарелый монарх уже не вполне уяснял себе последствия той политики, которую стремился теперь проводить Берхтольд. У нас нет удовлетворительного изложения тех бесед, которые происходили между ним и его министром

иностранных дел. Но, по-видимому, Берхтольд без большого труда добивался одобрения предлагаемых им мероприятий. Сладить с Тиссой было труднее.

Мирная программа Тиссы

Граф Стефан Тисса[65], знаменитый сын знаменитого отца, был, пожалуй, наиболее способным и выдающимся политическим деятелем того времени во всей двуединой монархии. Со своими коротко остриженными волосами, квадратным темным лицом, одетый в развевающийся венгерский ментик, он производил среди мадьярских аристократов впечатление маленького гиганта, когда выступал в качестве руководителя партии большинства, как это делал до него его отец. Он отчетливо видел опасности, угрожавшие со всех сторон, и умел хладнокровно оценивать их.

Он в точности знал, чего хочет, и когда в июне 1913 года он стал венгерским министром-президентом, то благодаря своему официальному положению сумел заставить прислушиваться к своему мнению. Еще весной 1914 года он разработал дипломатическую «политику дальнего прицела», «politique de longue main», о которой мы еще будем подробно говорить дальше. Ее задачей было привлечь Болгарию на сторону Германии и Австрии и обеспечить по крайней мере на несколько лет мир на Балканах. Эта мирная программа была усвоена с некоторыми изменениями Берхтольдом и положена в основу обширного меморандума, предназначенного для Берлина, как раз перед тем, как известие, полученное из Сараева, побудило Берхтольда внезапно заменить эту программу военной программой Конрада.

Но Тисса не принадлежал к числу людей, у которых мнения, сложившиеся по зрелом размышлении, могут быть опрокинуты в один миг, хотя бы под впечатлением такого преступления. 29 июня, на другой день после убийства, он поспешил в Вену, чтобы выразить Францу-Иосифу соболезнование от имени Венгрии. Тогда он еще не представлял себе, что политика монархии должна будет измениться вследствие этого события. Выразив соболезнование императору, Тисса посетил министерство на Баальплаце, ничего не подозревая о внезапной перемене в позиции министра иностранных дел. Но здесь он, к неприятному своему удивлению, узнал о намерении Берхтольда

«использовать ужасное сараевское преступление как повод для окончательного сведения счетов с Сербией».

Тисса тотчас же откровенно сказал Берхтольду, что было бы «роковой ошибкой» спровоцировать такую войну с Сербией. Это выставило бы Австрию к позорному столбу «перед всеми народами как нарушительницу мира, не говоря уже о том, что это значило бы начать большую войну при самых неблагоприятных обстоятельствах». Но, по-видимому, его слова не произвели большого впечатления на Берхтольда. Во всяком случае, по возвращении в Будапешт Тисса счел своим долгом сообщить Францу-Иосифу о безрассудных планах Берхтольда и предостеречь против них. Так как ожидалось прибытие императора Вильгельма в Вену для личного выражения соболезнования монарху, то Тисса попросил Франца-Иосифа воспользоваться этим случаем и «убедить его поддержать нас в намеченной нами балканской политике», то есть в деле привлечения к союзу Болгарии и сохранения мира на Балканах.

В конфликте с Берхтольдом Тисса хотел использовать влияние Германии в интересах своей дипломатической программы мира против новой и безрассудной программы войны, намеченной Берхтольдом. Но Берхтодьд сам прибег к этому же средству и действовал против Тиссы его же оружием.

Ввиду ненадежности Румынии как союзника и ввиду того, что положение двуединой монархии после Балканских войн становилось все более опасным, Тисса составил в марте 1914 года докладную записку, в которой набросал программу мира, восстановления сил и улучшения дипломатического положения на Балканах; он представил эту записку Францу-Иосифу и Берхтольду и надеялся, что она будет положена в основу зрело обдуманной австро-венгерской политики на Балканах. Содержание записки сводилось к следующему.

Балканские войны и Бухарестский мир поставили Австрию в невыносимое положение. До тех пор пока это положение не улучшится, не может быть никакого настоящего длительного мира. С другой стороны, всеобщее истощение и уныние слишком велики, чтобы в ближайшем будущем было возможно успешное военное выступление. Ненависть и распаленные страсти мешают разумному, правильному суждению о собственных интересах, равно как и об интересах соседей. Чрезмерная самоуверенность победителей в такой же степени

препятствует правильной оценке положения, как и озлобление побежденных. Австрия не сумеет заставить Балканские государства правильно оценить ее значение и не может добиться у них уважения к своим интересам и к своему мнению, пока не рассеется весь этот угар и не восторжествует холодный рассудок. Было бы величайшей ошибкой слишком спешить с решением и форсировать события, которые могут явиться только результатом хорошо продуманной и медленно и терпеливо проводимой политики.

Тем не менее не следует впадать в апатию и бездеятельность. Наоборот – необходимо усвоить хорошо продуманную «политику дальнего прицела», которая должна постепенно устранить внутренние затруднения и создать более благоприятное положение на Балканах.

> *«Мы должны иметь в виду не только наши собственные интересы, но также и прийти к полному соглашению с Германией. Наша задача трудна, и не может быть речи об успехе, пока мы не будем вполне уверены, что Германия поймет нас, будет с нами считаться и окажет нам поддержку. Германия должна усвоить, что Балканы имеют решающее значение не только для нас, но и для Германской империи».*

Что касается России, то Тисса не верил, что она собирается немедленно воевать. Своей агрессивной политикой и бряцанием саблей Россия, по его мнению, стремилась только произвести впечатление на Балканские государства и поощряла националистическое движение в Румынии и Сербии. Эта политика могла, пожалуй, привлечь на сторону царя также Фердинанда Болгарского. Но Тисса полагал, что Болгарию можно и нужно переманить на сторону Центральных держав. Конечно, Фердинанд после второй Балканской войны очутился в отчаянном положении вследствие своей собственной сумасшедшей политики и потому, что не последовал совету Австрии, но это не помешает Болгарии, зажатой между Румынией, Сербией и Грецией и продолжающей находиться под угрозой со стороны Турции, броситься в объятия России, если Австрия не окажет ей серьезной поддержки.

Такая комбинация, при которой Болгария очутится под русским протекторатом и помирится с остальными христианскими государствами на Балканах, повлечет за собой успешную войну против

Австрии, причем Болгария получит в награду Македонию. В этом случае Австрия оказалась бы окруженной железным кольцом, которое Россия все время так настойчиво выковывает. Военное превосходство Согласия на континенте достигло бы, таким образом, своего завершения, и тогда настал бы долгожданный момент, когда Россия и Франция могли бы с превосходными силами напасть на Германию и начать мировую войну с шансами на успех.

Но Тисса полагал, что Тройственное согласие не нападет на Германию, пока Россия не привлечет на свою сторону Болгарию, чтобы, таким образом, угрожать Австрии войной на три фронта. Решение европейских проблем надо искать на Балканах, в частности, в привлечении Болгарии на сторону Центральных держав. Это в одинаковой мере диктуется жизненными интересами как Германии, так и Австрии. Поэтому двуединая монархия должна стремиться противопоставить балканской политике России хорошо продуманную и строго согласованную германо-австрийскую политику.

Тисса считал, что лучшим способом для привлечения Болгарии было бы дать Фердинанду надежду на приобретение Македонии. Это приобретение не может быть осуществлено сразу. Болгарии потребуется несколько лет для того, чтобы собраться с силами и залечить раны, нанесенные войной. На это время Центральные державы должны гарантировать Болгарии защиту против нападения – со стороны Турции или Греции.

В Румынии общественное мнение резко враждебно Венгрии, но необходимо приложить усилия к тому, чтобы король Кароль оставался верен союзу, и надо убедить его, что Румынии не угрожает опасность со стороны Болгарии. Германия и Австрия впредь должны совместными силами стараться создать благоприятную группировку Балканских государств. Румынию и Грецию надо отвлечь от Сербии и помирить с Болгарией на условии расширения Болгарии за счет Сербии.

Такова была в основных чертах политика, которую, по мнению Тиссы, надо было предложить Германии – с тем чтобы обе Центральные державы поддерживали друг друга в Софии, Бухаресте и Константинополе. В конце своего доклада он снова повторяет, что для настоящего времени он рекомендует политику мира и что «только в относительно отдаленном будущем Болгария сумеет вознаградить себя Македонией». В заключительных словах он снова подчеркивает:

«На Балканах мы должны сначала сохранять мир и подготовить благоприятную обстановку. И к этому надо приступить безотлагательно».

Программа Тиссы, по-видимому, получила одобрение Франца-Иосифа и Берхтольда; последний поручил барону Флотову, специалисту по балканским делам в австрийском Министерстве иностранных дел, написать более обширную докладную записку и подробнее разработать мысли Тиссы.

Докладная записка Флотова, несколько еще расширенная Матчекой и Погашером, была представлена Берхтольду приблизительно в середине июня. Нельзя установить, была ли она показана Францу-Фердинанду, когда Берхтольд приезжал к нему в Конопишт на другой день после беседы императора Вильгельма с австрийским наследником престола. Во всяком случае, было решено, что она должна быть разработана еще детальнее и представлена берлинскому правительству в виде меморандума, определяющего политику обоих союзников в балканских делах.

Составление проекта меморандума было закончено 24 июня; Берхтольд просмотрел его, придал ему окончательную, более смягченную форму, в которой, как он надеялся, этот меморандум покажется убедительным берлинскому Министерству иностранных дел и не вызовет возражений с его стороны.

Берхтольд начинает с анализа результатов Балканских войн и указывает на опасности, которыми угрожает Германии и Австрии существующее положение.

«Турция, у которой, естественно, имеются общие интересы с Тройственным союзом, и которая представляла сильный противовес России и Балканским государствам, почти совершенно изгнана из Европы и в значительной мере утратила свое прежнее положение великой державы. Сербия, политика которой в течение многих лет была враждебна Австро-Венгрии, а в настоящее время всецело подпала под влияние России, неожиданно сильно выросла в отношении населения и территории. Ее близость к Черногории и общее распространение великосербской

идеологии делают возможным в ближайшем будущем дальнейшее расширение Сербии путем союза с Черногорией».

Обойдя по вполне понятным причинам вопрос о том, в какой мере Австрия сама виновата в создавшемся для нее скверном положении, Берхтольд подробно остановился на опасных агрессивных интригах России и Франции.

«Мысль об освобождении христианских народов на Балканах от турецкого ига, для того чтобы использовать их как орудие против Тройственного союза, была уже давно главной политической пружиной традиционной заинтересованности России в делах этих народов. За самое последнее время эта идея встретила сочувствие во Франции и выросла в план объединения всех Балканских государств в Балканскую лигу, чтобы таким образом положить конец превосходству Тройственного союза».

В заключение этого документа Берхтольд обращался к Германии с призывом поддержать программу Тиссы и указывал, что агрессивная политика России является не меньшей угрозой для Германии, чем для Австрии.

«В то время как Франция стремится ослабить двуединую монархию в надежде приблизиться таким образом к осуществлению своих планов "реванша", намерения России гораздо шире. Если проследить развитие России за два последних столетия: беспрерывное расширение ее территории, колоссальный рост ее населения, столь значительно превышающий рост всех других европейских великих держав, а также огромное развитие ее экономических ресурсов и военной мощи, – и если принять во внимание то обстоятельство, что эта великая империя в силу своего географического положения и договорных обязательств почти совершенно отрезана от моря, то станет понятным, почему политика России всегда неизбежно носила агрессивный характер…

Ввиду всего этого австрийское Министерство иностранных дел пришло к убеждению, что общие интересы как Австрии, так и Германии требуют своевременного и энергичного противодействия событиям, которые подготовляются при помощи русских интриг и которые позднее, может быть, уже нельзя будет предотвратить».

В такой форме меморандум предназначался для отсылки в Берлин. Он должен был «открыть Германии глаза» на необходимость более энергично поддержать Австрию в ее дипломатическом ухаживании за Болгарией.

Но в воскресенье днем, 28 июня, было получено по телефону ужасное сообщение, что Франц-Фердинанд и его жена убиты в Сараеве. Это, по-видимому, возбуждающе подействовало на графа Берхтольда, который по натуре был, скорее, склонен действовать вяло и нерешительно. Многие историки, а также его венские знакомые, которых автор расспрашивал, характеризуют Берхтольда в его министерской деятельности как человека, всегда подчинявшегося чужим влияниям, особенно венгерцев – чиновников Министерства иностранных дел, относившихся враждебно к сербам: таких, как Гойос, Форгач, Макио. На него имел также влияние барон Конрад, начальник австрийского Генерального штаба. Министра иностранных дел рассматривали просто как «резиновую печать», которая штамповала все, что подсовывали другие.

Если такая точка зрения более или менее правильна для периода до сараевского убийства, то вряд ли это можно сказать относительно кризиса в июле 1914 года. Показания современников свидетельствуют, что, как бы сильно ни влияли на Берхтольда его подчиненные в Министерстве иностранных дел и представители военной партии, все же и сам он принимал весьма деятельное и гибельное участие в событиях, непосредственно вызвавших мировую войну. Раньше он колебался между двумя противоположными мнениями, выразителями коих были Конрад и Тисса. Теперь, после сараевского убийства, он решил воспользоваться этим преступлением как окончательным оправданием для того, чтобы раз и навсегда внести ясность в отношения между Австрией и Сербией.

Обращение Берхтольда к Германии за поддержкой

Теперь Берхтольд окончательно примкнул к программе Конрада немедленного объявления войны Сербии. Но ввиду нерешительности Франца-Иосифа и оппозиции со стороны Тиссы он не сразу мог приступить к ее осуществлению. К тому же он понимал, что было бы безумием занять столь резкую позицию, не заручившись предварительно в Берлине гарантией поддержки со стороны Германии.

За последние несколько лет Германия систематически удерживала Австрию от агрессивной политики на Балканах, которая могла бы вовлечь Тройственный союз в конфликт с Тройственным согласием. Сейчас же после сараевского убийства, когда даже серьезные люди в Вене часто «выражали надежду, что Австрия имеет теперь оправдание для того, чтобы окончательно свести счеты с сербами», германский посол Чиршки при каждом удобном случае спокойно, но весьма энергично и серьезно предостерегал от опрометчивых шагов. Он указывал, что Австрия должна прежде всего точно уяснить себе, чего она хочет, и помнить, что она не одна на свете. Она должна считаться со своими союзниками и с общим европейским положением, в особенности с той позицией, которую Италия и Румыния занимают по отношению к Сербии.

2 июля Берхтольд обстоятельно изложил ему, какую угрозу представляет великосербская пропаганда. Как раз тогда было получено сообщение, что 12 убийц едут в Вену с целью убить императора Вильгельма. Таким образом, Германия не менее Австрии была заинтересована в том, чтобы положить конец белградским заговорам.

Чиршки не возражал, но конфиденциально заметил австрийскому министру, что если Берлин в прошлом не делал более определенных обещаний относительно поддержки, то это объясняется тем, что Австрия «разговаривала лишь теоретически, но ни разу не формулировала определенного плана действий». Только в том случае, если такой план будет формулирован, Берлин сумеет пообещать полную и безоговорочную подержку. Чиршки снова указал Берхтольду, сколь опасно отталкивать от себя Румынию и Италию.

Из Берлина тоже слали выражения симпатии, но сопровождали это советом соблюдать осторожность. Австрийский посол в Берлине телеграфировал:

«Циммерман (германский помощник статс-секретаря по иностранным делам) уверял меня, что он будет считать вполне понятным решительное выступление со стороны Австрии, которой в настоящее время сочувствует весь цивилизованный мир. Но он все-таки рекомендовал бы соблюдать величайшую осторожность и советует не предъявлять Сербии унизительных требований».

Ввиду такой осторожной и умеренной позиции, занятой Францем-Иосифом, Тиссой и Германией, Берхтольд опасался, что в случае немедленного объявления мобилизации против Сербии Австрия останется без поддержки Германии, а это могло бы иметь гибельные последствия. Он понимал, что ему надо сначала добиться гарантии поддержки со стороны Берлина всякой политики, которую он в конечном итоге станет проводить. Для того чтобы достичь этого, он решил отправить графа Гойоса со специальной миссией в Берлин.

Берхтольд хотел играть на два фронта. Он не желал открыто отказываться от мирной программы Тиссы, которая в Берлине, по всей вероятности, встретила бы одобрение и которая заключалась в привлечении Болгарии на сторону Австрии и Германии, но в то же самое время он был намерен приложить все усилия к тому, чтобы склонить Германию к одобрению энергичных и немедленных военных действий против Сербии. Для этой цели он собирался всемерно использовать сараевскую трагедию. Он настойчиво указывал, что нити заговора ведут в Белград и что преступление является завершением целого ряда совершенно нетерпимых оскорблений со стороны Сербии, против которых теперь пора действовать силой. В соответствии с этой двойственной программой он решил отправить в Берлин обширный меморандум, о котором только что говорилось, но сделал к нему приписку:

«Означенный меморандум был как раз закончен, когда совершились ужасные события в Сараеве. Сейчас еще вряд ли можно полностью учесть все значение этого подлого убийства. Несомненно, если еще требовались доказательства невозможности перебросить мост через пропасть, отделяющую австро-венгерскую монархию от Сербии, и беспредельности великосербских вожделений,

которые ни перед чем не останавливаются, то теперь они даны. Австро-Венгрию нельзя было упрекнуть в отсутствии доброй воли и готовности установить сносные отношения с Сербией, но события последнего времени показали, что все эти усилия тщетны и что в будущем со стороны Сербии монархию ожидает постоянная, непримиримая и агрессивная вражда. Поэтому для монархии тем более необходимо решительно разорвать сети, которыми враги пытаются ее опутать».

Берхтольд набросал также выдержанное в двусмысленном тоне письмо, которое Франц-Иосиф должен был подписать и отправить императору Вильгельму. Значительная часть письма, так же как и меморандума, была посвящена мирной программе Тиссы, дипломатическому сдвигу на Балканах, нажиму на Румынию, привлечению Болгарии и изоляции Сербии. Но начало и конец письма, так же как и приведенная только что приписка, должны были убедить обоих монархов в ответственности Сербии за сараевское убийство и, таким образом, создать фундамент, на котором Бертхольд мог бы построить военное выступление.

О самом военном выступлении здесь не упоминалось, потому что Берхтольд не желал до поры до времени вызывать тревогу у монархов. Но он полагал, что если они усвоят его точку зрения на ответственность Сербии, то согласятся сделать следующий шаг и одобрят вооруженное вторжение в Сербию. Если бы они этого не сделали, он мог бы вернуться к дипломатической программе Тиссы.

Королевское послание содержало следующие строки:

«…Я посылаю вам меморандум, составленный моим министром иностранных дел еще до ужасной катастрофы в Сараеве; после этого трагического события он особенно заслуживает внимания. Нападение на моего бедного племянника является непосредственным результатом агитации русских и сербских панславистов, которые имеют только одно желание – ослабить Тройственный союз и раздробить мою империю. По всем имеющимся данным, сараевское убийство не является делом отдельной личности, а есть результат тщательно подготовленного заговора,

нити которого ведут в Белград. И хотя, вероятно, нельзя будет доказать соучастие сербского правительства, но не подлежит сомнению, что его политика, направленная на объединение всех южных славян под сербским флагом, способствует таким убийствам и что дальнейшее сохранение подобного положения угрожает постоянной опасностью моей династии и моим владениям…

Недавние ужасные события в Боснии, надо полагать, убедили и вас в том, что о дружеском устранении антагонизма между Австрией и Сербией говорить. уже не приходится и что мирная политика всех европейских монархов находится под угрозой, доколе в Белграде будет оставаться безнаказанным источник преступной агитации».

Это письмо вместе с меморандумом Берхтольда и его припиской было отправлено в Берлин с секретарем Берхтольда по Министерству иностранных дел, Александром Гойосом, облеченным особым доверием, и затем передано кайзеру австрийским послом графом Сегени в Потсдаме в воскресенье, 5 июля. Сегени писал об этом в своем донесении следующее:

«После того как я довел до сведения императора Вильгельма, что должен передать ему собственноручное письмо австрийского императора, я получил от их величеств приглашение на сегодня в 12 часов дня в новый дворец. Я передал его величеству письмо и приложенный к нему меморандум. Он с величайшим вниманием прочел в моем присутствии оба документа. Прежде всего он заверил меня, что он ожидал с нашей стороны серьезного выступления против Сербии, но в то же время он должен признаться, что сообщение нашего императора затрагивает чрезвычайно сложный европейский вопрос и поэтому он не хотел бы давать определенного ответа, пока не посоветуется с канцлером.

После завтрака, когда я снова подчеркнул серьезность положения, его величество уполномочил меня сообщить, что и в данном случае мы можем рассчитывать на полную поддержку Германии. Он должен, как он уже сказал, сначала

выслушать мнение имперского канцлера, но он совершенно уверен, что Бетман-Гольвег будет с ним вполне согласен. Что касается нашего выступления против Сербии, то он полагает, что откладывать его нельзя. Россия, несомненно, займет враждебную позицию, но к этому он уже подготовлен много лет, и если даже дело дойдет до войны между Австрией и Россией, то мы можем быть уверены, что Германия окажет нам поддержку, соблюдая свою обычную верность союзнику. К тому же в настоящий момент Россия, по его мнению, отнюдь не готова к войне и, несомненно, весьма серьезно подумает, прежде чем решится взяться за оружие. Но она натравит на нас другие державы Тройственного согласия и будет раздувать пожар на Балканах.

Его величество сказал, что он понимает, как трудно Францу-Иосифу при его общеизвестной любви к миру вторгнуться в Сербию. Но если мы действительно решили, что военное выступление против Сербии необходимо, то он пожалеет, если мы упустим настоящий момент, который для нас так благоприятен…»

Какие чувства испытывал император Вильгельм во время этой беседы? По впечатлительности своей натуры он был глубочайшим образом возмущен ужасной вестью об убийстве Франца-Фердинанда и его жены, которых он только что посетил в Конопиште. Когда он в предыдущее воскресенье днем катался на своей яхте около Киля, он заметил, как маленький баркас на всех парах устремился к нему. Он решительным жестом приказал ему остановиться, но адмирал Мюллер, который стоял на носу, сделал знак, что у него имеется какое-то сообщение. Показав лист бумаги, адмирал сложил его и положил в свой портсигар, который потом осторожно перекинул на палубу яхты. Матрос подобрал портсигар и передал его императору. Вильгельм II раскрыл его и побледнел, прочитав роковое известие из Сараева. Он немедленно распорядился повернуть назад и отменить назначенные морские гонки[66].

Он собирался отправиться в Вену, чтобы присутствовать на похоронах эрцгерцога и выразить свое соболезнование престарелому Францу-Иосифу в новом постигшем его горе. Но когда ему сообщили,

что дюжина сербских убийц направляются из Белграда в Вену, чтобы убить его самого, он подчинился убеждениям канцлера отказаться от этой поездки[67]. Официально было сообщено, что поездка отменяется вследствие невралгии, а отнюдь не по соображениям личной безопасности. Но его внезапное решение отказаться от поездки в Вену для отдания последней чести своему покойному другу породило всевозможные противоречивые и фантастические слухи[68].

Было бы рискованно пытаться дать исчерпывающий анализ психологии кайзера 5 июля 1914 года или в какой-либо другой момент. Карл Каутский, вождь германских социалистов, считает, что кайзер уже в то время был человеком ненормальным. Герман Луц написал тщательную работу, в которой он показывает, что у императора давно уже бывали периоды маниакальной депрессии, которые всегда сопровождались у него безрассудными воинственными жестами, каждый раз вызывавшими тревогу в Европе.

Другие писатели, ознакомившись с речами, которые император произносил во время войны, то экзальтированными, то слезливыми, а также с его «Сравнительными таблицами» и мемуарами, написанными после войны[69], считают его: одни – опасным параноиком, другие – страдающим неизлечимой манией величия или эгоистичным глупцом. Но они забывают, что даже в странах Антанты нельзя судить о политических деятелях на основании того, что они говорили под влиянием войны или в целях политической пропаганды, так как это не дает правильного представления об их довоенных взглядах. Читая изобилующие историческими неточностями излияния Вильгельма в Дорне, они забывают о разрушающем действии, которое оказали годы войны на впечатлительного и легко возбудимого человека.

До Сараева император Вильгельм был склонен думать, что Австрия проявляет ненужную нервозность по отношению к Сербии и что ей следует попытаться прийти с ней к какому-нибудь дружескому соглашению. Весной 1914 года, когда Австрия была встревожена слухами, что Сербия по наущению России намерена в какой-то форме объединиться с Черногорией, император высказался скорее в пользу Сербии, чем в пользу Австрии. Он считал «бессмыслицей» старания Австрии во время Балканских войн не допустить Сербию к Адриатике. Новая попытка помешать Сербии получить выход к Адриатике путем объединения с Черногорией вызвала у него замечание:

«Невероятно! Этому союзу совершенно не нужно препятствовать, и если Вена попытается помешать, то сделает страшную глупость и вызовет угрозу войны со славянами, к которой мы будем совершенно безучастны».

Он соглашался с Тиссой, спокойно признававшим, что это объединение неминуемо, тогда как Берхтольд и Франц-Иосиф считали его неприемлемым. 5 апреля он телеграфировал с острова Корфу Бетман-Гольвегу:

«Абсолютно необходимо, чтобы в Вене серьезно считались с возможностью [объединения Сербии и Черногории] и уяснили себе, намерены ли они при всех обстоятельствах стоять на той позиции, которую заняли император и граф Берхтольд, или готовы усвоить точку зрения Тиссы. Первое было бы возможно только в том случае, если они абсолютно твердо решили силой оружия воспрепятствовать осуществлению такого объединения. Во всяком случае, Австрия не должна ставить свой престиж на карту и публично заявлять о неприемлемости того, что она в конце концов согласится допустить. Если они склонны принять разумную точку зрения Тиссы, то австрийская политика сумеет без большого труда примениться к изменившемуся положению в том направлении, какое мы указывали в течение многих лет. Надо найти такой modus vivendi с двуединой монархией, который был бы привлекателен для Сербии».

Но если германский император до сих пор обыкновенно был склонен защищать Сербию от чрезмерных и опасных требований Австрии и надеялся, что все трудности могут быть улажены мирным путем[70], то теперь, после убийства своего лучшего друга, которого он только что посетил, убийства, совершенного людьми, прибывшими из Белграда, его негодование против сербов не знало пределов.

В своих пометках на полях бумаг он награждает их эпитетами: «убийцы», «бандиты». Он искренне думал, что монархический принцип находится в опасности, что в Сербии по-прежнему еще господствует то настроение, которое привело в 1903 года к убийству

короля и королевы. С его точки зрения все монархи, и в первую очередь Николай II, должны не противодействовать, а, наоборот, поддерживать всякое выступление Австрии, направленное на подавление бессовестной агитации, которая в течение многих лет ведется среди сербов, которая, как ему теперь сообщил Берхтольд, угрожала существованию его союзницы Австрии и жертвой которой пал его личный друг. Поэтому, когда кайзер прочел, что его посол в Вене, Чиршки, пользовался всяким случаем, чтобы спокойно, но чрезвычайно энергично и серьезно предостеречь Берхтольда от опрометчивых шагов, он написал на полях, как уже было отмечено в предыдущей главе:

> *«Теперь или никогда! Кто уполномочил его на это? Это очень глупо! Это совсем не его дело. Австрия должна сама решить, как ей поступать в этом деле, иначе, в случае неудачи, скажут, что Германия не захотела. Пускай Чиршки прекратит эту бессмыслицу. Дело с сербами надо привести в полную ясность, и притом быстро. Это самоочевидная истина».*

Со свойственной ему необузданностью он желал, чтобы Австрия как можно скорее предприняла решительные шаги против Сербии, пока еще весь цивилизованный мир находился под живым впечатлением ужасного убийства и сочувствовал Австрии.

В чем должно было заключаться выступление Австрии? Этого император определенно не знал до 5 июля и не старался давать каких-либо указаний. Но ни он, ни Бетман-Гольвег в то время совершенно не предполагали, что австро-сербский конфликт вызовет европейскую войну. Поэтому он мог совершенно спокойно отправиться на следующее утро в северное плавание, что уже давно собирался сделать по совету канцлера.

Он вряд ли поступил бы таким образом, если бы думал, что выступление (которое, по его мнению, Австрия должна была произвести немедленно, а не откладывать на две недели) способно зажечь европейский пожар. Характерно, что в тот момент, когда он узнал, какой ультиматум Берхтольд предъявил Сербии, он поспешил вернуться в Берлин.

Однако если император не считал вероятным, что выступление Австрии вызовет европейскую войну, то все же он допускал такую возможность. Во всяком случае, в его отсутствие могли возникнуть слухи о войне, и поэтому он счел благоразумным в спокойной форме сообщить представителям армии и флота, случайно оказавшимся в Берлине, а также Бетман-Гольвегу о своей беседе с Сегени.

Так как император совершенно ясно сказал Сегени, что он не может дать ему определенный ответ, пока не посоветуется со своим канцлером, то Бетман-Гольвег тоже был вызван в Потсдам в тот же день. Вместе с ним прибыл Циммерман, исполнявший обязанности статс-секретаря по иностранным делам во время отсутствия Ягова, проводившего медовый месяц в Швейцарии. Результаты их совещания, выражающего официальные решения Германии, были на следующий день сообщены Бетманом Сегени в Берлине и доведены до сведения германского посла в Вене в следующей телеграмме:

> *«Австро-венгерский посол передал вчера его величеству частное письмо императора Франца-Иосифа, в котором изображается нынешнее положение с австро-венгерской точки зрения и меры, намеченные Веной. Копия письма при сем прилагается.*
>
> *Сегодня я ответил графу Сегени и поблагодарил его за письмо Франца-Иосифа, на которое император вскоре ответит лично. Пока же его величество желает подчеркнуть, что он не закрывает глаз на опасность, угрожающую Австрии, а следовательно, и Тройственному союзу, от агитации, которую ведут русские и сербские панслависты. Хотя его величество, как известно, не питает особого доверия к Болгарии и ее правителю и, разумеется, более склонен поддерживать отношения со своим старым союзником – Румынией и ее монархом из дома Гогенцоллернов, тем не менее ему понятно, что император Франц-Иосиф может желать присоединения Болгарии к Тройственному союзу ввиду позиции, занятой Румынией, и опасностей, возможных вследствие образования новой Балканской лиги, непосредственно направленной против Дунайской монархии. Поэтому в случае, если к нему обратятся с такой просьбой, его величество даст указания*

своему посланнику в Софии поддерживать шаги, предпринимаемые представителем Австрии в этом направлении.

Его величество приложит также в Бухаресте все усилия к тому, чтобы, как предлагает Франц-Иосиф, убедить короля Кароля исполнять свои союзные обязательства, порвать с Сербией и прекратить в Румынии агитацию против Австро-Венгрии. Наконец, в отношении Сербии его величество, конечно, не может занять никакой позиции в вопросах, касающихся Австрии и Сербии, потому что они выходят за пределы его компетенции, но Франц-Иосиф может быть уверен, что его величество будет добросовестно поддерживать Австрию в соответствии с договорными обязательствами и старой дружбой».

В свою очередь, Сегени утром 6 июля после беседы с Бетманом, при которой присутствовали Ройос и Циммерман, отправил вторую телеграмму Берхтольду. В первой части этой телеграммы он подробно излагал то, что Бетман телеграфировал Чиршки о решении Германии относительно предстоящих дипломатических шагов в Софии и Бухаресте. Что же касается Сербии, то Сегени писал:

«Австрия должна сама решить, что нужно сделать для приведения в ясность ее отношений с Сербией, но, каково бы ни было решение Австрии, она может с уверенностью рассчитывать, что Германия поддержит ее как союзника и друга».

Далее Сегени дает заверения, которые совершенно отсутствуют в письме Фалькенгайна и в телеграммах Бетмана, характеризующих позицию Германии 5 и 6 июля:

«В дальнейшей беседе я установил, что канцлер, так же как и император, считает немедленное выступление Австрии против Сербии наиболее радикальным и лучшим разрешением наших балканских затруднений. С международной точки зрения он считает настоящий момент более благоприятным, нежели какой-нибудь более

поздний. Он вполне согласен с нами, что мы не должны уведомлять Италию и Румынию, прежде чем предпримем какие-нибудь шаги против Сербии. Но, с другой стороны, нами и Германии нужно теперь же уведомить Италию о нашем намерении привлечь Болгарию к Тройственному союзу. К концу беседы канцлер говорил о положении в Албании и чрезвычайно энергично предостерег нас от всякого плана, который мог бы обострить наши отношения с Италией и поставить под угрозу существование Тройственного союза».

Легко понять, почему Сегени утверждал, что Бетман «вполне согласен», что Австрия не должна информировать заблаговременно Италию о действиях против Сербии. Как большинство австрийских государственных деятелей, он желал войны с Сербией и этим своим сообщением склонил Берхтольда не информировать предварительно Италию, опасаясь, что Италия разболтает в Белграде или как минимум потребует территориальных компенсаций, которые Австрия не намерена была давать.

Но эта политика, предполагавшая обмануть Италию или временно не осведомлять ее, столь решительно противоречила той позиции, которую занимала Германия непосредственно перед 5 июля и после него, что приходится сомневаться в правильности утверждения австрийского посла. Ведь все усилия Германии за последние годы были направлены на то, чтобы не дать Италии нарушить верность союзу и одновременно удержать Австрию от таких действий на Балканах, которые без нужды могли бы задеть Италию и побудить ее совершенно отказаться от своих договорных обязательств по отношению к Тройственному союзу.

3 июля Чиршки заявил Берхтольду о том, что позиция Германии не изменилась, и напомнил ему об «Италии, с которой ввиду того, что она наша союзница, надо посоветоваться, прежде чем предпринимать какие-нибудь военные действия».

Берхтольд отвечал: «Если мы поставим этот вопрос перед римским кабинетом, там, по-видимому, потребуют в виде компенсации Валону, а на это мы не можем пойти».

Точно так же несколько позднее, 15 июля, Ягов повторил заявление Чиршки, что Австрия должна предварительно уведомить Италию:

«По моему мнению, чрезвычайно важно, чтобы Австрия пришла к соглашению с римским кабинетом относительно его пожеланий в случае конфликта с Сербией и чтобы она удержала Италию на своей стороне или, ввиду того что конфликт с Сербией не создает еще casus foederis (договорных обязательств), побудила ее сохранить нейтралитет. Италия по своим соглашениям с Австрией имеет право требовать компенсации в случае какой-нибудь перемены на Балканах в пользу двуединой монархии».

Поэтому утверждение Сегени, что Бетман согласился на то, чтобы Италию не ставили наперед в известность о возможном выступлении против Сербии, решительным образом противоречит всему характеру германской политики. Если это так и если Сегени приписывал Бетману уступку, сделанную только Циммерманом, то это свидетельствовало бы о том, что Сегени в своих донесениях не всегда был точен и воспользовался своим влиянием, чтобы поощрить Австрию в ее безрассудной политике.

Выводы относительно позиции Германии 5 и 6 июля

Если сопоставить оба сообщения относительно позиции Германии, то есть сообщения Бетман-Гольвега и Сегени, то мы увидим, что они несколько отличаются друг от друга как по содержанию, так и по характеру изложения. Бетман уделяет четыре пятых своего внимания тому новому, что вносит в германскую политику австрийский проект, – привлечению Болгарии в Тройственный союз. Он лишь вкратце в конце своей телеграммы затрагивает вопрос об австро-сербских отношениях, и только для того, чтобы повторить тот принцип, который он вместе с Кидерленом установил во время одного из кризисов, сопровождавших Балканские войны: Германия будет и впредь действовать как лояльный союзник, но должна предоставить Австрии решать, чего требуют ее жизненные интересы.

С другой стороны, Сегени чрезвычайно заинтересован проектом Берхтольда о военном выступлении против Сербии, с которым его познакомил граф Гойос. По его телеграммам выходит, что кайзер и Бетман считали, что «немедленное выступление Австрии против

Сербия является наиболее радикальным и самым лучшим решением и что сейчас момент более благоприятный, чем потом»; и он сообщает, что Бетман «вполне согласен», что Италии и Румынии не следует ничего сообщать заранее.

Чем объясняется это расхождение в сообщениях Бетмана и Сегени? По всей вероятности, как полагает Гойос, отчасти тем, что Сегени был уже дряхл и не всегда правильно понимал и передавал то, что ему говорили. Из-за этого во время Балканской войны несколько раз возникали дипломатические трения между Берлином и Веной. Сегени пользовался личными симпатиями Вильгельма, но вместе с тем вращался в берлинских милитаристских кругах, идеи которых не всегда совпадали с более умной и осторожной политикой Бетмана.

Ввиду преклонного возраста Сегени, а может быть, и ввиду его воинственных стремлений и мадьярских симпатий Франц-Фердинанд за несколько недель до сараевской трагедии поднял вопрос о замене его более спокойным представителем. Его преемник был уже намечен в лице князя Готфрида Гогенлоэ, и Берлин дал 12 июня свое согласие на назначение последнего. Но, к несчастью, внезапно разразившийся июльский кризис помешал смене послов до 19 августа 1914 года. В потсдамских беседах Сегени, по-видимому, слишком переоценил одобрение Берлином неопределенно формулированной второй части записки Берхтольда.

Вероятно, расхождение отчасти отражает также некоторое различие в позициях Бетмана, кайзера и Циммермана. Бетман, по натуре настроенный более оптимистически и идеалистически, стремившийся улучшить отношения с Англией и Тройственным согласием и ободряемый договорами о Багдадской железной дороге и португальских колониях (договоры эти уже были готовы для подписи), надеялся, что австро-сербский кризис может быть удовлетворительно разрешен при помощи мирного дипломатического плана – привлечения Болгарии на сторону Тройственного союза. Смерть эрцгерцога произвела на него менее сильное впечатление. Незадолго перед этим он был встревожен невоздержанностью, с которой Берхтольд создал конфликт с Италией из-за Черногории, поставив тем самым под угрозу все более шатавшийся Тройственный союз. «Вена начинает чересчур решительно (etwas stark) эмансипироваться от нас, и, по моему мнению, нужно ее обуздать, пока не поздно», – писал он за несколько недель до

этого и послал тогда строгое предостережение Берхтольду. Поэтому теперь, после сараевского убийства, он не желал поощрять Берхтольда на безрассудные приключения. Хотя он и вынужден был согласиться с императором, что Германия должна обещать Австрии свою поддержку, но из текста телеграммы, составленной Циммерманом, он вычеркнул слова «при всех обстоятельствах».

Кайзер был хитрее, чем Бетман, и лучше знаком с балканским вопросом, к тому же он был связан узами личной дружбы с Францем-Фердинандом и Францем-Иосифом, но он хуже владел собой и меньше считался с политическими последствиями своих действий. Поэтому он выразил свои чувства пометкой на полях «теперь или никогда», которую мы уже привели выше. Он готов был поддержать австрийский план привлечения Болгарии, хотя это и не согласовалось с его прежней политикой и его личным недоверием к королю Фердинанду. На него большое впечатление произвели последняя часть меморандума Берхтольда и письмо Франца-Иосифа, где они настаивали на необходимости каких-нибудь энергичных действий, способных положить конец великосербской опасности. Ввиду нерешительности и колебаний, проявленных Австрией в прошлом, он советовал ей действовать быстро, пока симпатии Европы еще на ее стороне. Но, как видно из письма Фалькенгайна к Мольтке, существовало сомнение, действительно ли Берхтольд предпримет немедленные и решительные шаги.

Циммерман исполнял обязанности статс-секретаря (то есть министра иностранных дел) до возвращения в Берлин Ягова, который вернулся уже после бесед 5 и 6 июля. Сначала Циммерман держался осторожной политики Бетмана. Сейчас же после сараевского убийства он рекомендовал Сегени величайшую «осторожность», советовал Сербии призвать к ответу «виновных» и настаивал, чтобы послы Антанты поддерживали этот вполне уместный совет, для того чтобы предотвратить опасные последствия. Но 4 июля в Министерство иностранных дел вернулась депеша Чиршки с пометкой кайзера «теперь или никогда» и т. д., и Циммерман в дальнейшем руководствовался ею. Он, по-видимому, ничего не возразил, когда Гойос по секрету сообщил ему, что «Австрия собирается произвести полный раздел Сербии». Берхтольд тщательно избегал говорить об этом в посланиях, которые Сегени должен был передать императору. Когда

Гойос вернулся в Вену и сообщил, что он сказал Циммерману относительно раздела Сербии, его слова были немедленно дезавуированы: «Берхтольд и в особенности Тисса настоятельно подчеркивают, что Гойос высказал свое личное мнение»[71].

Таковы были мнения трех руководящих берлинских деятелей в момент, когда Германия должна была принять свое решение 5 и 6 июля. Было бы ошибкой преувеличивать расхождения в этих мнениях, но они помогают нам объяснить, каким образом Берлин выдал «бланковый чек» и как это было понято и использовано в Вене. В следующие дни император находился в северных водах, Бетман – в своем имении в Гогенфинове, так что они оказывали мало влияния на ход событий. Министерство иностранных дел оставалось на попечении Циммермана, а потом Ягова, который вернулся в Берлин и вступил в исполнение своих обязанностей вскоре после отъезда Гойоса, 6 июля. Хотя Ягов, в общем, был солидарен с Циммерманом, но вскоре он стал проводить более осторожную линию. Он дал Вене несколько хороших советов, на которые Берхтольд не обратил внимания. Для того чтобы выяснить, куда ведет путь, намеченный Австрией, он начал задавать вопросы, на которые Берхтольд не дал исчерпывающих и откровенных ответов.

Таким образом, кайзер и его советники приняли свое решение под влиянием сараевского убийства и призыва Берхтольда о помощи. По отношению к Болгарии они согласились усвоить новую политику, в отношении же Сербии они, по словам Сегени, заявили: «Австрия должна сама решить, что надлежит сделать для того, чтобы привести в ясность свои отношения с Сербией. Каково бы ни было решение Австрии, она может с уверенностью рассчитывать, что Германия поддержит ее как союзника и друга». Они развязали Австрии руки и совершили огромную ошибку тем, что отказались контролировать Австрию и предоставили это делать такому необузданному и беззастенчивому человеку, как Берхтольд.

Это был прыжок в темное пространство. Они вскоре, как мы увидим, оказались вовлеченными в действия, которых не одобряли, и были связаны решениями, принятыми вопреки их совету. Но они не могли серьезно возражать и протестовать, по крайней мере когда еще не было поздно, ведь они наперед обещали Австрии свою поддержку и всякое колебание с их стороны только ослабило бы Тройственный союз в критический момент, когда ему нужно было быть особенно сильным.

Император и его советники не были 5 и 6 июля преступниками, затеявшими мировую войну, они действовали, как глупцы, «обвязав себя веревкой вокруг шеи» и передав другой конец глупому и беззастенчивому авантюристу, который теперь мог делать, что ему угодно. Тем самым они возложили на себя тяжелую ответственность за дальнейшие события.

Старания Берхтольда переубедить Тиссу

Получив от Сегени сообщение, что Германия согласна со второй частью его двусмысленного призыва – то есть что Германия будет твердо поддерживать Австрию в качестве союзницы, что бы та ни решила предпринять против Сербии. После этого Берхтольд уже не желал отстаивать первую часть меморандума, то есть мирную программу Тиссы. Теперь он преодолел половину стоявших перед ним затруднений; ему оставалось только убедить престарелого монарха и Тиссу, чтобы они согласились на уничтожение сербской опасности, на чем давно уже настаивал Конрад и что в конце концов решил и он.

Но Тисса был не таким человеком, чтобы внезапно изменить зрело обдуманное мнение; на это он не был способен даже под впечатлением такого преступления, как сараевское убийство. Он откровенно сказал Берхтольду, что спровоцировать войну с Сербией было бы «роковой ошибкой», что это выставило бы Австрию к позорному столбу перед всеми странами, как нарушительницу мира, причем пришлось бы начать большую войну при самых неблагоприятных обстоятельствах. По-видимому, это не произвело на Берхтодьда большого впечатления. Тисса сообщил также Францу-Иосифу о необузданных планах Берхтольда и предостерег его против них.

После того как Тисса вернулся в Будапешт, Берхтольд добавил к меморандуму, предназначавшемуся для Берлина, приписку, в которой обвинял Сербию. Вместе с тем он набросал текст личного письма Франца-Иосифа к императору Вильгельму, в котором, как и в меморандуме, изложил мирную программу Тиссы. Письмо в конце тоже указывало на необходимость более энергичных действий против Сербии:

«Мир будет возможен, только если Сербия… будет устранена как политический фактор на Балканах. Вы согласитесь, что после последних ужасных событий в Боснии о дружественном улаживании противоречий между Австрией и Сербией думать уже не приходится и что мирная политика всех европейских монархов находится под угрозой, пока этот источник преступной агитации в Белграде продолжает оставаться безнаказанным».

Строго говоря, по конституции Берхтольд не имел права отправлять такое важное послание, касающееся внешней политики, и вносить изменения в текст, который был согласован раньше. Он должен был предварительно осведомить об этом венгерского премьера. Поэтому он отправил копии этих документов Тиссе, но тот, прочтя их, остался весьма недоволен. Тисса боялся, что это «испугает» Берлин и там не захотят одобрить мирную дипломатическую программу. Он подозревал, что Берхтольд намерен добиться от Германии поддержки в военных действиях против Сербии, а не поддержки «политики дальнего прицела», о которой они договорились, как это и было в действительности. Поэтому он немедленно телеграфировал Берхтольду, настаивая, чтобы были опущены наиболее резкие слова.

Но когда он отправил свою телеграмму, Сегени в Потсдаме уже передавал письмо императору Вильгельму без всяких поправок: Берхтольд отправил его, не дожидаясь ответа от Тиссы. Он прибег к одному из резких приемов, которыми он пользовался при аналогичных обстоятельствах впоследствии, но в гораздо более серьезных случаях, – ставить перед «совершившимся фактом». Он не любил отстаивать свое мнение из-за природной лени, а также вследствие незнакомства с деталями и вызываемой этим зависимости от своих секретарей в смысле информации. Он всегда полагал, что легче сначала сделать первый шаг и потом избегать объяснений, пока не пройдет время, когда еще можно что-нибудь изменить, и тогда уже всякие споры будут тщетны.

Лучшим способом сдвинуть Тиссу с его твердой позиции, по мнению Берхтольда, Гойоса и Форгача, было – изобразить ему дело таким образом, будто Берлин стоит за немедленные и энергичные действия против Сербии, и что если Австрия не использует сейчас благоприятного момента, то Германия больше, чем когда-либо, будет

считать ее bundnisunlahig, то есть слабым, нерешительным и упадочным государством, союз с которым представляет для Германии малую ценность, поэтому Берлин будет пренебрегать интересами Австрии и будет в дальнейшем обращаться с ней еще более бесцеремонно, чем раньше. В этом своем намерении Берхтольд, встретил поддержку со стороны германского посла Чиршки, или, правильнее говоря, использовал его для своей цели.

4 июля по совету Форгача Берхтольд сообщил Францу-Иосифу и Тиссе слух, подхваченный одним сотрудником бюро печати Министерства иностранных дел:

> *«Чиршки заявил, очевидно, с намерением, чтобы это было передано министру иностранных дел, что Германия будет всецело поддерживать двуединую монархию во всех ее мероприятиях против Сербии. Чем скорее Австрия произведет наступление на Сербию, тем лучше. Вчера это было бы предпочтительнее, чем сегодня, сегодня будет предпочтительнее, чем завтра. Если даже германская пресса, которая в настоящее время вся относится враждебно к Сербии, снова будет высказываться в пользу мира, то Вена не должна сомневаться в том, что император и империя будут безусловно поддерживать Австро-Венгрию. Великая держава не может говорить более ясно другой великой державе, чем это имело место в данном случае»*[72].

6 июля, получив из Берлина сообщение Сегени о его беседах с кайзером и Бетманом, Берхтольд снова поручил Форгачу переслать эти сообщения Тиссе. На 7 июля, в четверг, он созвал Совет министров для того, чтобы утвердить репрессивные мероприятия в Боснии и военные действия против Сербии, которых он добивался. Перед заседанием совета он организовал предварительное совещание, в котором участвовали, кроме него самого, Тисса и Штюргк, венгерский и австрийский премьеры, Чиршки, а также Гойос, который только что вернулся в Берлин и который являлся одним из главных подстрекателей, настаивавших на войне с Сербией. Гойос прочел вслух обе депеши Сегени и свою собственную запись беседы с Циммерманом. Берхтольд выразил Чиршки благодарность по адресу кайзера и Бетмана «за их ясную позицию, находящуюся в полном

согласии с договорными обязательствами и требованиями дружбы», но немедленно дезавуировал то, что Гойос сказал Циммерману относительно намерения Австрии добиваться раздела Сербии.

На Совете министров 7 июля Берхтольд поставил вопрос:

> *«Не пора ли раз навсегда обезвредить Сербию посредством применения силы? Такой решительный удар не может быть нанесен без дипломатической подготовки. Поэтому он установил контакт с германским правительством, и переговоры в Берлине привели к весьма удовлетворительным результатам, поскольку император Вильгельм, равно как и Бетман-Гольвег, решительным образом заверили в безусловной поддержке Германии в случае военного осложнения с Сербией* [73] *. Надо считаться также еще с Италией и Румынией. И здесь он согласен с берлинским кабинетом, что лучше сначала действовать, не запросив их мнения, и потом ждать, какие требования компенсации они предъявят.*
>
> *Он [Берхтольд] знает, что война против Сербии может повлечь за собой войну с Россией, но Россия ведет политику, которая в будущем ставит себе целью образование союза Балканских государств, включая туда и Румынию, с тем чтобы в удобный момент использовать этот союз против монархии [Габсбургов]. Он полагает, что Австрия должна учесть, что ее положение при такой политике будет становиться все хуже и хуже, в особенности потому, что пассивное отношение со стороны Австро-Венгрии будет истолковано южными сербами и румынами, находящимися в ее пределах, как признак слабости; благодаря этому возрастет притягательная сила обоих пограничных государств.*
>
> *Из всего сказанного им логически вытекает, что Австрия должна опередить своих врагов, заблаговременно рассчитаться с Сербией и тем положить конец движению, которое уже находится в полном разгаре. Позже это будет уже невозможно»*[74].

В продолжительной дискуссии, занявшей все утро и послеобеденные часы, министры, за исключением Тиссы, в общем, поддержали Берхтольда. Затем Конрад сообщил секретные военные планы, которые он просил не заносить в протокол. Прения не привели к полному соглашению. Тисса желал, чтобы Сербии были предъявлены конкретные требования, но настаивал, чтобы Сербии не предъявляли нарочито тяжелых требований, которые она не может принять, и чтобы требования не облекали в форму ультиматума. Он выразил также настойчивое желание ознакомиться с этими требованиями перед их отправкой, дабы не оказаться снова поставленным перед «совершившимся фактом». Но остальные министры приняли сторону Берхтольда против Тиссы и признали, что

> *«чисто политическая победа, даже если она закончится вполне очевидным унижением Сербии, не будет иметь никакой цены. Поэтому требования, которые будут предъявлены Сербии, должны быть таковы, чтобы можно было наперед предвидеть, что они будут отвергнуты, и таким образом будет подготовлен путь для радикального решения вопроса военным нападением»*.

В отношении военных приготовлений Тисса сумел отстоять свою точку зрения, что не следует предпринимать мобилизацию, пока сначала не будут предъявлены и отвергнуты требования, а вслед за ними и ультиматум.

В докладной записке, составленной им 8 июля, Тисса продолжал настаивать на целесообразности своей первоначальной дипломатической программы, рекомендовавшей привлечение Болгарии. Но ввиду того, что на Совете министров, происходившем накануне, все единодушно высказались против него, он главную часть своей обширной записки посвятил тому, что теперь являлось самым основным вопросом тайной дипломатии в Вене: нужно ли, как настаивал Тисса, облечь требования, предъявляемые Сербии, в вежливую форму, так чтобы нота, хотя и унизительная, могла быть принята Сербией? В таком случае в ней должны быть изложены конкретные претензии и предъявлены такие требования, принятием которых Австрия готова была бы bona fide (искренне) удовлетвориться. Или же, как того желали Берхтольд и большинство министров,

требования должны представлять собой общий обвинительный акт, предъявляемый Сербии в виде ультиматума, нарочито составленного таким образом, чтобы вызвать немедленную войну.

В пользу первого варианта Тисса приводил императору те же доводы, которые он излагал на Совете министров:

> *«Я отнюдь не рекомендую спокойно проглатывать все эти провокационные выходки, и я готов взять на себя ответственность за последствия войны, вызванной отказом удовлетворить наши справедливые требования. Но, по моему мнению, нужно предоставить Сербии возможность избежать войны ценою согласия на тяжелое дипломатическое поражение. Тогда, если даже дело дойдет до войны, всему миру будет ясно, что мы стоим на позиции справедливой самообороны. Сербии должна быть отправлена нота, составленная в умеренном тоне, без угроз. В ней должны быть изложены наши конкретные жалобы и связанные с ними определенные требования. Основанием для жалоб… могут служить заявления министра Спалайковича в Петербурге и Иовановича в Берлине, а также то, что бомбы в Боснии были получены из сербского арсенала в Крагуеваце, что убийцы перешли границу с подложными паспортами, выданными сербскими властями…*
>
> *Если Сербия даст неудовлетворительный ответ или попытается затянуть дело, то должен быть предъявлен ультиматум, а по истечении его срока – открыты военные действия. После успешной войны территория Сербии может быть урезана путем уступки Болгарии, Греции и Румынии некоторых завоеванных округов, но для себя мы должны потребовать только некоторые существенные исправления границ, и никак не более. Конечно, мы могли бы еще настаивать на контрибуции, что дало бы нам возможность держать в своих руках Сербию в течение долгого времени…*
>
> *Если же Сербия смирится, то мы должны принять это решение bona fide и не делать отступление для нее невозможным».*

Это мирное решение, на котором настаивал Тисса, было для Берхтольда совершенно нежелательно. Вскоре после того, как Тисса уехал из Вены, он снова попытался нажать на германский рычаг и в письме к Тиссе от 8 июля утверждал:

> *«Чиршки только что был у меня и сообщил мне, что он получил из Берлина телеграмму, в которой его император поручает ему заявить здесь самым энергичным образом, что Берлин ожидает от Австрии выступления против Сербии и что в Германии будут недоумевать, если мы упустим такой благоприятный случай и не нанесем удара… Из дальнейших слов посла я понял, что всякая уступка Сербии с нашей стороны будет истолкована в Германии как признание нашей слабости, что не преминет отразиться на нашем положении в Тройственном союзе и на будущей политике Германии.*
>
> *Эти заявления Чиршки представляются мне столь важными, что они, пожалуй, могут повлиять на те выводы, к которым вы пришли, поэтому я хотел немедленно сообщить их вам и прошу вас, если вы найдете нужным, прислать мне на сей предмет шифрованную телеграмму в Ишль, где я буду завтра утром и смогу там изложить его величеству вашу точку зрения»*[75].

На Тиссу это, по-видимому, не произвело никакого впечатления, и он не послал телеграммы, о которой его просил Берхтольд. Последний отправился в Ишль, чтобы получить от Франца-Иосифа разрешение предъявить Сербии такие требования, «которые она ни в каком случае не могла бы принять». Но, как мы узнаем из донесения Чиршки от 10 июля, это ему не удалось.

> *«…Министр сообщил императору о двух возможных в данном случае методах действия против Сербии. Его величество выразил мнение, что оба эти метода, пожалуй, можно согласовать, но в общем его величество склоняется к тому, что Сербии должны быть предъявлены конкретные требования. Граф Берхтольд тоже не решается отрицать преимуществ такого способа действий… Он полагает, что в числе прочего можно потребовать учреждения в Белграде*

австро-венгерского агентства для наблюдения за великосербскими махинациями, а также закрытия целого ряда обществ и увольнения скопрометированных офицеров.

Срок для ответа должен быть по возможности краток, примерно 48 часов. Конечно, даже такой короткий срок достаточен для Белграда, чтобы получить директивы из Петербурга. Если сербы примут все требования, то это будет для него чрезвычайно нежелательным решением, и поэтому он думает, как бы формулировать требования таким образом, чтобы Сербия ни в каком случае не могла их принять.

В заключение министр жаловался на графа Тиссу, который затрудняет ему энергичное выступление против Сербии. Граф Тисса считает, что надо действовать по-джентльменски, но это вряд ли уместно, когда дело идет о столь важных государственных интересах, в особенности по отношению к такому противнику, как Сербия».

Таким образом, 9 июля Берхтольд добился согласия Франца-Иосифа и Тиссы на то, чтобы Сербии были предъявлены некоторые требования, но не в форме нарочито неприемлемого ультиматума. Тем не менее он втайне все-таки продолжал действовать именно в этом направлении. 11 июля он сказал Чиршки, что он вызвал Тиссу в Вену на 14 июля на совещание, на котором должен быть окончательно выработан текст этого документа.

«Насколько он (Берхтольд) может сказать сейчас, главные требования, которые будут предъявлены Сербии, сведутся к следующему: во-первых, король должен официально заявить и опубликовать в форме приказа по армии, что Сербия отказывается от великосербской политики; во-вторых, должно быть организовано австро-венгерское правительственное агентство для наблюдения за строгим исполнением этой декларации. Срок для ответа на ноту будет по возможности короткий, должно быть, 48 часов. Если в Вене не признают ответ удовлетворительным, то немедленно будет произведена мобилизация»[76].

Доклад Визнера от 13 июля

В течение первых двух недель после убийства Франца-Фердинанда все выступления, намечавшиеся против Сербии как в Вене, так и в Берлине, основывались на убеждении, что «преступление является результатом хорошо организованного заговора, нити которого ведут в Белград». Желая собрать доказательства в пользу этого, 11 июля Берхтольд отправил в Сараево юрисконсульта Министерства иностранных дел Визнера, чтобы тот произвел расследование на месте.

Визнер был осторожным и консервативным адвокатом, он и желал предъявить Сербии только такие обвинения, которые ясно подтверждались бы документами и могли бы удовлетворительно выдержать судебную проверку. Так как ему пришлось просматривать материал в Сараеве наспех, в течение нескольких дней и ночей, то он ознакомился всего лишь с небольшой частью того, что мы теперь знаем относительно заговора в Белграде.

Из Сараева Визнер телеграфировал 13 июля, что все влиятельные лица в Боснии убеждены, что великосербская пропаганда ведется там с ведома и одобрения сербского правительства, но что материалы, которыми он располагает,

> *«не дают никакого основания для обвинения, что эта пропаганда исходит от сербского правительства. Доказательства в пользу того, что агитация поощряется обществами, находящимися в Сербии, и встречает к себе терпимое отношение со стороны сербского правительства, достаточны, хотя и скудны».*

Что же касается самого преступления, то

> *«нет никаких доказательств или даже основания для подозрения, что сербское правительство знало о шагах, приведших к убийству, или о приготовлениях к нему, или о снабжении оружием. Наоборот, есть данные в пользу того, что об этом совершенно не приходится говорить»*[77].

С другой стороны,

«вряд ли можно сомневаться, что убийство было решено в Белграде, подготовлено при содействии сербских должностных лиц, Цигановича, майора Танкосича, который достал бомбы, браунинги, патроны и цианистый калий».

Бомбы были взяты из сербского арсенала в Крагуеваце; трое убийц с бомбами и оружием были тайным образом переправлены через границу в Боснию сербскими агентами при содействии Цигановича и начальников пограничных постов в Шабаце и Лознице.

Визнер сообщил также, что имеется ценный материал относительно «Народной Одбраны», который, однако, еще не просмотрен, но который он привезет с собой на следующий день в Вену для дальнейшего изучения. Позднее этот материал был включен в австрийское досье. Пока что Визнер полагал, что имеющиеся материалы дают основание выставить следующие требования:

А. Запрещение участия сербских правительственных органов в контрабандной переправе людей и грузов через границу.

Б. Увольнение начальников сербской пограничной стражи в Шабаце и Лознице, а также таможенных чиновников, замешанных в деле.

В. Возбуждение преследования против Цигановича и Танкосича.

Доктор Визнер показал генералу Потиореку копию своей телеграммы Берхтольду, в которой он отказывался от обвинения сербского правительства в непосредственном участии в сараевском убийстве, однако не снимая с него ответственности за революционную агитацию против Австрии. Потиорек считал, что заключение Визнера чересчур осторожно. Он немедленно отправил Конраду письмо и изложил в нем свое собственное мнение, которое было значительно ближе к истине, если принять во внимание то, что мы знаем теперь о деятельности «Черной руки»:

«Совершенно немыслимо, чтобы в такой маленькой стране, как Сербия, никто не знал о приготовлениях к преступлению и о предательских приемах всей этой пропаганды. Как установлено расследованием, несколько человек в Боснии и Герцеговине, безусловно, знали наперед о том, что должно было произойти 28 июня. По словам одного из убийц, эти приготовления обсуждались в одной из таверн

в Белграде… Кроме того, в Сербии наряду с официальным правительством имеется еще соперничающее с ним военное правительство, которое вышло из рядов армии. Доказано, что сербские офицеры, находящиеся на действительной службе, принимали участие в приготовлениях к убийству, а также играли выдающуюся роль во всей пропаганде и, следовательно, принадлежат к числу подстрекателей предательской агитации, которая развивалась в нашей стране. Армия, конечно, не есть часть правительства, но никак нельзя утверждать, будто официальное сербское правительство не знало, что делает армия».

Потиорек сообщал в этом письме новые сведения, которые он только что получил, относительно изменнической деятельности сокольских обществ, в которых сербские офицеры и чиновники, занимающие высокие должности, принимали деятельное участие. При этом Потиорек заявил, что он не может взять на себя ответственность, связанную с дальнейшим пребыванием на своем посту, если не будут приняты решительные меры. Удовольствоваться такими требованиями, которые предлагает Визнер, нельзя. Необходимо сокрушить машину, которая приводит в движение всю эту агитацию, то есть сербскую армию. Все эти дела, безусловно, не могли бы иметь места без ведома сербского правительства, без попустительства и, может быть, даже поощрения с его стороны.

Мнение Потиорека, подкрепляемое его долгим пребыванием в Боснии и непосредственным соприкосновением с сербами, было ближе к истине, как ее представляли себе Берхтольд и чиновники Министерства иностранных дел, чем строго юридические и осторожные предварительные заключения Визнера. Три требования, предложенные Визнером, были включены в ультиматум Сербии, но в остальном Берхтольд, по-видимому, мало воспользовался его отчетом и, во всяком случае, не воспользовался им немедленно. Визнеру предложили продолжать разборку материалов и составление досье, которое должно было содержать обличающий материал для предъявления его державам. Тем временем Берхтольд продолжал осуществлять план подготовки локализованной превентивной войны против Сербии, на чем настаивали Конрад и Потиорек.

Тисса меняет свое мнение

14 июля Берхтольду наконец-то удалось убедить Тиссу согласиться на предъявление ультиматума с коротким сроком для ответа. Но ему пришлось уступить требованию Тиссы, чтобы еще до предъявления ультиматума Совет министров в полном составе принял формальную резолюцию о том, что в войне с Сербией Австрия не стремится к территориальным приобретениям, за исключением незначительного исправления границ. Этой резолюцией имелось в виду обеспечить специальные интересы Венгрии, как их понимал Тисса, и предупредить требования компенсации со стороны Италии, а также интервенцию со стороны держав.

Почему Тисса изменил свое мнение и согласился на ультиматум и на немедленную локализованную войну с Сербией? Достоверно мы этого не знаем. По всей вероятности, какое-то влияние здесь оказал нажим Берхтольда на германский рычаг. Несколько месяцев спустя, когда австрийские и германские государственные деятели в частном порядке обменивались взаимными обвинениями относительно ответственности за войну, Тисса писал Чиршки:

> *«Прежде чем предпринять выступление против Сербии, мы обратились за советом к Германии. Нашу ноту в Белграде мы предъявили после того, как германское правительство непосредственно поощряло нас на это и заявило, что считает настоящее положение благоприятным для того, чтобы окончательно рассчитаться (с Сербией)».*

Мы уже видели, что Берхтольд все время убеждал Тиссу, что Германия стоит на такой позиции, и приводил это в качестве довода в пользу того, что необходимо воспользоваться настоящим моментом для сведения окончательных счетов с Сербией.

Но еще сильнее повлияло на Тиссу другое обстоятельство: он все больше убеждался, что если Австрия не будет теперь действовать энергично, то впоследствии ее враги будут обращаться с ней пренебрежительно; это и заставило его скрепя сердце изменить свою позицию. Месяц спустя он писал своей племяннице:

> *«Моя совесть чиста. Нам уже набросили веревку на шею, и, если бы мы ее не перерезали, нас бы задушили в удобный момент. Иначе мы поступить не могли. Но мне было мучительно, что нам пришлось сделать то, что мы сделали»*[78].

Это убеждение создалось у него под впечатлением изобличающих материалов, собранных в Сараеве и в особенности вследствие выступлений некоторых сербских дипломатов и сербской печати, которые Тисса считал «совершенно нетерпимыми». Уже в своем письме Францу-Иосифу от 8 июля он протестовал против заявлений Сполайковича и Иовановича, сербских дипломатических представителей в Петербурге и Берлине, а также против «тех общеизвестных злоупотреблений со стороны сербской печати, обществ и школ, на которые мы уже жаловались». 14 июля после совещания с Берхтольдом Тисса посетил Чиршки и сказал ему, что он изменил свою точку зрения.

Граф Тисса сказал, что до сих пор он всегда настаивал на осторожности, но с каждым днем все больше приходил к убеждению, что монархия должна решиться на энергичные действия, чтобы тем самым доказать свою жизнеспособность и положить конец совершенно нетерпимым условиям, создавшимся на юго-востоке. Тон сербской прессы и сербской дипломатии до такой степени высокомерен, что становится совершенно невыносимым. «Мне было трудно решиться дать совет начать войну, – заявил Тисса, – но в настоящее время я твердо убежден в ее необходимости и приложу все свои силы, чтобы поддержать величие монархии».

Другим решающим фактором, оказавшим влияние на Тиссу, было повторение Берхтольдом милитаристских доводов Конрада, что

> *«в дипломатических переговорах следует тщательно избегать всякой медлительности, всех дипломатических выступлений с последовательными этапами, что могло бы дать нашим противникам время принять военные меры и поставить нас в невыгодное стратегическое положение».*

Берхтольд после совещания 14 июля писал Францу-Иосифу в своем докладе:

«Граф Тисса отказался от своих возражений против ультиматума с коротким сроком для ответа, потому что я разъяснил ему военные затруднения, которые вызовет всякая задержка в таком деле. Я привел также тот довод, что и после мобилизации возможно мирное соглашение, если Сербия достаточно быстро пойдет на уступки».

Таким образом, целый ряд причин – предполагаемая позиция Германии, провокационный тон сербских министров и сербских газет, соображения военного порядка и общее убеждение, что самое существование двуединой монархии зависит от прекращения сербской пропаганды, – побудили Тиссу отказаться от своей оппозиционной тактики.

Итак, Берхтольд преодолел главнейшие препятствия предъявлению ультиматума, не приемлемого для Сербии. Форма ультимативных требований еще не была окончательно установлена на совещании 14 июля, но Берхтольд в тот же вечер обещал Чиршки, что, как только окончательный текст ультиматума будет установлен на втором заседании Совета министров, которое должно было состояться 19 июля, он немедленно в самом конфиденциальном порядке покажет ему ультиматум, еще прежде чем он представит его Францу-Иосифу на одобрение. Однако этого обещания, как мы увидим дальше, Берхтольд не сдержал.

Теперь Берхтольд и один из секретарей Министерства иностранных дел, барон Музулин, немедленно приступили к составлению ультиматума.

Старания Австрии обмануть Европу

В эти дни, пока составлялся ультиматум и пока Берхтольд выжидал окончания визита Пуанкаре, он прилагал все старания к тому, чтобы сохранить содержание ультиматума в величайшей тайне. Он уверял, что, прежде чем предъявить требования к Сербии, он хочет выждать окончательных результатов сараевского следствия.

Для того чтобы устранить всякие подозрения относительно своих действительных намерений, Берхтольд устроил таким образом, что австрийский начальник штаба и военный министр покинули Вену и как

будто бы уехали в отпуск[79]; все австро-венгерские должностные лица усвоили в своих выступлениях более миролюбивый тон.

Когда Тисса вернулся в Будапешт и на следующий день должен был отвечать на интерпелляцию в венгерском парламенте, он заявил:

> *«Наши отношения с Сербией, конечно, должны быть приведены в ясность, но каким образом… этого я, ввиду особого характера вопроса, сказать не могу. Вопрос находится еще в стадии обсуждения. Я могу только снова подчеркнуть, что правительство вполне сознает всю силу доводов в пользу сохранения мира. Правительство не считает, что решительное выяснение отношений должно обязательно повлечь за собой военные осложнения. Поэтому я не буду заниматься здесь никакими предсказаниями, а только укажу, что война – неприятное крайнее средство, которое надлежит применять лишь тогда, когда исчерпаны всякие возможности соглашения. Но всякое государство, всякая нация должны быть в состоянии прибегнуть к войне как к ultima ratio, если они хотят продолжать существовать в качестве государства и в качестве нации»*.

Это заявление, выдержанное в стиле Дельфийского оракула, в общем, оказало успокаивающее действие. В Вене некоторые усмотрели в нем намерение спокойно выжидать дальнейшее развитие событий, указание на то, что австро-венгерское правительство держится спокойной тактики; другие усматривали в этом скрытое намерение предпринять действия, которые пока еще не решены. В Париже даже «Temps» благосклонно отзывался об умеренности Тиссы и сказал несколько добрых слов об австрийском правительстве, но другие французские газеты указывали на контраст между тоном, в котором была выдержана речь венгерского премьера, и той нетерпимостью, которую проявляла до этого времени венгерская пресса; отмечали также пламенную речь лидера оппозиции Смерчани.

По счастью для Берхтольда, венгерский парламент был единственным законодательным органом, перед которым приходилось объясняться. Делегации и австрийский рейхсрат в это время не заседали.

Для того чтобы в дальнейшем избежать неприятных вопросов, Берхтольд прекратил свои обычные еженедельные приемы и перестал обсуждать сараевское убийство с представителями иностранных держав. Если же все-таки в Министерстве иностранных дел возникали какие-нибудь разговоры, то они велись в таком тоне, что должны были устранить всякие опасения и подозрения о приготовлениях Австрии к серьезным действиям против Сербии. Чиновники Министерства иностранных дел признавали, что в Белграде будут предприняты какие-нибудь шаги, как только расследование в Боснии установит наличие связи между Белградом и сараевским убийством. Но в то же время они говорили, что шаги эти не вызовут никаких осложнений. Французский посол в Вене Дюмен писал, что

> *«требования австро-венгерского правительства относительно наказаний за преступление и относительно гарантии контроля и полицейского надзора, по-видимому, будут совместимы с достоинством сербов; Йованович полагает, что они будут приняты. Пашич желает мирного решения конфликта, но говорит, что он готов и к активному сопротивлению».*

Русский посол в Вене Шебеко несколько раз беседовал о положении с Форгачем, заменявшим отсутствовавшего Берхтольда, но не мог выяснить действительные намерения Австрии. Австро-венгерский посол в Петербурге Сапари, случайно по семейным делам находившийся в это время в Вене, сказал ему, что шаги, которые предполагают предпринять в Белграде, будут носить примирительный характер и не вызовут недовольства у России. Ввиду таких успокоительных разъяснений Шебеко отправился в Россию и не находился в Вене в первые дни развернувшегося вскоре кризиса.

В Белграде барон Гизль уверял 11 июля одного венгерского журналиста, что по окончании сараевского следствия «мы предпримем какие-нибудь шаги в самой примирительной форме и в пределах, допустимых в международной дипломатии». Неделю спустя он сказал своему английскому коллеге, что лично он не сочувствует слишком большому нажиму на Сербию, так как убежден, что сербское правительство готово принять всякие меры, которые можно от него требовать в пределах разумного, что и он не смотрит на положение

пессимистически. А между тем генерал Гизль был известен как враг сербов, и назначение его в Белград, состоявшееся за несколько месяцев до этого, было равносильно тому, чтобы бросить зажженную спичку в пороховой погреб[80].

Сам Гизль в заключение обширной секретной иеремиады, направленной против Сербии, писал Берхтольду 26 июля, что, по его убеждению, самым лучшим было бы

> *«сокрушить врага, который угрожает нам, и, таким образом, обеспечить Австрии спокойствие после нескольких лет кризиса. Полумеры, предъявление требований, длительные переговоры и завершение их гнилым компромиссом было бы самым тяжелым ударом, какой можно нанести престижу Австро-Венгрии в Сербии и ее положению в Европе».*

Такова была хитрая, макиавеллистская политика, при помощи которой Берхтольд и его подчиненные пытались убаюкать Европу перед тем, как должна была взорваться их дипломатическая бомба.

V. Ультиматум

Составление окончательного текста ультиматума

Окончательный текст ультиматума, или «ноты с ограниченным сроком для ответа» (befristete Demarche), как ее эвфемистически называли, был представлен на втором секретном заседании Совета министров, состоявшемся в воскресенье 19 июля. Для того чтобы лучше оберечь тайну совещания, его устроили в 10 часов утра на частной квартире Берхтольда, а не в Министерстве иностранных дел, и участники совещания прибыли на обыкновенных автомобилях, а не на казенных машинах без номера. Новый приезд Тиссы в Вену был «объяснен» тем, что ему необходимо получить дальнейшую информацию. Объяснение это могло показаться достаточно убедительным, так как венгерский парламент продолжал еще заседать и жаждал новостей, Конрад на короткое время вернулся в столицу якобы вследствие болезни своего сына.

> *Прежде чем председательствующий (Бертхтольд) открыл объединенное заседание Совета министров, состоялся неофициальный обмен мнениями относительно ультиматума Сербии и его окончательного текста. После этого председательствующий открыл заседание совета и предложил одобрить вручение ноты сербскому правительству в четверг 23 июля в 5 часов дня, с тем чтобы по истечении 48-часового срока – в субботу 25 июля в 5 часов дня – можно было в ночь с субботы на воскресенье разослать приказы о мобилизации.*
>
> *По мнению Берхтольда, представлялось невероятным, чтобы предпринятые нами шаги стали известны в Петербурге еще до отъезда президента Французской республики. Но даже если бы это и случилось, то он не усматривает здесь большого неудобства, так как мы проявили достаточно внимания и вежливости, выждав окончания этого визита. С другой стороны, он по дипломатическим соображениям решительным образом*

возражает против всякой отсрочки, потому что в Берлине уже начинают нервничать и сообщения о наших намерениях уже проникли в Рим, так что он не может взять на себя ответственность за нежелательные последствия, могущие произойти от дальнейшей отсрочки[81].

После этого начальник Генерального штаба Конрад сделал сообщение о военных операциях и уверил Тиссу, что Трансильвании не грозит никакой опасности в виде румынского восстания или вторжения со стороны Румынии. Затем Тисса снова выдвинул требование, поставленное им еще 14 июля, чтобы совет единогласно заявил, что

«с выступлением против Сербии Австрия не связывает никаких завоевательных планов, за исключением исправления границ, необходимого по стратегическим соображениям. Австрия не намерена аннексировать ни одного кусочка сербской территории».

Берхтольд сказал, что он принимает это только с некоторой оговоркой.

«В случае победы над Сербией Австрия не должна аннексировать ее территории, но должна постараться сократить размеры Сербии до таких пределов, чтобы она впредь не была опасна; для этого придется уступить как можно большую часть сербской территории Болгарии, Греции, Албании, а может быть, и Румынии. Положение на Балканах может измениться: не исключена возможность, что России удастся свергнуть стоящий в Софии у власти кабинет и снова поставить на его место правительство, враждебное Австрии; Албания тоже ненадежный фактор. Как лицо, ответственное за внешнюю политику, он (Берхтольд) должен считаться с возможностью, что к концу войны вследствие условий, которые создадутся к тому времени, нельзя будет совершенно воздержаться от аннексий, если мы захотим создать на нашей границе лучшие условия, чем теперь».

При этом австрийский премьер граф Штюргк указал, что публичный отказ от всяких намерений аннексировать сербскую территорию не устраняет возможности необходимых стратегических исправлений границы или же возможности установления зависимости Сербии от Австрии путем свержения династии либо посредством какого-нибудь другого пригодного для этого способа.

Военный министр соглашался голосовать за отказ от аннексий только при условии, что этим не исключается постоянная оккупация предмостного укрепления на Саве в пределах Сербии, а также исправление границ.

Но Тисса был непреклонен и ставил свое согласие и согласие венгерского правительства, которое он представлял, в зависимость от единогласного принятия его требований. После этого было единогласно постановлено:

> *«В самом начале войны иностранным державам должно быть заявлено, что монархия не предпринимает завоевательной войны и не намерена присоединить к себе королевство [Сербию]. Настоящее решение, разумеется, не исключает возможности исправления границ, поскольку оно окажется стратегически необходимым, а также и сокращения пределов Сербии в пользу других государств или временной оккупации отдельных частей Сербии, если в этом явится необходимость».*

Это торжественное обещание заявить державам в начале войны о «территориальной незаинтересованности» Австрии было, как мы увидим дальше, вторым обещанием, которого Берхтольд не выполнил вопреки данному слову. А когда эта декларация в конце концов последовала, то неискренность ее явствовала из оговорок, сделанных отдельными министрами, и из замечания Конрада, брошенного военному министру, когда они оба уходили с заседания совета:

> *«Ну, что же, посмотрим! Перед Балканской войной державы говорили о сохранении status quo, а потом никто из них об этом и не думал».*

На следующий день, 20 июля, нота была отправлена Гизлю в Белград с курьером и с инструкцией – вручить ее сербскому правительству в четверг 23-го числа[82]. Одновременно она была отправлена в строго секретном порядке также австрийским послам в Берлине[83], Риме, Париже, Лондоне, Петербурге и Константинополе и всем дипломатическим представителям при менее значительных дворах. При этом всем была преподана инструкция, что в пятницу утром 24 июля они должны уведомить правительства, при которых они аккредитованы, о «ноте», врученной Сербии накануне, разъяснить справедливость позиции Австрии, а в некоторых случаях сообщить, что досье, в котором будут содержаться более подробные обвинения Австрии против Сербии, может быть представлено на рассмотрение великих держав.

Берхтольд отправил этот ультиматум без ведома и одобрения Франца-Иосифа. Престарелый император, находившийся в Ишле и знавший, что нота должна была быть выработана на Совете министров 19 июля, больше о ней ничего не слышал. Поэтому 20 июля он запросил о ней по телеграфу.

Берхтольд поспешил ответить, что 19 июля не было возможности закончить составление ноты (!), но что теперь она готова и будет доставлена с курьером в Ишль, а что он сам прибудет на аудиенцию на следующее утро, 21 июля. Не имеется никаких записей относительно объяснений, которые были представлены Францу-Иосифу на этой аудиенции, происходившей во вторник утром. Но мы знаем, что по окончании аудиенции Берхтольд телеграфировал своему подчиненному барону Маккио в Вене:

> *«Его величество одобрил без всякого изменения текст ноты Сербии и ноты к державам. Я прошу вас поставить в известность германского посла Чиршки, что мы можем дать ему ноту только завтра утром, так как нужно еще внести некоторые поправки».*

К чему была эта ложь? Почему Берхтольд нарушил свое обещание, данное Чиршки за несколько дней до этого, о том, что лишь только

> *«текст [ноты] будет установлен в воскресенье [19 июля] на Совете министров, он немедленно сообщит его*

императорскому [германскому] правительству в самом доверительном порядке, еще до того как нота будет представлена на одобрение Францу-Иосифу».

Если окончательный текст был установлен 19 июля и в секретном порядке сообщен австрийским послом 20 июля и «одобрен без изменения» императором 21 июля, то почему же Берхтольд не хотел его давать Чиршки и утверждал, что нужно «внести еще некоторые поправки»? По всей вероятности, из опасения, что даже германское Министерство иностранных дел не одобрит резкого и непримиримого тона ноты и в последний момент станет удерживать Австрию. Берлин, как Берхтольд уже сказал на Совете министров 19 июля, начинал «нервничать», и Берхтольд не хотел брать на себя ответственность «за нежелательные инциденты, которые могут вызвать новую отсрочку». Поэтому нужно было, чтобы Берлин оставался в неведении, пока уже не будет слишком поздно что-нибудь предпринять. Берлин должен был принять как совершившийся факт отправку весьма резкого ультиматума, который уже нельзя было вернуть обратно или изменить[84].

Что знала Германия об ультиматуме

Точно так же Берхтольд после 14 июля не обращал особого внимания на просьбы Германии информировать ее относительно окончательных намерений Австрии и относительно формулировки требований, которые она предполагает предъявить Сербии. Это обстоятельство вместе с утверждениями Ягова, последовавшими несколько дней спустя, что он «не знал заранее содержания австро-венгерской ноты», а также новые факты, которые вскрылись впоследствии благодаря опубликованию германских документов, породили большие споры по вопросу, в какой мере Германия была заранее осведомлена об австрийском ультиматуме.

Как уже было указано выше, в течение первых недель после потсдамских разговоров Берхтольд почти исчерпывающе информировал германского посла в Вене относительно своих планов и относительно того, какие приблизительно требования он собирается включить в ультиматум. Эти сообщения были переданы баварскому

уполномоченному в Берлине, который резюмировал их в обстоятельной депеше от 18 июля:

«Как мне сообщил Циммерман, нота, поскольку уже определилось ее содержание, будет заключать в себе следующие требования.

1. Опубликование сербским королем прокламации, в которой должно быть заявлено, что сербское правительство совершенно отмежевывается от великосербского движения и осуждает его.

2. Возбуждение судебного следствия против лиц, виновных в соучастии в сараевском убийстве, с привлечением представителей Австрии к этому следствию.

3. Принятие мер против всех лиц, участвовавших в великосербском движении.

Для принятия этих требований будет предоставлен 48-часовой срок. Очевидно, что Сербия не может принять эти требования как несовместимые с достоинством независимого государства. Поэтому в результате должна возникнуть война.

Здесь [в Берлине] безусловно желают, чтобы Австрия воспользовалась этим благоприятным моментом, даже не останавливаясь перед возможными в будущем осложнениями. Но Ягов, точно так же как и Циммерман, сомневается, чтобы в Вене действительно воспользовались этим случаем. Циммерман высказал мнение, что Австро-Венгрия вследствие своей нерешительности и слабости стала теперь больным человеком Европы, каким была раньше Турция. Русские, итальянцы, румыны, сербы и черногорцы ожидают теперь ее раздела. Успешные действия против Сербии позволили бы австрийцам и венгерцам снова почувствовать себя мощной нацией, и это привело бы к возрождению народного хозяйства и на долгие годы положило бы конец всяким вожделениям других стран.

Какую позицию займут остальные державы в случае вооруженного конфликта между Австрией и Сербией, будет зависеть, как здесь полагают, главным образом от того, удовлетворится ли Австрия тем, чтобы наказать Сербию,

или потребует для себя территориальных компенсаций. В первом случае можно будет локализовать войну, во втором случае, по всей вероятности, не обойдется без серьезных последствий.

Германское правительство немедленно по предъявлении австрийской ноты в Белграде предпримет дипломатические шаги перед державами в целях локализации войны. Оно будет утверждать, что для него выступление Австрии явилось такой же неожиданностью, как и для других держав, и в доказательство будет ссылаться на то, что император пребывает в северных водах, а начальник Генерального штаба, так же как и прусский военный министр, находится в отпуску… Германия будет подчеркивать, что все монархические правительства заинтересованы в том, чтобы белградское гнездо анархистов было очищено. Германия попытается убедить все державы стать на ту точку зрения, что сведение счетов между Австрией и Сербией касается исключительно этих двух государств. От мобилизации германской армии предполагается воздержаться; хотят также через посредство военных властей постараться удержать Австрию от мобилизации всей ее армии, а в особенности войск, расположенных в Галиции. Иначе в ответ автоматически последует мобилизация в России, что, в свою очередь, заставило бы нас, а затем Францию принять такие же меры и вызвало бы европейскую войну».

Первая часть этого замечательного донесения показывает, что Германия получила только краткие и отрывочные сведения относительно ультиматума; ей было сообщено о требовании опубликования сербским правительством официального обращения к населению, направленного против великосербской агитации, о 48-часовом сроке для ответа и еще о двух требованиях, которые, в общем, соответствуют четырем из десяти пунктов, содержавшихся в ультиматуме. Это были пункты 2, 4, 5 и 6, касавшиеся допущения Австрии к производству расследования относительно соучастников и принятия мер против лиц, замешанных в пропаганде. Кроме десяти пунктов, ультиматум в окончательной своей форме содержал еще

большое введение, в котором говорилось о нарушении Сербией данных ею в 1909 году обещаний держать себя дружественно по отношению к Австрии.

Хотя Германия в течение первых недель или десяти дней после потсдамских разговоров имела об ультиматуме сведения, которые мы только что указали, но все же в Берлине считали эту информацию недостаточно определенной. Поэтому после 14 июля Германия снова неоднократно обращалась к Австрии с запросами относительно ультиматума, чтобы в точности узнать его условия и подготовить общественное мнение в пользу «локализации». 17 июля Ягов хотя и соглашался, что планы Берхтольда могут подвергнуться изменению в зависимости от хода событий, но указал, что «он имеет в виду общий характер требований, включая сюда и вопросы территории».

Поэтому Ягов поручил германскому послу в Вене получить информацию по этому вопросу, а также узнать, «куда нас это может завести». Наконец 20 июля он снова писал:

> *«Для подготовки общественного мнения нам чрезвычайно важно заблаговременно получить точные сведения не только о содержании ноты, но также о дне и часе ее опубликования. Ответьте по телеграфу»*.

Но теперь Берхтольд уже не обращал внимания на эти требования, и Германии не удалось ничего узнать, за исключением даты предъявления ультиматума и того, что Берхтольд упорно отвергает совет Германии относительно Италии.

Германское Министерство иностранных дел обратилось за информацией также к австрийскому послу в Берлине. Согласно инструкции, Сегени должен был показать ультиматум только 24 июля, то есть на другой день после того, как он будет предъявлен в Белграде. Но Сегени сам нашел нужным протелеграфировать Берхтольду, что он считает безусловно необходимым немедленно информировать германское правительство самым секретным образом, то есть еще до того, как будут поставлены в известность другие державы.

В письме, отправленном в тот же день, он писал:

> *«Ягов дал мне ясно понять, что Германия, разумеется, будет нас поддерживать безоговорочно и со всей своей*

мощью, но именно поэтому для нее чрезвычайно важно быть своевременно поставленной в известность относительно того, куда ведет наш путь».

Поэтому на следующий день, 22 июля, Берхтольд наконец дал согласие, и тогда Сегени показал Ягову текст ультиматума. Прочитав его в среду вечером 22 июля, Ягов сказал Сегени, что, по его мнению, ультиматум чрезвычайно резок и слишком далеко заходит в своих требованиях. Он упрекал австрийского посла за то, что он сделал свое сообщение лишь в последний момент. Сегени отвечал, что ничего уже предпринять нельзя, так как ультиматум отправлен в Белград, он будет там вручен на следующее утро и одновременно официально опубликован венским телеграфным агентством[85].

В то время как Ягов читал ультиматум, ему принесли другой экземпляр, только что присланный Чиршки. По курьезному стечению обстоятельств, Форгач, не зная о распоряжении Берхтольда, отданном Маккио, не показывать Чиршки текста ультиматума, «так как в него нужно еще внести некоторые поправки», передал его накануне германскому послу для пересылки в Берлин. Форгач «особо подчеркнул, что это предназначается исключительно для осведомления вашего превосходительства, так как еще не имеется одобрения императора, хотя и нет сомнения, что оно последует».

Чиршки послал ультиматум по почте, а не по телеграфу – должно быть, потому, что при последующем опубликовании мог вскрыться германский шифр. Таким образом, ультиматум был получен в Берлине только вечером 22 июля, когда Ягов уже мрачно сидел над экземпляром, только что переданным ему Сегени.

Бетману, находившемуся в то время в Гогенфинове, текст ноты, очевидно, оставался неизвестным до поздней ночи 22 июля или до утра 23 июля. Когда он его увидел, он тоже, как и Ягов, был того мнения, что нота слишком резка. Император Вильгельм находился в открытом море на яхте «Гогенцоллерн» и узнал о содержании ультиматума только позже из сообщения газетного агентства, а не официально, через Министерство иностранных дел. Это мы знаем из раздраженной телеграммы, которую он отправил своему «штатскому» канцлеру[86].

Таким образом, по существу, верно, что Германия знала в общих чертах содержание некоторых из условий ультиматума и уяснила себе,

что они могут вызвать локализованную войну с Сербией. Но она не знала всего текста заранее, когда еще можно было изменить ультиматум или взять его обратно. Этому помешала тактика Берхтольда ставить Германию перед совершившимся фактом. Когда Ягов вечером 22 июля наконец-то увидел текст ультиматума, то оставалось всего 24 часа до вручения его австрийским посланником в Белграде. Текст уже находился у него в руках, и даже в наше время телефона и телеграфа германские и австрийские должностные лица в Берлине, Вене и Белграде не могли снестись друг с другом за столь короткое время и договориться об изменении ультиматума. Но если бы даже Бетман и Ягов получили текст ультиматума значительно раньше, то и тогда нет уверенности, что они изменили бы его содержание или задержали его вручение. По всей вероятности, они остались бы верными политике, усвоенной 5 июля, что австро-сербский вопрос «не входит в компетенцию Германии», но что Германия обязана поддерживать свою союзницу в тех действиях, которые та решит предпринять для защиты себя от великой сербской опасности.

Но, утверждая, что она совершенно не была осведомлена о шагах, предпринимаемых Австрией, и в то же время одобряя ультиматум, после того как он был предъявлен, германское Министерство иностранных дел нелепым образом ставило себя в ложное и противоречивое положение. Это, естественно, заставляло державы Антанты подозревать, что Германия действует недобросовестно, что германское правительство ответственно за действия Австрии в гораздо большей степени, чем это было на самом деле, и что оно скрывает свои подозрительные планы.

Впоследствии, когда Германия поняла, что нет никакой возможности локализовать австро-сербскую войну, и стала добросовестно прилагать усилия к тому, чтобы удержать Австрию и избегнуть общеевропейской войны, ее заявлениям не верили вследствие подозрений, вызванных ложным утверждением Ягова, будто Германия ничего не знала об ультиматуме. Подорванное доверие трудно восстановить, поэтому после первого промаха, выразившегося в предоставлении свободы действий Берхтольду 5 июля, такое серьезное значение имел второй ее промах – ложное утверждение, относительно своей неосведомленности об ультиматуме.

Содержание австрийского ультиматума

Нота, с которой Австрия обратилась к Сербии 23 июля в 6 часов дня и которая была сообщена державам на следующее утро, гласила:

> *31 марта 1909 года сербский посланник в Вене сделал по приказанию своего правительства императорскому и королевскому правительству следующее заявление:*
>
> *«Сербия признает, что права ее не были затронуты совершившимся фактом, возданным в Боснии и Герцеговине, и что, следовательно, она будет сообразоваться с теми решениями, которые будут приняты державами по отношению к ст. 25 Берлинского трактата. Подчиняясь советам великих держав, Сербия обязуется впредь отказаться от того положения протеста и оппозиции по вопросу об аннексии, которое она занимала с прошлой осени, и обязуется, кроме того, изменить курс своей настоящей политики по отношению к Австро-Венгрии, чтобы впредь поддерживать с названной державой добрососедские отношения».*
>
> *Между тем история последних лет, в частности, прискорбное событие 28 июня, доказала существование в Сербии революционного движения, имеющего целью отторгнуть от Австро-Венгерской монархии некоторые части ее территории. Движение это, зародившееся на глазах у сербского правительства, в конце концов дошло до того, что стало проявляться за пределами территории королевства в актах терроризма, в серии покушений и в убийствах.*
>
> *Королевское сербское правительство не только не выполнило формальных обязательств, заключающихся в декларации 31 марта 1909 года, но даже не приняло никаких мер, чтобы подавить это движение. Оно допускало преступную деятельность различных обществ и организаций, направленную против монархии, распущенный тон в печати, прославление виновников покушения, участие офицеров и чиновников в революционных выступлениях,*

вредную пропаганду в учебных заведениях, наконец, оно допускало все манифестации, которые могли возбудить в сербском населении ненависть к монархии и презрение к ее установлениям.

Эта преступная терпимость королевского сербского правительства не прекратилась даже в момент, когда события 28 прошлого июня показали всему миру ее прискорбные последствия.

Из показаний и признаний виновников преступного покушения 28 июня явствует, что сараевское убийство было подготовлено в Белграде, что оружие и взрывчатые вещества, которыми были снабжены убийцы, были доставлены им сербскими офицерами и чиновниками, входящими в состав «Народной Одбраны», и что, наконец, переезд преступников с оружием в Боснию был организован и осуществлен начальствующими лицами сербской пограничной службы.

Указанные результаты расследования не позволяют императорскому и королевскому правительству сохранять далее то выжидательное и терпеливое положение, которое оно занимало в течение ряда лет по отношению к действиям, намечавшимся в Белграде и пропагандировавшимся оттуда в пределах территории монархии. Эти результаты, напротив, возлагают на него обязанность положить конец происка м, являющимся постоянной угрозой для спокойствия монархии. Для достижения этой цели императорское и королевское правительство находится вынужденным просить сербское правительство официально заявить, что оно осуждает пропаганду, направленную против Австро-Венгерской монархии, то есть всю совокупность тенденций, имеющих конечной целью отторжение от монархии входящих в ее состав территорий, и что оно обязуется принять все меры для подавления этой преступной и террористической пропаганды.

Дабы придать особо торжественный характер этому обстоятельству, королевское сербское правительство

опубликует на первой странице официального органа от 26/13 июля нижеследующее заявление:

«Королевское сербское правительство осуждает пропаганду, направленную против Австро-Венгрии, то есть совокупность тенденций, имеющих конечной целью отторжение от Австро-Венгерской монархии частей ее территории, и искренне сожалеет о прискорбных последствиях этих преступных действий.

Королевское правительство сожалеет, что сербские офицеры и чиновники участвовали в вышеупомянутой пропаганде и таким образом скомпрометировали те добрососедские отношения, поддерживать которые королевское правительство торжественно обязалось в своей декларации от 31 марта 1909 года.

Королевское правительство, порицая и отвергая всякую мысль или попытку вмешательства в судьбы населения какой-либо части Австро-Венгрии, считает своим долгом формально предупредить офицеров и чиновников и все население королевства, что отныне оно будет принимать самые суровые меры против лиц, виновных в подобных действиях, которые правительство всеми силами будет предупреждать и подавлять».

Это заявление будет немедленно объявлено войскам приказом его величества короля по армии и будет опубликовано в официальном военном органе.

Королевское правительство, кроме этого, обязуется:

1. Не допускать никаких публикаций, возбуждающих ненависть и презрение к монархии и проникнутых общей тенденцией, направленной против ее территориальной неприкосновенности.

2. Немедленно закрыть общество, называемое «Народна Одбрана», конфисковать все средства пропаганды этого общества и принять те же меры против других обществ и учреждений в Сербии, занимающихся пропагандой против Австро-Венгерской монархии. Королевское правительство примет необходимые меры, чтобы распущенные им

общества не могли продолжать свою деятельность под другим названием или в другой форме.

3. Незамедлительно исключить из области сербского народного образования, как в отношении личного состава учащихся, так и в отношении способов обучения, все то, что служит или могло бы служить к распространению пропаганды против Австро-Венгрии.

4. Удалить с военной и вообще административной службы всех офицеров и должностных лиц, виновных в пропаганде против Австро-Венгерской монархии, имена которых императорское и королевское правительство оставляет за собой право сообщить сербскому правительству вместе с указанием совершенных ими деяний.

5. Допустить сотрудничество в Сербии органов императорского и королевского правительства в деле подавления революционного движения, направленного против территориальной неприкосновенности монархии.

6. Произвести судебное расследование против участников заговора 28 июня, находящихся на сербской территории, причем лица, командированные императорским и королевским правительством, примут участие в розысках, вызываемых этим расследованием.

7. Срочно арестовать коменданта Войю Танкосича и некоего Милана Цигановича, чиновника сербской государственной службы, скомпрометированных результатами сараевского расследования.

8. Принять действительные меры к воспрепятствованию оказания сербским властям содействия в незаконной торговле через границу оружием и взрывчатыми веществами; уволить и подвергнуть суровому наказанию чинов пограничной службы в Шабаце и Лознице, виновных в том, что оказали содействие руководителям сараевского покушения, облегчив им переезд через границу.

9. Дать императорскому и королевскому правительству объяснение по поводу недопустимых заявлений высших сербских чинов как в Сербии, так и за границей, которые, несмотря на свое официальное положение, позволили себе

после покушения 28 июня высказаться в интервью во враждебном по отношению к Австро-Венгерской монархии тоне.

10. Наконец, без замедления уведомить императорское и королевское правительство об осуществлении указанных в предыдущих пунктах мер.

Австро-венгерское правительство ожидает ответа королевского правительства до 6 часов вечера в субботу 25 текущего месяца.

После того, что нам известно из предыдущих глав о сараевском убийстве – об обстоятельствах, приведших к нему, об отказе Сербии принять решительные меры для разыскания и ареста сообщников, и принимая во внимание, что Австрия была убеждена, что само ее существование поставлено на карту, – нельзя назвать эти требования, как бы они ни были суровы, чрезмерными при том положении, в котором находилась Австрия.

Если бы эти требования честно преследовали цель только потребовать наказания лиц, связанных с сараевским убийством и получить гарантии на будущее, то их можно было бы оправдать. Но они нарочно были составлены с таким расчетом, чтобы их отвергли и чтобы это повело к локализованной войне с Сербией. За это они заслуживают осуждения как по моральным, так и по практическим основаниям, как одна из главных причин мировой войны. А Германия, поскольку она их одобрила, должна разделить это осуждение.

VI. Ответ Сербии

Первая реакция на убийство

Первое сообщение о сараевском убийстве, полученное в Белграде, вызвало крайнюю тревогу в правительственных кругах. Премьер-министр Пашич сказался больным для того, чтобы спокойно обдумать создавшееся положение. Первому явившемуся к нему посетителю он сказал: «Это очень скверно. Это означает войну». Министр народного просвещения Люба Иованович «сильно перепугался», и он ни минуты не сомневался в том, что Австро-Венгрия воспользуется этим случаем для того, чтобы объявить войну Сербии. О Гартвиге, русском посланнике в Белграде, рассказывают, что он воскликнул: «Боже мой! Будем надеяться, что это был не серб»[87].

Сербское правительство сразу поняло, что ввиду антиавстрийской пропаганды в прошлом и того обстоятельства, что заговор был подготовлен в Белграде, австрийское правительство склонно будет возложить ответственность за убийство если не на само сербское правительство, то на сербских агитаторов и воспользуется этим как предлогом для войны. Поэтому сербское правительство старалось держаться как можно корректнее. Оно отменило торжества, назначенные по случаю дня святого Витта, напечатало в официальном органе суровое осуждение преступления, выразило надлежащим образом соболезнование и изъявило готовность предать в руки правосудия всех, кто окажется виновным в соучастии.

Но само оно не предприняло никаких шагов для расследования происхождения заговора в Белграде. Наоборот, доктор Груич, главный секретарь сербского Министерства иностранных дел, сказал 1 июля австрийскому поверенному в делах, «что до настоящего времени ничего не было предпринято и что этот вопрос не касается сербского правительства».

Правительство выжидало, желая узнать, что сумеет обнаружить Австрия и какие обвинения она предъявит.

Сербское правительство не предприняло также никаких реальных шагов, чтобы обуздать резкие нападки белградской печати на Австрию. Рассуждения белградских газет по поводу сараевского убийства

содержали, по заявлению британского посланника в Вене, «выражения, почти оправдывавшие и одобрявшие это печальное покушение»[88]. Пашич заявил, что он не в силах прекратить эту провокационную полемику ввиду того, что сербская конституция гарантирует полную свободу печати и не допускает цензуры или конфискации газет.

Правда, нападки со стороны сербской печати отчасти были провоцированы столь же резкими и оскорбительными нападками австрийской печати. Последняя вместе с тем старательно перепечатывала выдержки из наиболее оскорбительных статей сербских газет, для того чтобы познакомить с ними Европу и настроить общественное мнение против белградского правительства. Таким образом, в течение трех недель после убийства эрцгерцога между Австрией и Сербией велась ожесточенная газетная кампания, в которой обе страны поносили друг друга, взвинчивая тем самым воинственное настроение в массах по обе стороны границы; это было психологической подготовкой к войне.

Пропаганда, предпринятая австрийскими газетами, которые вообще имели более широкое распространение, сначала была успешнее, чем старания сербских газет воздействовать на общественное мнение в Европе и в особенности в Англии. 16 июля лондонский «Times» осуждал «невоздержанный и провокационный тон, который, как говорят, усвоили многие сербские газеты до и после преступления, возмутившего Европу». Газета предостерегающе заметила, что «Сербия должна сама, по собственной инициативе произвести расследование, которого, как она имеет основание предполагать, потребует от нее Австрия, и должна представить державам исчерпывающий отчет об этом расследовании». На следующий день влиятельная «Вестминстерская газета» оправдывала желание Австрии привести в ясность свои отношения с Сербией, поскольку предполагается, что преступление имеет свои корни в Белграде и связано с замыслом отторгнуть сербские провинции от двуединой монархии. От Австрии «нельзя требовать, чтобы она пребывала в бездействии. Сербия поступит умно, если признает основательность опасений своей великой соседки и сделает все, что в ее силах, чтобы устранить их, не дожидаясь, пока на нее окажут давление, способное повлечь за собой то, что граф Тисса называет “осложнениями военного характера”».

Такая позиция, занятая влиятельными английскими газетами, сильно поощрила надежды Австрии на то, что в случае «локализации» австро-сербского конфликта Англия будет держаться в стороне. Вместе с тем это вызывало большую тревогу в Сербии, со стороны которой последовал ряд дипломатических протестов и разного рода заявлений.

Под конец поведение австрийской, германской и английской прессы, а также подозрительное молчание Вены стали серьезно тревожить Пашича. Кроме того, возможно, что здесь подействовало сообщение о намерениях Берхтольда, которое через графа Люцова 16 июля дошло до сведения британского правительства. Сообщение это было немедленно передано британскому дипломатическому представителю в Белграде; по-видимому, некоторые намеки были сделаны и сербскому посланнику в Лондоне, ибо последний 17 июля телеграфировал Пашичу.

> *«Австрийское посольство прилагает большие усилия к тому, чтобы вооружить против нас английскую печать и склонить ее к мысли, что Австрия должна преподать Сербии хороший урок… Не следует полагаться на нарочито миролюбивые заявления австро-венгерских официальных кругов, так как происходит подготовка для дипломатического нажима на Сербию, который может перейти в вооруженное нападение».*

Донесения, поступавшие от сербского посланника в Вене, тоже носили тревожный характер: они говорили о возбуждении общественного мнения австрийским бюро печати и о секретных шагах, которые, по всей вероятности, предпринимаются.

> *«Австрии, – писал он, – надо выбирать один из двух путей: или рассматривать сараевское убийство как главный вопрос и пригласить нас содействовать обнаружению и наказанию виновных, или построить на этом обвинение против сербов, Сербии и даже против югославян вообще. Принимая во внимание все, что до сих пор подготовлялось и делалось, мне кажется, что Австрия намерена избрать последний путь. Австро-Венгрия сделает так в расчете на то, что Европа одобрит ее… и что таким образом она*

усилит свой престиж как внутри страны, так и за границей».

Все это, по-видимому, заставило белградский кабинет насторожиться и задуматься, насколько благоразумна его политика выжидания и уклонения от расследования и ареста соучастников убийства, находившихся в Сербии.

18 июля, когда британский поверенный в делах в Белграде, сославшись на статью «Times», указал, что всего благоразумнее со стороны Сербии было бы произвести расследование о заговоре, организованном на сербской территории, доктор Груич ответил ему, что по окончании следствия в Сараеве Сербия готова будет удовлетворить любые требования относительно дальнейшего расследования – постольку-поскольку они допускаются международными обычаями. Но до этого времени ей нечего делать. Затем он пытался обмануть англичан относительно осведомленности сербского правительства. «О Принципе сербское правительство ничего не знает», – сказал он[89]. Это было, безусловно, неверно, так как сербский министр народного просвещения потом признал, что он был лично знаком с Принципом и дважды беседовал с ним. Это опровергается также и тем, что было сказано выше в главах, посвященных заговору и ответственности за него. К своим объяснениям Груич добавил, что если дело примет наихудший оборот и Австрия объявит войну, то Сербия не будет одинока. Россия не потерпит, чтобы Сербия подверглась беспричинному нападению, а Болгария будет иммобилизована (сдержана) Румынией.

На следующий день Пашич отправил выдержанную в таком же тоне пространную телеграмму сербским дипломатическим представителям за границей. Он жаловался на австрийскую печать, которая, как он говорил, виновата в эксцессах, допущенных в сербских газетах. Он поручил своим дипломатическим представителям заверить правительства, при которых они аккредитованы, о «желании Сербии поддерживать дружественные отношения с Австро-Венгрией» и о ее готовности в случае надобности «судить в наших независимых судах всех соучастников преступления, которые окажутся в Сербии, если, конечно, таковые существуют». *«Но,* – добавил он, – *мы ни в какой мере не можем согласиться на требования, которые могли бы унизить*

достоинство Сербии и явились бы неприемлемыми для любой страны, уважающей себя и дорожащей своей независимостью»[90].

Вскоре после этого Пашич покинул Белград для участия в избирательной кампании. Последняя была вызвана роспуском скупщины вследствие конфликта с «Черной рукой» по «вопросу о приоритете». Таким образом, когда австрийский посланник барон Гизль 23 июля днем предъявил ультиматум, Пашича не было в столице.

Составление сербского ответа

Берхтольд постарался, чтобы Сербия не могла уклониться от выполнения требования ответить не позднее, чем через 48 часов. Ни отсутствие Пашича, ни возможная отставка его кабинета не были приняты в качестве уважительного обстоятельства, дающего право на продление срока. Австрия ссылалась на то, что кабинет, уходящий в отставку, считается ответственным за ведение дел, пока не образуется новое министерство. Желая быть уверенным, что он застанет лицо, которому можно будет вручить ультиматум, и для того, чтобы дать возможность поскорее вызвать Пашича в Белград, Гизль еще утром 23 июля сообщил белградскому Министерству иностранных дел, что между 4 и 5 часами он собирается сделать важное сообщение. В назначенный час в Министерство иностранных дел явились охваченные тревогой Груич и три члена кабинета, которые случайно оставались в Белграде. Они уже отправили телефонограмму Пашичу и заказали специальный поезд для того, чтобы привезти его в столицу. Но Гизль не являлся. Он прислал вместо себя секретаря с просьбой передать, что приедет в 6 часов. Эта отсрочка была вызвана инструкцией, отправленной из Вены в последний момент ввиду сведений, поступивших из Берлина относительно срока отъезда Пуанкаре. Берхтольд желал быть вполне уверенным, что французский президент окажется уже далеко в Балтийском море, когда весть об ультиматуме сможет дойти до России. Поэтому Гизль должен был отсрочить вручение ультиматума на 1 час.

Наконец в 6 часов Гизль прибыл, вручил ноту и сказал: «Если не будет дан удовлетворительный ответ по всем пунктам послезавтра, в субботу, в 6 часов вечера, то я со всем посольством покину Белград». Ему сказали, что трудно ответить на такое важное заявление в столь

короткий срок, особенно ввиду отсутствия некоторых членов кабинета. На это Гизль заявил, что в наш век железных дорог, телеграфа и телефона в такой маленькой стране, как Сербия, на это потребуется всего лишь несколько часов и что он уже утром указывал на желательность возвращения Пашича. Затем Гизль, не вступая ни в какие дальнейшие разговоры, отбыл, оставив смущенных министров изучать ноту, которая еще лежала непрочитанной на столе.

Сербские министры приступили к изучению рокового документа. По мере того как они знакомились с его тоном и содержанием, их волнение все более возрастало. Никто не решался заговорить первым. Наконец Люба Иованович поднялся и сказал: «Ну, что же, остается только воевать!»

Очевидно, что о выступлении Гизля необходимо было в первую очередь сообщить сербским дипломатическим представителям в других странах и заявить, что «предъявленные требования носят такой характер, что сербское правительство не в состоянии принять их целиком». Представители иностранных держав в Белграде тоже были немедленно поставлены в известность. К России обратились по телеграфу со специальным призывом о помощи – и, как мы уже видели, Сазонов и Палеолог получили это сообщение на следующий день рано утром, прежде чем они успели выспаться после утомительных франко-русских торжеств. За этим последовала трогательная просьба сербского принца-регента, обращенная к царю:

> *«Мы не в состоянии защитить себя и просим ваше величество как можно скорее прийти нам на помощь. Благоволение, которое ваше величество так часто проявляют к нам и которое мы так высоко ценим, внушает нам твердую веру, что и на этот раз наш призыв к вашему благородному славянскому сердцу не останется без отклика».*

Он обратился также с просьбой к итальянскому королю, чтобы тот использовал дружеские отношения и уговорил своего австрийского союзника продлить срок ультиматума и умерить требования.

Тем временем члены кабинета, принимавшие участие в избирательной кампании, были спешно вызваны в столицу. Пашич прибыл через несколько часов, в 5 часов утра в пятницу 24 июля. В 10 часов началось продолжительное тягостное совещание, но никакого

решения относительно ответа принято не было. Вечером министры собрались снова.

В субботу утром состоялось еще одно заседание, так как надо было дать какой-нибудь ответ к 6 часам вечера. Пашич посетил черногорского и греческого посланников. Первый горячо заверил его, что Черногория пойдет рука об руку с Сербией, но греческий посланник не мог с уверенностью сказать, какую позицию займет его правительство. Премьера Венизелоса не было в Афинах, но он на следующее утро протелефонировал из Мюнхена в Берлин, что если Болгария воспользуется австро-сербским конфликтом и нападет на Сербию, то Греция выступит против такого вмешательства Болгарии. Но гораздо важнее был вопрос о том, какую позицию займут державы Тройственного согласия.

К несчастью для Сербии, эти три великие державы в тот момент не были представлены в Белграде своими посланниками. Энергичный русский посланник Гартвиг, горячий поборник Сербии, скоропостижно скончался за несколько дней до этого, во время беседы с Гизлем, а его преемник еще не прибыл. Британского посланника тоже не было в Белграде, де Грас находился в пути из Лондона в сербскую столицу. Французский посланник заболел нервным расстройством и не показывался, его преемник Бопп только что прибыл из Константинополя и еще не вошел в курс дел. Официальные представители держав Антанты могли только информировать свои правительства о неприемлемых требованиях Австрии и выжидать дальнейших инструкций. Последние поступали медленно – так медленно, что они, по всей вероятности, уже не могли оказать существенного влияния на решение Сербии.

Сазонов имел беседу с сербскими посланником в пятницу около 7 часов вечера и, как говорят, «советовал Сербии проявить в своем ответе максимальную умеренность». Но в сообщении сербского посланника об этой беседе о таком совете ничего не говорится. Наоборот, когда он вышел от Сазонова, он встретил германского посла и сказал ему, что тот «вскоре убедится, что это вопрос, касающийся не только Сербии и Австрии, но вопрос общеевропейский»[91]. Несколько позднее вечером Сазонов телеграфировал своему представителю в Белграде, что если сербы чувствуют себя беспомощными перед вторжением Австрии, то им лучше всего не оказывать сопротивление, а отступить без боя и

обратиться к державам с просьбой о защите. Но, как утверждают, все советы Сазонова были получены в Белграде уже после того, как ответ Сербии был вручен Гизлю 25 июля в 6 часов вечера.

Сэр Эдуард Грэй телеграфировал в пятницу в 9 часов 30 минут вечера, что

> *«Сербия, конечно, должна выразить сожаление о том, что некоторые чиновники, хотя и второстепенного ранга, могли участвовать в убийстве эрцгерцога, и обещать, если это будет доказано, дать полное удовлетворение»*.

В остальном же он советовал «ответить, как того требуют интересы Сербии», а чтобы предупредить военные действия со стороны Австрии – «дать благоприятный ответ в указанный срок на возможно большее количество пунктов и не отвечать Австрии категорическим отказом». Намекая на необходимость сохранить солидарность Антанты, он добавлял:

> *«Посоветуйтесь с вашими русскими и французскими коллегами относительно передачи этого сообщения сербскому правительству. Сербский посланник здесь (в Лондоне) умоляет нас как-нибудь выявить нашу точку зрения, но я не могу взять на себя ответственность за что-либо большее, чем вышесказанное, и не хотел бы делать заявления, не зная, что говорят в Белграде русское и французское правительства».*

Этот совет тоже был получен слишком поздно, чтобы существенно воздействовать на белградский кабинет. Крекенторп ответил на следующий день в 12 часов 30 минут дня, что его коллеги все еще не получили инструкций; ввиду этого и предполагавшегося примирительного ответа со стороны Сербии, с которым Груич его уже познакомил в общих чертах, он воздержался от передачи сербскому правительству совета Грэя.

Бертело, директор политического департамента во французском Министерстве иностранных дел, сказал 24 июля сербскому посланнику в Париже, что Сербии надо «постараться выиграть время»; она должна предложить дать удовлетворение по всем пунктам, не нарушающим ее

достоинства и суверенитета, и потребовать более подробной информации по остальным пунктам. Но главное – сербы должны постараться избежать непосредственного наказания от Австрии, заявив, что они готовы передать дело на третейское разбирательство европейских держав.

Неизвестно, был ли получен этот совет в Белграде достаточно своевременно, чтобы повлиять на ответ Сербии. Но это возможно, так как сербский ответ, в основном, выдержан именно в том тоне, который рекомендовал Бертело. Во всяком случае, скорее Пашичу и его коллегам, чем кому-либо из великих держав, следует поставить в заслугу то, что Сербия так умно вышла из затруднительного положения. Они составили отчет, который не только вызвал одобрение и сочувствие у всех держав, за исключением Австрии, но привел в восхищение даже человека, написавшего австрийский ультиматум. Музулин назвал их ответ «самым блестящим образцом дипломатического искусства, какой я когда-либо знал».

Сербское правительство сразу решило, что «ни одно сербское правительство не сможет принять целиком требования Австрии». Отсюда следовал вывод, что Австрия будет считать всякий ответ, который они могут дать, неудовлетворительным и объявит войну. Поэтому сербские лидеры намерены были *«апеллировать к правительствам дружественных держав и просить их защитить независимость Сербии. Если война неизбежна, то Сербия пойдет на нее»*.

Так как Австрия, очевидно, намерена была отвергнуть всякий ответ, который не даст удовлетворения по всем пунктам, то сербы могли выдержать свой ответ в весьма примирительном тоне, сделать вид, что уступают по многим пунктам, и даже предложить передать вопрос на рассмотрение Гаагского трибунала. Ответ, выдержанный в таком тоне, мог обеспечить сочувствие и защиту со стороны держав и поставить Австрию в невыгодное положение, если она им не удовлетворится.

Но ответ этот заключал в себе уступку больше по форме, чем по содержанию, и весьма характерно, что за 2 или 3 часа до вручения его Гизлю в указанный срок сербское правительство уже отдало приказ о всеобщей мобилизации сербской армии. Оно немедленно начало делать столь усиленные приготовления в целях обороны и для перевозки

правительственного архива, казначейства и учреждений из Белграда в глубь страны, что германский посланник был введен этим в заблуждение и в пятницу в 11 часов 50 минут вечера телеграфировал своему правительству: «Мобилизация уже идет полным ходом»[92].

Этот приказ о мобилизации, изданный до вручения примирительного ответа, который рассматривался скорее как дипломатический жест, чем как серьезная попытка удовлетворить Австрию, представлял еще другую выгоду: ненависть Сербии в отношении Австрии была до такой степени взвинчена газетной кампанией, а сербские офицеры, принадлежавшие к группе «Черной руки», так рвались к войне и до такой степени были готовы свергнуть министерство Пашича, что если бы он ответил в примирительном тоне и согласился на унизительные уступки, то правительству мог угрожать военный бунт.

Еще до предъявления ультиматума сербские власти указывали на опасность, проистекающую от национального возбуждения, господствующего в их стране, и германский посланник в своих донесениях писал, что положение Пашича

> *«весьма трудное ввиду предстоящих выборов и агитации, которая ведется по всей стране. Всякая уступка соседней монархии будет поставлена ему в вину объединенной оппозицией как проявление слабости. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что военные круги, ослепленные манией величия и шовинизмом, вынуждают его к резкостям, которые ему совершенно не свойственны».*

После того как стало известно содержание ультиматума, эти моменты приобрели еще большее значение.

> *«Военные категорически настаивают на отклонении ноты и на войне… В случае объявления приказа по армии, на опубликовании которого в официальном органе армии настаивала Австрия, опасаются военного восстания».*

И то обстоятельство, что подготовка к войне и объявление мобилизации были произведены прежде, чем стало известно, что правительство согласилось на удовлетворение некоторых австрийских

требований, успокоило офицеров и предотвратило вышеуказанную опасность.

Основные пункты сербского ответа были выработаны на продолжительном заседании Кабинета министров в субботу утром. Представителям дружественных держав заблаговременно было сообщено краткое содержание ответа и было указано, что ответ будет составлен в самых примирительных выражениях и по возможности постарается удовлетворить требованиям Австрии. Самый текст ответа написан, в основном, Стояном Протичем, министром внутренних дел, но каждая фраза его подвергалась многократному обсуждению, в котором участвовали и другие министры, и до последнего момента в предложенный текст вносились поправки.

В окончательной редакции ответ был передан Груичу для перевода его на французский язык и для перепечатания его на пишущей машинке. Рукопись оказалась до такой степени испещренной пометками и поправками, что только человек, участвовавший в составлении этого документа, мог разобрать их смысл. В то время, когда Груич диктовал перевод, единственный машинист, остававшийся на работе, упал в обморок, так что конец текста был переписан от руки секретарем. Он был передан Пашичу, который отправился около 6 часов вечера, чтобы лично передать его австрийскому посланнику.

Сущность сербского ответа

Ответ Сербии был примирительным более по форме, чем по содержанию. Желая это показать, австрийское правительство отложило его опубликование, чтобы снабдить его своими комментариями и напечатать их рядом с сербским ответом. Оно хотело продемонстрировать, что уступки по многим пунктам сопровождаются оговорками и условиями, фактически лишающими их всякого значения в смысле гарантии безопасности на будущее, что ответ не представляет собою полного согласия удовлетворить требования Австрии.

Но австрийское правительство не сумело опубликовать это комментированное издание сербского ответа до 28 июля, а это уже было поздно и не могло произвести в Европе того впечатления, на которое рассчитывали[93]. Тем временем Сербия опубликовала свой

ответ и еще до того – его краткое изложение, и они произвели ожидаемое выгодное впечатление.

Мы даем ниже параллельно краткое изложение сербского ответа и австрийских комментариев. Последние приведены в скобках.

Сербское правительство заявляло, что оно «убеждено, что его ответ устранит всякое недоразумение, угрожающее испортить добрососедские отношения между обеими странами», и уверяло, что со времени декларации 1909 года ни с его стороны, ни со стороны его органов не было сделано никакой попытки, имевшей целью изменить политическое и юридическое положение вещей, созданное в Боснии и Герцеговине.

[Это является попыткой исказить доводы Австрии, так как ультиматум не утверждает, что сербское правительство или его официальные органы предпринимали что-либо для того, чтобы изменить положение, созданное в 1909 году; обвинение, предъявленное Австрией, относится к тому, что сербское правительство не озаботилось принятием мер для подавления движения, направленного против Австрии, и, таким образом, не выполнило своего обещания установить дружеские и добрососедские отношения.]

Сербия заявляла, что на сербское правительство *«не может быть возложена ответственность за манифестации частного характера, каковыми являются статьи в газетах и мирная работа обществ… Оно изъявляет готовность предать суду всякого сербского подданного, невзирая на его положение и ранг, в соучастии которого в сараевском преступлении ему были бы представлены доказательства»*. В частности, оно обязывается[94] опубликовать на первой странице официального органа заявление, осуждающее всякую пропаганду, «которая окажется направленной» против Австро-Венгрии, и выражающее сожаление, что, «согласно сообщению императорского и королевского правительства», некоторые сербские офицеры и чиновники участвовали в вышеупомянутой пропаганде. [Изменив формулировку против той, которой требовала Австрия, посредством включения слов, взятых выше в кавычки, сербское правительство как бы заявило, что такой пропаганды не существует или что ему о ней неизвестно; это было неискренне.]

Переходя далее к десяти требованиям Австрии, сербское правительство принимало на себя следующие обязательства:

1. *«Внести при первом же нормальном созыве скупщины в закон о печати постановление, согласно которому, возбуждение ненависти и презрения к Австро-Венгерской монархии будет караться самым суровым образом, а также внести предложение о пересмотре конституции, которое предоставило бы возможность конфискации газет».* [Это не может удовлетворить Австрию, так как не обеспечивает определенного результата и в определенный срок, а если законопроекты будут отвергнуты скупщиной, то все останется по-прежнему.]

2. *«Закрыть "Народну Одбрану" и всякое другое общество, которое стало бы действовать против Австро-Венгрии»*, хотя сербское правительство и не имеет доказательств – ибо и Австрия таковых не представила, – что члены этих обществ совершили преступные деяния. [Австрия не может допустить оговорки, сделанной по последнему пункту, к тому же Сербия не изъявила согласия подчиниться другому требованию Австрии – о конфискации средств пропаганды, принадлежащих этим обществам, и о недопущении восстановления этих обществ под другими наименованиями.]

3. *«Безотлагательно устранить из народного образования Сербии все, что служит или могло бы служить к распространению пропаганды против Австро-Венгрии, как только будут приведены тому фактические доказательства».* [Сербия требует доказательств, тогда как ей известно, что школьные учебники содержат недопустимые вещи и что многие преподаватели состоят членами «Народной Одбраны».]

4. Удалить с военной службы всех лиц, кои по судебному расследованию окажутся виновными в деяниях, направленных против Австро-Венгрии, после того как эта последняя сообщит соответствующие сведения. [Таким образом, увольнению подлежат только офицеры, изобличенные судебным расследованием в преступлениях, наказуемых законом. Но Австрия требует увольнения офицеров, которые вели пропаганду, что составляло действие, по законам Сербии не наказуемое.]

5. Что касается требования допустить в Сербии сотрудничество представителей Австрии в деле подавления революционной пропаганды, сербское правительство *«не уясняет себе вполне значения*

и объема этого требования… но готово допустить такое сотрудничество постольку, поскольку оно согласуется с принципами международного права, уголовного судопроизводства и добрососедскими отношениями». [Эта оговорка уклончива и рассчитана на то, чтобы создать непреодолимые трудности при установлении соглашения.]

6. Сербское правительство считает своим долгом возбудить следствие против всех лиц, которые замешаны или могут оказаться замешанными в заговоре, но *«что касается участия в этом следствии агентов Австро-Венгрии, то такой постановки дела оно допустить не может, так как это было бы нарушением конституции и уголовного судопроизводства»*. [Сербия неправильно истолковывает ясно выраженное австрийское требование, которое включало две различные вещи: 1) возбуждение следствия (enquete judiciaire), в котором, конечно, Австрия не претендовала на сотрудничество, и 2) содействие Австрии в предварительном полицейском дознании (recherches), в подборе и проверке свидетельских показаний, чему существуют бесчисленные прецеденты.]

7. Сербское правительство арестовало Танкосича в тот же вечер, как был вручен ультиматум, но не было в состоянии арестовать Цигановича. [Префект полиции в Белграде устроил отъезд Цигановича, а затем заявил, что в Белграде не проживает человек с таким именем.]

8. Сербское правительство примет меры для предупреждения контрабандной доставки оружия и взрывчатых веществ через границу и сурово покарает чиновников пограничной службы, которые допустили переход через границу сараевских убийц.

9. Сербское правительство охотно даст объяснения по поводу заявлений, сделанных в интервью его должностными лицами в Сербии и за границей, которые были враждебны Австрии; это будет сделано, как только Австрия укажет соответствующие места и докажет, что эти заявления действительно были сделаны. [Интервью, о которых идет речь, должны были быть хорошо известны сербскому правительству; требование уточнений и доказательств свидетельствует о нежелании серьезно подчиниться этому требованию.]

10. Сербское правительство уведомит Австрию о выполнении вышеуказанных мероприятий по мере того, как они будут проводиться в жизнь.

Если Австрия не удовлетворена этим ответом, сербское правительство *«готово, как всегда, пойти на мирное соглашение путем передачи этого вопроса на решение или Гаагского международного трибунала, или великих держав, участвовавших в выработке декларации, сделанной сербским правительством 31 марта 1909 года».*

Хотя некоторые из австрийских примечаний носят мелочный характер, но все же они показывают, что совершенно неверно часто встречающееся утверждение, будто Сербия, по существу, уступила Австрии по всем пунктам, кроме одного. Пункты 1, 2 и 3 были приняты в значительной части, а пункты 8 и 10 – полностью. Но на пункты 4, 5 и 9 ответ дан уклончиво или с весьма серьезными оговорками. Пункт 7 содержал утверждение относительно Цигановича, которое было неверно.

Пункт 6 касался привлечения австрийских чиновников к производимым в Сербии розыскам сербских соучастников заговора. (В судебном следствии и в судебном разбирательстве австрийские чиновники не должны были участвовать.) В этом требовании, несмотря на его чрезвычайную важность, было отказано – потому ли, что Пашич и его коллеги, сознательно или непреднамеренно, неправильно его поняли, или потому, что оно, как им казалось, нарушало суверенитет Сербии, или же потому, что они боялись нежелательных разоблачений относительно соучастия «Черной руки» и других сербских организаций. Могло также выясниться, что сербское правительство знало о заговоре и не сумело его предупредить.

Однако в целом впечатление, произведенное на современников сербским ответом, было благоприятно. В британском Министерстве иностранных дел сэр Эйр Кроу заметил:

«Ответ благоразумен. Если Австрия требует безоговорочного принятия своего ультиматума, это может значить лишь то, что она желает войны».

Германский император, прочтя его утром 28 июля, сделал надпись в конце:

«Блестящее достижение за 48 часов. Это больше, чем можно было бы ожидать. Огромный моральный успех для Вены, но вместе с тем отпадает всякое основание для войны, и Гизль мог бы спокойно остаться в Белграде. После такого ответа я бы никогда не издал приказа о мобилизации. – W».

Тем не менее на основании своей инструкции Гизль был вправе отвергнуть этот ответ как неудовлетворительный. С другой стороны, невозможно согласиться с доводами, которые приводят иногда австрийцы, что непринятие сербского ответа оправдывалось тем, что он не давал Австрии достаточных гарантий безопасности. В своем ультиматуме Австрия стремилась главным образом не к получению гарантий, а к тому, чтобы оправдать свое стремление ослабить Сербию путем вовлечения ее в войну и тем положить конец великосербской опасности.

Разрыв дипломатических отношений между Австрией и Сербией

Срок для ответа истекал в субботу 25 июля в 6 часов вечера. За несколько минут до 6 часов Пашич прибыл в австрийское посольство и вручил сербский ответ. Гизль сказал, что ему надо сопоставить его с полученными инструкциями и тогда он даст немедленно ответ, Так как он знал, что Сербия уже отдала распоряжение о мобилизации, то он не ожидал, что ответ будет вполне удовлетворителен, и, по всей вероятности, написал свой ответ, еще не прочитав ответа Сербии. Теперь он поспешно пробежал его, чтобы удостовериться, что Сербия не уступила по всем пунктам и что он может, следуя желаниям Берхтольда, отклонить его как неудовлетворительный и прервать дипломатические отношения.

Едва Пашич успел вернуться к себе в Министерство иностранных дел, как получил ноту от Гизля: так как срок для ответа *«истек, и я не получил удовлетворительного ответа, то я имею честь сообщить вашему превосходительству, что покидаю сегодня ночью Белград вместе с членами императорского посольства и что с того момента, как это письмо будет вручено вашему превосходительству, разрыв дипломатических отношений между Сербией и Австро-Венгрией станет совершившимся фактом»*.

Гизль так торопился, что и он и все чины посольства смогли поспеть на поезд, отходивший из Белграда в 6 часов 30 минут. Несомненно, он побил рекорд по разрыву дипломатических сношений.

Для того чтобы частичная мобилизация в Австрии могла быть предпринята как можно скорее после разрыва дипломатических

сношений, Берхтольд принял тщательные меры к тому, чтобы получить сообщение Гизля с максимальной быстротой. Гизль должен был выехать из Белграда в 6 часов 30 минут вечера и прибыть в Землин, по ту сторону границы, в 6 часов 40 минут. Отсюда он должен был по железнодорожному телефону сообщить Тиссе в Будапешт с тем, чтобы Тисса немедленно переслал это сообщение в Вену.

Сам Берхтольд отправился в Ишль, чтобы присутствовать на обеде, который император Франц-Иосиф давал герцогу и герцогине Кумберлендским. Около полудня он получил спешную телеграмму от русского поверенного в делах, настаивавшего на продлении срока ответа на том основании, что державы были захвачены врасплох и еще не имели возможности ознакомиться с досье по сараевскому делу, которое Австрия обещала им представить. Но Берхтольд ответил, что он не может продлить срок. Однако он добавил, что и после разрыва дипломатических отношений с Сербией может быть достигнуто мирное соглашение, если Сербия полностью примет требования Австрии. Но в таком случае Австрия рассчитывает получить от Сербии возмещение расходов, вызванных военными приготовлениями. Было очевидно, что он с уверенностью рассчитывает на то, что после разрыва дипломатических сношений с Сербией против нее будут приняты военные меры.

Вечером Берхтольд сидел в кабинете императора в Ишле и с нетерпением ждал известий. Наконец он не выдержал и вышел прогуляться. В четверть восьмого позвонил телефон. Граф Кинский получил в Вене сообщение и повторил его по телефону в Ишль.

> *«Посланник Гизль телефонировал из Землина в Будапешт. В 6 часов без 2 минут была вручена ответная нота; так как она оказалась по некоторым пунктам неудовлетворительной, то барон Гизль прервал отношения и выехал.*
>
> *В 3 часа дня в Сербии отдано распоряжение о всеобщей мобилизации. Правительство и дипломатический корпус отправились в Крагуевац»*[95].

Барон Маргутти записал полученное сообщение на клочке бумаги и поспешил с ним к Францу-Иосифу. Старик взял дрожащими руками лист, опустился в кресло и пробормотал сдавленным голосом: «Also

doch!» («Значит, все-таки!») – словно он надеялся, что в последний момент удастся еще избежать разрыва. Затем, на время уставившись на бумагу, углубившись в раздумье, он заметил вполголоса, как бы про себя: «Что же, разрыв дипломатических сношений еще не означает войны».

Тем временем Берхтольд спешно был вызван и заперся с императором. Тисса, Конрад и австрийский посланник в Берлине убеждали императора, что Австрия должна немедленно объявить мобилизацию против Сербии, так как всякое промедление или колебание было бы сочтено за слабость и увеличило бы вероятность русского вмешательства. Пользуясь этими аргументами, Берхтольду нетрудно было убедить престарелого императора в необходимости дать приказ о немедленной частичной мобилизации, имеющей в виду войну лишь против Сербии и Черногории. Согласие кайзера было получено начальником штаба в 9 часов 53 минуты вечера и немедленно приведено в исполнение: 27 июля последовал приказ, а 28 июля было первым днем настоящей мобилизации.

Мобилизация и война

Частичную мобилизацию Австрия предполагала начать только 23 июля. Для концентрации армии требовалось около двух недель, Конрад же не желал начинать войну, пока армии не будут сконцентрированы. Об этом Чиршки был извещен в полдень 26 июля, а в Берлине узнали утром 27 июля. Поэтому там ожидали объявления войны или начала враждебных действий не раньше, чем около 12 августа.

Но когда предварительное и краткое изложение сербского ответа, разосланное Пашичем, стало производить благоприятное впечатление, а Берлин передал в Вену выраженную Грэем надежду, что Австрия отнесется благосклонно к этому ответу, Берхтольд стал сомневаться, целесообразна ли такая продолжительная отсрочка.

– Когда вы хотите, чтобы была объявлена война? – спросил он Конрада в полдень 26 июля.

– Приблизительно 26 августа, – отвечал начальник Генерального штаба.

– Благоприятная дипломатическая ситуация не продлится так долго, – сказал Берхтольд.

К вечеру 27 июля, когда получались телеграмма Сапари с предложением «непосредственных объяснений» и сообщение о предложенном Грэем созыве конференции, такое вмешательство стало казаться еще более вероятным. Поэтому Берхтольд отправил Сапари инструкцию, в которой ему предлагалось вести переговоры с Сазоновым, но не связывать себя никакими обязательствами.

В то же самое время были составлены проект объявления войны Сербии и меморандум, который должен был убедить императора Франца-Иосифа дать разрешение на отсылку объявления войны «завтра рано утром». Меморандум содержал два основных довода: во-первых, в нем указывалось, что ответ Сербии, не представляя никакой ценности по содержанию, составлен умно и примирительно по форме, так что державы Согласия могут попытаться добиться мирной ликвидации конфликта, «если не будет создано ясное положение путем объявления войны».

Второй довод заключался в том, что сербы открыли военные действия, обстреляв австрийские войска у Темес-Кубина на Дунае[96]. Этими доводами Берхтольд, прибывший в Ишль, сумел убедить императора, сейчас же протелефонировал об этом в Вену и незадолго до полуночи, 28 июля, из Вены отправили в Ниш незашифрованную телеграмму, составленную на французском языке и содержавшую объявление войны Австрией. Так как телеграфное сообщение с Белградом было прервано, то эта телеграмма отправлена через Черновицы и Бухарест.

Таким образом, Берхтольд внес ясность в положение, поставив всех перед совершившимся фактом. Когда русский посол явился с предложением непосредственных объяснений, Берхтольд сказал ему, что не может принять ответ Сербии за основу для дальнейшего обсуждения, потому что сегодня Сербии объявлена война.

Граф Оттокар Чернин. Эрцгерцог Франц-Фердинанд[97]

1

Конопишт породил много разных легенд. Владелец этого замка был первой жертвой страшного мирового пожарища, и поведение его в годы, предшествующие войне, подвергалось многочисленным и отчасти неверным толкованиям.

Натура престолонаследника была крайне своеобразна. Главной чертой его характера была крайняя неровность. Он редко шел по среднему пути и так же горячо ненавидел, как и любил. Он выделялся решительно во всем, он ничего не делал, как другие люди, и все, за что он брался, вырастало до сверхъестественных размеров. Его страсть покупать и коллекционировать древности была анекдотична и действительно фантастична. Он был чудесный стрелок, но охоту он признавал лишь в грандиозных масштабах, и дичи он перебил не менее ста тысяч штук. За несколько лет до смерти он закончил пятую тысячу убитых им оленей.

Его искусство стрелять в цель, как дробью, так и пулями, было совершенно невероятно. Путешествуя вокруг света, он встретил в Индии у какого-то магараджи стрелка-профессионала. Гости задумали кидать монеты вверх, и профессионал сбивал их. Эрцгерцог также попробовал и побил индуса. При стрельбе он пренебрегал всеми современными усовершенствованными приспособлениями, вроде винтовки, снабженной подзорной трубой, – он всегда стрелял из двухствольной винтовки, и его исключительно дальнозоркие глаза вполне заменяли ему подзорную трубу.

Художественный вкус к планировке парков привел его в последние годы его жизни к развитию главной его страсти: в Конопиште он знал каждое дерево и куст, а больше всего он любил свои цветы. Он был сам своим садовником. Все грядки были засажены по его точным указаниям. Он знал условия, нужные каждому отдельному растению, разбирался в почве, полезной им, и частые изменения или

нововведения проводились лишь на основании его точных предписаний. Здесь все происходило в гигантском масштабе; вероятно, деньги, ухлопанные на этот парк, были огромны.

Художественное чутье эрцгерцога было во многих отношениях исключительным: ни одному антиквару не удалось продать ему современное произведение за старинное; вкуса у него было не меньше, чем понимания. Зато музыка была для него неприятным шумом, а поэтов он от души презирал. Он терпеть не мог Вагнера и был вполне равнодушен к Гёте. Он был также неспособен к языкам – французским языком владел весьма посредственно, а помимо него, в сущности, не знал ни одного языка; по-итальянски и по-чешски он успел лишь кое-что перехватить.

До конца жизни он годами с железной энергией мучил себя изучением венгерского, при нем постоянно находился священник, у которого он брал уроки венгерского. Этот учитель сопутствовал ему в его путешествиях, и, например, в Сен-Морице Франц-Фердинанд ежедневно занимался венгерским. Несмотря на это, он постоянно страдал от сознания, что ему никогда этому языку не научиться; неудовольствие, связанное с изучением его, он переносил на весь венгерский народ. «Они мне антипатичны хотя бы просто из-за языка», – вот слова, которые я часто от него слышал. Суждения Франца-Фердинанда о людях были также несдержанны: он мог только любить или ненавидеть, а число лиц, принадлежащих ко второй категории, к сожалению, значительно превышало первое.

Во всем образе мышления Франца-Фердинанда было что-то жесткое, а для всех тех, кто его мало знал, эта жесткость была самой приметной чертой его характера. Она, несомненно, была причиной его широкой непопулярности. Многие совершенно исключительные свойства эрцгерцога были обществу неизвестны, и поэтому о нем часто судили неверно.

Резкость эта не была в нем природной. Он в молодости страдал легкими, и врачи от него почти что отказались. Он мне сам часто рассказывал об этом – и обо всем, что перестрадал за это время; при этом всегда с большой горечью вспоминая о тех, кто тогда без всяких церемоний перестал считаться с ним. Пока в нем видели престолонаследника и связывали с ним будущее, он был центром общего внимания. Когда же он заболел (и казалось, неизлечимо), весь

свет от него моментально отвернулся и перенес все свои верноподданнические чувства на его младшего брата Отто.

Я не сомневаюсь в том, что в этих рассказах покойного эрцгерцога было много правды; да и всякий, кто знает свет, не может не относиться скептически к жалкому и низкому эгоизму, который почти всегда служит подкладкой почитания высокопоставленных лиц. Озлобление затаилось в сердце Франца-Фердинанда глубже, чем у многих других, и он никогда не простил свету всего того, что ему пришлось пережить и перенести в эти тяжелые месяцы. Больше всего его оскорбила внезапная перемена в отношениях к нему графа Голуховского, тогдашнего министра иностранных дел – потому что до тех пор он думал, что Голуховский питает к нему личную симпатию. По словам эрцгерцога, Голуховский говорил императору Францу-Иосифу, что необходимо перевести подобающий престолонаследнику придворный штат на эрцгерцога Отто, так как он, Франц-Фердинанд, все равно пропал.

Не столько постановка вопроса, сколько тот способ действия, которым Голуховский «заживо похоронил» его, расстроил и обидел эрцгерцога, и так уже раздраженного болезнью. Но, помимо Голуховского, он не мог простить многим другим, обидевшим его в то время, и беспримерное презрение к людям, которое, когда я с ним познакомился, было характернейшей чертой его натуры, очевидно, зародилось и развилось в годы болезни.

Это разочарование оказало глубокое влияние на весь строй его мыслей и в политическом отношении. Мне рассказывал человек, сам при этом присутствовавший, что эрцгерцог как-то, в самую тяжелую пору его болезни, прочел в венгерской газете статью, где о будущем правлении его говорилось как о вопросе покончeнном и в чрезвычайно грубых и насмешливых выражениях. Читая эти рассуждения, эрцгерцог побледнел от злобы и возмущения, помолчал, а потом у него вырвались характерные слова: «Я должен выздороветь. Теперь я буду жить только ради здоровья, я хочу поправиться, чтобы показать им, что они слишком рано радуются».

Эти личные переживания, хотя и не были, конечно, единственной причиной его сильной антипатии против всего венгерского, все же имели значение для его миросозерцания. Эрцгерцог отлично умел

ненавидеть, он нелегко забывал – и горе тем, кого он преследовал своей ненавистью.

С другой стороны, у него был уголок в сердце – мало кому известный, но чрезвычайно ценный: он был идеальным мужем, прекрасным отцом и верным другом. Но число тех, кого он презирал, было несравненно большим, и он сам отдавал себе полный отчет в том, что он – одна из самых непопулярных личностей австрийской монархии. В этом презрении к популярности было все же заложено и некоторое величие духа. Он никогда не мог заставить себя пойти навстречу какой-нибудь газете или другому органу, направляющему общественное мнение. Он был слишком горд, чтобы искать популярности, и слишком презирал человечество, чтобы считаться с его мнением.

Отвращение к венграм проходит красной нитью через все политическое миросозерцание эрцгерцога. Мне рассказывали, что в эпоху, когда принц Рудольф часто охотился в Венгрии, эрцгерцог также часто принимал участие в этих охотах и что венграм доставляло удовольствие высмеивать молодого эрцгерцога в присутствии и на радость кронпринца, который был значительно старше его. Я охотно верю, что такие шутки занимали кронпринца Рудольфа, и не сомневаюсь, что нашлись люди, готовые задеть эту струну, лишь бы заслужить его расположение, но все же мне кажется, что эти впечатления имели меньше значения, чем вышеупомянутые переживания во время его болезни.

Помимо этих личных антипатий, которые эрцгерцог переносил с нескольких отдельных венгров на всю нацию, оппозицию эрцгерцога к Венгрии подкреплял ряд глубоко обоснованных политических причин. У Франца-Фердинанда было чрезвычайно тонкое политическое чутье. И это чутье подсказывало ему, что венгерская политика – серьезная опасность для всей Габсбургской империи. Желание сломить власть мадьяров и помочь другим национальностям сравняться с ними в правах никогда не покидала его. Он все политические дилеммы и акты рассматривал с этой точки зрения. Эрцгерцог был постоянным апологетом румын, словаков и всех прочих национальностей, проживающих в Венгрии, и в этом смысле заходил так далеко, что готов был дать каждому вопросу антимадьярское разрешение, не вдаваясь в объективное рассмотрение его по существу. Эта его привычка,

разумеется, не оставалась тайной в Венгрии и вызвала у венгерских правящих классов сильную реакцию, которую он опять-таки понимал как чисто личную, направленную непосредственно против него. Такие взаимоотношения с годами автоматически усиливали существующие разногласия, а при Тиссе привели к открытой вражде.

К другим лидерам Венгрии, в частности, к одной из наиболее выдающихся фигур того времени, эрцгерцог относился с еще более сильной антипатией, чем к Тиссе. Я не знаю в точности, что между ними произошло, но мне известно, что за много лет до катастрофы у этого господина была аудиенция в Бельведере, и что она, во всяком случае, протекла весьма неблагополучно. Эрцгерцог рассказал мне, что этот господин принес с собою целую библиотеку, чтобы доказать, что по закону мадьярская точка зрения правильная. Но ему, эрцгерцогу, наплевать на эти законы, и он ему так и сказал. Они сильно поспорили, и господин вышел от него бледный, как смерть.

Несомненно, что министры и прочие чиновники редко входили к эрцгерцогу без сердцебиения: он был способен так набрасываться на своих собеседников и пугать их, что они совершенно теряли голову. Страх их он часто принимал за упрямство и пассивное сопротивление и тогда становился еще более раздраженным.

С другой стороны, если знать его хорошо и не давать себя застращать, можно было чрезвычайно легко обезоружить эрцгерцога. У меня с ним было множество сцен, и я притом сам бывал чрезвычайно резок, но длительного охлаждения к себе я никогда не вызывал. Как-то вечером, после обеда в Конопиште, он мне устроил сцену за то, что я постоянно иду против него, эрцгерцога, и на его дружбу отвечаю предательством. Я прекратил разговор, заявив, что, раз он так говорит, то из нашего дальнейшего разговора толку выйти не может, а помимо того, я завтра утром уезжаю. Мы расстались, не пожелав друг другу «спокойной ночи». Утром – я еще был в постели – он пришел ко мне в комнату и просил меня забыть, что он вчера говорил, так как это было сказано не всерьез и т. д., так что у меня совершенно пропало твердое намерение уехать.

Он так презирал людей, и опыт так обострил его понимание, что не поддавался ни на раболепство, ни на лесть. Он выслушивал всех, но как часто затем говорил мне: «С ним делать нечего, это пресмыкающееся». И эти слова приканчивали людей в его глазах так, что он впоследствии

совершенно не доверял им. Более кого-либо из великих мира сего он был неуязвим против яда холопства, заражающего в большей или меньшей мере всех монархов.

Кроме семьи, в тесном смысле этого слова, его лучшими, любимыми друзьями были его зять Альбрехт Вюртембергский и князь Карл Шварценберг.

Первый был человек обаятельный, высокой интеллигентности, знающий толк в вопросах как политических, так и военных. С Францем-Фердинандом он жил на чисто братской ноге и, само собой разумеется, на принципах полного равенства. Карл Шварценберг был самый откровенный, честный и прямой человек, которого я когда-либо встречал. Он был богат, независим, преисполнен чувства собственного достоинства, и лично совершенно не самолюбив. Он нисколько не был заинтересован в том, нравятся ли эрцгерцогу его взгляды. Он был его другом и считал своим долгом быть с ним откровенным и честным, а если нужно, то даже и резким. Эрцгерцог понимал это и уважал своего друга. Я думаю, что немного на свете монархов или престолонаследников, которые стали бы сносить манеру Шварценберга.

Очень плохими были отношения Франца-Фердинанда с Эренталем[98]. Эренталь был также довольно резок и суров, но все же причина холодности между ними была другая. Мне кажется, что все упреки, которые эрцгерцог обращал на Эренталя, все же не вытекали из политических или программных разногласий, престолонаследника постоянно расстраивал тон Эренталя. Мне приходилось читать письма Эренталя к эрцгерцогу, в которых, при всей внешней почтительности, был слышен какой-то привкус, быть может, бессознательной иронии, вызывавшей в эрцгерцоге чувство, что его не принимают всерьез. А он в этом отношении был чрезвычайно чувствителен.

Эрцгерцог очень недружелюбно выражался об Эренталe даже во время болезни последнего и вызвал тогда всеобщее возмущение бесчувственностью своих слов об умирающем деятеле. Он присутствовал при выносе тела как представитель императора, после чего принял меня в Бельведере. Мы стояли во дворе, когда мимо нас прошла похоронная процессия. Эрцгерцог быстрым шагом прошел в один из соседних маленьких флигелей, с окнами на улицу, и здесь, спрятанный за занавеской, наблюдал за проходящей процессией. Он не проронил ни слова, но глаза его были полны слез. Когда он сообразил,

что я заметил его волнение, он быстро и нехотя отвернулся, раздраженный тем, что явно выказал слабость. В этом был весь он. Ему приятнее было, чтобы его считали суровым и бессердечным, чем мягкотелым и слабым, и ему была невыносима мысль, что его могли заподозрить в желании устроить трогательную сцену. Я не сомневаюсь, что в ту минуту он страдал от самобичевания, и страдал больше, чем другой на его месте, менее замкнутый в себе и способный дать своим чувствам более свободный выход.

Эрцгерцог мог быть очень веселым и имел исключительное чувство юмора. Он мог иногда смеяться, как беззаботный мальчик, и увлекал всех окружающих своим искренним весельем.

Как-то приехал в Вену немецкий принц, не различающий многочисленных эрцгерцогов и путающий их. В честь его в Гофбурге был дан обед, за которым он сидел рядом с Францем-Фердинандом. На следующий день намечалась охота в сопровождении эрцгерцога. За столом германский принц, очевидно, принявший своего соседа за кого-то другого, сказал ему: «Завтра я должен ехать на охоту, но, говорят, со скучным Францем-Фердинандом. Надеюсь, что это еще изменится». Если не ошибаюсь, охота не состоялась вовсе, и мне не известно, понял ли принц впоследствии свою ошибку, но эрцгерцога она еще долго забавляла.

Эрцгерцог часто доброжелательно отзывался о своем племяннике, будущем императоре Карле. Но отношения между ними определялись безусловным повиновением племянника дяде. На политических совещаниях эрцгерцогу Карлу всегда выпадала роль слушателя, следящего за соображениями Франца-Фердинанда. Брак Карла встретил полное одобрение его дяди, и герцогиня Гогенбер также очень любила молодую чету.

Эрцгерцог был принципиальный сторонник великоавстрийской программы. Его идея заключалась в том, чтобы разложить монархию на более или менее самостоятельные национальные государства, объединенные центральным аппаратом, функционирующим в Вене и приспособленным к разрешению важнейших насущных вопросов, то есть, другими словами, он хотел заменить дуализм федерализмом. В наши дни, когда в результате страшных потрясений войны и революции развитие бывшей монархии пошло именно по национальным руслам, никто больше не оспаривает эту идею как утопию. Но в те времена она

имела сильных противников, которые отговаривали от разрушения государства ради созидания на месте его чего-то совсем нового и вряд ли лучшего. К тому же император Франц-Иосиф был слишком консервативен и слишком стар, чтобы вдаваться в рассмотрение взглядов своего племянника. Его отношение к наследнику, решительное отклонение хода мышления эрцгерцога оскорбляло последнего, и он часто с горечью жаловался на то, что он у императора значит не больше «последнего лакея в Шенбрунне».

Эрцгерцог был совершенно лишен таланта обращения с людьми. Он не мог и не хотел себя переделывать. Он мог быть очень обаятельным, когда проявлял свою натуральную сердечность, но ему никогда не удавалось скрыть, что он рассержен или расстроен, и этим объясняется то, что его отношения к старому императору становились все хуже и хуже. Вина за такое нежелательное отношение между императором и престолонаследником, конечно, была обоюдная.

Точка зрения старого императора – «Покуда я правлю, никому вмешиваться не позволю» – наталкивалась на резко противоположную ей идею эрцгерцога: «мне когда-нибудь придется отвечать за ошибки, совершенные теперь», – а всякий знакомый с придворной жизнью знает, что такие разногласия всегда приводят к особенному напряжению. При каждом дворе находятся люди, стремящиеся заслужить доверие своего покровителя тем, что подливают масла в огонь и раздувают всякого рода скандалы и сплетни. Так было и в данном случае, и вместо того, чтобы сближаться, император и эрцгерцог все больше отдалялись друг от друга.

У эрцгерцога было мало друзей, а среди монархов почти что ни одного. Это была одна из причин его сближения с императором Вильгельмом. В сущности, они были очень не похожи друг на друга; они были люди настолько разные, что о настоящей дружбе между ними, о подлинном понимании друг друга не могло быть и речи – да о нем и не было речи. Обоим были присущи ярко выраженные самодержавные теории, но сходство между ними этим почти исчерпывалось. Публичные выступления императора Вильгельма были эрцгерцогу всегда неприятны, а его явное стремление к популярности просто непонятно. Со своей стороны, за последние годы император Вильгельм, безусловно, гораздо сильнее привязался к эрцгерцогу, чем раньше. Хуже были отношения эрцгерцога к германскому кронпринцу. Они

провели вместе несколько недель в Сен-Морице, в Швейцарии, но нисколько не сблизились, что отчасти объяснялось большой разницей в годах и несравненно более сложным миросозерцанием эрцгерцога.

Уединенность и замкнутость, в которых жил эрцгерцог, незначительное общение с широкими кругами общества порождали вокруг него, помимо верных, также и множество ложных слухов. По одному из них, который с большой устойчивостью продержался и до наших дней, эрцгерцог был «подстрекателем войны», и война будто бы являлась необходимой комбинацией в его планах на будущее. Этот слух совершенно ложен. Хотя эрцгерцог мне этого прямо не говорил никогда, но я все же убежден, что он инстинктом чувствовал, что монархия не выдержит страшного испытания войной и что он не только не подстрекал к ней, но, напротив, действовал в прямо противоположном смысле.

Я вспоминаю очень симптоматичный эпизод: не помню точно числа, но это было незадолго до смерти эрцгерцога, когда одна из очередных балканских смут взволновала всю монархию и выдвинула вопрос о мобилизации. Я находился случайно тогда в Вене, где имел разговор с Берхтольдом, очень озабоченным общим положением и жалующимся на то, что эрцгерцог, очевидно, высказывается в духе воинственности. Я предложил обратить внимание эрцгерцога на опасность такого поведения и сговорился с ним по телеграфу, что в тот же день сяду в его поезд в Вессели – станции, где он должен был остановиться по дороге в Конопишт.

Времени у меня было мало, только на перегон между двумя станциями, поэтому я сейчас же взял быка за рога: рассказал эрцгерцогу о слухах, которые ходят о нем в Вене, и высказался в том смысле, что слишком резкая политика на Балканах может вызвать конфликт с Россией. Эрцгерцог мне нисколько не возражал, со свойственной ему распорядительностью он тут же в поезде написал Берхтольду телеграмму, вполне одобряющую примирительную политику и опровергающую слухи о его агрессивности.

Несомненная правда, что некоторые представители военной партии, желавшие войны, использовали эрцгерцога или, вернее, злоупотребляли им, чтобы вести от его имени военную пропаганду, и что они таким образом вызывали совершенно ложное суждение об этом человеке. Многие из них погибли на войне смертью героев, другие

ныне исчезли и забыты. Но среди тех, кто прятался за эрцгерцогом, никогда не было начальника Генерального штаба Конрада[99]. Этот никого не выдвигал перед собой. Он самолично и открыто защищал перед всеми то, что считал необходимым.

В связи с этими слухами об эрцгерцоге следует упомянуть любопытную подробность. Как сам эрцгерцог мне рассказывал, одна прорицательница предсказала ему, что он станет причиной войны. Хотя такое пророчество до некоторой степени и льстило ему, так как оно подразумевало, что миру придется считаться с ним, как с важным фактором, он все же определенно напирал на то, до чего это пророчество бессмысленно. Но пророчество это впоследствии оправдалось, хотя и совсем не так, как оно было понято. Ни один государь в мире не был столь не повинен в кровопролитии, как несчастная жертва в Сараеве.

Эрцгерцог очень сильно страдал от условий, явившихся следствием его неравного брака. Горячая и преданная любовь его к жене возбуждала в нем постоянное желание сделать ее своей вполне официально узаконенной супругой, и отпор, встреченный им в придворном церемониале, безгранично раздражал и озлоблял его. Эрцгерцог твердо решил, что немедленно по вступлении на престол он даст своей жене если не титул императрицы, то, во всяком случае, такое положение, которое, и помимо него, открыло бы ей первое место. Желание свое он мотивировал тем, что она должна быть хозяйкой всюду, где и он, а хозяйке всегда надлежит быть на первом месте.

Но у эрцгерцога никогда и мысли не было изменить порядок престолонаследия и поставить своего сына на место эрцгерцога Карла. Напротив, он уже давно решил издать по вступлении на престол торжественное заявление, в котором эта его точка зрения была бы закреплена, дабы разом опровергнуть ложные и тенденциозные сообщения, постоянно всплывающие по этому поводу. Он нежно любил своих детей, но для них он желал лишь независимой комфортабельной жизни, возможности наслаждаться существованием без всяких материальных забот. Для старшего сына он мечтал о титуле герцога фон Гогенберг, так что император Карл действовал согласно его желанию, даровав его впоследствии молодому человеку.

Красивой чертой эрцгерцога было его бесстрашие. Он отчетливо понимал, что над ним всегда висит опасность покушения, и часто и

безо всякой позы высказывался о такой возможности. За год до начала войны он сообщил мне, что масоны решили его убить. Он сообщил мне также название города, где это решение было принято – я его сейчас забыл, – и называл имена разных австрийских и венгерских деятелей, которые должны быть осведомлены на этот счет. Он также охотно рассказывал, как, кажется, при коронации испанского короля его поместили в одном поезде с каким-то русским великим князем и что перед самой отправкой было получено сообщение, что великий князь должен быть убит в пути. Он не отрицает, что вошел в свой вагон с несколько смешанными чувствами.

Другой раз в Сен-Морице ему было сообщено, что в Швейцарию прибыли два турецких анархиста, положивших его убить, что полиция прилагает все усилия, чтобы схватить их, но что до сих пор на их след не напали и что ему рекомендуют быть осторожным. Эрцгерцог показал мне тогда телеграмму с этими данными. Он не выказал при этом ни малейшей паники, с усмешкой отложил депешу, заметив, что, по его мнению, покушения с предупреждениями редко удаются. Но герцогиня зато очень страдала от страха за его жизнь, и мне кажется, что бедная женщина сотни раз предвидела катастрофу, жертвой которой они с мужем в конце концов пали.

Со стороны эрцгерцога было также очень красиво, что из деликатности к жене и ее вечным страхам он терпел вокруг себя постоянное присутствие сыщиков, хотя считал, что оно было и скучно, и смешно. Он боялся, что этот факт может вызвать упрек в трусости, и соглашался иметь их всюду за собой только затем, чтобы хоть несколько успокоить ее.

Но он почти что со страхом скрывал все свои хорошие свойства и с каким-то вызовом старался казаться жестким и неприятным. Я не хочу оправдывать некоторые его особенности. Нельзя отрицать в нем ярко выраженного эгоизма и той жестокости, которые отнимали у него интерес к чужим страданиям, за исключением тех, кто был ему лично близок. Его ненавидели также за его строгие финансовые мероприятия и за беспощадность к подчиненным, за которыми была замечена малейшая провинность. Анекдотов по этому поводу существуют сотни – и правдивых, и выдуманных. Вполне понятно, что эта мелочность очень вредила ему в общественном мнении и что действительно прекрасные и мужественные стороны его души оставались публике не

известными и поэтому никогда не бывали ему зачтены. Для тех же, кто его знал, они во сто крат покрывали дурные.

Император был всегда очень озабочен планами эрцгерцога на будущее. Характер императора был также тверд, и в интересах монархии он боялся и горячности, и упрямства своего племянника, но при этом часто выказывал истинное величие духа. Покойный председатель министров граф Штюргк[100] рассказывал мне следующие подробности моего назначения в Верхнюю палату, которые, как мне кажется, очень характерны для старого императора. Моя кандидатура в Верхнюю палату была выставлена по желанию Франца-Фердинанда, который хотел провести мое откомандирование в одно из наших посольств с тем, чтобы я прошел хорошую школу в области внешней политики. Следует при этом упомянуть, что старому императору со многих сторон нашептывали, что друзья и доверенные эрцгерцога работают в духе, противоположном ему, императору, а он, очевидно, до некоторой степени верил этой версии – особенно в виду многочисленных его конфликтов с Францем-Фердинандом. Когда фон Штюргк назвал меня как кандидата в Верхнюю палату, император с минуту помолчал, а затем ответил: «Ведь это тот, кто по моей смерти должен стать министром иностранных дел. Да, пускай он войдет в Верхнюю палату, чтобы еще поучиться».

Такой ход мысли и такие душевные движения, несомненно, свидетельствуют о подлинном величии.

Общеполитические разговоры с императором Францем-Иосифом бывали часто затруднительны, потому что он строго придерживался ведомственных интересов и говорил с каждым лишь о том, что его непосредственно касалось. Когда я был послом, император говорил со мной о Румынии и Балканах, но больше ни о чем. Между тем самые разнообразные вопросы между собой часто связаны так тесно, что разграничение немыслимо. Я вспоминаю аудиенцию, в которой излагал старому императору румынские проекты более тесного сближения с монархией – проекты, на которых я остановлюсь в одной из дальнейших глав этой книги. Конечно, я должен был говорить о том, как Румыния представляет себе объединение с Венгрией и какие изменения венгерской конституции были бы для этого необходимы.

Император прервал меня, заявив, что это вопрос, касающийся внутренней политики Венгрии.

Старый император был обыкновенно очень доброжелателен и ласков и всегда озадачивал своим знанием малейших деталей. Так, о министрах всевозможных румынских ведомств он не говорил «министр земледелия» или «торговли», а всегда называл их по имени и никогда не ошибался. В последний раз я видел его по моем окончательном возвращение из Румынии в октябре 1916 года. Я нашел его тогда все еще вполне на высоте его умственных способностей, хотя физически он был очень слаб. Император Франц-Иосиф был большим барином в подлинном смысле этого слова. Он был императором. Подойти к нему близко было невозможно. Всякий кто уходил от него, оставался под впечатлением, что он только что стоял перед императором. Он стоял высоко над всеми монархами по той величественности, с которой выражал идею монархии.

Он был положен в гроб в дни крупных военных успехов Центральных держав. Теперь Франц-Иосиф покоится в императорской усыпальнице, но со времени его смерти как будто уже протекло столетие. Мир изменился. Поток людей проходит день за днем мимо маленькой церкви, но едва ли кто вспоминает того, кто лежит там, всеми забытый, хотя он символизировал собою Австрию в течение многих десятилетий. Ведь он был единственным лицом, объединяющим все более и более разваливающееся государство. Он отдыхает там от всех своих огорчений и забот, он видел, как умирали его жена, сын и друзья, но судьба по крайней мере уберегла его от зрелища умирания его империи.

Итак, Франц-Фердинанд имел характер строго отточенный, с большими угловатостями и странностями; беспристрастный наблюдатель не станет отрицать, что у него было много дурных сторон, но он был человеком недюжинным.

Как бы ни были потрясающи обстоятельства, при которых он погиб, быть может, они для него все же явились счастьем. Трудно представить себе, чтобы, вступив на престол, эрцгерцог мог бы провести в жизнь свои идеи и примирить всех с собою. Здание монархии, которое он хотел подпереть и укрепить, было до такой степени шатким, что уже не могло вынести солидную перестройку.

Если бы война не разрушила его извне, революция, вероятно, расшатала бы его изнутри – больной едва ли был в состоянии вынести операцию. С другой стороны, ввиду страстности и импульсивности характера эрцгерцога не подлежит сомнению, что он сделал бы попытки изменить самые основы монархии. Но нам кажется – хотя доказать верность этого убеждения теперь уже невозможно, – что таковой опыт не удался бы и что он сам погиб бы под развалинами монархии.

Конечно, теперь уже бесцельно строить гипотезы относительно позиции, на которую эрцгерцог стал бы, если бы он пережил войну и свержение монархии. Мне кажется, что в двух отношениях он отклонился бы от того курса, который был взят после него. Во-первых, он бы ни за что не согласился на то, чтобы наша армия попала под полную опеку Германии. Такое подчиненное положение решительно противоречило бы его ярко выраженным самодержавным убеждениям, и он был слишком развит политически, чтобы не понять, что оно лишает нас всякой свободы действия. Во-вторых, в противоположность императору Карлу он не смирился бы перед революцией. Он собрал бы вокруг себя своих верных слуг и пал бы вместе с ними с оружием в руках; он пал бы так же, как пал крупнейший и опаснейший из его врагов – Стефан Тисса.

Но ведь он и умер на поле чести первым – как герой, на своем посту. Золотые лучи мученичества окружили его смерть. Многие из малых и самых малых мира сего вздохнули свободно, когда узнали о его смерти. При дворе в Вене и в общественных кругах Будапешта было больше довольных, чем огорченных; многие из сановников были затронуты в своем эгоизме; они верно предчувствовали, что при нем основательная чистка среди них неминуема. Они только не предчувствовали, что он своей силой увлечет их в своем падении и что разразившаяся мировая катастрофа поглотит всех.

2

В монархических кругах того времени царило совершенно ложное убеждение, что у эрцгерцога подробно разработана программа будущей деятельности. На самом деле это было не так. Эрцгерцог

придерживался определенных и очень ярко выраженных принципов, на основании которых он рассчитывал произвести реформу монархии, но это были лишь общие директивы; я бы сказал, это была программа, подробности которой оставались нетронутыми.

Эрцгерцог находился в общении со специалистами всевозможных ведомств, он развивал свою программу будущего как близко к нему стоящим политическим деятелям, так и выдающимся военным специалистам, но до действительно разработанной программы дело не дошло. Основным мотивом его программы было, как мы указывали выше, видоизменение монархии в федеративное государство. Он не успел определить для себя, на сколько областей должна разделиться Габсбургская монархия, но принцип перестройки монархии, как он его понимал, зиждился на национальном базисе. Исходя из мысли, что предпосылкой ее расцвета является ослабление мадьярского влияния, эрцгерцог стремился даровать как можно больше преимуществ народностям, населяющим Венгрию, и в первую очередь румынам. Но моя командировка в Румынию и мои отчеты подействовали на эрцгерцога в том смысле, чтобы уступить Румынии Семиградию лишь в случае, если эта вновь испеченная Великая Румыния вольется в Габсбургскую империю.

В Австрии он мыслил германское, чешское, югославянское и польское государства, которые должны были стать в некоторых отношениях автономными, а в других зависящими от центра в Вене. Но, как я уже говорил, насколько мне известно, его программа не была ни вполне установлена, ни ясно выяснена; и различные изменения ее, к которым он сам лично приходил, были весьма значительны.

У эрцгерцога была сильная антипатия к немцам – и в особенности к немецким уроженцам Северной Чехии, являвшимся приверженцами пангерманской идеи; деятельности депутата Шонерера он, например, никогда не простил. Безусловными любимцами его были немцы альпийских провинций Австрии. Все миросозерцание Франца-Фердинанда ближе всего подходило к христианским социалистам. Люгер был его политическим идеалом. Люгер был уж серьезно болен, когда эрцгерцог сказал мне: «Сохранил бы нам бог этого человека, лучший председатель министров немыслим». Очень ярко выражено было его желание строжайшей централизации армии. Он был сильнейшим противником мадьярских стремлений к независимой

венгерской армии, и вопросы об официальных воинских эмблемах, языке команд и другие аналогичные не могли быть разрешены при его жизни, потому что он решительно противодействовал всякому выдвижению венгров.

К флоту эрцгерцог питал особо нежные чувства. Его частое пребывание в Брюнне сблизило его с нашим морским делом, и он был преисполнен желания поднять флот и сделать его подлинно великодержавным.

В отношении внешней политики эрцгерцог всегда придерживался идеи союза трех империй. Очевидно, он видел в трех монархах – Петербурга, Берлина и Вены, тогда столь могущественных, лучшую опору против революции, твердыню, которую могли бы воздвигнуть их объединенные усилия. Он считал, что соперничество Вены и Петербурга на Балканах является большой опасностью для дружеских отношений между Россией и нами – и именно потому в противоположность распространяемым о нем слухам он был скорее покровителем, а вовсе не противником сербов.

Он стоял за сербов уже потому, что считал, что мелочная мадьярская аграрная политика представляет собою главную причину вечных неудовольствий сербов. Во-вторых, он стоял за то, чтобы пойти навстречу сербам, потому что ощущал сербский вопрос как помеху в отношениях Вены и Петербурга, а в-третьих – потому, что и по личным причинам, и по существу дела он не был другом царя Фердинанда Болгарского, а политика последнего была направлена против сербов. Мне кажется, что если бы те, кто подослал убийц эрцгерцога, знали бы, до чего он был далек от тех взглядов, из-за которых его убили, они бы отказались от этого убийства.

У Франца-Фердинанда было очень сильно стремление сохранить независимость двуединой империи и ограничить в этом смысле все ее союзы. Он был противником еще более тесного сближения с Германией, он не хотел сближаться с ней за счет России, и идея, выраженная впоследствии в понятии «Центральных держав», была всегда чужда его желаниям и стремлениям.

Его проекты были не разработаны, не закончены и полны пробелов, но в них имелось здоровое начало. Конечно, этого совершенно недостаточно, чтобы утверждать, что их проведение

удалось бы. Увы, при известных обстоятельствах одна энергия без необходимой выдержки может принести больше вреда, чем пользы.

Максимилиан Ронге. Сараевское убийство и австрийская разведка[101]

21 апреля 1913 года разведывательное бюро переехало из старого серого дома во дворе в только что выстроенное здание военного министерства в Штубенринге. С важнейшими документами в руках мы, офицеры, переехали в тщательно оборудованный новый дом, снабженный фотографическим ателье и приемной комнатой, устроенной с соблюдением всех правил предосторожности. Бюро было совершенно изолировано и имело один официальный и один неофициальный выход.

Новое помещение дало наконец возможность предоставить приличные условия для работы нашему сильно увеличивавшемуся количественно личному составу. Чрезвычайно выросли не только моя агентурная группа, но и секторы, занимавшиеся изучением иностранных армий. Руководство предъявляло теперь совершенно иные требования в отношении получения материалов военного и военно-политического характера, касавшихся наших вероятных друзей и противников. Кроме того, занялись распространением полученных сведений и в своей армии. В 1914 году я использовал совещание офицеров разведывательной службы для обсуждения мероприятий на случай войны и извлек из этого ценные указания для будущего. В следующем году должно было состояться подобное же обсуждение мероприятий в отношении России.

В первое время дешифровка трудных шифров не удавалась, и это послужило стимулом для улучшения методов работы. Мы выпустили пособие и добились, что дешифровка сербских телеграмм больше не представляла для нас затруднений. После этого мы занялись раскрытием русского шифра, но работа эта оказалась трудной и оставалась малоуспешной до начала войны.

Благодаря ежегодным совещаниям и моим частым поездкам (в 1913 году я провел 73 дня в командировках) я добился сотрудничества моей группы с местными разведывательными органами и с германской разведывательной службой. Я очень часто встречался с майором Николаи или с его представителем, причем мы устраивались таким

образом, что выбирали для наших встреч всегда какой-нибудь другой город.

Сфера влияния моей контрразведывательной группы распространялась на всю монархию и даже на «нейтральные» иностранные государства. Уже в 1912 году половина наших дел относилась к контрразведке. Это несоответствие между разведкой и контрразведкой заставило меня поставить вопрос о концентрации контрразведки в венском полицейском управлении.

18 мая 1914 года мои усилия привели наконец к созыву совещания, на котором были представлены министры внутренних дел обеих частей монархии, имперское военное министерство, местные правительства Хорватии, Славонии и Боснии-Герцеговины, венское полицейское управление и все центральные органы военной разведки. С 1 июня 1914 года почти во всех главных провинциальных городах Австрии были созданы контрразведывательные пункты для борьбы с иностранным шпионажем. Однако добиться централизации контрразведывательной службы в венском полицейском управлении на этом совещании не удалось.

Но все же и достигнутый результат означал значительное облегчение работы разведывательной группы. Необходимость планомерного материального снабжения армии в военное время заставила разведывательную службу заняться экономической разведкой. Здесь ценные услуги нам оказал руководитель торгового музея Карминский. Слабым местом разведывательной службы продолжала оставаться Россия.

Новый закон о шпионаже, разрешавший газетам печатать лишь совершенно маловажные сведения, положил конец умелому использованию этого источника, дававшего многие отправные данные. Я помню сообщение одного генерального консула Министерству иностранных дел об уходе из некоего города артиллерийской бригады. Это сообщение казалось столь неправдоподобным, что нужно было его проверить. Однако мы не смели спросить об этом генерального консула, так как его нельзя было «впутывать в шпионские дела», хотя в данном случае речь могла идти о простой прогулке в районе казарм. Нам пришлось пустить в ход наш аппарат, и через несколько недель мы с большим трудом узнали, что злополучная русская артиллерийская бригада не двинулась с места.

Ощутившийся у нас недостаток в офицерах, говоривших по-русски, с начала 1913 года был несколько смягчен возобновлением изучения языка в России двумя офицерами Генштаба.

Трудности разведки в России побудили меня организовать с 1 марта 1914 года секретную школу для особенно одаренных и предназначенных для крупных задач людей. Мелкие разведчики должны были сами приучаться к работе. Я имел в виду также организацию курсов для офицеров, предназначавшихся для разведывательных поездок, но это не было проведено в жизнь. Точно так же не хватало времени и для практической и теоретической подготовки офицеров при разведывательных центрах, предназначавшихся для разведывательной службы в штабах корпусов во время войны. В этих разведывательных центрах едва хватало опытных руководителей для занятия руководящих должностей в армии и в тылу.

Все эти приготовления ни в коем случае не означали близкой войны, а лишь желание постепенно подготовить разведывательный аппарат для войны, еще находившейся в далекой перспективе. В попытках создать кадры недостатка не было. Незадолго до начала войны я употребил все усилия для сохранения важной информационной (обрабатывающей) группы, которую предполагалось принести в жертву экономии.

Кажущийся излишек личного состава разведывательной службы объяснялся тем, что у нас войсковая разведка и информационная (обрабатывающая) служба были, по крайней мере номинально, объединены в одном бюро, тогда как в других государствах имелось для этого два разных учреждения. Незадолго до своей отставки полковник Урбанский внес на основе своего пятилетнего опыта предложение произвести это разделение. Но этот вопрос остался неразрешенным до вступления в должность нового начальника бюро, полковника фон Граниловича. Он был отозван с должности военного атташе в Бухаресте, участвовал после этого в большой полевой поездке Генштаба и в должность начальника разведывательного бюро вступил лишь во второй половине июня 1914 года. Ближайшие же дни принесли ему совсем другие заботы, не имевшие ничего общего с организационными изменениями разведывательного бюро.

Разведывательная служба не могла не видеть происходившей повсюду подготовки к войне. Италия, имевшая в 1903 году между Штильфзер Иох и Адриатикой лишь 55 укреплений, в том числе одно бронированное, в 1913 году имела уже 158 укреплений, в том числе 66 бронированных, и 145 оснований для установки орудий; рост этого строительства наблюдался как раз за последние два года. Начиная с 1909 года, сильно возросло стратегическое железнодорожное строительство. Отставка министерства Джиолитти, являвшегося сторонником Тройственного союза, привела к управлению армией генерал-лейтенанта Полли. Он настойчиво требовал увеличения ассигнований на армию и увеличения ее численности мирного времени.

Румыния, являвшаяся вторым вероятным союзником, в 1914 году сочла нужным разработать план наступления против Австро-Венгрии.

Россия лихорадочно вооружалась. В марте 1914 года «Кёльнише Цейтунг» обратила внимание на русскую пробную мобилизацию. Наш поверенный в делах в Петербурге был возмущен этим известием, которое тотчас же было опровергнуто русским телеграфным агентством. Он находил наивной мысль, что Россия выберет именно этот момент для нападения на Центральные державы. В конце марта он услышал также и от турецкого поверенного в делах, что Россия хочет непременно сохранить мирные отношения со всеми своими соседями в течение двух-трех лет, пока ее военная мощь не позволит ей говорить более энергичным языком. Царь должен был через несколько недель уехать в Крым, министр иностранных дел Сазонов должен был отправиться для прохождения курса лечения в Сальзо, так что вообще не могло быть и речи о войне. Однако в конце апреля весь русский Балтийский флот получил приказ быть готовым к выходу в море. Это находилось в связи с пробной мобилизацией 800 000 человек 10 мая. Наш военный атташе в Стокгольме полагал, что Россия достигнет необходимой боеспособности лишь через несколько лет.

Сербия, так же как и другие страны, работала над усилением своей армии. Резюмируя свой опыт в сербской Главной квартире во время Балканской войны, майор Геллинек предостерегающе заметил, что каждый сербский патриот рассчитывает в скором времени захватить наши югославские провинции. Счастливо окончившаяся война и особенно хорошо проведенная операция против болгар вызвали у всех

чувство непобедимости. Действительно, десять месяцев боевой службы превратили сербскую армию в прекрасную боевую силу.

Предостерегающе звучало также сообщение главного разведывательного пункта в Темешваре от 6 мая 1914 года о высказываниях одного румынского дипломата. Согласно этому сообщению, сербы, очевидно, с согласия России имели твердое намерение в случае смерти престарелого кайзера Франца-Иосифа вторгнуться в Боснию и Герцеговину для того, чтобы, с одной стороны, продемонстрировать свое непризнание аннексии, но главным образом – с целью втянуть монархию в войну и тем самым вызвать вмешательство России, предвкушая последующие расчеты между Тройственным союзом и Антантой. «Поэтому Сербия должна дать толчок такой войне, которая охватила бы всю Европу».

Пока, однако, на политическом горизонте не было ни малейших признаков повода для развязывания войны. Первые месяцы напряженных отношений между Грецией и Турцией миновали. Греция после долгих споров очистила Южную Албанию. С этим вновь образованным княжеством мы, во всяком случае, получили дитя, причинявшее нам много забот. Нам приходилось многократно посылать туда офицеров, чтобы быть в курсе запутанных отношений этого княжества. В начале мая 1914 года в Албании вспыхнуло восстание, которое 19 мая дало по крайней мере возможность албанскому князю избавиться от злого гения страны – Эссад-паши, отправленного с согласия контрольной комиссии в Бриндизи. Открывалась перспектива мирного будущего – по крайней мере до отмеченного многими критического 1916 года. Можно было надеяться, что за это время хорошо организованная гражданская контрразведка сумеет подавить внутри монархии антигосударственное движение, которое заметно усилилось за период Балканской войны.

Большой процесс в Баня-Луке по обвинению в государственной измене пролил яркий свет на настроения известных кругов в Боснии. В 37-м запасном батальоне Далматинского пехотного ландверного полка напали на след одной организации, состоявшей из резервистов, члены которой не хотели бороться против своих черногорских братьев.

В Галиции, кроме русофильского движения, выявилось еще новое движение – за автономную Польшу.

Все это говорило за то, что не следует подвергать монархию испытаниям войны, пока не подавлено антигосударственное движение, так правильно оцененное военными, как показал опыт. Мы не чувствовали бы себя в такой безопасности, если бы уже тогда знали содержание письма Пашича русскому правительству от января 1914 года по поводу заказов на вооружения. В этом письме говорилось, что: «Сербия к концу весны должна быть во всеоружии, а поэтому должны быть доставлены необходимые орудия и винтовки». В Белграде, очевидно, с нетерпением ждали случая создать повод к войне.

По примеру мероприятий во время больших маневров последних лет я и на сей раз дал распоряжение контрразведке предпринять надлежащие меры предосторожности, так как на маневрах, намечавшихся на конец июня 1914 года в Боснии, должен был присутствовать генеральный инспектор вооруженных сил кронпринц Франц-Фердинанд. Эрцгерцог неоднократно интересовался этой службой. В результате предпринятых мер с территории маневров всегда удалялось много подозрительных лиц; на мне лежала обязанность позаботиться о создании запретной зоны в непосредственной близости от престолонаследника. В этой работе мне помогали приглашенные мною лучшие сыщики из Вены и местные органы полиции.

Никогда мне эти мероприятия не казались столь важными, как на предстоявших маневрах, которые должны были происходить в политически неблагополучной области. Однако, к моему неприятному удивлению, эрцгерцог отклонил мои предложения. Что или кто склонил его к этому – осталось для меня загадкой.

Мое внимание во второй половине июня было отвлечено вновь вспыхнувшим обострением отношений между Турцией и Грецией. Подполковник Лакса сообщал из Софии, что Сербия сосредоточила на греческой и албанской границах 18 полков и что в двух дивизиях призвано несколько контингентов резервистов. Кто мог знать, что там снова затевалось?

28 июня вечером я узнал об убийстве четы наследника престола. Конечно, я, не могу утверждать, удалось бы моей контрразведке предупредить этот несчастный случай или нет, но, во всяком случае, наличие группы испытанных и знавших свое дело людей увеличивало шансы на раскрытие признаков готовившегося покушения. Что убийство имело политическую почву и что нити его тянулись в

Сербию, было совершенно ясно для меня. Самый факт того, как известие об убийстве было воспринято в Сербии и Черногории, показывает, что если даже злодеяние не исходило оттуда, то оно было там, во всяком случае, воспринято весьма радостно. В Сербии и Черногории начали развиваться такие настроения, что, невзирая на весьма частую информацию, получавшуюся от консульского корпуса Министерством иностранных дел, последнее 7 июля потребовало от консулов максимального усиления бдительности.

На следующий день мы приказали соответствующим разведывательным пунктам перейти к первой стадии усиленной разведывательной службы. Я, естественно, хотел отказаться от летнего отпуска, но до 10 июля в Вене положение совершенно не оценивалось как критическое.

Начальник Генерального штаба и военный министр отбыли в отпуск. Вслед за ними уехал и я в Лофер. Новый начальник разведывательного бюро, меньше всего думая о войне, занялся мероприятиями по сокращению разведывательного аппарата. Майор Геллинек сообщил 17 июля из Белграда, что там не верят в серьезность положения. Эта информация на другой день была подтверждена одним надежным агентом, доносившим, что соответствующие инстанции имеют положительные заверения России о том, что она твердо будет стоять на стороне Сербии и что этот факт должен удержать Австро-Венгрию от принятия серьезных политических шагов.

На самом же деле это свидетельствовало лишь о том, что у них была не совсем чиста совесть и что ими ничего не предпринималось для понижения воинственных настроений в народе. Находившаяся уже и до того под вопросом верность Италии Тройственному союзу в этот день получила тяжелый удар. Генерал-лейтенант Поллио умер от удара. Во главе Генерального штаба стал генерал-лейтенант Кадорна, человек, не разделявший по вопросу о Тройственном союзе точки зрения своего предшественника. Второй сомнительный союзник – Румыния – вдруг стал тайно приобретать карты Семиградья, а аудиенция майора Ранда у румынского короля совершенно неожиданно показала заметное сочувствие Румынии к Сербии. Нам пришлось начать разведку и против этого «друга».

19 июля Совет министров решил послать 23 июля Белграду ограниченную сроком ноту. Конечно, это был шаг, в серьезности

которого сомнений уже не могло быть. Одновременно с этим разведка вступила во вторую стадию усиленной разведывательной деятельности против Сербии и Черногории, а также и против России.

Фактически уже 20 июля поступили сведения о призыве резервистов в русском пограничном корпусе и о сосредоточении кавалерийских корпусов. Так как, по всем признакам, настал уже последний срок для переправки через границу взрывчатых веществ для взрыва русских мостов, то 21 июля галицийские разведывательные пункты получили соответствующие распоряжения.

25-го я вернулся в Вену, чтобы быть на месте к моменту получения ответной ноты Сербии. По прибытии я нашел сообщение капитана Губка из Цетинье, что Черногория в случае некоторых уступок готова сохранить нейтралитет и что Албания готова принять участие в войне против Сербии.

В 6 часов вечера 25-го был получен неудовлетворительный ответ от Сербии, в тот же вечер было получено еще телефонное сообщение из Землина, что в 4 часа пополудни в Сербии официально объявлена мобилизация. Все это, вместе взятое, заставило меня немедленно принять те меры, которыми служба разведки надеялась оказать помощь войскам. К этим мерам относились: организация восстания македонцев в Ново-Сербии, агитация против войны среди рекрутов в области, диверсионные акты и т. п. Ввиду ожидавшегося вскоре закрытия границы с Сербией и Черногорией надлежало наладить против этих государств разведывательную службу через нейтральные страны.

Проведение этих мероприятий из Софии было сравнительно легким делом, так как Болгария сама очень интересовалась развертывавшимися событиями. Хорошую службу сослужили нам в этом отношении македонские четники (партизаны), на которых одновременно была возложена задача организации разрушений на линиях железных дорог, ведущих от Салоник в Сербию. Против этой важной для сербов коммуникации, по которой доставлялось из Франции вооружение, были также направлены албанские и турецкие отряды из Албании.

Из попытки включить в действие македонский комитет в Болгарии для угрозы с тыла сербским войскам у Дрины ничего не вышло, ибо он располагал не более чем 300 вооруженными людьми. Мелкие отряды и эмиссары разведывательных пунктов в Темешваре и Будапеште

причиняли противнику много вреда, но об этом мы получали сведения очень поздно. Многочисленные мосты в ущелье Вардара неоднократно подрывались или совершенно уничтожались. В первых числах августа был взорван железнодорожный мост в сердце Сербии через Мораву под Чуприа, во второй половине августа взлетел на воздух железнодорожный мост через ущелье Тимок.

В сентябре диверсионная деятельность приняла такие размеры, что сербское правительство в своем органе «Самоправа» от 25 числа дало выход своей злости в статье, озаглавленной «Граф Тарновский и македонские банды». В статье говорилось, что австро-венгерское посольство в Софии вооружает банды и снабжает их деньгами, а «помощник» полковник Лакса их организует и ими руководит. Большие затруднения, испытывавшиеся сербами в конце октября в отношении артиллерийской амуниции, поступавшей через Салоники, были частично результатом вышеперечисленных железнодорожных разрушений. Одно такое железнодорожное разрушение в ноябре, к сожалению, оказалось запоздавшим, так как следовавший из Франции крупный транспорт с артиллерийскими снарядами успел попасть в сербский арсенал в Крагуеваце.

К сожалению, сообщение о взрыве моста с ошибочным толкованием, что доставка военных грузов из Салоник по этой причине расстраивается на длительный срок, укрепило у командующего мнение, что сербы таким образом могут быть доведены до истощения своих сил.

Наши намерения нанести сербам удар в спину при помощи сильного отряда албанцев потерпели полное фиаско. Поручик Спетс, отправившись с транспортом оружия в Кастельнуово, должен был инсценировать этот авантюрный поход. Здесь он, однако, получил извещение, что албанское побережье находится в руках повстанцев. Министерство иностранных дел придавало большое значение и особенно настаивало па поднятии восстания в Ново-Сербии, но не в Черногории, как это предполагалось одно время. Наконец 21 августа поручик Спетс прибыл со своим транспортом оружия в Сан-Джиованни ди Медуа. Итальянцы, однако, об этом деле узнали и потребовали немедленного прекращения посылки подобных транспортов. Опасаясь дальнейших осложнений, Министерство иностранных дел удовлетворило требование итальянцев. Ввиду анархии, возраставшей в

Албании, все усилия поручика начать намеченные действия с каждым днем становились все безнадежнее и привели его к тому, что он в начале октября написал просьбу о своем отозвании.

Другие сербские коммуникации на Дунае, которые могли быть использованы для перевозки военных материалов из России, находились под бдительным наблюдением наших консулов в придунайских городах. Особенное внимание обращалось на недопущение перевозки войск. Для этой цели к консулу в Виддине был прикомандирован офицер разведки капитан Леонард Генниг, имевший, кроме того, поручение организовать агентурную разведку против Ново-Сербии. Он распорядился разрушить кратчайшую телеграфную связь с Петербургом, т. е. телеграфную линию Ниш – Кладово, на которую покушались также разведывательные пункты в Германштадте и в Софии.

Капитан Генниг посылал в ближайшие сербские пункты банды для разрушения пристаней, депо и пароходов, организовал столкновение с одним русским пароходом и добился 14-дневного перерыва в работе русского транспорта. Им и начальниками других разведывательных пунктов были предприняты еще различные попытки к нарушению пароходного сообщения. Но благодаря контрмерам со стороны сербов и по причине отношения румын, благожелательного для сербов, они редко удавались; и даже премия в 25 000 франков за каждый потопленный пароход не давала результатов.

У. Готлиб. Австро-Венгрия, Сараево и война с Сербией[102]

Двуединая монархия и югославы

Динамичность капиталистической экспансии усилила агрессивность австро-венгерского феодального милитаризма. Но измученному народу внутри страны и общественности за границей под видом правды преподносили нечто совсем иное. Фабриканты и коммерсанты в области создания общественного мнения в Вене и Будапеште – пресса, проповедники, политические деятели и профессора изображали войну 1914 года как оборонительную, причем не только против внешних, но и против внутренних врагов.

Это толкование было извращением, возникшим в результате дурного обращения Габсбургов с угнетенными народами. Тисса открыто признал в 1910 году, что по крайней мере некоторые из них находились в полуколониальной зависимости:

> *«Наши соотечественники – немадьяры должны… примириться с тем, что они входят в состав национального государства, которое не является конгломератом различных рас, а завоевано одной нацией»*[103].

Олигархи Венгрии меняли свою поддержку короны в армии и на дипломатическом поприще на неограниченную власть во внутренних делах страны. Мадьяризация и дискриминация больно задели миллионы словаков, украинцев, сербов, хорватов, румын и немцев. Хозяева Австрии охраняли себя избирательным законом 1907 года, который предоставлял немцам, составлявшим 35,8 % населения страны, 45,1 % мест в парламенте, в то время как, например, представительство украинцев в парламенте составляло 6,3 %, хотя, даже по подтасованным статистическим данным, они составляли 13,2 % населения. В некоторых частях Венгрии, пишет Мэй,

> *«словаки… жили в пещерах, в ужасной нищете. Жизненный уровень крестьян-русинов был еще более низким и убогим».*

В Боснии-Герцеговине фермеры-арендаторы – христиане были брошены на милость турецких помещиков и крестьян-собственников, а огромная часть боснийских батраков, по словам Мэя, оставались в цепях. Править, таким образом, стало возможно, лишь разделив жертвы и разжигая вражду между ними.

В результате была парализована деятельность местных сеймов, создалась финансовая неразбериха, возникли беспорядки в сельских местностях, имели место битвы студентов в Галиции. Это также привело к ирредентистскому движению в Тироле и Трансильвании, брожению поляков, борьбе чехов и немцев, кровопролитию в Словакии, столкновениям между словенцами и итальянцами, итальянцами и немцами, немцами и словенцами. Назревало восстание в Хорватии; в 1910 г. произошел крестьянский бунт в Боснии-Герцеговине. На знаменах организации «Сокол» и близких к ней организаций была надпись о свободе. Во все возраставшей сплоченности южных славян был заложен динамит.

Распад двуединой монархии оказался тем более неизбежным, что раскольнические элементы внутри страны имели друзей за границей. Забывая о календаре и времени (как это случается с системами, приговоренными историей к смерти), Австро-Венгрия сосредоточила внимание своей дипломатии на Балканах, с тем чтобы сохранить Турцию в качестве оплота против России, Югославии и Италии.

Из Балканских войн 1912–1913 годов, которые разрушили эту традицию, Сербия вышла с гораздо большей территорией, более сильная и уверенная в себе. Накануне этой войны один югослав, по словам Уикгема Стида, писал, что, если она «будет победоносной, [Двуединая] монархия перестанет быть великой державой»[104]. Тотчас же после победы премьер-министр Сербии Пашич заявил: «Первый тур выигран, теперь мы должны подготовиться ко второму – против Австрии».

Продвижение Сербии в Албанию, попытка слияния с Черногорией и союз с Грецией и Румынией были неприятны для австрийского Министерства иностранных дел. Более того, «на Сербию оказывала влияние Россия». Панславянская агитация последней и далеко идущие царские планы завоеваний за австрийский счет, сделали Сербию главным противником Австро-Венгрии.

Напряженность возрастала в связи с тем, что Сербское королевство быстро превращалось в «Пьемонт югославов».

Воодушевленные национальным освобождением, сербы всех классов протянули руку своим братьям, находившимся по соседству в оковах. Несомненно, что в соответствии с исторической задачей их усилия были направлены на создание общего государства. В составе их организаций были террористические группы, не считавшиеся ни с какими границами.

Но даже если бы господствующие группы и партии не положили в основу своей политики создание «великой Сербии», молодое королевство не могло не стать магнитом и маяком для семи миллионов хорват, словенцев и сербов, живших под гнетом Габсбургов. Перераспределение сил на Балканах вопреки противодействию Вены, а особенно возвышение Сербии уничтожили последние следы престижа империи среди сопротивляющихся подданных.

Тем временем страх и негодование толкнули австро-венгерских правителей на неверный путь: они стали еще хуже относиться к славянским провинциям. Медленно развивавшийся здесь средний класс с его предприятиями и банками обнаружил, что «политическое угнетение… сопровождается экономическим удушением»[105].

Австрийским славянам заманчиво было сравнить свой удел с успехами своих родственников, которые стали свободными. Было естественно, что боснийский фермер-арендатор, вынужденный отдавать одну десятую своего урожая правительству, а из оставшегося – одну треть помещику, размышлял о том, что в Сербии земля принадлежит крестьянам.

Летом 1913 года после пребывания в Хорватии один высокопоставленный чиновник из австрийского Министерства иностранных дел сообщил, что среди местной интеллигенции настолько популярна «идея о югославах под сербским руководством», что она «пугала австро-венгерского патриота»[106].

Не желая видеть, что надвигающееся восстание – продукт их собственного режима, эти «патриоты» настаивали на контрмерах. Урок с Пьемонтом, потеря Ломбардии и Венеции прошли даром для горстки правителей, склонных поддерживать расовое и социальное превосходство, из которого они извлекали выгоду и привилегии. «Триализм», то есть создание триединой империи из Австрии, Венгрии

и Югославии, был отклонен мадьярами, не хотевшими принимать нового партнера, который мог ослабить их влияние в Двуедином государстве. Они настолько же не хотели дать возможность хорватам блокировать дорогу к Адриатическому морю, насколько австрийцы не хотели предоставить свободу словенцам и далматинцам. Обе нации господ не хотели создавать прецедента для чехов и других.

Помимо всего, олигархи из Вены и Будапешта не собирались освобождать «своих» крестьян, предоставлять свободу действий конкурирующей буржуазии, ослаблять свою власть над землями, где расположены их огромные поместья[107] и где имеются гигантские экономические ресурсы и стратегические возможности. Утверждали, что уступки могли бы кончиться только полным беспорядком, ибо ничего не предпринималось против «коварной агитации», идущей из Белграда.

Общее мнение нашло выражение в более позднем высказывании Маккио о том, что

> *«подрывная деятельность сербского ирредентистского движения, почти явная помощь которому со стороны официальной Сербии нам была известна, достигла в 1914 г. такого масштаба, что долгом всякого правительства было бы вмешаться… если оно не хотело подвергать риску целостность империи»*[108].

Гойос, начальник канцелярии Берхтольда, писал, что исход Балканских войн создал «невыносимые условия на нашей юго-восточной границе». Посланник Австро-Венгрии в Белграде Гизль настаивал на «известной аксиоме, что политика Сербии основывается на отделении югославских территорий и впоследствии на уничтожении [Двуединой] монархии как великой державы». По утверждению Конрада, Сербское королевство было «смертельным врагом Австро-Венгрии, никогда не дающим покоя»; и, внушал он Францу-Иосифу, «к нему нужно относиться только как к таковому».

Баальплац и особенно его отдел печати (который почему-то называли «литературным бюро») сеяли чувство ненависти, подготавливая население к тому, что Гойос называл «хирургическим вмешательством в причину болезни». Уклонение от реформ привело к тому, что все неурядицы приписывались внешним причинам. Это

превратило внутреннюю, в основном, проблему во внешнеполитический кризис. Неправильная внутренняя политика содействовала агрессивной войне.

Однако вышеизложенное было не единственной причиной конфликта. Война с Сербией назревала уже с 1903 года, когда новая династия положила конец вассальной зависимости Белграда от Габсбургов. В 1904 году австрийцы сорвали планы Сербии, направленные на достижение таможенного союза с Болгарией. В 1906 году они нанесли удар по основным видам экспорта соседа: по торговле зерном, черносливом и свиньями, которая находилась в зависимости от рынков сбыта и железных дорог на севере[109].

«Свиная политика» частично диктовалась возражениями аграриев из Двуединой монархии против конкуренции более дешевых сербских продуктов, частично – желанием заставить Сербию покупать вооружение у Шкоды, а не у Крезо, а главным образом – намерением вынудить ее путем нажима по линии торговли вернуться в лоно Габсбургов. Аннексия Боснии-Герцеговины в 1908 году была еще одним ударом со стороны того же противника. Договор 1911 года дал Австрии возможность вновь наводнить королевство своими изделиями и любой ценой сохранить запрет на нежеланных свиней.

Чтобы спастись от этого экономического удушения, которое имело целью нанести Белграду политический ущерб, Пашич стремился к выходу в Адриатику. После первой Балканской войны он добивался согласия Берхтольда на установление суверенитета Сербии над одним албанским портом с соединяющим железнодорожным коридором – в обмен на военные гарантии и преимущества в торговле. Но, хотя его соотечественники уже очистили некоторые районы Албании от турок, ему приходилось наблюдать, как Берхтольд (и Сан-Джулиано) создавали «независимое» государство принца Вида. После блестящей победы Сербии во второй Балканской войне Германия и Италия едва помешали Габсбургской империи броситься на смертельного врага. Однако начальник австрийского Генерального штаба продолжал настаивать на захвате Сербии и Черногории. «Решающей проблемой для монархии, – писал Конрад, – являются Балканы, и прежде всего решение югославского (или, точнее, сербского) вопроса». И Берхтольд больше не сомневался, что свести счеты с Сербией необходимо.

Сараево и война с Сербией

При этих обстоятельствах сараевские события были находкой или, скорее, подарком Марса. Они «…создали для нас морально удачную позицию», внушал Берхтольду посланник в Белграде Гизль в телеграмме от 21 июля 1914 года. Это был блестящий момент для начала войны, как сказал он Конраду в личной беседе 8 июля. Народы Австро-Венгрии остались безучастными к убийству нелюбимого наследника престола и его морганатической супруги. Никто в Вене, особенно среди влиятельных лиц, не пролил и слезы по ним.

Это можно было бысравнить с опереттой, превратившейся в мелодраму, если бы стоявшие у власти не были склонны к трагедии. Визнер, всокопоставленный следователь из Баальплаца телеграфировал с места происшествия, что «нет доказательств соучастия сербского правительства в… покушении или его подготовке…»[110]. В Вене никто не мог прямо обвинить соседа. Гойос впоследствии признал, что он «никогда не верил, что убийство… было подготовлено белградскими властями или даже что они хотели его».

Но было удобно проводить различие между юридической и политической ответственностью. Печать шумно требовала мести и расправы. Сербов обвиняли в том, что, помимо официального кабинета, у них существовало военное закулисное правительство. Утверждали, что якобы оба центра власти покровительствовали организации «Народна Обрана», которая была замешана в убийстве, и говорили, что к этому преступлению причастны сербские офицеры, находящиеся на действительной службе, которые проводили губительную пропаганду в Боснии.

Для Берхтольда это преступление было кульминационным моментом в процессе распада, происходившем в подчиненных провинциях. Конрад заявлял, что пистолетный выстрел был направлен не против отдельного лица, а в сердце Дунайской империи. Как он настаивал позднее, это было равносильно «объявлению Сербией войны Австро-Венгрии. Единственным возможным ответом была война».

На самом деле сформулировали это словами: карательная экспедиция. Она якобы должна была заставить замолчать «нарушителей порядка» за границей и отрезвить горячие головы внутри

страны. На весь мир делались заверения, что не имеются в виду никакие завоевания. И в самом деле, ни у австрийских, ни у мадьярских правителей, по словам Чернина, «не было аппетита на пополнение монархии сербами». Но, по словам того же Чернина, нельзя было рассматривать этот вопрос *«исключительно с точки зрения потребления… никто не разрешает удалять у себя аппендикс из гастрономических соображений»*[111].

По мысли Тиссы,

> *«Сербию нужно будет уменьшить, уступив Болгарии, Греции и Албании те территории, которые она завоевала, а самое большее, что мы должны потребовать себе, – это некоторые стратегически важные исправления границы. Разумеется, нам следует потребовать возмещения военных расходов, что дало бы нам возможность надолго и крепко держать Сербию в своих руках»*[112].

Премьер-министр Австрии Штюргк добавил, что, если даже территория не будет взята, «Сербию можно будет поставить в зависимое положение, свергнув династию, заключив военную конвенцию и другими надлежащими мерами». Берхтольд предвидел, «что в конце войны… будет невозможно для нас не присоединить что-либо». Конрад требовал «Белград и Шабац с прилегающими районами».

В первые дни войны председатель «Боденкредит-аншталь та» в качестве представителя финансовых кругов посетил начальника штаба и «выразил свой взгляд в отношении того, что… следовало бы сделать с Сербией в экономическом отношении». Менее чем через две недели новый наследник престола и Конрад в вагоне-ресторане специального поезда, находившегося в распоряжении Верховного командования, обсуждали вопрос о Сербии. По словам Конрада:

> *«Я охарактеризовал ее как красивую и плодородную страну, которая под покровительством Австро-Венгрии может стать высокоразвитой и, следовательно, желанным приобретением».*

Габсбургский империализм на Балканах

Но дело было не просто в «приобретении» ограниченного пространства. Маленькое королевство являлось одним из подступов к Ближнему Востоку, куда устремился габсбургский империализм. Рост тяжелой промышленности Австрии, железнодорожных и банковских предприятий в конце шестидесятых и начале семидесятых годов был таким быстрым, а резкий спад, вызванный экономическим кризисом 1873 года, – столь катастрофическим, что деловые круги надеялись найти спасение в ускорении монополизации.

Картели искали (и в конце десятилетия нашли) выход из кризиса в развитии нетронутой балканской торговли. У Порты удалось получить концессии на строительство железных дорог в Европейской Турции. Большая артерия, соединяющая Вену и Будапешт с оттоманской столицей и портами Эгейского моря, строительство которой было закончено в 1888 году, должна была служить одновременно торговым и стратегическим интересам.

Крупные капиталовложения производились в самой Турции. В 1913–1914 годах Берхтольд прилагал большие усилия, чтобы получить от султана порт и сферу влияния в Южной Анатолии. Незадолго до Сараева венский банк «Боденкредит-аншталь», венгерский «Банк унд хандельсгезельшафт» совместно с германским банком «Дисконтогезельшафт» образовали банковскую ассоциацию для строительства железной дороги Гемлик – Бурса – Симав. Когда Конрад впоследствии писал, что Австро-Венгрия благодаря своему географическому положению «больше, чем любое другое государство, призвана иметь решающее слово на Востоке», он только повторял давнее обещание кронпринца Рудольфа, данное им своей жене в Константинополе: «Вы будете здесь императрицей!»

В конце XIX столетия говорили, что Двуединая монархия стремится получить часть китайского побережья. Две австрийские фирмы, несколько миссионеров, небольшой объем торговли и судоходства свидетельствовали о «заинтересованности» Австрии в Китае, и черно-желтый флаг уже развевался среди других флагов интернациональных войск, подавивших боксерское восстание.

Но для проведения заморской экспансии не было достаточно средств. Венгерские аграрии, почти безразличные к внеевропейским делам, возражали против роста военно-морских сил. Вместо этого обе части австро-венгерского правительства предпочитали опираться на сильные сухопутные армии, на преимущества близких и нетронутых ресурсов вокруг них, высказываясь за колониализм поближе к дому. При активной поддержке униатской церкви (римско-католической по учению, православной по обрядам) вынашивались планы образования марионеточной «Великой Украины» в составе Восточной Галиции, части Буковины и украинской части России, после того как с помощью Германии последняя будет расчленена.

Это сочеталось с пылкими «австро-польскими» мечтами. Уже 6 августа 1914 года министр финансов Билинский говорил Конраду о желании включить в Двуединую монархию конгрессовую Польшу[113]. 12 августа в Министерстве иностранных дел был поднят вопрос, как следует определить границы Польши и должна ли Украина быть распространена по направлению на восток. 16-го наследник престола спросил Конрада, какие русские области двуединая монархия могла бы иметь в виду для себя и что следовало бы сделать с Польшей. Конрад ответил, что «Польша – очень богатая страна, имеющая возможности для культурного развития».

Но ничто не могло идти в сравнение с переплетением интересов на Балканах. Железнодорожные соглашения, союз и торговый договор, подписанные с Белградом между 1880 и 1883 годами, создавали для Габсбургов господствующее положение в западной части полуострова. Ввиду того, что торговые соглашения 1875 и 1883 годов открывали австрийскому экспорту доступ в Румынию и создавали условия для борьбы за захват железнодорожных перевозок и водного транспорта по Дунаю, Балканы, как писал Конрад, рассматривались «как наш собственный рынок» – особенно для более дешевых австрийских, чешских и других товаров. Железнодорожное соглашение предусматривало постройку линии, пересекающей Сербию и Болгарию для соединения с линией на Константинополь.

В Албании австро-венгерские интересы занимали первое место в области импорта и экспорта и имели сильные банковские позиции. Австрийский «Ллойд» и компания «Фиуме Оботти» обслуживали большую часть албанской морской торговли. Пароходы австрийского

«Ллойда» совершали рейсы по реке Бояне, а другая группа до 1913 года владела нефтяной монополией в Черногории. Начавшееся сопротивление со стороны Сербии и конкуренция со стороны Италии только усилили стремление продвинуться на юг.

Уже в 1897 году граф Андраши отверг ситуацию, при которой Венгрия должна была бы находиться полностью на равном положении с ее южными соседями: «Венгрия – естественный страж этих южных государств». В 1907 году уже открыто признавали, что эта политика совмещала в себе как внутренние мотивы, так и явно империалистические устремления.

В самом деле, аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 году была актом откровенного колониализма. 4300 миль новых, в основном, стратегических, дорог и железнодорожных путей, многочисленные гарнизоны, иностранное чиновничество, импорт промышленных товаров (разорительный для местных предприятий) свидетельствовали о том, что провинция, по словам Мэя, превращается в австро-венгерский Египет. В этом же году министр иностранных дел заявил, что, согласно полученной у Турции концессии, должна быть построена железнодорожная линия через Нови-Базар и что она составит новый и важный путь из центральной Европы в Египет и Индию. Хотя от осуществления этого плана отказались под давлением России и Италии, он разоблачал цели Вены на Нижних Балканах и ее намерение выйти к Эгейскому морю.

Экономика империи развивалась быстрыми темпами. Благодаря высоким таможенным тарифам выпуск промышленной продукции к 1912 году вырос на 50 % по сравнению с 1902 годом. В 1913 году тоннаж в Триесте удвоился по сравнению с 1900 годом. Судостроительные и пароходные компании расширили свои операции; австрийский Ллойд производил перевозки к портам Адриатики, на Ближний Восток и в Азию. Более мелкие компании вели торговлю с латинскими странами и с обеими Америками. Для участия в выгодной перевозке эмигрантов была организована Австро-Американская компания. Триест уже конкурировал с Гамбургом и Генуей. Фиуме в период между 1900 и 1912 годами также увеличил наполовину свой грузооборот.

В то же время статистические данные указывали на возможную опасность оказаться запертым в Адриатике. Растущее соперничество

Италии в этом море, а также претензии царской России на Константинополь усилили стремление австро-венгерского империализма к беспрепятственному выходу на широкий простор.

Наиболее очевидным решением этого вопроса были Салоники. Еще в 1907 году один из выразителей политики Франца-Иосифа провозгласил Салоники наиболее продвинувшимися вперед воротами на юго-восток для южноавстрийской и венгерской торговли. «Салоники, – заявил он, – наша надежда на будущее».

Несмотря на все последующие опровержения, это представление настолько укоренилось, что даже во время Дарданелльского кризиса, когда колебания Греции имели исключительно важное значение, Министерство иностранных дел Австро-Венгрии инстинктивно не хотело дать ей больших заверений, чем то, что Австро-Венгрия не имеет эгоистических целей в этом порту.

Но путь в Салоники, как заметил Берхтольд, проходил через Сербию. Генеральный штаб Габсбургов утверждал, что лучшая линия продвижения к этому порту проходит вдоль Моравской долины, через самое сердце королевства. Пройти можно было только при условии, если югославы подчинятся, а так как они сопротивлялись, было решено покорить их.

Поэтому война с Сербией не возникла, как утверждали, прежде всего по соображениям внутренней политики или с целью решительно приостановить великосербскую агитацию. По существу, она – несмотря на весь панславизм и поддержку Белграда Россией – также не являлась и борьбой за существование двуединой монархии. В свете имеющихся фактов печальная история почтенной империи, которой настойчиво мешали в ее мирной эволюции и в проведении консервативной внешней политики – и, по словам Маккио, «принуждали к самозащите против угрожающей снизу опасности», оказывается чистым измышлением. Широкий размах вооружений, подготовительные мобилизации людей и финансовых ресурсов проливают свет на хвастливое заявление Гойоса, что «в 1914 году наша система еще не страдала малокровием».

Война с сербами, в основном, преследовала цель заполнить «вакуум», образовавшийся после крушения Европейской Турции, чтобы восстающие народы не заняли своего законного места. В ней нашло выражение, неоднократно повторявшееся высказывание Конрада

о том, «что будущее [двуединой] монархии находится на Балканах»[114]. Это был крупный шаг империалистической агрессии, имевший целью установление австро-венгерской гегемонии в юго-восточной Европе.

Владислав Гончаров. Падение Сербии, Салоникский процесс и судьба «Черной руки»

К осени 1915 года военное положение Сербии крайне осложнилось. Боевые действия на Западном фронте заглохли, русская армия приходила в себя после череды летних поражений, начавшихся с Горлицкого прорыва, поэтому Австрия и Германия получили возможность переброски на Балканы новых сил. Одновременно велись переговоры о присоединении к Центральным державам Болгарии – таким образом, противник получал возможность ударить сербам в тыл, перехватить железную дорогу Белград – Салоники и лишить сербскую армию единственной коммуникации, по которой она получала снабжение от союзников.

Для сербского командования эти планы не были секретом. Еще в конце лета начальник сербского Генерального штаба воевода Радомир Путник предложил командованию Антанты план внезапного нападения на Болгарию с целью упредить развертывание болгарской армии и, заняв Софию, принудить болгар к капитуляции. Однако Верховное командование союзников, зная об отвратительных отношениях правительства Пашича с Болгарией, отклонило этот проект. Оно все еще вело с Софией переговоры, рассчитывая перетянуть Болгарию на свою сторону или хотя бы добиться ее нейтралитета. За это англичане обещали болгарам территориальные уступки – естественно, за счет греков и сербов.

Просьбы сербского правительства о военной помощи тоже остались без ответа. Англичан и французов больше интересовали действия против Турции, а Италия собиралась занять только адриатическое побережье Албании. Кроме того, в Дарданеллах все еще продолжалась безнадежная Галлиполийская операция, оттянувшая на себя огромные силы – свыше полумиллиона человек, из которых 200 тысяч сражались в десантных отрядах, отчаянно цепляясь за узкую кромку турецкого берега.

На просьбу сербов срочно прислать к ним на помощь 150–200 тысяч солдат Франция сразу ответила отказом. Президент Пуанкаре сразу же заявил, что не желает проливать французскую кровь ради спасения далекого союзника, а главнокомандующий маршал Жоффр намекнул, что лишний человеческий материал имеется только у России. Английская пресса хором выразила протест против отправки войск туда, где Англия не имеет шансов что-либо заполучить. В результате было принято компромиссное решение – высадить ограниченные силы в районе Салоник. Правда, несколько позднее (9 октября) на совещании в Шантильи лорд Китченер и генерал Жоффр договорились к концу года довести этот контингент до 150 тысяч человек (60 тысяч французов и 90 тысяч англичан), но и это наращивание сил было поставлено в зависимость от результатов операций на Западном фронте. Премьер Италии Соннино в ответ на просьбу союзников заявил, что его страна не имеет никакой возможности послать сухопутные войска в Салоники и готово участвовать в операции только своим транспортным флотом.

Греция пока сохраняла нейтралитет, но угроза вступления в войну Болгарии принуждала ее выбрать сторону Антанты. В конце сентября премьер-министр Венизелос объявил о мобилизации армии и заявил, что нападение Болгарии на Сербию автоматически приведет ко вступлению Греции в войну.

3 октября 1915 года Россия предъявила Болгарии ультиматум с требованием прекратить сосредоточение войск на сербской границе и выслать из страны германских и австрийских военных советников. Болгария отвергла этот ультиматум, и на следующий день русский, английский и французский послы покинули Софию. Впрочем, союзники не ждали ничего иного – британские транспорты с французскими войсками, еще 2-го числа вышедшие с острова Мудрос, уже находились в море вблизи Салоник. 5 октября они начали высадку войск. В этот день на берег сошли 6 тысяч солдат, 6 октября – 14 тысяч, к 10 октября англо-французская группировка в Салониках уже насчитывала 28 тысяч солдат. 12 октября сюда прибыл назначенный командующим экспедиционным корпусом французский генерал Саррайль, а через два дня войска союзников двинулись к границе Сербии. Так был создан Салоникский фронт.

Тем временем 6 октября Центральные державы начали наступление против Сербии. Операцией руководил германский генерал Макензен, в его распоряжении находились 3-я австро-венгерская армия Кевеша и 11-я германская армия Гальвица – всего 14 дивизий, 360 000 человек, 1300 орудий, около сотни самолетов. Против Черногории была развернута австрийская группировка генерала Саркотича – 47 батальонов, 36 батарей и крепостные гарнизоны. В общей сложности австро-германские войска насчитывали около полумиллиона человек и 1700 орудий.

Сербская армия имела лишь 12 дивизий общей численностью в 250 000 человек при 678 орудиях[115], армия Черногории насчитывала 50 000 человек при 135 орудиях. Войска Сербии, несколько месяцев назад отбросившие врага к границам страны, отличались высоким боевым духом, однако силы были слишком неравными.

Наступление Центральных держав началось мощной артподготовкой, продолжавшейся почти сутки. Утром 7 октября войска Макензена начали переправу через Дунай и Саву сразу в нескольких местах. 9 октября был захвачен Белград, находившийся на самой границе.

Сербы отчаянно сопротивлялись, австро-германские войска несли огромные потери. Их продвижение за первые десять дней составило лишь 15 километров. Однако в ночь с 14 октября в спину Сербии ударила Болгария, собравшая для наступления 300 000 человек. Болгарское правительство заявило, что сербы напали первыми, атаковав болгарские войска у Кюстендаля. После этого исход кампании уже не мог вызывать сомнений. 15 октября войну Болгарии объявила Англия, 17-го – Франция, 18-го – Россия.

1-я болгарская армия генерала Бояджиева наступала на Ниш – временную столицу Сербии. 2-я армия генерала Тодорова имела своей задачей перерезать железную дорогу на Салоники, проходившую всего в 80 километрах от границы. 16 октября сербский главнокомандующий принц Александр отправил генералу Жоффру телеграмму с просьбой выдвинуть войска экспедиционного корпуса Саррайля на север для прикрытия железной дороги.

В ответ на это союзники согласились отправить в Салоники еще две английские дивизии, однако это уже не могло спасти положение. 22 октября передовой отряд 2-й болгарской армии занял станцию Вардар,

перерезав сообщение Сербии с Грецией. Французские войска, продвинувшиеся вдоль железной дороги на полсотни километров, в последних числах октября были остановлены болгарами под Криволаком, а затем отброшены обратно.

Тем временем на севере армии Макензена, перегруппировавшись и подтянув резервы, начали решительное наступление. Фронт был прорван, и теперь австро-германские войска сдерживались только чрезвычайно пересеченной горной местностью и сильнейшими дождями, превратившими узкие немощеные дороги в непроходимые болота.

Сербская армия начала отступление, местами превратилась в бегство. Отходящие колонны войск сопровождали тысячи гражданских беженцев – стариков, женщин, детей. Пешком или на повозках, груженных немудреным скарбом, многие босиком, они уходили от немцев и австрийцев, приход которых не сулил жителям страны ничего хорошего. Австрийские газеты уже торжествовали победу и открыто предвкушали грядущую расправу над врагом. Венская «Нойе Фрейе Прессе» в номере от 23 октября, не стесняясь в выражениях, писала:

> *«Кровь эрцгерцога Франца-Фердинанда… будет смываться потоками сербской крови. Мы присутствуем при акте исторического возмездия, после которого наступит мир, но не раньше».*

Командующий 11-й германской арией генерал Гальвиц доносил, что в Сельвеце за участие в сопротивлении частям 25-й дивизии были арестованы 400 женщин. Сразу же после захвата Белграда командование 3-й австрийской армии начало сгонять всех работоспособных мужчин до 50 лет в концлагеря для отправки на осенние полевые работы в хорватский Банат[116].

5 ноября войска 11-й германской армии заняли Ниш, а 10-го они вошли в контакт с правым флангом 1-й болгарской армии. Правительство Сербии перебралось в Кралево. Предпринятая в середине ноября попытка прорваться на Скопле для соединения с экспедиционным корпусом Саррайля потерпела неудачу, а 27 ноября французские войска, потеряв в боях 6000 человек, получили приказ на отступление к греческой границе. Союзникам уже было не до Сербии – 6 декабря после долгих дебатов было принято решение о прекращении

потерявшей смысл Дарданелльской операции и эвакуации войск с Галлиполийского полуострова[117].

Сербское командование решило отводить свои войска через Черногорию и Албанию к морю – к занятым итальянцами албанским портам Дураццо и Валона[118], откуда можно было эвакуировать солдат и беженцев на территорию, занятую союзниками.

19 ноября немцы заняли Кралево. Тем временем сербское правительство переехало в Косовскую Митровицу, а затем в Призрен, у самой албанской границы. Но 24 ноября оно покинуло и этот город, перебравшись в Скутари (Шкодер) на албанско-черногорской границе. Шкодер, взятый их войсками после длительной и кровопролитной осады в 1913 году, черногорцы считали своим и оккупировали сразу после начала мировой войны.

К этому времени сербские войска уже не оказывали организованного сопротивления, многочисленными колоннами они отходили по горным дорогам, стремясь выйти к морю. Вместе с войсками двигалось и командование армии, солдаты буквально на руках несли больного воеводу Радомира Путника. Старый король Петр тоже находился в колоннах отступавших, в то время как принц-регент Александр Карагеоргиевич, наследник престола и командующий армией, уже 13 декабря прибыл в Скутари, пытаясь отсюда организовать управление войсками. Здесь же находился и премьер Пашич.

Главной проблемой отступающей армии стала нехватка продовольствия, усугубленная полным нарушением системы государственного управления. Несмотря на усилия принца Александра, управление войсками тоже было полностью утрачено, части двигались лишь по воле своих командиров. Среди солдат и беженцев свирепствовала эпидемия холеры. В декабре ударили свирепые морозы. Путь отступления был буквально усеян телами погибших от голода, холода и болезней.

Италия, взявшая на себя снабжение сербской армии продовольствием, не справилась с этой задачей. Даже то немногое, что удалось доставить в албанские порты, гнило на складах и причалах, поскольку отвратительное состояние дорог не позволяло отправить это снабжение дальше в горы – к отходящим дивизиям. Всего за три недели

ноября из Бриндизи в Сан-Джиованни-ди-Медуа и Дураццо доставили лишь около 1500 тонн различных грузов, за первую половину декабря – еще 2000 тонн. Гораздо более итальянцы были озабочены наращиванием своих сил в Валоне – только до Рождества сюда перевезли 20 000 солдат, 3000 лошадей и 46 орудий. Лишь в январе, после того, как к операции подключились англичане и французы, снабжение морем заметно улучшилось – до завершения эвакуации Медуа и Дураццо транспорты союзников доставили в Албанию 25 000 тонн продовольствия и медикаментов.

В конце декабря австро-германские войска вышли к границе Черногории. Здесь они на некоторое время были остановлены на линии Биела Поля, Берана и Андриевицы отчаянным сопротивлением черногорских войск и сохранивших боеспособность сербских частей. Однако 8 января 1916 года австрийские войска атаковали гору Ловчен, прикрывающую черногорское побережье напротив Каттаро. После двух дней тяжелых боев укрепления на горе Ловчен были захвачены, австрийцы угрожали выходом к озеру Скутари, отрезая Черногорию от Адриатики.

Король Никола и правительство пытались начать переговоры о перемирии, однако Австрию устраивала только безоговорочная капитуляция. Поэтому черногорское командование 18 января отдало приказ – драться до последнего, отводя войска к Подгорице и к северному берегу озера Скутари, чтобы противник не смог отрезать им пути отступления в Албанию.

Но уже на следующий день король Никола покинул страну, вместе с ним в Италию отбыл и глава правительства Лазарь Милюшкович. 20 января 1916 года в Цетинье было сформировано правительство Марко Радуловича, запросившее мира у Центральных держав. Одновременно оно объявило о роспуске черногорской армии и конфискации оружия у населения. Капитуляция была подписана 7 февраля, однако находившийся в Италии король Никола не признал ее, сформировав черногорское правительство в изгнании. Часть черногорских войск присоединились к отходящим в Албанию сербам, часть – перешли к партизанской борьбе.

Тем временем разрозненные сербские части войска собирались в албанских портах – Сан-Джиованни-ди-Медуа, Валоне (Влера), Дураццо (Дуррес). Всего сюда добрались около 160 000 человек –

меньше половины сербской армии. Впоследствии, на Парижской мирной конференции 1919 года югославянская делегация заявила, что всего при отступлении из Сербии погибли 150 000 солдат, из них 72 000 – уже при движении через Албанию и Черногорию, от голода и болезней.

Однако на побережье Адриатики горький путь сербской армии не закончился. На эту часть Албании уже претендовала Италия, вовсе не горевшая желанием иметь чужие вооруженные силы на территории, обещанной Риму по секретным Лондонским соглашениям. Французский представитель генерал де Мондезир собирался реогранизовать сербские войска и к весне начать контрнаступление, однако в конце концов политические интересы возобладали над военными – вместо того чтобы переформировать сербскую армию и использовать ее для обороны Албании, итальянцы потребовали от союзников ее эвакуации.

В середине января правительство Сербии переехало из Скутари в Сан-Джиованни-ди-Медуа – занятый итальянцами порт, расположенный в 20 километрах от Скутари. Маленькая гавань Медуа не имела причальных сооружений и могла вместить не более полудюжины судов среднего размера[119]. Здесь же собиралась наиболее боеспособная часть сербской армии.

Однако Сан-Джиованни-ди-Медуа уже был блокирован австро-венгерским флотом, отправка сюда морем продовольствия была затруднительна, а эвакуация войск морем стала совсем проблематичной. В итоге было принято решение – отводить армию на юг страны, к Валоне и Дураццо. 27 января премьер Пашич вместе с принцем-регентом Александром отбыл в Италию, фактически оставив армию без командования.

22 января австрийские войска вошли в Скутари, 28-го они заняли Сан-Джиованни-ди-Медуа и Леш. 9 февраля австрийцы вступили в столицу страны Тирану, находящуюся в полусотне километров от Дураццо. С середины месяца отсюда уже велась эвакуация сербских войск и беженцев – частично малыми судами в Валону, а частично на греческий остров Корфу, лежащий у южного побережья Албании и 9 января занятый французским флотом.

10 февраля 1916 года последние транспорта с сербскими войсками покинули Дурраццо, а 26 февраля итальянские войска оставили этот

город, из-за невозможности отхода по берегу тоже эвакуировавшись морем. К весне линия австро-итальянского фронта окончательно установилась по нижнему течению реки Вьосы. В районе Салоник войска противников вообще не имели боевого соприкосновения, поскольку болгарские части получили строгий приказ – ни в коем случае не пересекать греческую границу, дабы не дать Греции повод официально выступить на стороне Антанты.

С 26 января началась и эвакуация сербских частей из Валоны. В ней участвовали 6 итальянских океанских пароходов, 8 французских госпитальных судов, 2 вспомогательных крейсера и 34 парохода меньших размеров – около 203 000 тонн транспортного тоннажа под прикрытием 17 крейсеров, 64 эсминцев и миноносцев. Всего суда сделали 322 рейса, уже к 20 февраля на Корфу были перевезены 136 000 сербских солдат, 13 000 человек – в Бизерту и не менее 5000 – в Марсель, однако эвакуация продолжалась вплоть до апреля[120].

Но на этом война для сербской армии не закончилась. Уже в апреле 1916 года переформированные, отдохнувшие и заново снаряженные сербские части начали перебрасываться на Салоникский фронт. К 30 мая в районе Салоник находились уже 130 000 сербских солдат, переформированных в шесть пехотных и одну кавалерийскую дивизию. В надежде на последующее пополнение все шесть дивизий были сведены в три армии – 1-ю под командованием генерала Живоина Мишича, 2-ю – Степа Степановича и 3-ю – Павле Юришич-Штурма. Кроме того, в состав сербских войск вошли несколько черногорских добровольческих отрядов.

Все три армии находились в оперативном подчинении командующего Салоникским фронтом генерала Саррайля, с которым у сербского руководства сразу же сложились плохие отношения. Французы (да и англичане) воспринимали сербов, составлявших более трети войск Салоникского фронта[121], как колониальные части – они хуже сражались, их командиры ограничивались даже в праве передвижения по тыловой зоне.

В сентябре 1916 года союзное командование предприняло наступление на левом крыле фронта, занятом сербскими частями. За два с половиной месяца тяжелых боев союзникам удалось потеснить противника, но и сами они потеряли убитыми и ранеными около 47 000

человек. Из них более 27 000 потеряли сербы – это было 20 % их состава. 19 ноября 1-й армией генерала Мишича был взят сербский город Монастир (Битоль). Теперь войска вновь сражались на территории своей страны.

После этого бои затихли, Салоникский фронт постепенно стабилизировался – до октября 1918 года.

Тем временем поражение обострило серьезные противоречия, давно существовавшие в сербском руководстве. Войска сражались на Салоникском фронте, но правительство, военное руководство, принц-регент и часть парламента находились на острове Корфу, где вели между собой ожесточенную борьбу за обладание призрачной властью.

Правительство Пашича оказалось в крайне тяжелом положении. С одной стороны, войска и эмигрантская общественность считали его виновником тяжелых поражений 1915 года. Уже в феврале 1916 года собравшиеся в Ницце депутаты скупщины создали так называемый Общий клуб – межпартийное объединение, потребовавшее от Пашича реорганизовать правительство и выработать новую программу спасения страны.

С другой стороны, на Корфу против диктатуры радикалов выступила влиятельная оппозиция, близкая к королевскому двору. Она требовала создания беспартийного правительства под формальным руководством воеводы Мишича (который находился на лечении во Франции) и усиления королевской власти. Естественно, что принц-регент Александр поддерживал эту группу – он тоже хотел укрепить свою власть над армией и правительством. Но в первую очередь Александр желал избавиться от хитрого и ловкого премьера, почти без перерыва управлявшего страной с 1903 года.

Четвертой силой в этом клубке были армейские офицерские организации, выступавшие как против двора, так и против радикалов. В ходе войны тайная организация «Объединение или смерть», она же «Черная рука», значительно расширила свои ряды и приобрела еще больший вес среди военного руководства. Предполагают, что ей покровительствовал сам начальник сербского Генерального штаба воевода Радомир Путник, сделавший полковника Драгутина Димитриевича начальником осведомительного отдела сербского

Генерального штаба – проще говоря, шефом армейской разведки. Позднее, уже в марте 1917 года Пашич писал сербскому посланнику в Лондоне Иовановичу, что, по имевшимся у него сведениям, одной из целей «Черной руки» являлось свержение монархии и провозглашение республики, во главе которой должен встать комитет из десяти офицеров.

Но пока Димитриевич-Апис продолжал заниматься любимым делом – организацией повстанческих групп на оккупированной австрийцами территории. Англичане и французы охотно способствовали переброске сербских офицеров через фронт на территорию противника для создания там партизанских отрядов и координации их действий. А большинство руководителей таких отрядов (чет) были креатурами Аписа, они придерживались республиканских убеждений, что наследнику престола было вовсе не по душе. Дело дошло до того, что в тайне от армейского руководства Александр начал заброску в Сербию своих агентов. Их задачей была тайная борьба с людьми Аписа и создание повстанческих структур, не подконтрольных «Черной руке»[122].

В противовес «Черной руке» близкими к наследнику офицерами была создана организация «Белая рука», руководителем ее стал бывший друг Аписа полковник Петар Живкович, участвовавший в перевороте 1903 года. Теперь принц-регент сделал его своим адъютантом и заместителем маршала двора, а затем – начальником королевской гвардии[123].

Еще в декабре 1915 года принцу Александру удалось избавиться от воеводы Путника – многие считали, что непосредственный начальник Аписа, глава сербского Генерального штаба, тоже был членом «Черной руки». Сначала Путник был отстранен от командования под предлогом его болезни, а затем и вовсе уволен в отставку. Начальником сербского Генштаба стал полковник Петар Пешич, а в структуре штаба все больший вес приобретали члены «Белой руки».

Время от времени эта борьба выплывала на поверхность, используясь различными политическими группировками. Так, находившийся в эмиграции в Швейцарии черногорский премьер Миюшкович заявил, что армию Черногории развалил полковник Пешич, исполнявший тогда обязанности заместителя черногорского командующего, и что именно он настоял на подписании перемирия. С

другой стороны, из кругов, близких к черногорскому принцу Даниле, лидеру «австрофильской» группировки, был пущен слух о том, что причиной бегства короля из страны стал заговор «Черной руки», подготовленный с ведома сербского правительства. В ответ люди «Черной руки» опубликовали в прессе союзников сведения о тайных контактах короля Николы с австрийцами и даже напечатали в Швейцарии анонимную брошюру об этих переговорах.

Никола Пашич с тревогой наблюдал за этой «борьбой двух рук». С одной стороны, он побаивался неуправляемого Аписа и недолюбливал воеводу Путника. С другой стороны, ему крайне не хотелось делиться властью, а тем более – утратить ее окончательно. Поэтому он продолжал лавировать, стараясь не ввязываться в борьбу военных и используя свой авторитет в европейских политических кругах. Тем более что этот авторитет был крайне нужен сербскому руководству при взаимодействии с Югословенским комитетом. Последний был создан в Лондоне из представителей всей антиавстрийской эмиграции, ставил своей целью бороться против великосербской гегемонии и требовал создания после войны федеративного государства южных славян[124].

Решающий удар по «Черной руке» принц-регент Александр готовил долго и терпеливо. Подходящий случай выдался лишь осенью 1916 года, когда почти все сербские части уже были выведены с Корфу и находились на Салоникском фронте. 11 сентября во время инспекционной поездки принца-регента на позиции 3-й армии его автомобиль был обстрелян неизвестными лицами возле деревни Островo. Во время покушения никто не пострадал, однако террористам тоже удалось беспрепятственно скрыться с места происшествия.

Стрельба на фронте – явление нередкое, случается, при этом гибнут даже генералы, а то и главнокомандующие. Однако после долгого расследования виновной в организации покушения была объявлена «Черная рука» – точнее, ее лидеры: начальник штаба 3-й армии полковник Димитриевич и начальник разведки 3-й армии майор Любомир Вулович. Вслед за этим под суд военного трибунала были отданы и другие известные властям члены «Черной руки».

Состав трибунала был назначен военным министром Божидаром Терзичем по согласованию с регентом Александром и с ведома премьера Пашича. Следствие велось крайне небрежно – достаточно

сказать, что обвинение умудрилось запутаться даже в дате покушения: одни документы называли 11 сентября по новому стилю, другие – 12 сентября *по старому стилю*, который использовался в Сербии, как и в России. Кроме того, непосредственных участников покушения обнаружить так и не удалось. В итоге обвинению пришлось базироваться исключительно на косвенных уликах.

Судебный процесс продолжался два месяца – со 2 апреля по 5 июня 1917 года. Кроме обвинения в организации покушения на регента, членам «Черной руки» вменялись подготовка к убийству премьера Пашича и создание подрывной террористической организации, ставящей своей целью свержение династии Карагеоргиевичей, а также… государственная измена и тайные сношения с Австро-Венгрией![125]

Все подсудимые отвергли обвинения в измене, в контактах с австрийцами и в организации покушения на наследника. Полковник Димитриевич заявил, что о деятельности организации «Объединение или смерть» так или иначе были осведомлены и члены правительства, и представители королевского дома. Апис признал, что организаторы убийства эрцгерцога проходили подготовку у его людей и были направлены в Боснию с его санкции. Но он утверждал, что не верил в возможность покушения, считая, что эрцгерцог будет сопровождаться очень сильной охраной. Позже он якобы даже пытался вернуть «боевиков» обратно в Сербию, но в этом не преуспел.

В итоге подготовку покушения на премьера Пашича суд не смог доказать вообще, доказательства заговора против регента Александра тоже были крайне слабыми. Никаких документов, подтверждающих обвинение в заговоре, предъявлено не было. Тем не менее свидетели защиты не заслушивались, а когда старый член общества «Объединение или смерть» Мустафа Голубич попытался дать показания в пользу обвиняемых, он был лишен слова. Самому Голубичу еще повезло – он не был военным, и поэтому обвинить его в заговоре и покушении было довольно сложно.

Тем не менее приговор был вынесен. Лидеры «Черной руки» – Драгутин Димитриевич, Любомир Вулович и Радо Малобабич были приговорены к смертной казни и расстреляны в ночь с 25 на 26 июня в овраге на окраине Салоник. Так ушли из жизни главные организаторы

покушения на эрцгерцога Франца-Фердинанда, унеся в могилу тайну этого убийства.

Остальные обвиняемые – Милан Милованович, Радое Лазич, Чедомир Попович (брат лидера социал-демократической партии Душана Поповича), Владимир Туцович, Велимир Вемич, Богдан Раденкович, Дамьян Попович, Мухаммед Мехмедбашич и ряд других – получили разные сроки тюремного заключения и каторжных работ. Ни один из них виновным себя не признал. Апис писал в своем предсмертном письме:

«Пусть Сербия будет счастлива и пусть исполнится наш святой завет объединения всех сербов и югославян – тогда и после своей смерти я буду счастлив, а боль, которую я ощущаю от того, что должен погибнуть от сербской винтовки, будет мне легка в убеждении, что она приставлена к моей груди ради добра Сербии и сербского народа, которому я посвятил всю свою жизнь».

Уже находясь в тюремной камере, 10 апреля 1917 года полковник Димитриевич написал для военного министра Сербии подробный отчет об агентурной работе против Австро-Венгрии и об организации повстанческого движения на оккупированных территориях. Даже будучи в тюрьме, зная, что ему грозит смертная казнь, он все еще ощущал себя сербским офицером…

Расправа правительства с «Черной рукой» вызвала недоумение и даже возмущение в рядах союзников. Даже французское правительство намекнуло Пашичу о необходимости соблюдать осторожность и осмотрительность, дабы не повредить единству югославян. Причастность Димитриевича и его товарищей к покушению на регента у многих вызывала сомнение, а обвинение в заговоре против премьера и правительства вообще было шито белыми нитками. Уже 7 июля в швейцарской газете «Цюрихер цайтунг» появилась статья сербского журналиста Светолика Якшича, в которой было заявлено о подложности материалов обвинительного заключения. Якшич заявлял, что правительство фальсифицировало процесс, чтобы расправиться с неугодными ему офицерами.

В ответ Пашич приказал арестовать Якшича, находившегося на Корфу. Журналист был отдан под суд и приговорен к 20 годам тюремного заключения за «антигосударственную пропаганду». Но эта акция только подлила масла в огонь, вызывав еще больший взрыв возмущения среди сербской эмиграции. Заместитель председателя Югословенского комитета Хинко Хинкович назвал действия Пашича «варварством». Английский историк Роберт Сетон-Уотсон и обозреватель «Таймс» Генри Уикгем Стид заявили, что оба процесса нанесли значительный ущерб престижу Сербии и ее руководства. Три министра от оппозиционных партий, Любомир Давидович, Милорад Драшкович и Воислав Маринкович, заявили протест против решения суда и 9 июня вышли из состава правительства Пашича.

В ответ сербские судебные власти и Министерство внутренних дел опубликовали в Салониках протоколы процесса над «Черной рукой» под громким заглавием «Тайная преступная организация» («Tajna prevratna organizacja. Izveštaj sa pretreса u vojnom sudu za oficire u Solunu») и запретили публикацию всех других материалов о процессе. Поэтому истинные подробности покушения на регента Александра так и остались тайной. Но уже в 1918 году министр внутренних дел Любомир Иованович-Патак в разговоре с хорватским политическим деятелем Святозаром Прибичевичем признал, что сербское правительство было заинтересовано в ликвидации «Черной руки».

Сразу после войны в Сербии, и за ее пределами многие ставили под сомнение обвинения, выдвинутые в адрес «Черной руки». Противники Пашича и Александра (17 августа 1921 года взошедшего на престол под именем короля Александра I) заявляли, что правительство организовало судебный фарс с целью уничтожения политических противников. Выдвигалась даже версия, что сербское правительство собиралось подключиться к тайным переговорам с Австро-Венгрией, которые союзники вели через принца Сикста Бурбонского, и устранение тайной антиавстрийской организации, повинной в убийстве Франца-Фердинанда, было одним из шагов к примирению с Габсбургами.

В 1924 году Мустафа Голубич пытался организовать международную кампанию за пересмотр итогов Салоникского процесса и приговора лидерам «Черной руки». Однако официальная

реабилитация «Черной руки» состоялась лишь через тридцать лет. В 1953 году, уже в социалистической Югославии состоялся пересмотр итогов Салоникского процесса. После изучения документов из личных архивов короля Александра и Министерства внутренних дел Югославии было объявлено, что покушение на принца-регента инсценировал не кто иной, как сам министр внутренних дел Сербии Любомир Иованович-Патак. Прямой причастности к этой провокации премьера Пашича и регента Александра новое расследование не установило.

В итоге Верховный суд Народной республики Сербии аннулировал приговор Салоникского военного трибунала и полностью реабилитировал всех обвиняемых. Правда, до этого момента дожил лишь один из них – Радое Лазич…

Основная литература:

1. *Писарев Ю.А*. Сербия и Черногория в Первой мировой войне. М., Наука, 1968.

2. *Смирнова Н.Д*. История Албании в XX веке. М.: Наука, 2003

3. *Нотович Ф.И*. Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

4. *Васильева Н., Гаврилов В*. Балканский тупик?.. Историческая судьба Югославии в XX веке. М.: Гея Итэрум, 2000.

5. *Задохин А., Низовский Г*. Пороховой погреб Европы. Балканские войны XX века. М.: Вече, 2000.

6. *Залесский К.А*. Первая мировая война: правители и военачальники. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000.

7. *Коленковский А.К*. Дарданелльская операция. М.: Военмориздат, 1938.

8. *Томази А*. Морская война на Адриатическом море. М. – Л.: Военмориздат, 1940.

9. История Первой мировой войны. Т. 2. М.: Наука, 1975.

10. Флот в Первой мировой войне. М.: Воениздат, 1964.

Вместо послесловия

Крушение Австро-Венгрии в 1918 году

1. Маневры Центральных держав в поисках мира. Крах Салоникского фронта и отпадение Болгарии

К августу 1918 года внутреннее положение в двуединой монархии резко ухудшилось. Хотя ситуацию с продовольствием благодаря оккупации Украины удалось временно нормализовать, а мятежи, вспыхнувшие в мае и в июне в чешских, словацких и венгерских частях, были быстро подавлены, крестьянские районы империи (особенно национальные) проявляли все большее недовольство.

Тем временем провал июльского наступления австрийцев на Пьяве и прорыв германского фронта под Амьеном 8 августа поставили Центральные державы в очень тяжелое положение. 14 августа на межсоюзническом совещании в Ставке германского командования в Спа австрийский министр иностранных дел граф Буриан заявил, что:

> *«Австро-Венгрия достигла предела своих сил, и… сомнительно, окажется ли она в состоянии выдержать предстоящую зимнюю кампанию».*

Немцы, в принципе, соглашались, что надо искать выход из войны дипломатическим путем. Однако они противились немедленному официальному обращению к странам Антанты с предложением о заключении мира, опасаясь, что такой шаг откроет союзникам всю слабость Центральных держав. Германские военные все еще надеялись остановить и разгромить врага, а дипломаты предпочитали вести переговоры о мире тайно и с каждым из противников по отдельности. Комиссия германского рейхстага, уже после войны расследовавшая причины поражения, писала в своем докладе, что

> *«вплоть до 15 июля верховное командование… отказывалось вести мирные переговоры на основании расчета, что война кончится вничью»*[126].

Однако 14 сентября 1918 года граф Буриан все же обратился к правительствам Антанты с официальным предложением собрать в

одной из нейтральных стран конференцию для того, чтобы обсудить перспективы возможного мира и

> *«предпринять попытку выяснить, имеются ли основы для соглашения, которое могло бы отвратить Европу от катастрофы самоубийственного продолжения войны».*

Но Антанта тотчас же отвергла эту идею. Соединенные Штаты заявили, что подобные основы уже изложены в «14 пунктах» Вильсона» и что они

> *«не могут и не желают вступать в переговоры о конференции по вопросам, относительно которых они уже столь ясно определили свою позицию».*

Английский министр иностранных дел Бальфур, выступая 16 октября в отеле «Савой», откровенно выразил сомнение в искренности австрийского правительства:

> *«Я не могу заставить себя поверить, что неприятель честно предлагает нам прийти к соглашению на условиях, которые мы могли бы принять. Это не попытка договориться о мире, это попытка ослабить наши силы, которые они не могут сломить на полях сражений…»*

27 сентября лидер оппозиции Асквит добавил:

> *«Каковы бы ни были побуждения графа Буриана, его нынешнее предложение не кажется мне сколько-нибудь деловым… У меня нет желания уходить в эти туманные дебри».*

Италия заявила, что будет вести войну вплоть до освобождения всех земель, населенных итальянцами. Ну а французы вообще не сказали ничего внятного – они наконец-то перешли в наступление и теперь жаждали крови[127].

15 сентября союзники нанесли удар на Салоникском фронте. Имея в общей сложности 29 дивизий (10 греческих, 8 французских, 6

сербских, 4 английских и 1 итальянская) и порядка 770 тысяч человек личного состава[128], они не обладали здесь решающим превосходством над 17 болгарскими и австрийскими дивизиями, вместе со вспомогательными частями насчитывавшими в своем составе до 600 тысяч человек.

Но болгарская армия, чьи части составляли основу фронта, уже утратила боевой дух и не выдержала удара. В первый же день наступления оборона была прорвана на протяжении 15 километров, и дивизии союзников устремились на север, в глубь Сербии. Основную массу войск, введенных в прорыв, составляли сербские дивизии. К 20 октября прорыв уже имел 45 километров по фронту и 40 в глубину, 22 октября сербские войска вышли на линию реки Вардар и к городу Криволаку, а полоса прорыва достигла 150 километров. Связь между 2-й болгарской и 11-й «германской»[129] армиями была нарушена. В последующие дни 11-я армия, не успевшая отойти по тяжелым горным тропам, оказалась в окружении в районе Скопле и была принуждена капитулировать – в плен попали около 80 тысяч человек.

25 сентября Болгария запросила перемирия, еще через четыре дня это перемирие было подписано. Болгария выходила из войны, а в кольце обороны Центральных держав возникла огромная брешь. Хуже того – капитуляция Болгарии не просто делала Четверной союз тройственным, она ставила под угрозу коммуникации Австрии и Германии с Турцией. Против угрозы с юга срочно была повернута находящаяся в Румынии группа генерала Макензена, усиленная двумя австрийскими и четырьмя немецкими резервными дивизиями; в ее задачу входило восстановить фронт и остановить наступление союзников.

В этих условиях даже германские военные согласились с тем, что надо просить мира. 3 октября 1918 года ставленник армии рейхсканцлер Гертлинг подал в отставку, в Германии было сформировано коалиционное правительство, в которое вошли представители всех парламентских партий; главой его стал известный либерал принц Максом Баденский. В ночь на 5 октября это правительство обратилось к Антанте с просьбой о заключении мира на условиях вильсоновских «14 пунктов». Вслед за Германией согласие на эти условия выразили Австро-Венгрия и Турция.

Чернин считает, что сам Вильсон, в принципе, был согласен на эти условия, но

> *«…уже был лишен силы, необходимой для проведения его воли против определенных желаний остальных трех членов Совета [четырех]».*

Однако еще в своей речи от 27 сентября американский президент вполне ясно заявлял:

> *«Невозможно заключить мир с правительствами Центральных держав на основе каких-либо сделок и компромиссов, потому что мы уже имели дело с этими державами раньше и видели недавно, какие они заключили соглашения с другими государствами – участниками этой войны – в Брест-Литовске и Бухаресте. Мы убедились, что эти правительства бесчестны и не хотят справедливости. Они не соблюдают договоров, не признают никаких принципов, только силу и свои собственные интересы… Мы по-разному мыслим и говорим на разных языках».*

В ответной ноте государственного секретаря Лансинга от 8 октября было совершенно недвусмысленно указано главное условие перемирия – отвод германских и австрийских войск со всех оккупированных территорий. Впрочем, их список не включал Украину и Прибалтику, зато в нем фигурировала Эльзас-Лотарингия, что немцы (кстати, вполне обоснованно) считали нарушением принципов мира «без аннексий и контрибуций».

12 октября германское правительство согласилось принять вильсоновские «14 пунктов» и объявило о своей готовности эвакуировать занятую территорию. Но союзникам этого уже было мало. Чувствуя, что враг находится на пределе своих сил, они постоянно увеличивали свои требования и тянули с окончательным ответом. Как пишет в своих мемуарах Ллойд-Джордж:

> *«К несчастью для Германии, эти миролюбивые рассуждения германского правительства совпали с новыми инцидентами, возбудившими негодование общественного*

мнения союзников; требования союзников приняли более жесткий характер».

Американцы, все еще сохранявшие репутацию миротворцев и принявшие на себя задачу говорить от имени союзников, недвусмысленно потребовали сатисфакции за подлинные и мнимые преступления германских военных. 10 октября в Ирландском море был потоплен почтово-пассажирский пароход «Лейнстер», на котором погибли 172 человека[130]. Англичане без всякого стеснения заявили, что погибших было 520[131]. По этому поводу министр иностранных дел Бальфур патетически возгласил:

«Я спрашиваю: показали ли те, которые заставили человечество побледнеть от ужаса своим варварством и зверскими жестокостями в Бельгии в начале войны, хотя бы в малейшей степени после четырех лет войны, что они в каком-либо существенном отношении изменили к лучшему характер своих действий? Они были зверями, когда начали войну, и, насколько я могу судить, остаются зверями до настоящего момента».

После этого случая от немецкой торпеды погибло всего лишь одно гражданское судно – маленький английский пароходик «Сент-Барчен» в 362 тонны, а 21 октября германское морское командование отослало всем своим подводным лодкам приказ немедленно прекратить нападения на пассажирские суда. Но союзникам было уже все равно – падшего противника требовалось добивать, пока он не согласится на все условия. Таким образом, обмен нотами продолжался, а тем временем войска союзников постепенно продвигались к границам Германии.

2. Начало распада Австро-Венгрии. Создание национальных органов власти

Германская армия еще оставалась боеспособна и могла продолжать сопротивление. Положение в Австрии было гораздо хуже – в первую очередь из-за национального брожения. Требовалось срочно что-нибудь предпринимать, чтобы остановить грозящий развал страны. В первых числах октября созданный в Праге Чешский национальный комитет потребовал прекратить вывоз продовольствия из Чехии и в знак

протеста объявил о проведении 14 октября всеобщей однодневной забастовки, которая вылилась в массовые демонстрации под национальными флагами; многие участники этих выступлений требовали создания независимой республики.

12 октября вслед за Чешским был создан и Словацкий национальный совет. Еще раньше волна народных выступлений прокатилась по югославянским землям – Словакии, Далмации, Воеводине. Но особенно сильными были крестьянские волнения в Хорватии, принадлежавшей венгерской короне. 2 октября в Вене председателем «Югословенского клуба» (он объединял югославянских депутатов рейхсрата) была зачитана декларация, объявлявшая о стремлении политических партий Хорватии и Словении к созданию независимого государства. 6 октября в Загребе было объявлено о создании Народного вече сербов, хорватов и словенцев, объединившего депутатов провинциальных парламентов Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины, Крайны, Истрии и Далмации – то есть земель, находящихся как в австрийском, так и в венгерском владении.

Народное вече декларировало необходимость объединения всех южных славян в едином независимом государстве и провозгласило себя временной центральной властью в Хорватии, Словении и Далмации. При этом необходимо отметить, что председатель Веча, лидер словацкой Клерикальной партии Анте Корошец до самого последнего момента, то есть вплоть до конца октября, выступал как сторонник «триализма» и противился окончательному выходу из состава империи.

Впрочем, в отношении независимости от двуединой монархии среди югославянских политических организаций полного единства не существовало. Большинство крестьянского населения Хорватии, несмотря на свой католицизм, охотно поддерживали идею объединения с православной Сербией – вовсе не из-за славянского патриотизма, а в силу вполне прагматических причин: большая часть земли здесь принадлежала венгерским помещикам, а в Сербии помещичьего землевладения не было вообще.

Напротив, наиболее влиятельная в Хорватии Партия права, основанная еще во второй половине XIX века видным идеологом хорватского национализма Анте Старчевичем и выражавшая интересы городских имущих кругов, выступала за объединение всех хорватских земель. Партия права требовала для Хорватии статуса, аналогичного

статусу Австрии и Венгрии, то есть образования в рамках империи Габсбургов «триединого» государства.

В свое время этот же проект выдвигал еще покойный эрцгерцог Франц-Фердинанд. Однако главным его противником стала Венгрия, боявшаяся девальвации своего положения в империи, а пуще того – не желавшая упускать из своих рук такую ценную жемчужину, как Хорватия. Более того, в конце сентября правительство Векерле предложило создать единую хорватскую автономию, присоединить к Хорватии (то есть к Венгрии) находившуюся под совместным управлением Боснию и Герцеговину, а заодно и населенные хорватами районы Далмации.

В эти дни Венгрия, дотоле часто фрондировавшая и то и дело вспоминавшая про 1848 год, оказалась вдруг самой яростной защитницей габсбургской монархии, поскольку выяснилось, что с распадом империи именно она теряет больше всего. В Австрии власть между национальными политическими элитами была распределена более равномерно: поляки и отчасти чехи имели в ней свою долю, а немецкие националисты сами время от времени заводили речь о присоединении к Германии. Кроме того, польская аристократия прекрасно понимала, что сильная центральная власть гарантирует ей контроль над землями Западной Украины, где поляки занимали привилегированное положение. В то же время венгерские землевладельцы и промышленники очень боялись потерять свои владения в Хорватии и Словакии, народы которых пользовались куда меньшими правами, чем национальные меньшинства в Цислейтании – на землях австрийской короны.

В сентябре 1918 года Иштван Тисса, потерявший пост премьер-министра, но оставшийся одним из самых влиятельных венгерских политиков, предпринял поездку в Хорватию и Боснию. Ничего утешительного он там не увидел и на одной из встреч с боснийскими делегатами заявил:

> *«Вы думаете, монархия умерла? Знайте, что прежде чем мы погибнем, у нас найдется достаточно сил, чтобы уничтожить вас!»*

Если бы Тисса знал, сколько ему еще осталось жить!..

В этих условиях 16 октября 1918 года император Карл выступил в австрийском парламенте с манифестом «К моим верным народам Австрии», в котором предложил провести перестройку монархии на федеративных началах.

> *«Австрия должна стать союзным государством, в котором каждый народ должен образовать на своей территории собственное государство… Созванные из депутатов рейхсрата каждой нации национальные советы должны регулировать взаимные интересы и осуществлять связь с моим правительством».*

Фактически это была декларация о роспуске двуединой монархии и о создании на ее месте чего-то нового. Однако остановить спонтанный «парад суверенитетов» было уже невозможно. 19 октября Чешский национальный совет объявил, что он не будет вести с правительством Австрии никаких переговоров и что чешский вопрос уже более не является вопросом внутреннего устройства Австро-Венгрии.

Еще 16-го числа, сразу после опубликования императорского манифеста, венгерский премьер-министр Векерле объявил в парламенте об отмене дуалистической системы и о переходе Венгрии к персональной унии с австрийской короной. Иштван Тисса потребовал сохранения верности германскому союзнику и призвал к продолжению войны до заключения совместного мира.

Однако часть венгерского политического истеблишмента уже пыталась найти покровительство у победителей. 17 октября лидер венгерской «Партии независимости и 1848 года» Михай Карольи, выступая в венгерском парламенте, призвал к отставке правительства Векерле, отделению от Австрии, объявлению о независимости и переходе Венгрии на сторону Антанты. Характерно, что при этом он заявил, что обитатели венгерских владений в Хорватии и Трансильвании должны «отказаться от чрезмерного шовинизма». В ответ румынские депутаты заявили, что не признают венгерское правительство правомочным говорить от имени Трансильвании. 19 октября во Львове было провозглашено создание Западно-Украинской центральной рады, ее члены (украинские депутаты рейхсрата и представители украинских партий) потребовали создания

западноукраинского государства и передачи власти австрийскими чиновниками.

А 20 октября в Вене была получена нота от президента Вильсона[132] – с отказом начать переговоры о мире. Соединенные Штаты заявляли, что о «четырнадцати пунктах» в их первоначальной форме речь идти не может, поскольку американское правительство уже признало независимость чехословаков и югославян. Антанта требовала капитуляции и создания на базе двуединой монархии некой абстрактной «Дунайской федерации».

После этого австрийские депутаты рейхсрата (210 из 497) тоже решили проявить себя. 21 октября они собрались на отдельное заседание собрание и объявили о создании Временного национального собрания Австрии – «демократического и подлинно народного государства», как гласила резолюция, предложенная социал-демократами.

3. Крушение фронта в Италии и восстания в хорватских частях. Революция в Австрии

Тем временем 24 октября началось наступление союзников на Итальянском фронте между реками Брента и Пьяве и в районе горы Граппа. Силы Антанты насчитывали здесь 57 дивизий против 63 австрийских, однако австрийские части были крайне ослаблены (многие дивизии имели по 5 батальонов)[133] и крайне деморализованы последними событиями в стране.

Особенно остро проявлялись национальные противоречия. Сразу же после начала наступления венгерские части просто взбунтовались – они отказались сражаться и потребовали возвращения на родину. Вслед за ними начали покидать фронт чешские и немецкие части. Еще 23 октября на военно-морской базе Фиуме восстал 79-й пехотный полк, состоящий, в основном, из хорватов. Он разоружил венгерские части, поднял национальный хорватский флаг и объявил о своем присоединении к Югославянскому комитету. Восставшие заняли центр города, вокзал, правительственные учреждения; они выпустили заключенных из тюрем и арестовали королевского прокурора. 25 октября произошло восстание в 42-й пехотной дивизии, состоявшей из сербов и хорватов и ранее отведенной в тыл из-за своей ненадежности. Вслед за этим взбунтовались еще несколько полков, укомплектованных

югославянами, а 27 октября вспыхнуло восстание хорватских частей в главной военно-морской базе Пола.

В свою очередь, венгерские части тоже потребовали заключения мира и возвращения на родину: на тирольском участке фронта взбунтовались 25-я пехотная и 27-я гонведская дивизии, отказавшиеся выполнять приказы и угрожавшие вооруженным сопротивлением командованию. 26 и 27 октября произошли восстания в чешских и даже немецких частях – правда, это были не боевые подразделения, а тыловые охранные полки.

Удержать фронт в этих условиях стало невозможно. Попытка австрийского командования 27 октября организовать контрудар, опираясь на наиболее боеспособные части, окончилась неудачей. Теперь итальянцев задерживала только переправа войск через вздувшуюся от дождей реку Пьяве.

29 октября фронт был окончательно прорван. Положение стало безнадежным. Австрийский командующий, герой Капоретто генерал Бороевич фон Бойна, отдал приказ отступать из Венеции к горам. Но было уже поздно – 30 октября итальянцы заняли Витторио-Венето и Азиаго, пленные теперь исчислялись сотнями тысяч. В тот же день австрийское командование выслало на фронт парламентеров для переговоров о перемирии[134].

События на фронте стимулировали политическую активность в тылу. 28 октября восставшие хорватские части заняли Загреб, изгнав оттуда немногочисленные венгерские подразделения. В ночь на 29 октября срочно собравшееся в Загребе Народное вече СХС в отсутствие Корошеца объявило об окончательном разрыве с империей Габсбургов и провозгласило создание независимого государства сербов, хорватов и словенцев. Оно заявило, что прекращает вывоз продовольствия в Австрию и Венгрию, и потребовало немедленной капитуляции перед Антантой, а также передачи новообразованному государству всего австрийского военно-морского флота, благо, большая его часть и так уже была захвачена хорватскими моряками. В тот же день хорватский Сабор в Загребе объявил о разрыве соглашения 1868 года и о том, что Хорватия примыкает к провозглашенному несколько часов назад государству СХС.

29 октября в Вену пришли известия о восстании солдат и моряков в Триесте, а на следующий день в самой австрийской столице начались

массовые демонстрации рабочих и солдат. Кое-где уже формировались отряды Красной гвардии. Только что созданное «коалиционное» правительство Ламмаша больше не контролировало ситуации. Временное национальное собрание объявило о создании австрийского Государственного совета, государственным канцлером стал социал-демократ Карл Реннер. Одновременно был создан венский Совет рабочих и солдатских депутатов, руководителем которого стал освобожденный из тюрьмы Фридрих Адлер. Таким образом, в столице образовалось даже не двоевластие, а троевластие.

В этот же день, 30 октября император Карл, рассчитывая спасти флот от неминуемой капитуляции перед союзниками и все еще надеясь на верность созданного в Загребе правительства короне Габсбургов (в этом его убеждала предыдущая политика Анте Корошеца), выполнил требования Народного веча СХС и объявил о передаче всего Флота открытого моря в распоряжение хорватов – благо, к этому времени они и без того контролировали большинство кораблей. Одновременно речной флот на Дунае был передан Венгрии, которая все еще декларировала верность короне. 31 октября в Пола командующий австрийским флотом и будущий венгерский диктатор адмирал Хорти официально передал флот и крепость новым властям, флаги двуединой монархии были заменены хорватскими национальными штандартами[135].

Тем временем император и правительство в Вене постепенно теряли остатки власти и авторитета. Но, даже несмотря на создание Красной гвардии и Советов, влияние левых лидеров социал-демократии (3 ноября они объявили о создании Коммунистической партии Австрии) было здесь достаточно незначительным, и постепенно их выступления сошли на нет. В итоге возникло правительство, стоявшее несколько левее центра, буржуазные либералы были вынуждены поделиться властью с социал-демократами (от Реннера до Адлера-младшего), но революция оказалась предотвращена.

3 ноября австрийское командование подписало капитуляцию. 11 ноября после сообщений о событиях в Германии и отречении кайзера Вильгельма император Карл заявил о своем окончательном отказе от участия в государственных делах. На следующий день Австрия была провозглашена республикой, одновременно лидеры Временного

национального собрания объявили о том, что она присоединяется к Германской республике.

4. Революция в Венгрии

События в Вене прошли гораздо спокойнее, чем в Будапеште. 25 октября после известий о начале наступления Антанты и о восстаниях в армейских частях правительство Векерле ушло в отставку. В тот же день в Будапеште был создан Венгерский совет во главе с Михаем Карольи, в его состав вошли также радикалы во главе с Оскаром Яси и несколько социал-демократов. Национальный совет выдвинул требование независимости Венгрии, разрыва союза с Германией, заключения немедленного мира и отзыва войск с фронтов.

Однако, как и в 1848 году, венгры провозглашали свободу для себя, но не для других. Всем «невенгерским народам» Транслейтании было обещано право на самоопределение, но лишь в рамках «территориальной целостности Венгрии». Последнее, в частности, предполагало, что выход к Адриатике (то есть хорватский Фиуме и сухопутный путь к нему) должен был остаться в руках Венгрии.

Лидеры Национального совета прекрасно понимали, что легитимность их притязаний на Словакию и Хорватию исходит из унии 1867 года – то есть от австрийского императора[136]. Поэтому в качестве гарантии территориальной целостности Транслейтании в Будапеште все еще рассматривали императора Карла. 27 ноября император назначил нового венгерского премьера – графа Яноша Хаддика, и Национальный совет вступил с ним и с императорской делегацией в переговоры о будущей форме национального устройства.

Парадоксально, но факт: признавая развал империи и провозгласив независимость, венгерские националисты были согласны сделать своим королем австрийского императора, от которого уже отреклась сама Австрия, лишь бы не терять привилегии и земли, которые им гарантировала империя.

Тем временем в городских низах, измученных голодом и неопределенностью, зрело недовольство, угрожавшее бунтом. Ситуация в Будапеште очень напоминала положение в Петрограде непосредственно перед Февральской революцией, однако здесь левое крыло социал-демократов, предчувствуя надвигающиеся события, постаралось взять их под свой контроль. Еще 24–25 октября в Будапеште были созданы Совет рабочих и Совет солдатских депутатов.

Пользуясь параличом государственной власти, рабочие крупнейших заводов столицы постепенно вооружались. На состоявшемся 27 октября совещании лидеров рабочих с руководством левых социал-демократов вооруженное восстание было назначено на 4 ноября.

Однако все произошло гораздо раньше. 28 октября у Цепного моста полиция расстреляла многотысячную демонстрацию, двигавшуюся к резиденции эрцгерцога Иосифа, где проходили переговоры между премьером, императорскими эмиссарами и представителями Национального совета. Погибли два человека, около 70 были ранены. В ответ на это 29 и 30 октября прошли еще более массовые демонстрации. Толпы рабочих, солдат из столичного гарнизона и просто городских жителей требовали отставки правительства графа Хаддика, разрыва с монархией и провозглашения республики. Попытка военного коменданта столицы генерала Лукачича разоружить наиболее революционные части Будапештского гарнизона лишь спровоцировала бунт: восставшие солдаты 32-го пехотного полка захватили Восточный вокзал и стоявшие на нем эшелоны с оружием и боеприпасами. К ним тут же присоединились рабочие, начавшие вооружаться трофеями.

Брошенные на подавление мятежа части отказывались стрелять, и в ночь на 31 октября повстанцы в буквальном смысле захватили вокзалы, почту и телеграф, а также гарнизонные казармы и ряд правительственных учреждений. Из тюрем были освобождены политические заключенные. Днем 31 октября солдаты ворвались в пригородный особняк Иштвана Тиссы и расстреляли бывшего премьера, с которым ассоциировались все беды войны. В столице была объявлена всеобщая забастовка, город фактически перешел под контроль восставших.

В этих условиях Национальный совет прекратил переговоры с правительством и 1 ноября объявил о переходе власти в свои руки. Он поздравил народ с победой революции и призвал солдат возвратиться в казармы. Лидеры социал-демократов в целом поддержали новую власть, Советы рабочих депутатов были признаны органами экономического управления при Национальном совете, и 2 ноября будапештские Советы призвали рабочих сдать оружие.

Тем временем среди политиков шли бурные дебаты о будущем устройстве страны. Социал-демократы требовали срочного созыва

Учредительного собрания, но в конце концов обошлись и без него – 16 ноября 1918 года Венгрия была провозглашена республикой.

5. События в Чехии, Словакии и Польше

На территории Цислейтании распад империи произошел быстрее и куда более безболезненно, чем на землях венгерской короны. Этому способствовали достаточно широкие права местных политических элит, а также наличие национальных фракций в австрийском рейхсрате. Именно эти элиты во многих случаях брали на себя функции государственного управления при развале прежнего имперского аппарата.

Так произошло в Чехии, где в течение недели, с 21 по 28 октября, представители императора Карла вели переговоры с лидерами Национального комитета и представителями чешской эмиграции в Швейцарии, пытаясь спасти хотя бы формальное единство империи. Однако после известий о поражении на фронте в Праге начались массовые народные демонстрации, требовавшие ликвидации Габсбургской монархии и провозглашения независимости.

28 октября, видя полное бессилие императорской власти, Национальный комитет объявил о взятии власти в стране и призвал народ сохранять спокойствие и воздерживаться от вооруженных выступлений. Некоторое время дискутировался вопрос о сохранении монархии, предполагалось даже объявить Чехию независимым королевством, возведя на престол кого-нибудь из оставшихся в живых князей дома Романовых. Но в конце концов под влиянием эмигрантских лидеров (в первую очередь Бенеша и Масарика, пользовавшихся безусловным авторитетом в Чехии и за рубежом) 14 ноября была объявлена республика и провозглашена временная конституция. Президентом страны был избран лидер младочехов профессор Томаш Масарик, в то время еще находившийся в США. Министром иностранных дел стал глава лондонской эмиграции Эдуард Бенеш.

Тем временем начались волнения и в Словакии. Впрочем, здесь национальные лидеры не требовали независимости – обеспокоенные в первую очередь притязаниями Венгрии, они хотели лишь присоединения к Чехии и создания двуединого федеративного государства.

В Польше отделение произошло менее спокойно – в частности, потому, что ее территория была разделена между Австрией и

Германией, а сами поляки при этом претендовали на власть над Западной Украиной и частью территорий венгерской короны

25 октября в Кракове польскими депутатами рейхсрата была создана Ликвидационная комиссия, объявившая своей задачей ликвидацию отношений Австрийской Польши с Габсбургской монархией. В противовес краковской комиссии 7 ноября в Люблине при участии буржуазных партий было создано Временное народное правительство под руководством лидера Социал-демократической партии Галиции и Силезии Игнацы Дашинского, оно провозгласило планы национализации шахт и крупной промышленности, а также заявило о подготовке к экспроприации крупной и средней земельной собственности и о передаче земли в руки крестьян под контролем государства. Однако 10 ноября в Варшаву, все еще оккупированную немцами, был доставлен освобожденный германскими властями из Магдебургской тюрьмы лидер правого крыла Польской социалистической партии Юзеф Пилсудский. 14 ноября люблинское правительство передало власть ему, а 18 ноября в Варшаве было сформировано правительство ППС во главе с Енджи Моравчиком. Пилсудский был объявлен «временным начальником государства».

Наиболее серьезный оборот приняли события в Галиции. В ночь на 1 ноября 1918 года во Львове вспыхнуло восстание, поднятое украинскими националистическими организациями. Очень быстро под контролем повстанцев оказалась значительная часть Западной Украины – Перемышль, Станиславов, Коломыя, Тернополь, Рава-Русская. 13 ноября здесь была провозглашена Западно-Украинская народная республика (ЗУНР), но 1 декабря ее правительство во главе со Станиславом Голубовичем подписало соглашение об объединении с УНР – Украинской народной республикой Петлюры.

2 ноября вспыхнуло восстание в Черновцах – буковинском городе, относящемся к землям венгерской короны. Созданное здесь народное вече, несмотря на требование умеренных политиков присоединиться к Австрии или Румынии, объявило о том, что Северная Буковина желает присоединиться к Украине. Такие же декларации о присоединении к Украине выдвинули и ряд народных собраний в ряде городов Закарпатья.

Однако в планы правительств Антанты не входило создание независимой Украины: в России англичане и французы поддерживали

Деникина и Колчака, воевавших за «единую и неделимую», в Польше – Пилсудского, претендовавшего на Галицию и Силезию, в Чехословакии – Бенеша и Масарика, потребовавших присоединения Закарпатья. Даже Румыния, в третий раз за три года сменившая ориентацию, выдвинула претензии на свою долю от военной добычи. Первоначально возмутились даже видавшие виды англичане, но в итоге Румыния все же была поощрена Буковиной и Трансильванией[137]. Союзники также признали румынскую оккупацию Бессарабии, несмотря на протесты эмиссаров белого движения Милюкова и Маклакова, а также находившихся к Париже представителей бывшего кишиневского «Сфатул Цэрия».

8 ноября 1918 года румынские войска вошли на территорию Северной Буковины, разогнали местное вече и жестоко подавили всякие попытки сопротивления. В конце ноября Антанта дала Бенешу санкцию на оккупацию Закарпатской области. В июне 1919 года с разрешения союзников польская армия вступили на территорию Восточной Галиции, остатки армии ЗУНР отступили на Волынь и перешли на сторону большевиков (впоследствии они вновь переметнулись к Петлюре).

Очевидно, по причине сделанных полякам крупных уступок спор между Польшей и Чехословакией из-за угольного района Тешинской Силезии был решен союзниками в пользу последней без проведения плебисцита, хотя в окрестностях Чески-Тешина большинство населения составляли поляки. Точно так же пограничная с Германией Судетская область была передана Чехии, хотя подавляющее большинство ее населения составляли австрийцы, то есть немцы-католики. Уже в 1921 году, невзирая на результаты референдума, Польша получила большую часть Верхней Силезии, 60 % населения которой голосовали за оставление в составе Германии[138]. Таким образом, победители, сами того не зная, готовили почву для будущих национальных конфликтов, послуживших толчком к новому переделу Европы…

6. Образование Государства СХС и его объединение с Сербией

Тем временем в Хорватии, Далмации и Иллирии продолжали развиваться события, приведшие к созданию объединенного государства южных славян – Югославии. Особо значительную роль в

возникновении этой страны сыграли хорваты, что ныне, по прошествии многих лет, представляется удивительным.

Однако в 1918 году этому имелись свои причины. Основную массу хорватских владений Венгрии составляли крестьяне, они были католиками, но говорили на одном языке и не видели большой разницы между собой и своими соседями – православными сербами. Все-таки национализм является порождением городской среды и возникает, как правило, в среде интеллигенции и полуинтеллигенции, которая наиболее склонна к идеям национальной исключительности и поискам «особых путей развития» для своих народов[139]. Увы, идеи такой исключительности очень часто следуют рука об руку с идеями национального превосходства. А в Хорватии, Далмации и особенно Боснии, где православные, католики и мусульмане живут бок о бок и говорят на одном и том же языке, подобные идеи крайне опасны, ибо могут привести к большой крови, как это случилось в 40-х годах, а затем и в конце XX века.

Однако в 1918 году все обстояло строго наоборот. Большинство хорватских лидеров приветствовали идею создания на бывших землях Австро-Венгрии объединенного государства сербов, хорватов и словенцев. Сторонников объединения с Сербией было чуть меньше, но их тоже хватало, тем более что в присоединении к Сербии хорватские крестьяне видели залог проведения аграрной реформы. Даже Алоизий Степинац, впоследствии ставший архиепископом Хорватии, столпом национализма и духовным покровителем фашистского НГХ[140], даже он в свое время перебежал к русским, вступил в югославянский легион и воевал против австрийцев на Салоникском фронте. Лишь много позже, в 1941 году, он напишет:

> *«Хорваты и сербы – это два разных народа… которые нельзя соединить иначе как чудом Господним Схизма – величайшее проклятие Европы, большее зло, чем протестантство! В нем нет места ни морали, ни принципам, ни истине, ни справедливости, ни честности!»*

Отсюда логически вытекало, что в борьбе со «схизматиками»-православными не должно быть места «ни морали, ни принципам, ни истине, ни справедливости, ни честности». Но до этих времен еще предстояло дожить.

Кроме прочего, для объединения с Сербией в 1918 году у хорватских лидеров имелись и политические причины. Согласно Лондонскому соглашению 1915 года, которым Антанта переманила Италию на свою сторону, итальянцы претендовали на часть Истрии, Словении и Хорватии, а также на все далматинское побережье Адриатики, вплоть до черногорской границы[141]. Немалую роль сыграло и желание хорватов оказаться в стане победителей, а не в лагере проигравших вместе с Австрией и Венгрией.

В то же время у вновь образованного государства СХС не имелось сил не только для защиты своих границ, но и для установления внутреннего порядка. Отступающие через Хорватию германские и австрийские войска вывозили с собой государственное имущество, угоняли транспорт, паровозы и подвижной состав. В сельской местности тут и там вспыхивали крестьянские бунты, издольщики и арендаторы громили и жгли помещичьи усадьбы, грабили ростовщиков и торговцев, причем уже без различия национальности. Они отказывались подчиняться Народному вечу в Загребе, «так как наступила свобода», доносили местные власти в Загреб. Никаких военных сил у новых властей не было, а немногочисленные отряды, организованные из солдат разбегающейся австро-венгерской армии, зачастую сами разбредались по домам, чтобы не опоздать к дележу земли.

1 ноября 1918 года сербская армия без боя вступила в Белград, очищенный австрийскими и германскими войсками два дня назад. Но еще 31 октября в Загреб для переговоров с Народным вече прибыл представитель сербского Генерального штаба подполковник Душан Симович[142]. Попутно с выполнением дипломатической миссии Симович начал формировать из оказавшихся здесь военнопленных сербов полк, неожиданно для хорватских политиков оказавшийся здесь едва ли не единственной твердой опорой власти, способной навести порядок. Вскоре хорватские власти были вынуждены просить о вводе сербских войск, вышедших к старым границам страны, на бывшую территорию Австро-Венгрии для предотвращения беспорядков, а также возможного противостояния итальянцам.

Тем временем 6 ноября в Женеве председатель Народного вече СХС Анте Корошец встретился с премьером Пашичем, Анте Трумбичем, бывшим депутатом австрийского рейхсрата и лидером

антигабсбургского крыла Партии права. 10 ноября они подписали совместную Женевскую декларацию, по которой Народное вече декларировало стремление объединиться с Сербией, а в ответ на это Сербия признавала независимость государства СХС. Было решено начать подготовку к созданию объединенного временного правительства.

Однако на следующий день вице-премьер Сербии Стоян Протич выступил с протестом против декларации, заявив, что Пашич не имел права подписывать подобные документы без санкции правительства и регента Александра. Одновременно почти то же самое в Загребе заявил и заместитель председателя Народного веча Светозар Прибичевич, он сказал, что Женевская декларация не согласована с Народным вечем и не имеет юридической силы.

Корошец и Трумбич бросились за поддержкой к французам, но Клемансо холодно сообщил, что югославский вопрос может быть решен только на грядущей мирной конференции. 15 ноября Министерство иностранных дел Франции заявило, что отказывается признавать государство СХС и считает необходимым создание на Балканах единого сербского королевства под скипетром династии Карагеоргиевичей. Вслед за Францией от официального признания государства СХС увильнули и Англия с Соединенными Штатами.

Тем временем беспорядки в сельских районах разрастались, начиная приобретать черты организации. Крестьяне уже не только жгли помещичьи имения – они добрались и до местных налоговых управлений, а кое-где стали создавать свои органы власти. Представители Веча с тревогой сообщали в Загреб, что в провинции «появились большевики». Одновременно продолжалось итальянское наступление в Иллирии и Далмации.

В этих условиях 14 ноября местные органы власти в Далмации объявили о присоединении к Сербскому королевству. Лидерам Народного веча и Югословенского комитета оставалось лишь сделать то же самое. 24 ноября 1918 года государство СХС прекратило свое существование, власти в Загребе торжественно объявили о его добровольном вхождении в королевство Сербию. На следующий день такое же решение приняла и народная скупщина Воеводины в городе Нови-Сад.

Логическим завершением этого процесса стало присоединение Черногории. В ходе октябрьского наступления эта страна была освобождена сербскими войсками, однако порт Каттаро успели захватить итальянцы, объявившие о поддержке находившегося в эмиграции короля Николы. Во второй половине октября в Черногории прошли выборы в народную скупщину, организованные унионистами при поддержке сербов. Не удивительно, что на них победили сторонники объединения. 26 ноября 1918 года скупщина Черногории (заметим, собравшаяся не в столице, а в приграничной Подгорице) объявила о низложении династии Негошей и об объединении с Сербией.

29 ноября официальная делегация Загреба прибыла в Белград для переговоров о воссоединении бывших земель Австро-Венгрии с королевством Сербия. Первоначально представители Народного веча пытались выторговать некоторые уступки автономиям Словении и Хорватии, однако премьер Пашич и регент Александр твердо стояли на прежней позиции – будущее государство должно быть унитарным. В итоге 1 декабря 1918 года делегации подписали соглашение в том виде, в каком его предложило сербское правительство. Вечером следующего дня было официально объявлено о создании единого югославского государства – Королевства сербов, хорватов и словенцев.

Премьер-министром нового государства стал бывший вице-премьер серб Стоян Протич, его заместителем – председатель Народного веча СХС Анте Корошец, министром иностранных дел – лидер Югословенского комитета Трумбич. Для Пашича был приготовлен пост главы делегации Королевства СХС на Парижской мирной конференции.

С 1929 года это государство стало называться Югославией

Владислав Гончаров

Основная литература:

1. *Трайнин И.П*. Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

2. *Писарев Ю.А*. Сербия и Черногория в Первой мировой войне. М.: Наука, 1968.

3. За балканскими фронтами Первой мировой войны. М.: Индрик, 2002.

4. *Рубинштейн Е.И.* Крушение австро-венгерской монархии. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

5. *Васильева Н., Гаврилов В.* Балканский тупик?.. Историческая судьба Югославии в XX веке. М.: Гея Итэрум, 2000.

6. *Ллойд-Джордж Д.* Военные мемуары. Том VI. М.: Соцэкгиз, 1937.

7. *Уэст Р.* Иосип Броз Тито: власть силы. Смоленск: Русич, 1997. [В оригинале эта работа называется «Tito and the Rise and Fall of Yugoslavia» – «Тито. Взлет и падение Югославии»].

8. *Залесский К.А.* Первая мировая война: правители и военачальники. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000.

9. История Первой мировой войны. Т. 2. М.: Наука, 1975.

Вкладка

Его Императорское и Королевское Величество Франц-Иосиф I, Божьей милостью император австрийский, апостолический король венгерский, король богемский, далматский, хорватский, славонский, лодомерский и иллирический, король иерусалимский и проч.; эрцгерцог австрийский; великий герцог тосканский и краковский; герцог лотарингский, зальцбургский, штирский, каринтийский, карниольский и буковинский; великий князь трансильванский; маркграф моравский; герцог Верхней и Нижней Силезии, моденский, пармский, пьяченцский и гуастальский, Освенцима и Затора; тешинский, фриульский, рагузский и зарский; владетельный граф габсбургский и тирольский, кибургский, горицский и градишский; князь трентский и бриксенский; маркграф Верхних и Нижних Лужиц и Истрии; граф Гогенемс, Фельдкирх, Брегенц, Зоннеберг и проч.; государь Триеста, Котора и Вендской марки; Великий воевода Сербии, и прочая, и прочая, и прочая

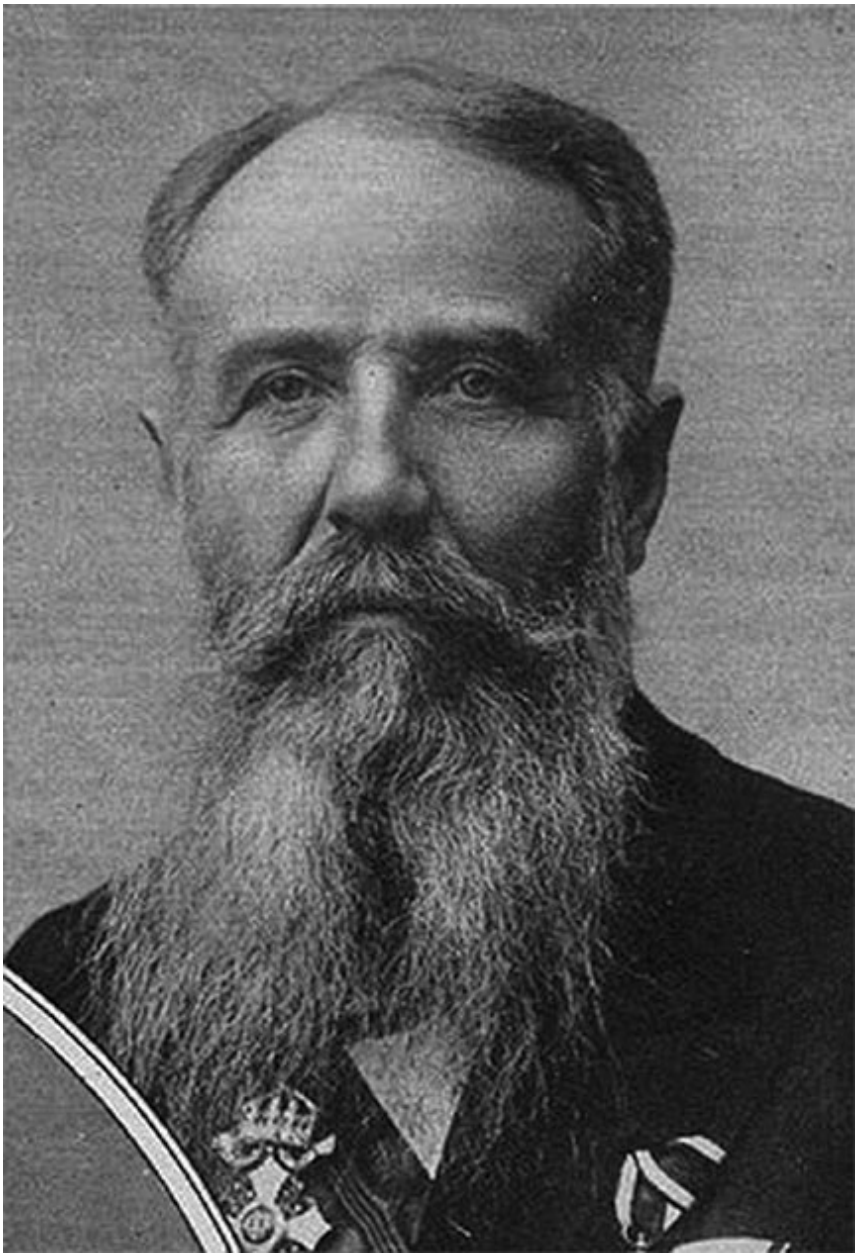
Наследник престола Австро-Венгрии Франц Фердинанд Карл Лю́двиг Йо́зеф фон Габсбург, эрцге́рцог д’Э́сте

Франц-Фердинанд, его супруга графиня София Мария Йозефина Альбина Хотек фон Хоткова унд Вогнин, светлейшая герцогиня фон Гогенберг и их дети

Император Германии и король Пруссии Фридрих Вильгельм Виктор Альберт Прусский (Вильгельм II)

Офицеры сербского Генштаба. Справа Драгутин Димитриевич (Апис), начальник разведывательного отдела Генерального штаба, сооснователь и лидер тайного общества «Черная рука»

Петр Первый Карагеоргиевич, король Сербии, получивший престол в результате заговора, устроенного «Черной рукой»

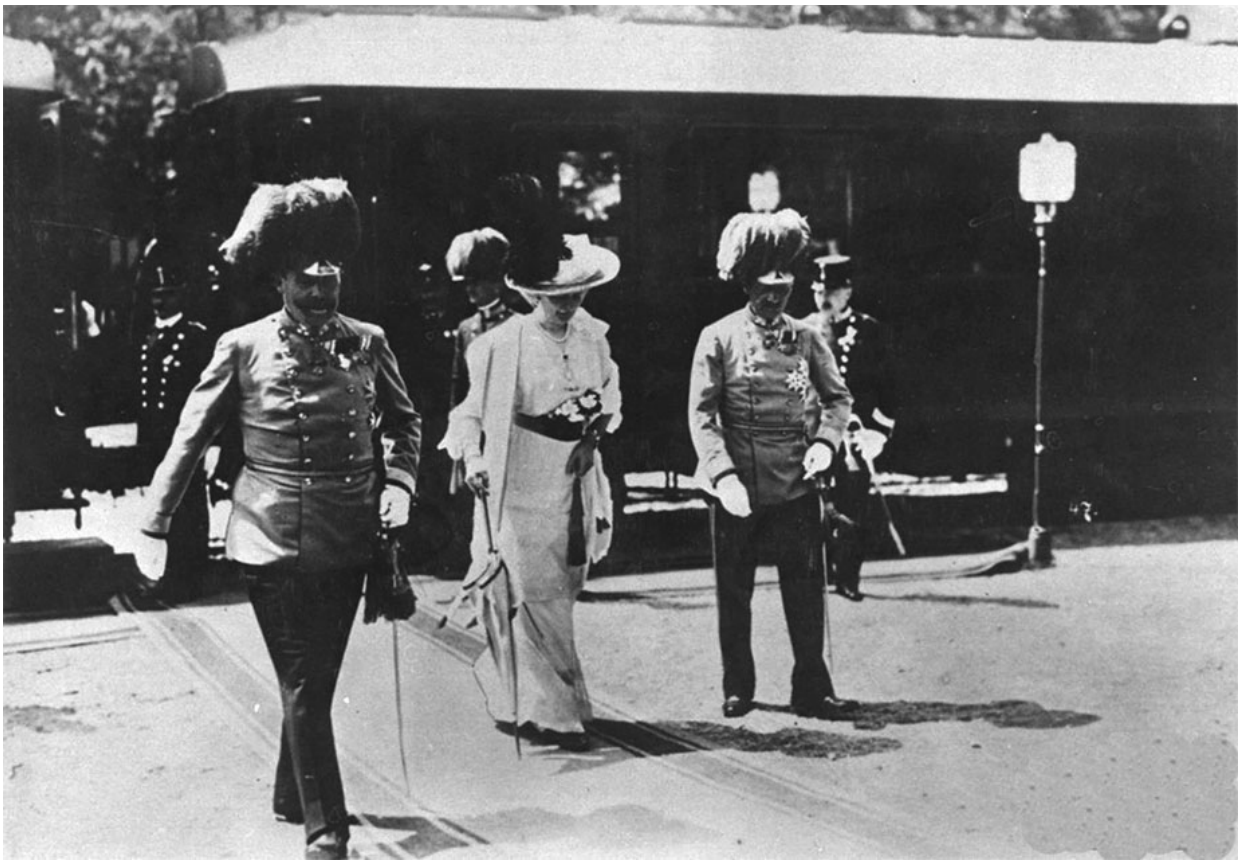


Никола Пашич, премьер-министр Сербии

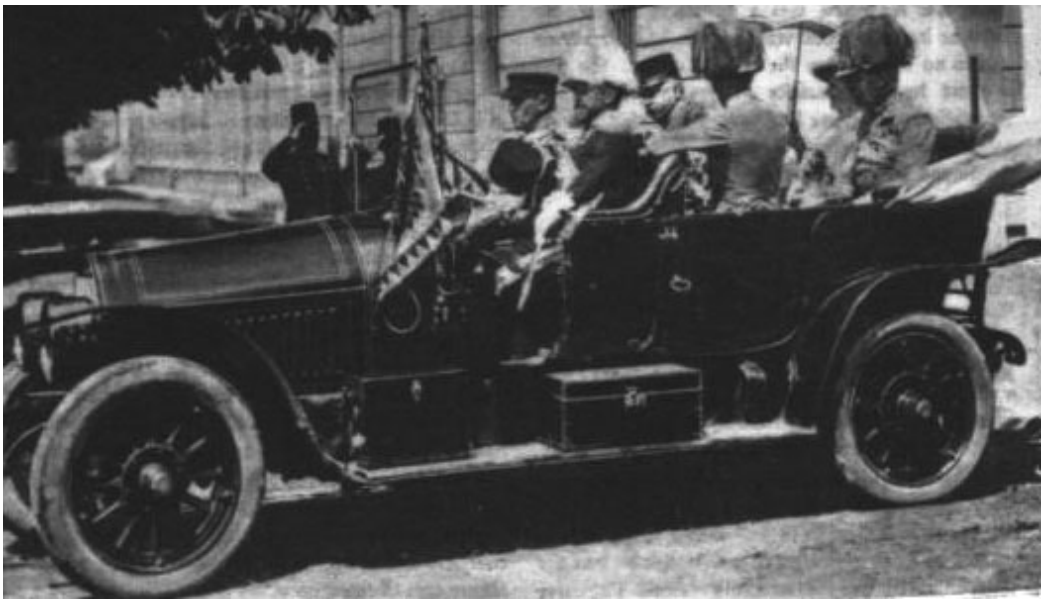
Генерал-фельдмаршал Франц Конрад фон Хетцендорф, начальник австрийского Генерального штаба

Министр иностранных дел Австрии Леопольд граф фон Берхтольд

Фельдцейхмейстер Оскар Потиорек, австро-венгерский наместник Боснии и Герцеговины. Именно ему предназначалась пуля, убившая герцогиню



Прибытие эрцгерцога в Сараево



Автомобиль эрцгерцога направляется в сараевскую ратушу. Снимок сделан до того, как Габринович бросил в него свою бомбу

Эрцгерцог с супругой покидают ратушу

Последний прижизненный снимок Франца-Фердинанда и Софии, сделанный за несколько мгновений до выстрелов Принципа

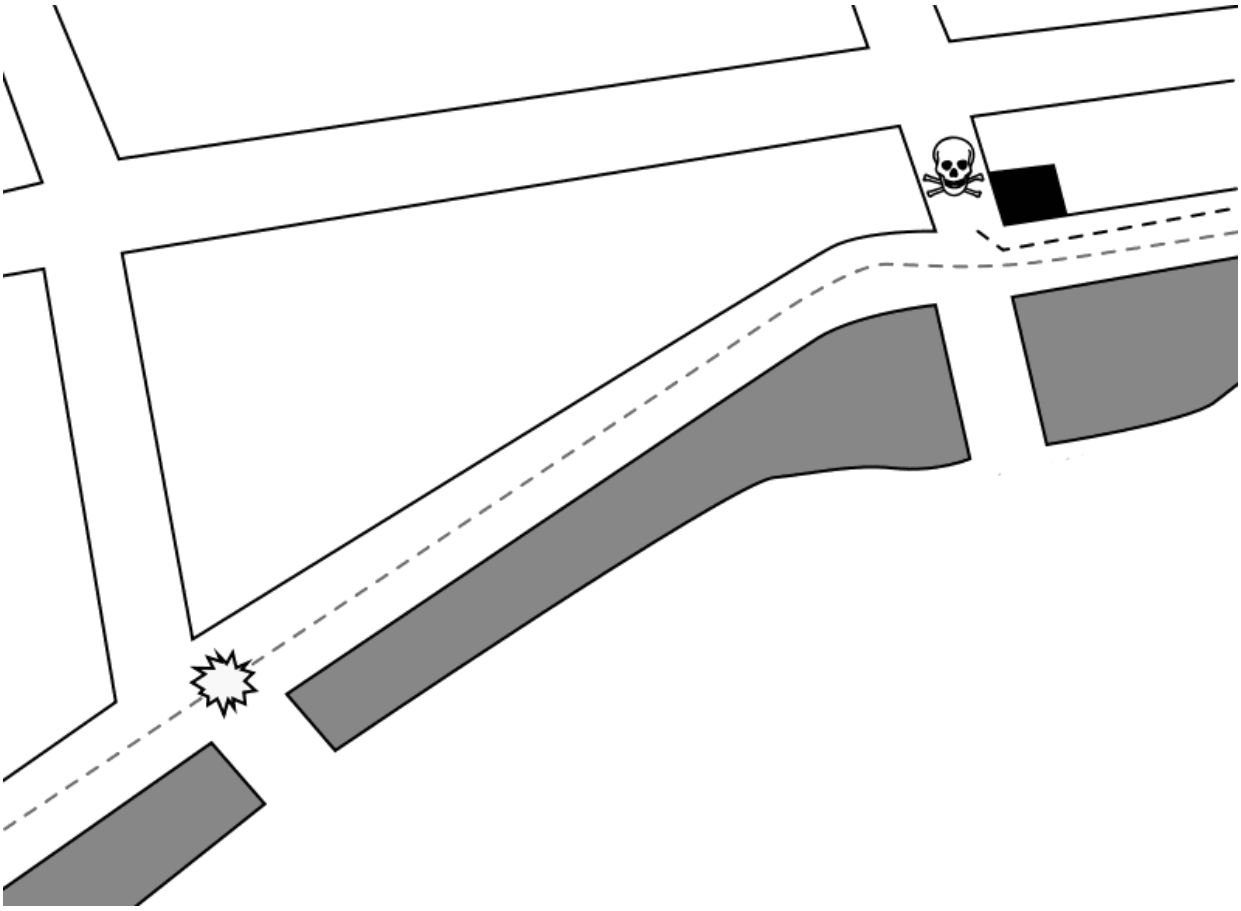
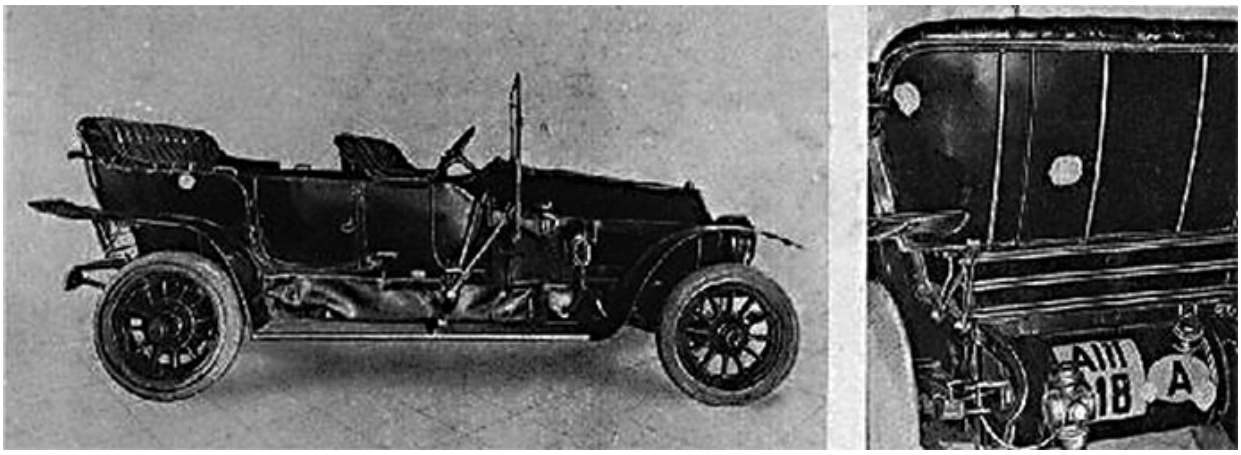


Схема проезда кортежа эрцгерцога по Сараево с указанием мест бомбометания и выстрелов Принципа

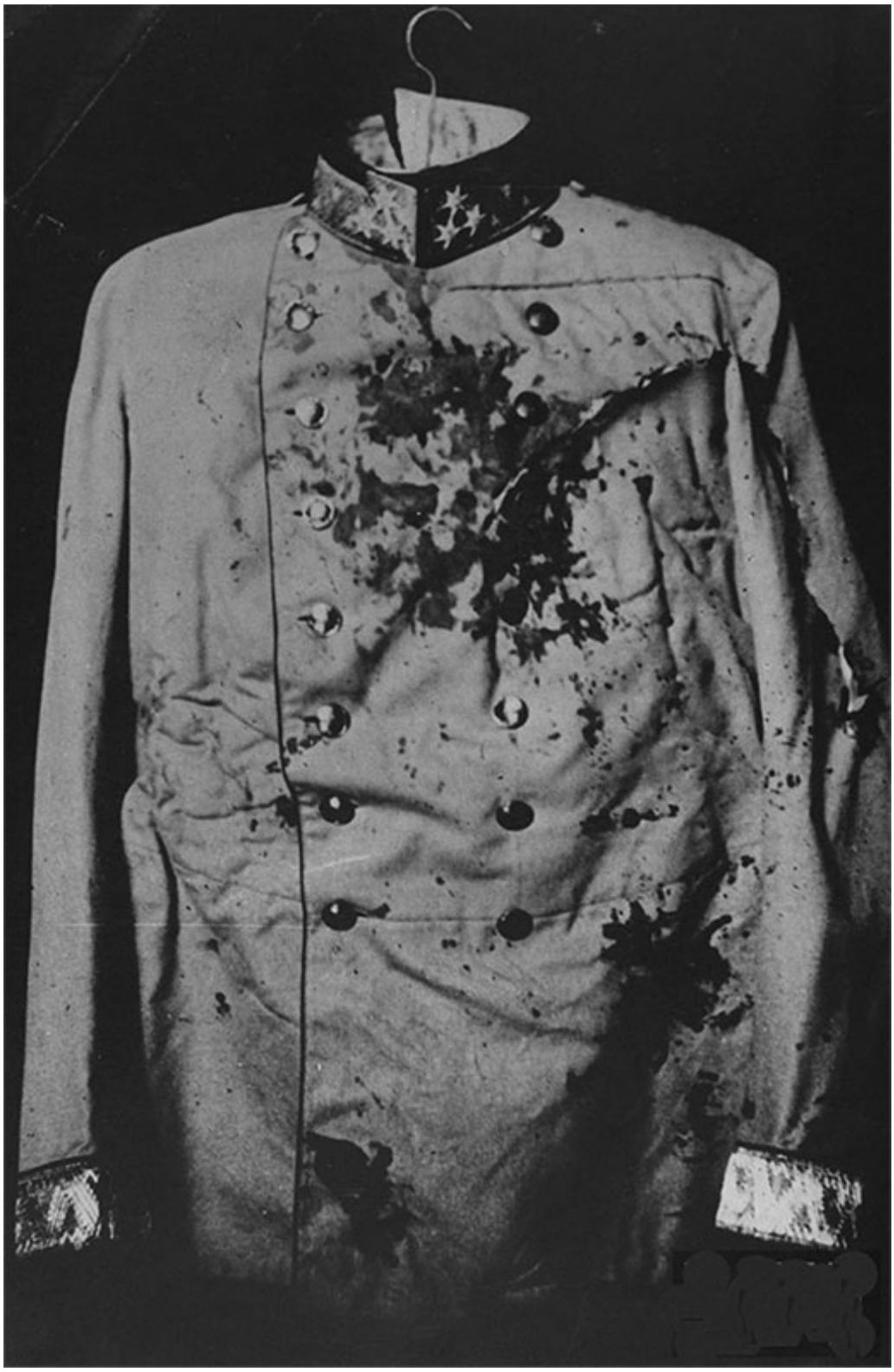
Принцип убивает Франца-Фердинанда и эрцгерцогиню Софию. Рисунок современника

Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда. Рисунок начала XX в.

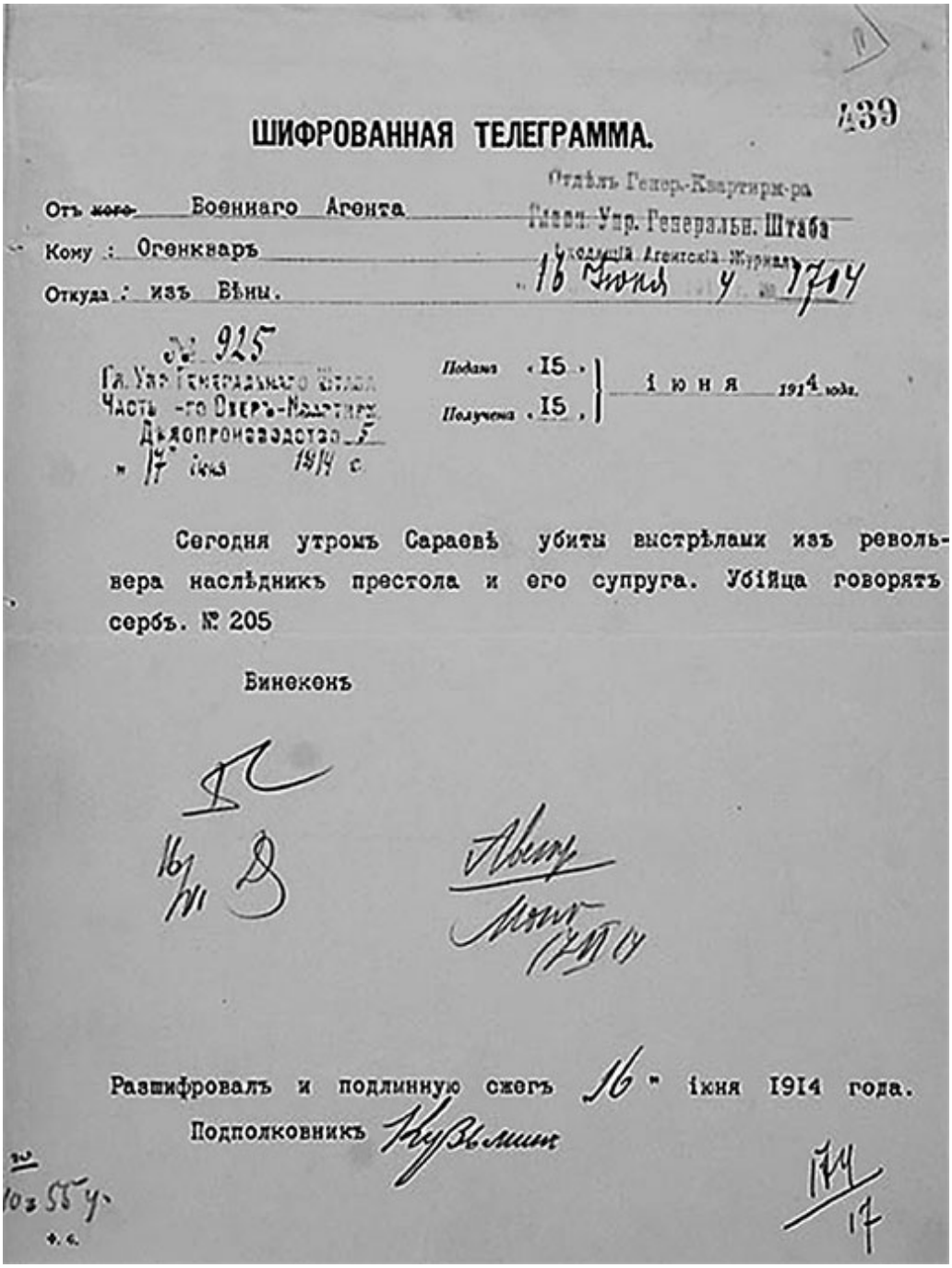


Автомобиль «Грэф унд Штифт» Франца-Фердинанда сразу после покушения. На левом снимке виден след от пули, убившей жену эрцгерцога. На правом – следы осколков от бомбы

Первый снимок, сделанный после убийства. Охрана Франца-Фердинанда и местная полиция задерживают Гаврило Принципа



Окровавленный мундир эрцгерцога



ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА.

№ 939

Отдѣлъ Генер.-Квартирм.-ра
Глав. Упр. Генеральн. Штаба
Коллекція Агентскихъ Журналовъ

От ~~кого~~ Военнаго Агента

Кому: Огенкваръ

Откуда: изъ Вѣны. 16 Іюня / 1914

№ 925

Гл. Упр. Генеральнаго Штаба
Часть -го Отдѣ-Квартиры
Дѣлопроизводства 5
№ 17 іюня 1914 г.

Подана «15» } іюня 1914 года.
Получена «15»

Сегодня утромъ Сараевѣ убиты выстрѣлами изъ револьвера наслѣдникъ престола и его супруга. Убійца говорятъ сербъ. № 205

Бинекенъ

16/VI 8

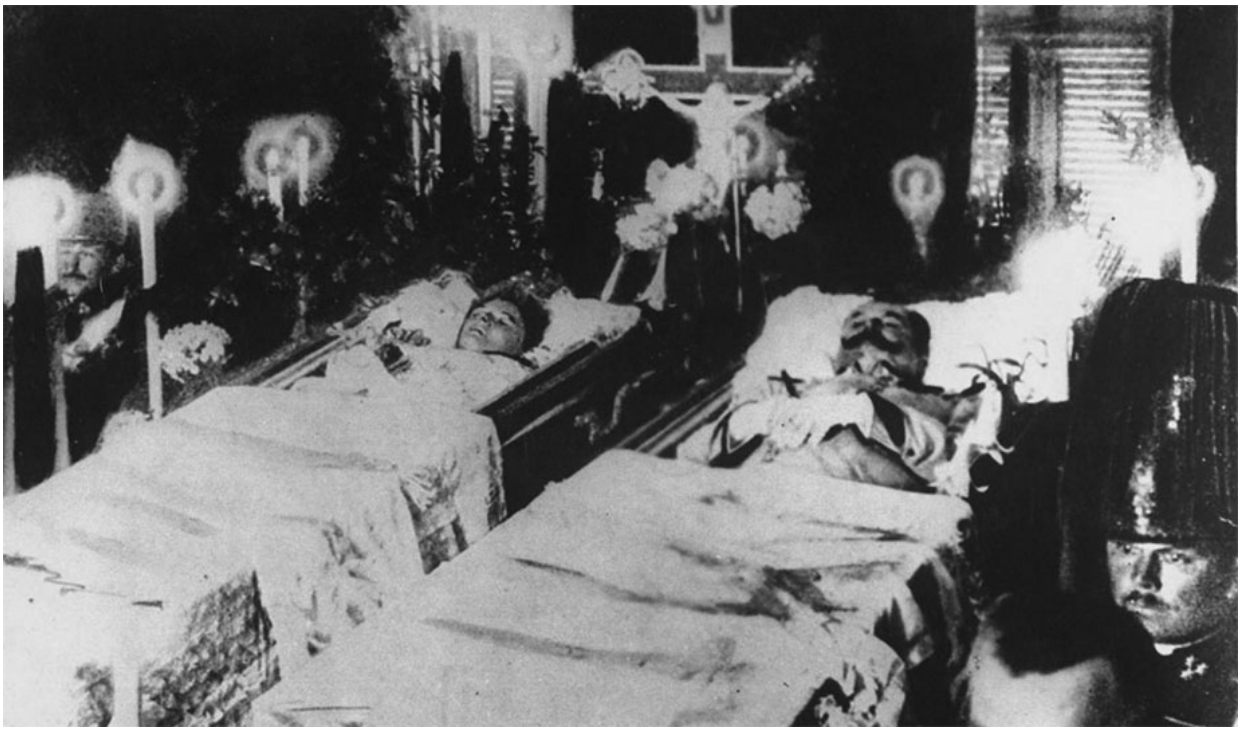
Разшифровалъ и подлинную сжегъ 16 " іюня 1914 года.

Подполковникъ Кузьмин

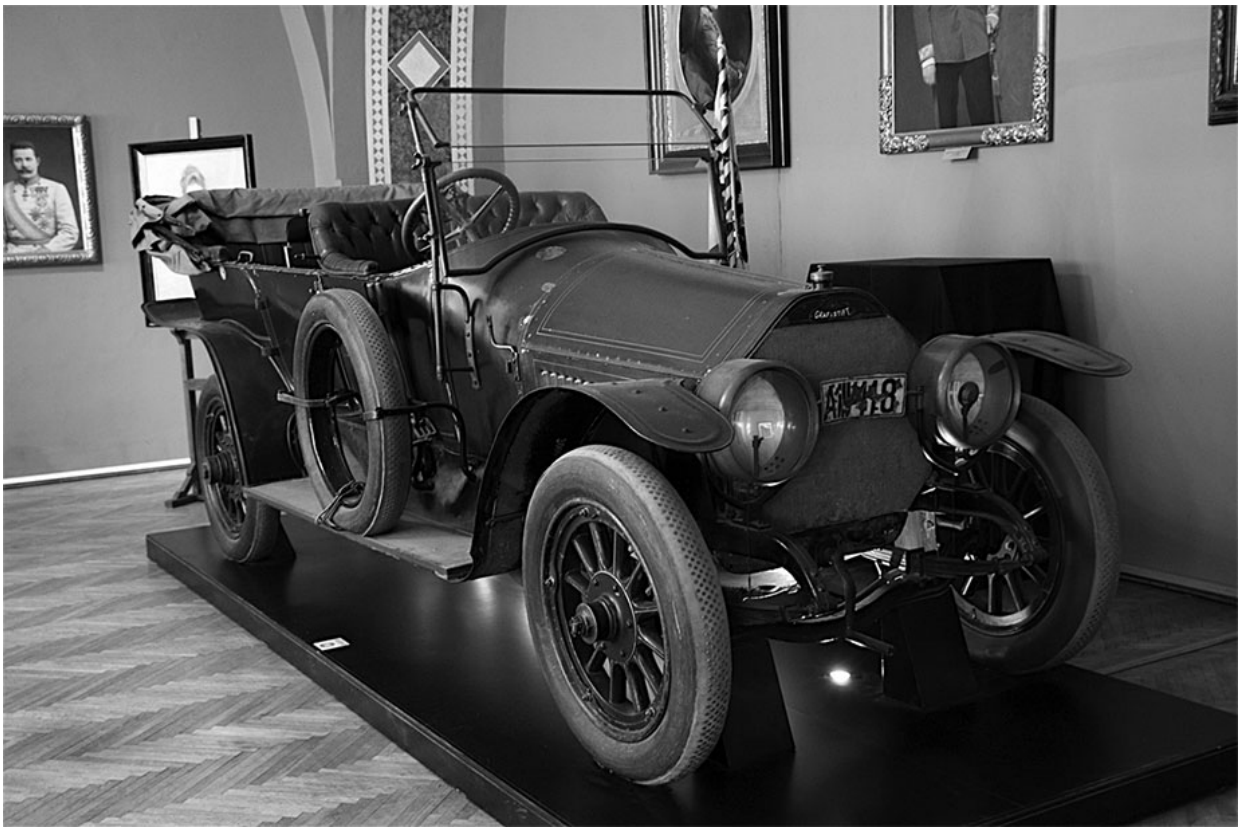
10 з 55 у.

17/VI 17

Донесение русского военного агента в Австро-Венгрии о событиях 28 июня 1914 года



Церемония прощания с Францем-Фердинандом и Софией

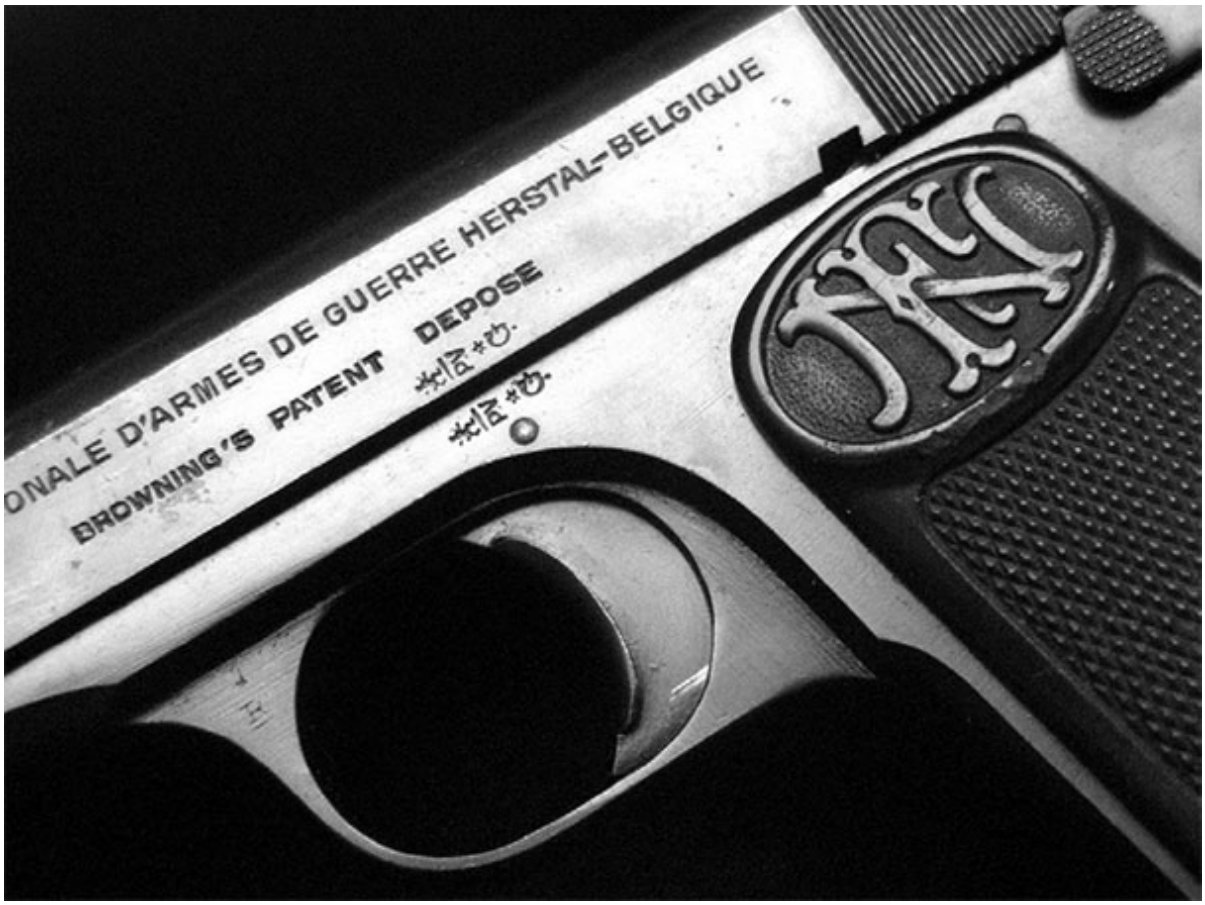


«Автомобиль Смерти» «Грэф унд Штифт», 1914 года, на котором Франц-Фердинанд и София передвигались по Сараево. С 1926 года машина хранится в музее Вены

Могила Франца-Фердинанда

Почтовая марка, выпущенная в честь Франца-Фердинанда и Софии в Австро-Венгрии

Гаврило Принцип во время следствия по делу о сараевском убийстве


ONALE D'ARMES DE GUERRE HERSTAL-BELGIQUE
BROWNING'S PATENT DEPOSE

notes

Примечания

1

Утверждение о том, Франц-Фердинанд возглавлял военную клику и был врагом сербов, совершенно не правильно, как это будет показано ниже. *(Примеч. авт.)*

2

Точнее: «Австрия – „больной человек” после Турции». Фей не приводит ссылку на автора этой формулировки, а им был В.И. Ленин. *(Примеч. ред.)*

3

Из письма полковника Бальфура, личного секретаря эрцгерцога, Конраду фон Хетцендорфу от 22 февраля 1913 года. В своих мемуарах Конрад приводит и сказанные ему слова Берхтольда: «Я не могу дать свою подпись для войны с Россией, эрцгерцог Франц-Фердинанд решительно против войны». *(Примеч. авт.)*

4

Разговор происходил 27 февраля 1913 года, приведен в мемуарах Конрада. *(Примеч. авт.)*

5

В 1848 году, во время войны с мятежной Венгрией, основной опорой Вены поначалу были войска хорватского бана Елачича. *(Примеч. ред.)*

6

В 1864 году, во время французской интервенции в Мексике (1862–1867), честолюбивый эрцгерцог Максимилиан Габсбург по инициативе Наполеона III был провозглашен мексиканским императором. После эвакуации французских войск из Мексики в начале 1867 года Максимилиан отказался покинуть страну, был взят в плен республиканской армией Хуареса. Специально организованный военный трибунал четырьмя голосами против трех приговорил его к расстрелу. *(Примеч. ред.)*

7

Клерикальная газета «Рейхспост», считавшаяся личным органом Франца-Фердинанда, писала в номере от 17 января 1911 года: *«Нам неизвестны причины отсутствия высочайшей четы, но нам понятно, если положение, занимаемое по действующему придворному церемониалу супругой наследника престола, будет сочтено крайне тягостным и ничем не оправдываемым. Согласно этому церемониалу, жена наследника значится по рангу не только ниже замужних дам императорского дома, но даже ниже самой молодой из принцесс. Мы припоминаем неприятную сцену на придворном балу два года тому назад, когда члены императорского дома появились в бальной зале, причем каждый из принцев императорского дома вел под руку даму соответствующего ранга, тогда как жена наследника престола должна была войти в зал одна. В нынешнем году несколько молодых эрцгерцогинь в первый раз выезжают на придворный бал, и жесткость соблюдавшегося до сих пор церемониала, пожалуй, еще резче бросится в глаза. Можно вполне понять, если герцогиня София фон Гогенберг пожелала избежать тягостного положения хотя бы уж ради его высочества, своего супруга». (Примеч. авт.)*

8

Даже Сетон-Уотсон, которого никто не обвинит в чрезмерной снисходительности к Австрии, под конец признал («Sarajevo», с. 111): *«Не было приведено никаких доказательств, которые хотя бы сколько-нибудь заслуживали этого названия [он имеет в виду версию об участии в убийстве венских и будапештских правящих сфер], и каждая из многих подозрительных подробностей может быть объяснена более просто и менее сенсационно». (Примеч. авт.)*

9

Относительно дальнейших подробностей свидания в Конопиште и тех вопросах, которые там могли обсуждаться, см. донесение русского посла в Вене Сазонову. Посол утверждает, что Франц-Фердинанд обсуждал с адмиралом Тирпицем австрийскую морскую программу ввиду опасности, что Россия поднимает вопрос о проливах. Краткий меморандум Тирпица, составленный немедленно по возвращении его в Берлин, рассказывает главным образом о светских развлечениях и садоводстве в Конопиште, которое произвело на него сильное впечатление. «Кроме беседы импортера с эрцгерцогом, политики почти не касались». Император упомянул Францу-Фердинанду о возможности посылки германского флота в Средиземное море в случае войны, «ибо морские маневры показали, что из-за подводных лодок мы не можем достичь больших результатов в Северном море». Конрад передает разговор с Францем-Иосифом, имевший место 6 июня 1914 г. Император сказал: «Я поручил Францу-Фердинанду осведомиться у германского императора в Конопиште, можем ли мы и в будущем безусловно рассчитывать на Германию. Германский император уклонился от этого вопроса и ответа не дал». (*Примеч. авт.*)

10

«Статс-секретарь Тирпиц сопровождал императора в Конопишт по специальному желанию эрцгерцога, который хотел ознакомиться с мнением адмирала относительно типа конструкции судов», – пишет Ягов. *(Примеч. авт.)*

11

Неясно, исходила ли первоначальная мысль об организации поездки от самого эрцгерцога, как это обыкновенно предполагают, или поездка была организована по просьбе боснийского губернатора генерала Потиорека, что представляется более вероятным. Конрад пишет в своих мемуарах: *«Я не знаю, кто был инициатором поездки наследника и кто организовал ее. Но мне казалось вполне естественным и соответствующим интересам династии, что имперский принц наконец снова посетит Боснию, как это делал прежде кронпринц Рудольф; тем более когда поездку совершит сам наследник престола»*. Никич-Баулес, сопровождавший жену эрцгерцога, указывает, что эрцгерцог поехал в Боснию скорее против своей воли, потому что он не выносил жары. Он дает понять, что поездка была предпринята в угоду генералу Потиореку и офицерам армии. *(Примеч. авт.)*

12

По условиям Берлинского конгресса 1878 года Австро-Венгрия оккупировала принадлежащие Турции Боснию и Герцеговину. 7 октября 1908 года двуединая монархия объявила об аннексии этих территорий, что вызвало крупный международный кризис. Однако созыва международной конференции (которой требовала Россия) австрийцам удалось избежать, в итоге 26 февраля 1909 года Турция отказалась от Боснии и Герцеговины, а 31 марта Сербия официально дезавуировала свои претензии на эти территории и объявила о прекращении на них всякой деятельности, направленной против Австро-Венгрии. *(Примеч. ред.)*

13

Например, итальянцев, которым эрцгерцог особенно не доверял и королю которых он отказался сделать визит, хотя, как сообщает Конрад, кому-нибудь из членов Габсбургского дома давно уже следовало сделать ответный визит королю Италии. В 1908 году германские и, надо полагать, австрийские власти получили сообщение о том, что итальянский военный атташе в Белграде выработал для сербского Генерального штаба план кампании для осуществления программы «Великой Сербии» и составил для них также план операций, которые Италия должна была предпринять для помощи сербам. Это соответствовало соглашению, заключенному в Ракконидже год спустя. *(Примеч. авт.)*

14

Pharos, Der Prozess gegen. die Attentater von Sarajevo: nach dem amtlichen Stenogram der Gerichtsverhandlung attenmassig dargestellt; Einleitung von Josef Kohler. Berlin 1918, c. 165. Как утверждают, Фарос – это псевдоним. Из того обстоятельства, что автор лично присутствовал на процессе, так как он описывает всех подсудимых, а также из того, что он крайне враждебно настроен по отношению к франкмасонам, можно предположительно заключить, что за этим псевдонимом скрывается отец Пунтигам, иезуит, духовник эрцгерцога. В своем немецком переводе Фарос не приводит показаний менее важных обвиняемых и свидетелей. Он дает только часть судебного отчета, касающуюся главных обвиняемых. Краткое изложение всего процесса, включая и некоторые части, опущенные Фаросом, было напечатано анонимно в Берне в 1917 году, в книге «Sarajevo, La conspiration Serbe centre la Monarchic Anstro-Hongroise. Сетон-Уотсон ничем не обосновывает своего утверждения, что в таком виде эти отчеты «весьма неполны и ненадежны» и что «они были опубликованы австро-венгерским правительством». По сообщению венской газеты «Der Tag» № 84 от 7 апреля 1936 года, копия первоначальной стенограммы отчета, напечатанная на пишущей машинке, попала в руки редактора сараевской газеты «Вечерняя почта» и была предоставлена им в распоряжение правительства Югославии. Характерно, что последнее не смогло извлечь из него ничего в свое оправдание или опубликовать хотя бы какое-нибудь показание, кроме того, что содержалось в упомянутых двух книгах. Правда, краткие извлечения были опубликованы Слиепчевичем («Nova Evropa», июнь 1926) и перепечатаны в переводе Сетон-Уотсоном в «Slavonic Review», IV, с. 646–666, март 1926. В этих извлечениях имеются важные, (но не отмеченные) пропуски, свидетельствующие о желании скрыть то, что относилось к Сербии, и подчеркнуть, что убийцы не действовали по внушению извне, из Сербии, а были ярыми боснийскими фанатиками, стремившимися осуществить объединение южных славян. *(Примеч. авт.)*

15

У сербов в хорошо осведомленных кругах давно не было тайной, что в приготовлениях к заговору для убийства Франца-Фердинанда принимали участие более высокие должностные лица, нежели те, на которых указывал австрийский ультиматум. Смотри ниже страницы, посвященные «Черной руке» и Салоникскому процессу 1917 года. *(Примеч. авт.)*

16

Эта версия салоникского дела выдержана вполне в духе Пашича. Однако есть основание полагать, что заговор против князя Александра отчасти служил лишь предлогом и был использован как удобное средство, чтобы освободиться от влиятельного политического противника. Другой причиной, побуждавшей навсегда зажать рот Дмитриевичу, по всей вероятности, было опасение партии Пашича, что полковник раскроет всему миру правду относительно своего участия в заговоре для убийства, вызвавшего мировую войну, и таким образом разоблачит виновность сербского правительства, которое было осведомлено об этом заговоре. *(Примеч. авт.)*

17

«Крв Словенства», Белград, 1924. Статья Иовановича имеет столь большое значение, что она была несколько раз напечатана в английском переводе. Дюргем подробно останавливается на статье Иовановича в своей новейшей книге «The Sarajevo Crime», с. 127–147 «Видов дан» («День святого Витта»), 28 июня, – день годовщины Косовской битвы, имевшей место в 1389 году, и национальный сербский праздник: в тот же день был убит эрцгерцог. *(Примеч. авт.)*

18

«Крв Словенства», с. 9. В письме, напечатанном в «Novi Zivot» («Новая жизнь») и в белградской «Политике» от 28 марта 1925 года, Иованович объясняет, что этой фразой он имел в виду «Черную руку». Он говорит, что когда стало известно провозглашение Австрией аннексии в 1908 году, то «по частной инициативе» было основано общество «Народна Одбрана», а другие элементы, которые были крайне недовольны деятельностью официальных сербских кругов, несколько позднее организовали общество «Уедненье или Смрт» («Объединение или смерть», обыкновенно известное под названием «Черная рука»); это и была та группа лиц, вошедшая в «тайное общество», которую я упомянул в моей статье». *(Примеч. авт.)*

19

Иованович был одним из основателей и деятельных членов «Народной Одбраны», и в абзаце, который мы здесь опустили, рассказывает о своем личном знакомстве с Принципом в Белграде. *(Примеч. авт.)*

20

Следует заметить, что показания, сделанные на Салоникском процессе, как и последующие заявления членов «Черной руки», часто противоречивы и проникнуты неприязнью к Пашичу, а потому пользоваться ими можно только с большой осторожностью. *(Примеч. авт.)*

21

Милан Прибышевич оставался деятельным членом «Народной Одбраны», Принцип первоначально собирался обратиться к нему за помощью для осуществления сараевского заговора, но потом получил помощь от руководителей «Черной руки». Прибышевич в начале мировой войны сражался в чине полковника в сербской армии, но неверно, что он был убит своими собственными солдатами в лесу на Ястребацкой горе. Он скрылся в Америку для того, чтобы вербовать там сербских добровольцев.

22

Трифко Крыштанович в своих показаниях описывает, как он прибыл из Боснии в Белград в 1908 году, получил квартиру и стол у Войи Танкосича и обучался у него метанию бомб, а потом получал жалованье в качестве шпиона и тайного курьера, перевозившего письма от лидеров «Народной Одбраны» в Сербию к их агентам в Боснии и обратно. Конечно, показания этого человека вызывали некоторые сомнения. *(Примеч. авт.)*

23

Иованович писал в газете «Политика» от 17 апреля 1925 года: *«В точности известно, как обстояло… с мероприятиями, которые Пашич предпринял для того, чтобы предупредить переход через границу лиц, участвовавших в убийстве, и относительно которых он слышал, что они получили оружие в Белграде и отправились через Дрину в Боснию. Австрийцы нашли определенные следы этих мероприятий, когда они в первый раз в 1914 году перешли Дрину, взяли Лозницу и нашли дневник одного из пограничных офицеров, покойного Косты Тодоровича, который записывал изо дня в день полученные им распоряжения. Среди них было строгое распоряжение тогдашнего военного министра Душана Степановича, чтобы молодым боснийцам, указанным в этом распоряжении, не дали перейти границу». (Примеч. авт.)*

24

Некоторые из «благоприятных» мест были использованы сараевскими убийцами. Габриович был переправлен через Зворник, а Принцип и Грабец с бомбами и револьверами – через Боснийские острова. Все трое потом встретились в Тузле. *(Примеч. авт.)*

25

Некоторые, но не все. Часть бывших заговорщиков 1903 года отказались вступить в новую организацию «Черной руки» на том основании, что хотя убийство короля Александра и было необходимо, но нет надобности пускаться в новую авантюру, которая может только причинить неприятности государству. Эти офицеры примкнули к радикальной партии; впоследствии, когда в 1917 году была уничтожена «Черная рука», они были вознаграждены тем, что получили места своих соперников. Обыкновенно они известны под названием «Белой руки». *(Примеч. авт.)*

26

Анте Старчевич – философ и журналист, фанатичный католик и основоположник идеологии хорватского национализма. Призывал к сербским погромам, выдвинул фантастическую теорию о том, что хорваты не являются славянами и происходят от готов. Впоследствии стал кумиром хорватских фашистов – усташей. *(Примеч. ред.)*

27

Из боснийцев, связанных с подготовкой и осуществлением заговора на австрийского эрцгерцога, Габринович был наборщиком, Мехметбашич – столяром, Мишко Иованович – коммерсантом и директором кинематографа, Илич был учителем, Пушара – городским служащим, Керовичи – крестьянами, Яков Нилович – рыбаком на Дрине. Принцип и Грабец были студентами. *(Примеч. авт.)*

28

Богичевич пишет на основании сведений, сообщенных двумя революционерами – Мустафой Голубичем и Павлом Бастаичем, которые вместе с Гачиновичем организовывали заговор против австрийских властей, подготовлявшийся в Тулузе. То, что Гачинович был одним из многих боснийских студентов, которых субсидировали белградские власти, видимо, явствует также из документов, захваченных австрийцами во время войны в доме Павловича и Пашича. *(Примеч. авт.)*

29

Один из главных сербских авторитетов по вопросам, касающимся «Черной руки», Богичевич, по-видимому, считает членов этих кружков членами организации «Черная рука». Однако я не нахожу этому подтверждения. Показания, данные на процессе сараевских убийц, свидетельствуют, что лица, арестованные в Боснии после совершения убийства, видимо, действительно не знали о существовании тех, кто входил в более узкий круг организации «Черная рука» в Сербии. Но Богичевич, безусловно, прав, когда он противопоставляет сравнительно низкий социальный состав кружков в Боснии членам «Черной руки» в Сербии, которые принадлежали главным образом к среде чиновников и военных. *(Примеч. авт.)*

30

Отец его, который, говорят, был австрийским шпионом, покончил самоубийством в 1924 году, незадолго до того, как исполнилось десятилетие со дня покушения его сына на эрцгерцога. *(Примеч. авт.)*

31

Не исключено, что здесь и в ряде мест далее автор либо использованные им документы путают французскую Тулузу с хорватским городом Тузла, находящимся в 100 километрах к северу от Сараева. *(Примеч. ред.)*

32

Вполне естественно, что югославяне, проживающие в настоящее время в Сараеве или в Югославии, у которых Сетон-Уотсон главным образом почерпнул свои сведения, стараются преувеличить размер югославянского движения за период до 1914 года и гнета, созданного австрийскими властями в Боснии, а вместе с тем преуменьшают значение деятельности сербских офицеров в Белграде и их ответственность за преступление. *(Примеч. авт.)*

33

Конечно, если речь идет именно о *Тулузе,* а не о *Тузле.* От последней до Скутари (албанский Шкодер) – всего около 400 километров. *(Примеч. ред.)*

34

Из показаний Илича на суде. Точно так же и Принцип в своих признаниях в тюрьме говорит, что он писал шифром Иличу, который «находился под его влиянием, хотя и был на пять лет старше. Он раньше был учителем». Принцип писал ему, что он «сам примет в этом участие и достанет оружие для 5–6 человек». *(Примеч. авт.)*

35

Показания на суде относительно Поповича и Вазо Чубриновича, по-видимому, указывают, что они были привлечены Иличем к участию в этом деле всего лишь за несколько дней до убийства и что они действительно не обладали выдержкой и решимостью для этого дела. Те, кто вооружил нескольких убийц, стремились придать протесту против австрийского господства как можно более широкий характер. Грабец показал: «Мы хотели, чтобы нас было как можно больше, чтобы таким образом сильнее показать недовольство». *(Примеч. авт.)*

36

Фарос, судя по его предисловию, примечаниям и тем стараниям, с которыми он приводит все то, что на суде говорилось о масонах, подозревает последних в участии в преступлении. В «La Conspiration Serbe», с. 33, цитируется предсказание, якобы сделанное видным масонским деятелем и напечатанное в «Revue internationale des Societes Secretes», II, 788 (1912). Там говорится, что эрцгерцог производит очень хорошее впечатление и жалко, что он осужден и умрет на пути к трону. Ответственность франкмасонов стала излюбленной темой многих авторов. Но многое из того, что они говорят о масонах, по-видимому чистая фантазия. Автор этой книги считает весьма сомнительным, чтобы на них падала какая-нибудь ответственность за заговор, но вполне допускает, что ими можно прикрываться для того, чтобы сбить с толку австрийские власти и скрыть деятельность «Черной руки». *(Примеч. авт.)*

37

На вопрос, откуда Циганович достал деньги и браунинг, Габринович показал на суде: *«Я не знаю. Он [Циганович] получил деньги от Танкосича. Последний подписал чек вместе с одним из своих коллег [вероятно, Димитричем], получил по нему деньги и купил оружие. От нашего имени к Танкосичу ходил Грабец. Танкосич спросил его: „Вы готовы?” Когда Грабец ответил: „Да”, – он стал расспрашивать относительно нас, надежные ли мы ребята. Грабец ответил, что он может за нас поручиться… Какие у них были еще дела с Танкосичем, я не знаю».* Показания Грабеца относительно того, что деньги и револьверы были получены от Танкосича и Димитриевича, подтверждаются Богичевичем, который говорит, что Димитриевич действительно показывал ему и другим оплаченный счет за купленные револьверы. *(Примеч. авт.)*

38

Они признали, что в последней части приготовлений к тайному переходу через границу при содействии офицеров пограничной стражи Танкосич принимал непосредственное и деятельное участие.

В связи с этим следует отметить не внушающий доверия рассказ Иована Иовановича в «Политике» от 4 декабря 1924 года. Когда заговорщики первоначально обратились к Танкосичу, он не одобрил мысли об убийстве эрцгерцога. Тогда молодые люди обратились непосредственно к полковнику Димитриевичу, и тот санкционировал заговор, но никому об этом не сказал. Сначала было пять заговорщиков, которые добрались до Шабаца. Но перед тем как перейти границу, один из них стал предателем. Гражданские власти что-то узнали, и по распоряжению Протича, министра внутренних дел, заговорщики были доставлены обратно в Белград. Таким образом, первая попытка не удалась. Но она еще более усилила антагонизм, который как раз в то время существовал между радикальной партией и «Черной рукой». Танкосич не знал об этой первой попытке, но потом Принцип и Грабец обратились к нему, чтобы он помог им переправиться в Боснию. Тогда он изменил свою позицию и сделал это. Так рассказывает бывший сербский посланник в Вене.

Трое молодых людей нигде не упоминают о том, что в первый раз они были арестованы. Если это действительно имело место, то, очевидно, сербское правительство заранее знало о заговоре. Это подтверждало бы сообщение Любы Иовановича, что в конце мая или начале июня Пашич узнал о заговоре. Евтич говорит, что за три недели до Видова дня (28 июня) эти молодые люди при посредстве «туннеля» переправились в Боснию. По всей вероятности, вследствие чьей-то нескромности о действиях эмигрантов стало известно. Белградская полиция немедленно устроила несколько облав – но, видимо, безуспешно. *(Примеч. авт.)*

39

Эта предосторожность, как оказалось, ни к чему не привела. Принцип проглотил яд, но от большого волнения немедленно выплюнул его, прежде чем он стал действовать. Габринович принял яд, но он не подействовал. У Грабена яда не оказалось, потому что Илич не положил на место порцию, которую он должен был взять. *(Примеч. авт.)*

40

В показаниях Габриновича мы читаем: *«Циганович определенно сказал нам, что мы должны стараться, чтобы гражданские власти ничего не знали о нашем путешествии и наших намерениях. Если об этом пойдут слухи, то Министерство внутренних дел немедленно арестует нас». (Примеч. авт.)*

41

Мишко Иованович был человеком средних лет, зажиточным коммерсантом в Тузле; он являлся председателем сербского приходского школьного совета, директором, местного сербского банка и управляющим кинематографа. В 1912 году по настоянию своего родственника Кубриловича он отправился в Шабац, стал там членом «Народной Одбраны» и потом распространял ее литературу в Боснии, что особенно облегчалось для него положением, которое он занимал в сербской школе. В письмах, найденных в его доме, говорилось о «работе на пользу любимой Сербии» и о готовности рисковать жизнью для Сербии. *(Примеч. авт.)*

42

На процессе и в тюрьме Принцип настаивал, что второй его выстрел предназначался Потиореку и что он не имел намерения убить жену эрцгерцога. *(Примеч. авт.)*

43

Евтич добавляет, что накануне убийства Принцип снова ходил на могилу Жераича, как к святому алтарю, «чтобы попрощаться с Жераичем», и «принес большой венок». *(Примеч. авт.)*

44

Фарос пишет, что, по словам Принципа, «Смерть героя» Гачиновича, представлявшая собою панегирик Жераичу, произвела на него большое впечатление. *(Примеч. авт.)*

45

Это заявление показывает, как сербская националистическая печать возбуждала недовольство и оппозицию против Австрии, извращая факты. «Исключительные законы» действительно были стеснительны и недопустимы, но в 1913 году в соответствии с проводившейся Билинским примирительной политикой они были отменены. Франц-Фердинанд, хотя и был другом барона Конрада, возглавлявшего военную партию в Вене, сам не принадлежал ни к одной из венских военных клик. Наоборот, он часто действовал против них, в пользу мира. К сербам он относился скорее дружественно, чем враждебно. Его политика «триализма» улучшила бы их положение за счет немцев и мадьяр двуединой монархии.

В конце процесса Габринович сказал в защитительной речи, что мысль об убийстве Франца-Фердинанда не явилась у него и его товарищей самопроизвольно, а была внушена им той средой, в которой они вращались в Белграде; убийство изображалось там как благородное дело. Люди, с которыми они общались, постоянно твердили, что эрцгерцога надо устранить, потому что он является препятствием для осуществления югославянской идеи. Хотя Принцип упорно не раскаивался, но другие обвиняемые высказали сожаление по поводу содеянного. Они не знали, что у эрцгерцога были дети, и теперь просили прощения у сирот («La Conspiration Serbe», с. 147). *(Примеч. авт.)*

46

Приблизительно то же самое сказал Габринович: «Мы говорили, что нам надо организовать сербов [в Боснии], снабдить их деньгами, динамитом и бомбами, чтобы они могли произвести революцию перед войной, с тем чтобы Сербия могла явиться и установить порядок». *(Примеч. авт.)*

47

На опасение нападения со стороны Австрии под руководством эрцгерцога часто указывалось как на мотив, побудивший Димитриевича к участию в заговоре. Но весьма мало вероятно, чтобы это опасение действительно было одним из его мотивов. *(Примеч. авт.)*

48

Рекули и Дюмен дают понять, что австрийские власти в Сараеве, вместо того чтобы организовать полицейскую охрану, помогли убийцам занять удобные пункты, а Шопен пытается доказать, что Габринович был австрийским агентом-провокатором и был направлен в Белград перед совершением убийства, для того чтобы создать впечатление соучастия сербов в этом деле. Все эти намеки – чистейшая выдумка. Не имеется также никакого подтверждения тому, что рассказывает хорват, Рудольф Бортулич, будто убийство является делом мадьяр. *(Примеч. авт.)*

49

Левитич добавляет к этому пикантную подробность: когда эрцгерцог остановился у одного из базаров, он столкнулся почти лицом к лицу с Принципом: *«Принцип видел его, но не шевельнулся; за ним кто-то чужой, несомненно, полицейский агент заботливо протянул руку. В тот же день вечером Принцип в „кружке” рассказал нам об этой встрече». (Примеч. авт.)*

50

Нельзя также согласиться с его мнением, что вся инициатива исходила из Боснии и что убийство было бы кем-нибудь совершено, даже если бы не были доставлены бомбы из Белграда, потому что в конце концов убийство было совершено при помощи браунинга, а браунингов было достаточно и без импорта из Сербии. Но все показания, данные на суде, свидетельствуют о том, что у молодых людей не было денег на покупку револьверов и что браунинги в Боснии было трудно достать. Илич собирался отправиться в Сербию, потому что только там он мог достать их. *(Примеч. авт.)*

51

Это опасение мести со стороны сербов, объяснимое террористическими действиями «Черной руки», очень живо изображается также некоторыми доверенными лицами, из которых состоял «туннель». Они говорили это в оправдание того, что оказывали содействие трем заговорщикам при переправе их из Белграда в Сербию. Так, например, школьный учитель в Прибое Кубрилович заявил: *«Я боялся, что убьют мою семью. Наш дом находится всего в 6 милях от границы, и нас могут погубить в одну ночь – разорить и убить. Я слышал, какие ужасы учиняли тайные сербские организации в Македонии. Я опасался, что Принцип является членом одной из этих организации, и потому боялся за свою голову. Я полагал, что кто-нибудь стоит за Принципом, потому что иначе каким образом он мог бы получить бомбы. Мне рассказывали об одном землевладельце в старой Сербии, у которого истребили всю семью». (Примеч. авт.)*

52

Согласно показаниям Принципа и Габриновича, Грабец тоже, услышав взрыв бомбы, решил, что это бомба Габриновича, потому что считал Илича и привлеченных им людей «второсортными». *(Примеч. авт.)*

53

Милан Гаврилович (№ 406), Симич (№ 420) и С. Симич (№ 467) по частичному списку членов, установленному Богичевичем («Le Proces de Salomque», с. 53–68). Он включает также в список, не указывая, однако, их номеров, племянника Пашича, Милютина Иовановича, бывшего секретарем в Министерстве иностранных дел, а в 1914 году – сербским уполномоченным в Берлине и впоследствии сербским посланником в Швейцарии. *(Примеч. авт.)*

54

Незадолго до того, как убийцы покинули Белград, князь Александр посетил правительственную типографию вместе с ее директором Живоином Дашичем, ярым сербским националистом. Там он познакомился с Габриновичем, которого Дашич взял на службу в качестве наборщика. Когда Габриновича после ареста допрашивали об этой встрече, он признал это обстоятельство, но затем вдруг отказался отвечать на дальнейшие вопросы, видимо, опасаясь запутать в свое дело князя Александра. Это обстоятельство вместе с доказательствами, собранными австрийцами в Белграде во время войны, внушили некоторым писателям мысль, что, может быть, Дашич и князь Александр были до некоторой степени посвящены в заговор об убийстве. Об этом пишут Фарос и ряд других исследователей, но это нельзя считать окончательно установленным. *(Примеч. авт.)*

55

Информация из секретного донесения белградской полиции сербскому министру внутренних дел Протичу от 30 июня 1914. Донесение было найдено австрийцами после взятия Белграда; напечатано в хорватской газете «Hrvatski Dnevnik» № 132, 12 мая 1916, и перепечатано у Фароса. *(Примеч. авт.)*

56

Мы не можем согласиться с объяснением Сетон-Уотсона, что это пассивное отношение Пашича было вызвано его «типичным восточным равнодушием к общественному мнению как о нем самом, так и о его стране». Мы подозреваем, что им руководили опасение, что Австрия и Европа узнают больше, чем ему хочется, о соучастии сербских офицеров, а также боязнь еще более усилить враждебное отношение к нему «Черной руки». Сетон-Уотсон признает, что другим основанием для бездеятельности сербского правительства в это критическое время была роль, которую играла «Черная рука». *(Примеч. авт.)*

57

Затрудняясь объяснить, почему Циганович не был арестован, сербское правительство, видимо, давало разные ответы. В ARB, II, 47, последняя фраза гласит: «il n'a pu encore etre decouvert et un mandat d'amener a ete lance contre lui» (не удалось открыть его местопребывание, и издал приказ об его приводе), но в ССК, 39, и ФЖК, 49, слова «joints» (найти) и в ББК, 39, «arrete» (арестовать) заменили слово «decouvert» (открыть местопребывание) и уже ничего не говорится о «un mandat d'amener». *(Примеч. авт.)*

58

В лондонской «Times» от 1 июля, с. 7, венский корреспондент уже сообщал: *«Из вполне осведомленного источника передают, что нет никаких оснований утверждать, будто сербский посланник в Вене сообщил австро-венгерскому правительству о существовании заговора против эрцгерцога».* Точно так же Пашич в интервью, напечатанном в будапештской газете «Az Est» от 7 июля и перепечатанной в тот же день в «Neue Frei-Presse» № 7811, с. 5, по словам репортера, сказал: *«Не верно, что Сербия знала заранее о приготовлениях к убийству и что она поэтому сделала предостережение».* Парижский «Temps» от 8 июля вкратце передал интервью с Пашичем, напечатанное 7 июля в «Az Est», но в передовой статье от 10 июля мы находим странное заявление: *«Пашич в интервью, которое он дал третьего дня, неопровержимо доказал, что сербское правительство предостерегало от опасности (avait signale le peril) и что австро-венгерские власти не обратили никакого внимания на это предостережение (avertissement)». (Примеч. авт.)*

59

Так как Дени писал главным образом на основании сербских источников, то возможно, что он получил сведения у Пашича или у одного из сербских министров или же он просто списал безответственную передовую статью из «Temps», которая приведена в предыдущем примечании. *(Примеч. авт.)*

60

Г-н Иосифович, как утверждают, отрицал, что он писал это. Утверждение, что Иованович сообщил Билинскому 21 июля в 12 ч. дня, опровергается тем обстоятельством, что Билинский вернулся в Вену из отпуска, проведенного во Львове, 21 июля после полудня. Другое утверждение этого письма, что Билинский тогда поставил в известность гофмейстера эрцгерцога, барона Румерскирха, решительным образом отрицается последним. *(Примеч. авт.)*

61

Либо его информация в 1914 году была неточна, либо ему изменила память в 1924 году. Маневры не должны были происходить на Дрине, как раз против Сербии, а происходили на юго-запад от Сараева в Тарчинском округе у Адриатического моря (почти в самом отдаленном месте от Дрины и сербской границы). Неверно также будто «эрцгерцог сам должен был командовать». Командовал генерал Потиорек, и эрцгерцог присутствовал в качестве официального наблюдателя. *(Примеч. авт.)*

62

В частном письме доктору Богичевичу, сербскому уполномоченному в делах в Берлине в 1914 году, выступившему впоследствии с резкой критикой Пашича и дипломатии Антанты, Иован Иованович кратко сообщил об этом, но не говорит, что он действовал по собственной инициативе, и менее определенно высказывается относительно даты: *«В мае месяце, в конце мая 1914 года узнав, что эрцгерцог Франц-Фердинанд собирается в Сараево на маневры в Боснии, как раз в Виттов день 14–15 (27–28) июня 1914 года, я сообщил австро-венгерскому министру финансов фон Билинскому, что было бы нежелательно (не выгодно), чтобы эрцгерцог руководил маневрами в день святого Витта. Это явилось бы провокацией по отношению к сербам, и могло бы произойти что-нибудь неожиданное, потому что во время маневров при стрельбе холостыми патронами может случиться, что выстрелят и военным патроном». (Примеч. авт.)*

63

В ближайшие дни после убийства он пытался порицать генерала Потиорека, военные власти и даже самого эрцгерцога за беспорядочность и упрямство при организации поездки. *(Примеч. авт.)*

64

Vide – имя албанского принца; *vide,* по-французски, – пустой. *Le throne est vide* – одновременно «на троне Вид» и «трон пуст». Полный перевод фразы: «Кассы пусты, на троне Вид [= трон пуст], все пусто». *(Примеч. ред. 1934 г.)*

65

Смерть наложила кровавую печать на его уста – в самом конце войны Тисса был убит на пороге своего дома. Все считали, что он являлся одним из главных виновников войны. *(Примеч. авт.)*

66

Согласно сообщению Ж. Камбона, который слышал это несколько дней спустя непосредственно от «особы, находившейся в этот момент около императора». Приводя его в своей книге, Рекули добавляет, что император, побледнев, заметил: «Tout est a, recommencer!» («Приходится все начинать сначала!») Отсюда он без всяких доказательств делает вывод, что император в Конопиште уговорил Франца-Фердинанда предпринять какую-то большую затею – он тщательно избегает определенно указать, какую именно, – и что теперь весь план рушится вследствие смерти эрцгерцога. *(Примеч. авт.)*

67

Кроме того, 2 июля Берхтольд сообщил германскому послу Чиршки: *«Полученные сегодня сообщения из Землина, согласно которым, двенадцать убийц выехали с целью убить императора Вильгельма, может быть, заставят наконец Берлин понять, какая опасность угрожает из Белграда». (Примеч. авт.)*

68

По сообщению британского посла в Вене, Берхтольд 29 июля выразил надежду, что на похоронах эрцгерцога не будут присутствовать миссии иностранных государей, чтобы не утомлять Франца-Иосифа и по возможности сократить церемонию. Возможно, он опасался, что съезд государей в Вене может оказать решающее влияние и помешать ему в осуществлении его плана войны с Сербией. После войны два видных австрийских сановника высказывали мнение, что на таком съезде монархов мог бы быть подан совет, который привел бы к иному решению конфликта, без войны. *(Примеч. авт.)*

69

Русское издание – Вильгельм II. Мемуары. М. – Пг., 1923. *(Примеч. ред.)*

70

В своем последнем письме к Францу-Иосифу от 1 июля Тисса говорил о «предпочтении, оказываемом кайзером Сербии». Бетман писал германскому уполномоченному в делах в Бухаресте 6 июля: «Как известно королю Каролю, император всегда выступал в Вене в пользу соглашения». *(Примеч. авт.)*

71

По-видимому, кайзер в воскресенье днем еще не знал об этом безответственном разговоре Гойоса, который, по всей вероятности, имел место в понедельник утром, когда Вильгельм II уже отправился в Киль. Этим объясняется, почему место, относящееся к инциденту с Гойосом, было выкинуто из депеши Чиршки, когда Ягов отправил ее кайзеру. *(Примеч. авт.)*

72

Трудно сказать, насколько точно переданы здесь слова Чиршки и в какой мере они искажены Берхтольдом и его агентом для их надобностей. Даже если они были переданы точно, то Чиршки, очевидно, выражал только свое личное мнение, ибо ни по одному из документов не видно, чтобы он получил за это время соответствующие инструкции из Берлина. Если бы он имел такие инструкции, то он, несомненно, передал бы их официально Берхтольду, который, конечно, с радостью сообщил бы об этом Францу-Иосифу и Тиссе. Относительно искренних мнений, которые он высказывал 30 июня и 2 и 3 июля, где он к заверениям об австро-германской солидарности присоединил предостережение против всяких поспешных и рискованных шагов, способных внести смуту в Европу. *(Примеч. авт.)*

73

Слова «поскольку император Вильгельм… с Сербией» были добавлены Берхтольдом уже впоследствии к заметкам, сделанным Гойосом. Исправляя протокол, Берхтольд облегчил себе задачу убедить Франца-Иосифа согласиться на войну с Сербией, когда ему был представлен на утверждение журнал о заседании Совета министров. *(Примеч. авт.)*

74

Эта и следующие цитаты взяты из протокола заседания Совета министров от 7 июля. Гойос указывает на изменения, внесенные Берхтольдом в протокол. Конрад, который вместе с одним адмиралом присутствовал на послеобеденном заседании с 3 часов до 5 часов дня и сделал секретный доклад о военных делах. Он рассказывает об этом в своих воспоминаниях, но из предосторожности доклад этот не был включен в официальный протокол заседания. *(Примеч. авт.)*

75

Имеются серьезные основания полагать, что Берхтольд сам сфабриковал заявление, приписываемое им Чиршки, для того чтобы, как он сам указывает, «повлиять» на Тиссу:

1) В документах Каутского нет такой телеграммы на имя Чиршки, и последний не подтверждает ее получения или выполнения данных ему распоряжений, как он это обыкновенно делал в подобных случаях;

2) Чиршки, сообщая о своей беседе с Берхтольдом 8 июля, совершенно не упоминает о подобных заявлениях;

3) Берхтольд говорит о «телеграмме, полученной из Берлина, в которой его монарх и т. д.», между тем как кайзер за два дня до этого покинул Берлин и отправился в северное плавание. Следует отметить, что Берхтольд 8 июля получил телеграмму Сегени, в которой указывалось, что Берлин с нетерпением ожидает решения. Возможно, что содержание телеграммы Сегени Берхтольд приписал Чиршки, чтобы «повлиять» на Тиссу. *(Примеч. авт.)*

76

Частное письмо Чиршки Ягову от 11 июля. Это частное письмо и телеграмму от 11 июля, приведенную нами выше, следует считать весьма важными, так как, по-видимому, они легли в основу нашумевшей депеши Шена, советника баварского посольства в Берлине, которая в искаженной форме была напечатана Куртом Эйснером и приводилась на мирной конференции как одно из доказательств ответственности Германии за войну. Опубликование этой депеши послужило поводом для нашумевшего, в свою очередь, процесса, разбиравшегося в Мюнхене. На эти два донесения Чиршки, по-видимому, опирался также Тирпиц в своей полемике с Бетманом, когда утверждал, что 13 июля канцлер знал уже существенные пункты ультиматума. *(Примеч. авт.)*

77

Обе эти фразы, и только они одни, были процитированы из доклада Визнера Лансингом и Скоттом, американскими членами Комиссии по вопросу об ответственности виновников войны, на Парижской мирной конференции, 4 апреля 1919 года. Но, утверждая, что обе эти фразы составляют существенную часть доклада Визнера, они создали совершенно неправильное впечатление о нем. Сделали ли они это нарочно или получили доклад в искаженном виде (может быть, от Веснича, сербского посланника в Париже, который, как они признают, снабжал их другими документами), об этом они, насколько мне известно, никогда не говорили. Относительно других случаев, в которых «доказательства» ответственности Германии за мировую войну впоследствии оказались совершенно неосновательными или способными ввести в заблуждение, что дало основание Германии требовать пересмотра Версальского договора. *(Примеч. авт.)*

78

Тисса – Маргарите Зейк, 26 августа 1914 года. Это почти единственный случай, когда он упоминает в своих письмах об изменении своей позиции во время июльского кризиса. *(Примеч. авт.)*

79

Конрад выехал из Вены 14 июля, вернулся на несколько часов, чтобы присутствовать на заседании Совета министров 19 июля, и после этого снова немедленно уехал и вернулся только 22 июля, то есть накануне вручения австрийской ноты Сербии. *(Примеч. авт.)*

80

Гизль, бывший прежде австрийским посланником в Черногории, горячо отстаивал интересы Австрии против Сербии во время Балканских войн. *(Примеч. авт.)*

81

Вручение ноты в Белграде было впоследствии отложено с 5 на 6 часов дня, чтобы быть более уверенными, что Пуанкаре уже покинет Россию, когда сообщение о вручении ноты будет получено в Петербурге. *(Примеч. авт.)*

82

Берхтольд – Гизлю, 20 июля. Письмо было датировано более поздним числом, а именно – 22 июля. Возможно, Берхтольд полагал, что ультиматум произведет лучшее впечатление, если не видно будет, что он был отправлен до того, как был показан Францу-Иосифу и получил его одобрение; в случае же если бы император воспротивился этому, то можно было бы сослаться на отправку ультиматума, как на совершившийся факт. Он помечен «22 июля» в австрийской «Красной книге» 1915 года и «24 июля» в экземплярах, представленных державам утром 24 июля. *(Примеч. авт.)*

83

Сегени в Берлине получил его приблизительно 21 июля, потому что в тот день в 7.30 вечера он настойчиво требовал, чтобы ему разрешили показать ультиматум германскому правительству раньше, чем это было указано в инструкции. Австрийские дипломатические представители в Риме, Париже и Цетинье получили свои экземпляры ультиматума 22 июля. Сапари в Петербурге не мог получить ультиматум 20 июля, как это неправильно утверждает Сетон-Уотсон, такие же неточности и относительно получения ультиматума в Париже и Лондоне. В действиях Австрии было достаточно много обмана и без того, чтобы требовалось согласиться с утверждением Сетон-Уотсона, будто Сапари уже «таил на своей груди эту бомбу», когда сделал Пуанкаре «совершенно бесчестное заявление» на приеме дипломатического корпуса в Петербурге. *(Примеч. авт.)*

84

Ср. Грей – Бертхольду, 27 июля: *«У меня такое ощущение, что германский кабинет… стремится разными путями, например, через Рим и Бухарест, противодействовать военному конфликту между нами и Сербией. Для этого в период между вручением ноты и началом военных действий всеми сторонами, как друзьями, так и врагами, будут созданы достаточные дипломатические и политические барьеры, чтобы помешать нам воевать. Если Германии это удастся, то Сербия в конце концов будет вынуждена согласиться на основные требования, но ее достоинство как государства будет до известной степени пощажено для сохранения декорума. Это будет как раз то, что ваше превосходительство считали столь ужасным и что действительно поставило бы нас в худшее положение, чем раньше. А Германия снова сорвет в Вене дешевые и незаслуженные восторги за то, что она опять поддержала нас „всем блеском своего оружия”». (Примеч. авт.)*

85

И Ягов, и Бетман указывают, что Сегени сказал, что ультиматум будет вручен «на следующее утро». Если их указания правильны, то это является лишним доказательством неточности в сообщениях Сегени, способствовавшей осложнению положения. В таком случае «fait accompli» оказался бы еще более непоправимым. Сам Сегени ничего не сообщал Бертхольду об этой беседе; во всяком случае, его сообщение, если оно и было сделано, не было опубликовано. Вручение ноты в Белграде было назначено «на следующее утро», а в 5 часов утра 23 июля, в последний момент, по совету Ягова оно было перенесено на 6 часов пополудни – для того чтобы иметь уверенность, что сообщение о ней будет получено в Петербурге только после отъезда Пуанкаре. *(Примеч. авт.)*

86

Эта телеграмма свидетельствует – в дополнение к тому, что уже было сказано выше – о неправильности часто приводящейся депеши австрийского посла в Вене: *«Хотя я ничем не могу подтвердить это, но у меня имеются сведения, что германский посол (Чиршки) знал текст ультиматума Сербии до его отправления и сообщил его по телеграфу германскому императору». (Примеч. авт.)*

87

Посол Гартвиг не отменил партии в бридж, которую уже назначил на тот же вечер. Потом его обвинили в том, что во время панихиды по убитой супружеской чете он не последовал примеру других посольств и не приспустил своего флага. Но он утверждал, что он это сделал, только флаг, к несчастью, свернулся, так что этого не было видно. Как раз после беседы по этому вопросу с австрийским посланником Гизлем 11 июля Гартвиг скоропостижно скончался в австрийском посольстве. Это подало повод к нелепым слухам, будто его отравили. *(Примеч. авт.)*

88

Даже сербский посланник в Вене счел нужным предостеречь свое правительство, что надо умерить тон сербской печати. *(Примеч. авт.)*

89

Несколько дней спустя сербский посланник в Лондоне тоже пытался обмануть английское правительство в отношении другого заговорщика – Габриновича – и повторил ложное сообщение, которое обошло белградские газеты, будто сербское правительство считало его (Габриновича) подозрительным и опасным субъектом и желало выслать его, но когда обратилось по этому поводу к австрийским властям, то последние взяли его под свою защиту и заявляли, что он безобидный субъект. *(Примеч. авт.)*

90

В Лондоне Бошковичу, когда он выполнял инструкции Пашича, посоветовали, чтобы Сербия проявила примирительное и умеренное отношение к требованиям Австрии. В Берлине сербский уполномоченный в делах просил германское правительство употребить свое влияние для примирения Австрии с Сербией, но ему заявили, что ввиду позиции, занятой Сербией, будет вполне понятно, если Австрия примет энергичные меры. *(Примеч. авт.)*

91

Если Сполайкович или Сазонов, в то время как составлялся сербский ответ, посылали в Белград другие депеши, в которых давались советы быть умеренными или обещали поддержку России, то таковые не опубликованы. Но сербский посланник в Вене засвидетельствовал, что между Белградом и Петербургом происходил деятельный обмен телеграммами и что, по его мнению, ответ сербского правительства будет зависеть от результатов этой корреспонденции. *(Примеч. авт.)*

92

Австрийский начальник Генерального штаба тоже получил в пятницу поздно ночью сообщение от офицера, находившегося у границы, что в Сербии, в Шабаце, в 4 часа дня 24 июля объявлена мобилизация. *(Примеч. авт.)*

93

Берхтольд в течение более двух суток не сообщал даже Германии об ответе Сербии. Из Берлина тщетно телеграфировали по этому поводу 26 и 27 июля: *«Пожалуйста, сообщите немедленно по телеграфу текст сербского ответа»*. Наконец 28 июля в 1.46 утра Чиршки телеграфировал, что он настоятельно потребовал текст ответа, но получил его только сейчас в штатном виде с австрийскими примечаниями; так как этот ответ уже был напечатан в газетах и представлял собой обширный документ, то он воздержался от передачи его по телеграфу. *(Примеч. авт.)*

94

У Фея – «согласно» (agree), во французском тексте сказано «s’engaga» *(Примеч. ред. 1934 г.)*

95

По словам Пашича, сербский ответ был вручен Гизлю в 5.45, а не без 2 минут 6 часов.

96

В первом наброске объявления войны указывали в качестве одной из причин о сербской провокации в Темес-Кубине, но так как это обстоятельство не получило подтверждения, то для окончательного текста объявления войны оно было исключено, некоторые авторы полагают, что случай о происшедшем в Темес-Кубине был изображен с целью обмануть и уговорить Франца-Иосифа; характерно, что Конрад совершенно не упоминает об этом инциденте. На следующий день, 29 июля, Берхтольд объяснил императору, что конфликт в Темес-Кубине был слишком незначительным, так что не было смысла приводить его как причину войны в документе об объявлении войны Сербии. *(Примеч. авт.)*

97

Вторая глава мемуаров О. Чернина, личного друга эрцгерцога Франца-Фердинанда и министра иностранных дел Австро-Венгрии в 1916–1918 годах. Публикуется по изданию: О. Чернин. В дни мировой войны. М. – Пг., 1923.

98

Граф Алоис Лекса фон Эренталь (1854–1912) – австрийский дипломат, с 1899 по 1906 год был послом в Петербурге, с 1906 года – министр иностранных дел Австро-Венгрии. *(Примеч. ред.)*

99

Франц Конрад фон Хетцендорф (1852–1925) – начальник австрийского Генерального штаба. В 1911 году из-за разногласий с Эренталем вынужден был оставить свой пост, но после смерти министра иностранных дел и при поддержке эрцгерцога Франца-Фердинанда в декабре 1912 года вернулся на эту должность. Был одним из главных инициаторов объявления войны Сербии. *(Примеч. ред.)*

100

Премьер-министр Австрии в годы войны. Убит лидером левых социал-демократов Ф. Адлером в Вене 21 октября 1916 года. *(Примеч. ред.)*

101

Фрагмент из мемуаров начальника австрийской контрразведки. Печатается по изданию: Макс Ронге. Разведка и контрразведка. М., 1939.

102

Фрагменты из книги английского историка У. Готлиба «Тайная дипломатия во время Первой мировой войны» публикуются по русскому изданию 1960 года.

103

Цитируется по: *A.J. May.* The Habsburg Monarchy 1867–1914. Harvard U.P., 1951.

104

H. Wickham Steed. The Habsburg Monarchy. Constabl & Co., Ltd. London, 1913.

105

H. Wickham Steed. The Habsburg Monarchy. Constabl & Co., Ltd. London, 1913. Венгерское правительство отвергло все планы о железной дороге для соединения хорватских и далматинских портов с территорией, идущей в глубь от прибрежной полосы. Железные дороги строились лишь с целью обслуживания мадьярского королевства.

106

Freiherr v. Musulin. Das Haus am Ballplatz. Munchen, 1924.

107

Например, родственнику Тиссы принадлежали колоссальные поместья в Боснии.

108

Freiherr v. Musulin. Das Haus am Ballplatz. О том же писали Гойос и Конрад.

109

Дискриминация в торговле снизила экспорт Сербии в Австро-Венгрию с 90 % от ее общего экспорта до 16 %, а ее импорт из этой страны – с 70 до 36 % всех закупок за границей.

110

13 июля Визнер писал Бертхольду: «…Устранение эрцгерцога было гораздо больше в интересах немцев, мадьяров, даже двора, чем в интересах Сербии». Левин *(Lewin)* в «Германской дороге на Восток», опубликованной в 1916 году, цитирует статьи Стида из «Эдинбург Ревью» от 15 октября и «Найнтин Сенчури» от 16 февраля, чтобы доказать, что в этом преступлении виновата Австрия. Обвинения генерала Потиорека против Сербии, приводимые Конрадом в его мемуарах, столь абсурдны, что они не достигают цели.

111

Из письма Бертхольду от 11 марта 1914 года.

112

Тисса – Францу-Иосифу, 8 июля 1914 года. Ту же точку зрения относительно уменьшения Сербии Чернин высказал Берхтольду на заседании Совета министров 19 июля 1914 года.

113

То есть Польшу в границах, установленных Венским конгрессом 1815 года. *(Примеч. ред.)*

114

Из меморандума Конрада императору, январь 1914 года.

115

Всего вместе со вспомогательными частями и тыловыми учреждениями в сербской армии насчитывалось 420 000 человек.

116

Сначала военным комендантом Белграда был генерал-майор Кухинка, после него эту должность занял полковник Лотар Рендулич – впоследствии видный австрийский нацист, генерал-полковник вермахта и военный преступник.

117

Она закончилась к утру 9 января 1916 года без особых потерь и при минимальном воздействии противника.

118

Валона была занята итальянским десантом 25 декабря 1914 года, еще до вступления Италии в Первую мировую войну. В июне 1915 года Италия заняла приморские районы Албании, а Сербия и Черногория – северо-восточную часть страны. Юг Албании был оккупирован нейтральной Грецией, а на остальной территории царила анархия.

119

5 декабря она уже подверглась атаке австрийского флота, при этом артиллерийским огнем было потоплено три парохода – два итальянских и один греческий.

120

В частности, сербская кавалерия численностью в 13 000 человек и 20 000 лошадей была вывезена в марте 1916 года.

121

Около 400 000 штыков к осени 1916 года, в том числе 125 000 французов, 104 000 англичан, 40 000 русских. Кроме того, в районе Валоны находились около 100 000 итальянцев.

Именно тайная борьба этих двух направлений внутри руководства повстанческим движением сыграла трагическую роль в судьбе Топлицкого восстания в феврале 1917 года, на подавление которого оккупанты вынуждены были бросить две австрийские дивизии и два германских полка.

123

С 1922-го по 1932 год Живкович был министром внутренних дел Королевства сербов, хорватов и словенцев, в 1934–1936 годах – военным министром.

124

Итогом этих дебатов стало принятие в июле 1917 года так называемой Корфской декларации, провозглашавшей создание после войны единого государства сербов, хорватов и словенцев.

125

Уже в 1914 году пресса много писала о связях заговорщиков с масонами, позднее выяснилось, что М. Циганович и редактор газеты «Пьемонт» Любомир Иованович-Чупа действительно состояли в ложе «Великий Восток». На этом основании некоторые историки строили гипотезы о том что действиями «Черной руки» тайно руководил венгерский премьер Тисса. На самом деле ложа «Великий Восток» просто не могла находиться под влиянием венгров или австрийцев, потому что ее руководство принадлежало к французской политической элите. Впрочем, версия о причастности французов к сараевскому убийству тоже существовала – в частности, об этом писал советский историк Н.П. Полетика в книге «Сараевское убийство» (М., 1930).

126

Еще на совещании в Ставке 3 июля кайзер и его министры приняли решение, что минимальные требования Германии в случае заключения мира – это протекторат над Польшей и Бельгией и аннексия части польской территории.

127

Услышав условия перемирия, названные Фошем 8 октября, даже политические лидеры союзников выразили удивление. Бернар Лоу заметил, что французы, по сути, требуют безоговорочной капитуляции Германии. Ллойд-Джордж и Соннино заявили, что «военные представители требуют слишком многого».

128

Включая 100-тысячный итальянский корпус в Албании, не подчинявшийся напрямую командованию Салоникского фронта, но действовавший против западного фланга противника – 19-го австрийского корпуса.

129

Состояла практически только из болгарских солдат (большинство германских частей уже было отозвано на другие фронты), но имела германское командование.

130

Р. Гибсон, М. Прендергаст. Германская подводная война. М: Воениздат, 1938.

131

Д. Ллойд-Джордж. Военные мемуары. Том VI. М.: Соцэкгиз, 1937, с. 153. Безусловно, атаки подводными лодками гражданских судов противоречили международному морскому праву. Однако не надо забывать, что «неограниченная подводная война» была объявлена лишь в ответ на начатую Британией морскую блокаду Германии, которая также велась в нарушение всех международных конвенций, запрещавших препятствовать доставке в воюющую страну гражданских грузов на нейтральных судах.

132

Составлена 18 октября и на следующий день вручена госсекретарем Лансингом шведскому послу в Вашингтоне для передачи Министерству иностранных дел Австро-Венгрии.

133

Войска союзников (основу их составляли итальянские части) имели 841 батальон, австро-венгерские войска – 780 батальонов, зачастую неполного состава.

134

Бывший командующий австро-венгерской Дунайской флотилией капитан 2-го ранга Олаф Вульф пишет, что руководство флотилии от имени генерала Макензена вступило в переговоры с командованием вышедших на Дунай французских войск еще 21–22 октября. Правда, эти переговоры касались лишь судоходного режима на реке и эвакуации граждан Австрии и Венгрии с оккупированных территорий.

135

Буквально на следующую ночь здесь произошла трагедия. Итальянцы, которым не терпелось испытать свое новое изобретение – человекоторпеду «Миньятта», устроили диверсию в гавани. Человекоторпеда с двумя пловцами (изобретатель аппарата инженер Россетти и военный медик лейтенант Паулуччи) проникла в уже не охраняемую по причине выхода из войны гавань Пола, где в 6 часов утра 1 ноября диверсанты взорвали стоящий на якоре флагманский дредноут «Вирибус Унитис», который опрокинулся и затонул в десять минут. Впоследствии итальянцы клялись, что не знали о переходе флота к югославам, хотя сообщение об этом их морское командование получило еще сутки назад.

136

«Пакт Конвента», заключенный еще в XII веке договор о вассалитете хорватских князей перед венгерскими королями, фактически прекратил существование в 1848 году, когда хорватский бан Елачич двинул свои войска против Будапешта.

137

Румыния начала боевые действия против Венгрии, что вызвало в Будапеште правительственный кризис, отставку кабинета Карольи и формирование правительства Бела Куна. Это, в свою очередь, дало Братиану возможность объявить Румынию оплотом Европы против большевизма. В итоге Венгрия потерпела военное поражение и коммунисты ушли в отставку, передав власть социал-демократам – которые через несколько дней были свергнуты адмиралом Хорти.

138

Перед этим в 1919–1920 годах поляки несколько раз пытались захватить Верхнюю Силезию силой. Точно так же в январе 1919 года между польскими и чехословацкими войсками велись бои за Тешин.

139

Так во второй половине XIX века основателем и идеологом хорватского национализма стал журналист и филолог Анте Старчевич. Он называл сербов «рабами» и заявлял, что хорватами могут быть признаны лишь те из них, кто согласится перейти в католичество. Старчевич умудрился создать словарь хорватского языка, из которого были исключены все сербские слова, – выдающееся лингвистическое достижение.

140

Независимое хорватское государство, созданное нацистской Германией в 1941 году и просуществовавшее до весны 1945 года.

141

В итоге Италия получила Триест с полуостровом Истрия, Трентино, адриатическое побережье до Полы, а также Южный Тироль и порт Зара с прилегающей территорией.

142

Впоследствии – начальник Генерального штаба Югославии и премьер-министр страны после военного переворота 27 марта 1941 года. 5 апреля, за несколько часов до германского нападения, успел подписать договор о дружбе с Советским Союзом.